
Алан Холлингхерст
ЛИНИЯ КРАСОТЫ
THE LINE OF BEAUTY

Линия красоты
Алан Холлингхёрст

Аннотация
Холлингхерст А. Линия красоты. Роман
Аккорд любви (1983 год)
«Кому ты так прекрасно служишь?» (1986 год)
Конец улицы (1987 год)

Аннотация

Ник Гест, молодой человек из небогатой семьи, по приглашению своего университетского приятеля поселяется в его роскошном лондонском доме, в семье члена британского парламента. В Англии царят золотые 80-е, когда наркотики и продажный секс еще не связываются в сознании юных прожигателей жизни с проблемой СПИДа. Ник — ценитель музыки, живописи, словесности, — будучи человеком нетрадиционной сексуальной ориентации, погружается в водоворот опасных любовных приключений. Аристократический блеск и лицемерие, интеллектуальный снобизм и ханжество, нежные чувства и суровые правила социальной игры… Этот роман — о недосягаемости мечты, о хрупкости красоты в мире, где правит успех.

В Великобритании литературные критики ценят Алана Холлингхерста (р. 1954) как мастера тонкой, изысканной прозы. Еще в 1994 году его роман «Неверная звезда» вошел в шорт-лист Букеровской премии. А 10 лет спу-

стя эту премию получила «Линия красоты».

Холлингхерст А. Линия красоты. Роман

Посвящается Фрэнсису Уиндэму
С благодарной памятью о гостеприимстве Яддо, где была написана часть этого романа.
А. Х.

— Что ты знаешь об этом деле? — спросил Король.
— Ничего, — ответила Алиса.
— Совсем ничего? — настойчиво допытывался Король.
— Совсем ничего, — повторила Алиса.
— Это очень важно, — произнес Король, поворачиваясь к присяжным.
Они кинулись писать, но тут вмешался Белый Кролик.
— Ваше Величество хочет, конечно, сказать: неважно, — произнес он почтительно.
Однако при этом он хмурился и подавал Королю знаки.
— Ну да, — поспешно сказал Король. — Я

именно это и хотел сказать. Неважно! Конечно, неважно! — И забормотал вполголоса, словно примериваясь, что лучше звучит: — Важно — неважно… важно — неважно…

«Приключения Алисы в Стране Чудес», глава 12 (Перевод Н. Демуровой)

Аккорд любви (1983 год)

1

Книга Питера Краудера о выборах уже продавалась в магазинах. Называлась она «Обвал», и изобретательные декораторы «Диллона» оформили витрину с намеком на это стихийное бедствие: по крутому склону из раззолоченных переплетов съезжала к покупателям сияющая миссис Тэтчер. Ник остановился у витрины, постоял, вошел внутрь, чтобы посмотреть книгу. Питера Краудера он видел один раз и кое-что о нем слышал: одни называли его бульварным писакой, другие — Свирепым Аналитиком, и сейчас, листая книгу, Ник неуверенно улыбался, пытаясь понять, какое из определений ближе к истине. Со дня выборов и двух месяцев не прошло, а книга уже на прилавках, — пожалуй, серьезному аналитику такая торопливость не к лицу. Да и в стиле чувствуется какая-то разухабистость. Что же до свирепости, всю ее Краудер приберег для описания неудач оппозиции. Фотографии Ник рассматривал внимательно, но Джеральда нашел только на одной — на групповом снимке «новых

членов парламента от Консервативной партии», на котором мистеру Феддену хватило ловкости (или наглости) пролезть в первый ряд. Он улыбался и смотрел прямо в объектив так, словно уже сидел на передней скамье. Широкая улыбка, белый воротничок темной рубашки, пухлый носовой платок, уголком торчащий из нагрудного кармана, — все говорило о том, что этот человек намерен остаться в памяти избирателей. Однако в тексте он упоминался только дважды: один раз — как «завсегдатай светских приемов», и второй — как один из «той, увы, ничтожно малой части тори», которая, «как Джеральд Федден, новый депутат от Барвика», прошла через публичную школу и Оксбридж. Пожав плечами, Ник вышел из магазина — и уже на улице ощутил запоздалую гордость: надо же, он знаком с человеком, о котором написали в книге!

Сегодня в восемь он шел на свидание вслепую и весь душный августовский день провел на нервах, то изнывая от волнения, то позволяя себе передышку в прохладном ветерке эротических грез. Говоря точнее, свидание было не такое уж «слепое».

— Скорее, сильно близорукое, — заметила Кэтрин Федден, когда Ник показал ей фотографию

и письмо.

Внешность парня по имени Лео ей приглянулась.

— Мой тип, — сказала она. А вот почерк, резкий и нетерпеливый, заставил призадуматься. Как раз недавно Кэтрин прочла книгу под названием «Графология: читаем мысли по бумаге», полную драматических поворотов и зловещих предупреждений: «Гений или безумец?», «Милашка или психопат?»…

— Смотри-ка, дорогой, какие высокие заглавные буквы, — говорила она, разглядывая письмо. — По-моему, он эгоист.

— А может, просто энергичный и сексуальный? — с надеждой спрашивал Ник.

Кэтрин значительно качала головой, и оба, поджав губы, снова устремляли взор в дешевый листик голубенькой писчей бумаги.

Получив письмо от незнакомца, Ник был обрадован, даже тронут. Однако, правду сказать, сам текст особых надежд не внушал. «Ник! Получил твое письмо. Живу в Уиллсдене (Лондон, Брент). Можем встретиться, поговорить. Напиши, когда, где» — и подпись с огромной, на полстраницы размахнувшейся буквой Л.

В большой белый особняк Федденов в Ноттинг-

Хилле Ник переехал несколько недель назад. Жил он в комнате под самой крышей, на «детском» этаже, еще хранящем аромат подростковых тайн и проказ. В одном конце коридора — комната Тоби, в другом — комната Кэтрин, а Ник как раз посередине: братьев и сестер у него не было, и он с легкостью воображал себя третьим, потерянным и найденным, ребенком в этой семье. Впервые его привез сюда Тоби на каникулы — так начались лондонские «сезоны» Ника, долгие волнующие побеги прочь от собственного, далеко не столь богатого и знаменитого семейства, краткие секунды восторга, когда удавалось увидеть Тоби полуодетым. Сам Тоби, должно быть, так и не понимал, почему они с Ником стали друзьями, — просто принимал это как данность. После Оксфорда он почти не бывал дома, а приятеля своего передал с рук на руки гостеприимным родителям и младшей сестре. Так Ник стал другом семьи. И было в нем что-то (он сам как следует не понимал что — может быть, серьезность или скромная, застенчивая вежливость), отчего они сочли, что ему можно доверить дом. А когда Джеральд победил на выборах в Барвике, родном городе Ника, вся семья решила, что более красноречивого совпадения и желать нельзя.

Джеральд и Рэйчел отдыхали во Франции, и Ник уже не раз ловил себя на том, что почти со страхом ждет их возвращения в конце месяца. По утрам приходила экономка, готовила еду на весь день; время от времени забегала секретарша Джеральда с солнечными очками на макушке, забирала внушительные стопки почты. Слуга мистер Дюк («Его светлость» — прозвали его в семье), на все руки мастер, постоянно что-то чистил или чинил в разных углах особняка; обычно его и видно не было. О присутствии садовника напоминало только жужжание газонокосилки за открытым окном. Ник был здесь один — ну, почти один, — и так легко было вообразить себя хозяином этого дома! Он любил возвращаться в этот дом на Кенсингтон-Парк-Гарденс ранним вечером, когда широкая улица еще залита солнцем и дома по обеим ее сторонам взирают друг на друга с ленивой благосклонностью богатых соседей. Любил отпереть зеленую парадную дверь, войти, запереть ее за собой на все три замка — и ощутить тишину и надежность своего убежища. Любил и столовую с винно-красными стенами, и просторную гостиную на втором этаже, и приоткрытые двери белых спален — на третьем. Первый пролет лестницы, выходящей в холл, — из камня,

второй и третий — из потемневшего от времени дуба, и, когда поднимаешься, ступеньки чуть скрипят под ногами. Ник представлял себе, как ведет кого-нибудь наверх, показывает дом новому другу, хотя бы этому Лео, так, как будто дом его собственный или однажды перейдет к нему во владение: картины, фарфор, изящно округленная французская мебель, столь отличная от той, к которой он привык в детстве. Но сопровождали его лишь отражения в темном полированном дереве, смутные, как тени. Он изучил весь дом — от высоких застекленных шкафов на чердаке до подвала, сумрачного музея, который Джеральд называл залом славы. Над камином в гостиной расположилось полотно Гуарди, «венецианское каприччо» в тяжелой золотой раме со множеством завитушек, а напротив — два зеркала, тоже в позолоченных рамах. Подобно своему кумиру Генри Джеймсу, Ник полагал, что «позолоту как-нибудь выдержит».

Иногда приезжал Тоби, тогда в гостиной гремела музыка, в отцовском кабинете в задней части дома раздавались телефонные звонки во все части света и витал аромат джина с тоником — не из протеста против родительской власти, а в подражание свободным нравам старших. Потом Тоби

спускался в сад, на ходу нетерпеливо скидывая рубашку, располагался на скамье и углублялся в спортивную страницу «Телеграф». Ник, завидев его с балкона, спускался вниз, присоединялся к нему, дыша чуть тяжелее обычного: Тоби знал, что красив, и любил, когда на него смотрят — равнодушная Щедрость красоты, которая ничего ей не стоит. Вместе они пили пиво, и Тоби спрашивал: «Как сестренка? Не совсем еще тебя достала своими штучками?», а Ник отвечал: «Нет-нет, все нормально», и прикрывал глаза ладонью от перезрелого августовского солнца, и уверенно улыбался Тоби, от души надеясь, что в его улыбке заметна лишь уверенность — и больше ничего.

О том, что с Кэтрин не все ладно, Тоби рассказал ему однажды вечером в колледже, сидя на скамейке у озера, и Ник воспринял этот рассказ как знак особого доверия.

— Знаешь, она непредсказуемый человек, — сказал Тоби и, кажется, сам поразился тому, какое интересное слово употребил: «непредсказуемый». — Настроение у нее скачет то вверх, то вниз.

Ник этому не удивился: дома у Тоби он еще не бывал, но многое об этом доме слышал, и ему казалось, что человек, живущий в таком дворце,

просто обязан быть странным, загадочным и… да-да, непредсказуемым.

— Раньше руки себе бритвой резала, и всякое такое… — Тоби поморщился и кивнул. — Теперь-то, слава богу, из этого уже выросла.

Руки бритвой? Это посерьезнее каких-то «настроений»; и при первой встрече с Кэтрин Ник поймал себя на том, что пялится на ее руки. На одном запястье он увидел несколько тонких параллельных линий, длиной в пару дюймов каждая, на другом — ряд угловатых шрамиков, складывающихся в буквы — кажется, они образовывали слово «ELLE». Шрамы давно зажили и смутно белели на руке — свидетельство чего-то давнего, почти забытого; порой Кэтрин в рассеянности проводила по ним пальцем.

— Присмотри за нашим Котенком, — сказал ему, уезжая, Джеральд.

Просто «присмотри» — простенькое, казалось бы, поручение, но какое ответственное! Кэтрин в доме хозяйка, но и за дом, и за нее отвечает Ник. Она и сама вела себя здесь как гостья, словно дом принадлежал Нику, а не ей. Удивлялась его восхищению обширными пространствами дома, посмеивалась над страстью к картинам и антикварной мебели. Говорила со смешком:

— Какой же ты сноб!

Хотя, казалось бы, кому и быть снобкой, как не ей.

— Вовсе нет, — отбивался Ник, — просто люблю красивые вещи.

В ответ Кэтрин обводила комнату взглядом с миной комичного недоумения, словно не могла взять в толк, что же здесь красивого. В отсутствие родителей она наслаждалась свободой — впрочем, довольно скромно, ее бунтарство ограничивалось курением и сомнительными знакомствами. Однажды, вернувшись вечером, Ник нашел ее на кухне: она пила с негром-таксистом и рассказывала ему, на какую сумму застрахован дом и все его содержимое.

В девятнадцать лет за плечами у нее была уже целая толпа «бывших», в большинстве известных Нику лишь по уничижительным прозвищам. Многие из них явно выбирались по признаку неприемлемости на Кенсингтон-Парк-Гарденс: потрепанный валлиец лет сорока с лишним, красивый панк с татуировкой «FUCK» на шее, растаман, подобранный где-то на улице, беспрерывно проповедующий что-то о Вавилоне и падении Тэтчер. Были и другие — старшеклассники из публичных школ, прилизанные молодые

карьеристы с большими видами на новое правительство. Кэтрин была маленькой и хрупкой, но неутомимой. То, что привлекало к ней мужчин, зачастую вскоре начинало их отпугивать. Ник, свою невинность скрывавший, как постыдную тайну, завидовал ее опыту: столько романов, пусть и неудачных, — не шутка! Сам он так и не мог понять, насколько привлекательна Кэтрин. Гены красавцев-родителей, смешавшись в ней, образовали нечто совсем отличное от сонной красоты Тоби: в тонкий абрис изящного, с мелкими чертами личика Рэйчел оказался втиснут большой, уверенный рот Джеральда — именно рот выражал все ее чувства.

Она была насмешница и отлично умела передразнивать чужую манеру речи. Когда они с Ником выпивали, Кэтрин начинала изображать свою семью так реалистично, что Феддены-старшие словно вставали у него перед глазами. Вот Джеральд — оптимизм, энергия, напор, постоянные цитаты из любимой «Алисы»: «Кэтрин, пора бы тебе научиться терпению у устрицы!» или: «Ник, помнишь четыре арифметических действия? Уложение, Причитание — как там дальше?» Ник присоединялся, в глубине души чувствуя себя предателем. Его больше привлекал

стиль Рэйчел, аристократический и чуточку иностранный: слово «группа» Рэйчел произносила на немецкий лад — и становилось ясно, что сама-то она ни к какой группе не принадлежит и принадлежать не может; слово «филистер» произносила по-французски, с ударением на последнем слоге, — и вы сразу понимали: все, кто произносит иначе, филистеры и есть. Ник пробовал изобразить Рэйчел, и Кэтрин покатывалась со смеху, но, кажется, получалось не особенно похоже. Тоби, на ее взгляд, пародии не заслуживал, к тому же его речь не имела особых примет. От матери Кэтрин переходила к крестной, герцогине Флинтшир, с которой (в то время она была еще обыкновенной Шерон Фейнголд) Рэйчел училась в школе Крэнборн-Чейз и чья фигура придавала особый смысл шуткам по адресу мистера Дюка. Герцог, за которого вышла Шерон, обладал скрюченной спиной и полуразрушенным замком, и состояние Фейнголдов пришлось ему очень кстати. Ник никогда еще не видал герцогиню, но после пары «представлений» Кэтрин почувствовал, что знает ее, как старую знакомую.

О своей влюбленности в ее брата Ник никогда ей не рассказывал — боялся, что станет смеяться. А вот о Лео они говорили довольно много — всю

эту долгую неделю, которая то ползла улиткой, то неслась скачками, то снова невыносимо замедляла ход. Знали о нем не так уж много, но для двух живых воображений достаточно: письмо на бледно-голубой бумаге, с сомнительными заглавными буквами, голос, который слышал только Ник (и только один раз, по телефону, — обычный лондонский голос, чуть ироничный, без негритянского выговора, вообще без особых примет, и обычный для первого знакомства бодро-бессодержательный разговор), и цветная фотография, по которой так и не удавалось определить, красив ли он или только хочет казаться красивым. На снимке Лео сидел на скамье где-то в парке, откинувшись на спинку. Виден он был по пояс, и о его росте Ник судить не мог: он смотрел чуть в сторону и хмурился, и то ли от этой нахмуренности, то ли от чего-то другого на лицо словно тень набегала, мешая разглядеть его черты. За скамейкой, прислоненный к ней, блестел серебристо-серой рамой гоночный мотоцикл.

Объявление, с которого все началось («Чернокож, муж., 27, оч. привл., интерес, кино, музыка, политика, ищет интел. муж. схож, интерес, и устремл., 18–40»), затуманилось в сознании Ника, заслоненное его собственными мечтами и фан-

тазиями Кэтрин. Она приняла намечающийся роман Ника так близко к сердцу, что порой ему приходилось напоминать себе: на свидание идет все-таки он. В тот вечер, торопясь домой, он не мог отделаться от мысли, что не отвечает требованиям своего нового друга. Да, он интеллигентен (Оксфорд с дипломом первой степени — чего еще желать?), однако музыка и политика — понятия чересчур расплывчатые. Что ж, его знакомство с Федденами — в любом случае плюс. И еще успокаивали широкие возрастные рамки. Нику всего двадцать, но, будь ему сорок, Лео все равно бы его желал. В этом чудился даже какой-то намек, зашифрованное обещание: возможно, им с Лео суждено пробыть вместе двадцать лет.

В холле лежала грудой вчерашняя почта, и сверху не доносилось ни звука, но по какому-то неуловимому изменению в воздухе Ник понял, что Кэтрин дома. Просмотрев почту, обнаружил, что Джеральд прислал ему открытку: черно-белая фотография какого-то романского фасада, в нишах — фигуры святых, а в тимпане — весьма живо изображенные сцены Страшного суда. Подпись: «Eglise de Podier, XII siècle»[1]. Почерк у

[1] Примечания: 1
Церковь в Подьё, XII век (фр.). (Здесь и далее прим. пер.)

Джеральда крупный, нетерпеливый, с сильным нажимом, вместо большей части букв — какие-то невнятные загогулины. Автор «Графологии», быть может, определил бы в нем эгоиста почище Лео, но в первую очередь этот почерк производил впечатление страшной спешки. Подпись внизу с равным успехом могла означать: «Целую», или: «Твой», или, что уж совсем странно: «Привет», — с Джеральдом никогда ничего не поймешь. Насколько смог разобрать Ник, они с Рэйчел наслаждались путешествием. Открытка его порадовала, но и заставила вздохнуть, напомнив, что августовской идиллии скоро придет конец.

Он вошел в кухню. Елена прибирается там каждое утро, но сейчас Кэтрин, должно быть, уже все перевернула вверх дном. Выдвинутые ящики буфета тяжело висели в воздухе. Вздрогнув, Ник поспешил в столовую, но часы спокойно тикали на своем месте над камином, и стоял нетронутым сейф с серебром. Потемневшие от времени портреты предков Рэйчел кисти Ленбаха сурово взирали на Ника со стен. На втором этаже, в гостиной, были распахнуты окна и балкон, со стены над камином призывно сверкал венецианский залив работы Гуарди. И здесь стоял открытым застекленный шкаф с посудой.

Странно, как сама жизнь в таком доме приобретает вид грабежа. Ник вышел на балкон, глянул вниз — в саду никого. Уже спокойным шагом преодолел три оставшихся лестничных пролета: взрослая тревога за безопасность дома, отвлекшая от постоянных мыслей о Лео, стала почти облегчением. Заметив движение в комнате у Кэтрин, окликнул ее. Сквозняк захлопнул дверь в его спальню, здесь стало невыносимо душно, книги и бумаги на столе нагрелись, казалось, еще немного — и начнут сморщиваться от жары.

— Знаешь, мне сейчас показалось, что к нам залезли, — громко сказал Ник.

Сказал спокойно — страх уже ушел.

Достав из шкафа две рубашки на выбор, остановился с ними перед зеркалом. В этот миг в комнату вошла Кэтрин, молча встала позади него. Он сразу почувствовал, что она хочет протянуть к нему руку — и не может. Она не встречалась с ним взглядом в зеркале, просто смотрела на него, куда-то на его плечо, словно ждала, что он сам поймет, что делать. На губах ее играла странная бледная усмешка, как у человека, только что преодолевшего сильную боль. Ник выдавил улыбку — жалкие несколько секунд отсрочки, — спросил как ни в чем не бывало: «Голубую или белую?»

— и рубашки затрепетали в воздухе, словно два крыла. День подходил к концу, и Лео на своем серебристом мотоцикле мчался домой, в Уиллсден; но Ник опустил руки, и рубашки тихо спланировали на пол.

— Что такое? — спросил он.

Она прошла мимо и села на кровать, глядя на него все с той же зловещей усмешкой. День за днем Ник видел ее все в том же легком платье в цветочек, но сейчас ему вдруг показалось, что это платье ничего не прикрывает. Он сел рядом, обнял ее, потер ей плечи, как будто стараясь согреть, хотя она горела, словно ребенок в лихорадке. Спросил:

— Я могу что-нибудь сделать?

Голос прозвучал жалко, словно Ник не ее, а сам себя успокаивал, — в сущности, так оно и было. В глубине зеркала отражались две хрупкие фигурки, два юных лица с очень похожим выражением — страха и одиночества.

— Ты не мог бы прибрать у меня в комнате? — тихо попросила Кэтрин. — Унеси все оттуда вниз.

— Ладно.

Ник вышел в коридор, заглянул в комнату Кэтрин. Здесь, как всегда, шторы были задви-

нуты, и воздух пропитан сигаретным дымом. Тревожный красный свет торшера заливал беспорядочную груду белья на кровати. Машинально, хоть его никто не видел, Ник выпрямился и откашлялся, словно говоря: «Все в порядке, я все беру на себя». Мысль его лихорадочно работала, однако продолжала цепляться за последние секунды непонимания. Он оглядел стол, кровать, сваленную в кучу одежду на антикварном ореховом кресле. В углу спальни была раковина, и в ней Кэтрин выложила рядком, словно инструменты перед операцией, с полдюжины острых предметов: тяжелый мясной нож, тесак с двойной ручкой и волнистым лезвием, пару Длинных, остро заточенных ножей для разделки рыбы, пару кинжалов, коротких и толстых, которыми Джеральд ловко протыкал оленину. Ник собрал все эти штуки и с опаской, словно они могли ожить у него в руках, отнес по лестнице вниз.

Кэтрин запретила кому-либо звонить, намекнула, что, если он попробует, может случиться что-нибудь похуже. Ник мерил шагами комнату, ломая голову, что теперь делать, и с ужасом понимая, что экзамен на умение жить в мире Федденов он провалил. При одной мысли о том, что ее родители узнают, к горлу подкатывала тошнота. Все,

как он и опасался: он их подвел, оказалось, что ему нельзя доверять. Может быть, попытаться разыскать Тоби? Но Тоби для Кэтрин — никто, в ее глазах он заслуживает в самом лучшем случае безразличной вежливости. Снова и снова Ник прокручивал в голове эту ситуацию. Убеждал себя, что кризис миновал, что, возможно, и кризиса-то никакого не было — просто своего рода ритуал, встреча лицом к лицу с тем, что притягивает и страшит. Что, так или иначе, опасность уже позади. Теперь Кэтрин молчала, сжавшись в комочек на диване, выглядела усталой, казалось, готова была уснуть сидя. Возможно, думал Ник, сегодняшний день уже превратился для нее в далекое смутное воспоминание. Возможно, она все это спланировала и подгадала к его возвращению. Возможно…

И тут она сказала:

— Ради бога, не оставляй меня одну.

И он ответил:

— Что ты, конечно, не оставлю.

Да, и об этом говорил Тоби на озере: у нее бывают моменты, когда она просто не может оставаться одна, кто-то обязательно должен быть рядом. В то время Ник мечтал стать одним из персонажей в истории этой семьи, взять на себя

братский долг Тоби. Что ж, так оно и случилось, и теперь в Уиллсдене его ждет Лео, а Кэтрин просит, чтобы он не оставлял ее одну.

Ник отвел ее вниз, в гостиную. Она подошла к встроенному проигрывателю, не глядя, достала пластинку, не глядя, поставила — словно из последних сил стараясь доказать Нику, что еще способна хоть что-то сделать. Игла скакнула на середину диска, как будто разыскивая нужную композицию.

— А-а! — протянул Ник: он узнал скерцо — Четвертая симфония Шумана.

Украдкой поглядывая на Кэтрин, заметил, что она прикрыла глаза и полностью отдалась музыке. Что ж, наверное, это хорошо. И сам Ник, несмотря на волнение и тревогу, на несколько минут забылся: очень уж красиво это краткое возвращение трио перед волшебным переходом к финалу… Ясно чувствуется влияние Пятой симфонии Бетховена. Если бы Кэтрин спросила, Ник мог бы объяснить ей и это, и связь Четвертой симфонии со Второй, и то, как вся она вытекает из вступительного мотива, если не считать второй темы финала, совершенно неожиданной…

Тут он опомнился и встал, чтобы идти вниз и позвонить родителям Кэтрин. Однако, выйдя из

комнаты, вдруг вспомнил о Лео — и почувствовал, что теряет свой единственный шанс, так что решил сперва позвонить ему, а звонок во Францию отложить на потом. Он не знал, как объяснить Лео, что случилось. Правду не скажешь — такая правда не для незнакомца. Выдумать какую-нибудь отговорку? Но Лео поймет, что это отговорка, и сделает неправильный вывод… Так ничего и не придумав, Ник откашлялся и начал набирать номер.

Лео снял трубку сразу. Отвечал довольно резко — но это, как сразу объяснил, потому, что он сейчас ужинает и еще не готов идти (сообщение, подбодрившее Ника). Голос его, чуть насмешливый, полузабытый за неделю, звучал точно так же, как и в прошлый раз. Ник только начал извиняться, как Лео все понял и самым дружелюбным тоном ответил: мол, все нормально, даже удачно, что так вышло, он и сам сейчас чертовски занят.

— Ну хорошо, — с облегчением ответил Ник. А в следующий миг почувствовал, что Лео мог бы выказать и чуть побольше сожаления, и добавил: — Мне очень жаль, что так…

— Все нормально, друг, — негромко ответил Лео, и Нику показалось, что он там не один.

— Я по-прежнему очень хочу с тобой познако-

миться.

Наступило короткое молчание; затем Лео сказал:

— Я тоже.

— Как насчет выходных?

— Нет, в выходные не выйдет.

Ник хотел спросить почему, но тут же сообразил: в выходные Лео встречается с другими кандидатами.

— Тогда на следующей неделе? — спросил он, пожав плечами, хоть Лео этого и не видел.

Ему хотелось познакомиться с Лео до того, как вернутся Джеральд и Рэйчел, чтобы пригласить его в дом.

— Можно. На карнавал пойдешь?

— Может быть, в субботу… Знаешь, давай до карнавала.

Ник очень хотел пойти на карнавал, но боялся в первый раз встречаться с Лео в шумной толпе, где так легко потерять друг друга.

— Ну, звякни на той неделе, — заключил Лео.

— Да-да, конечно, позвоню, — с натужной бодростью ответил Ник. Его охватило такое отчаяние, что даже губы шевелились с трудом. — Послушай, мне очень жаль, что сегодня так вышло. Я обязательно это заглажу.

Снова недолгое молчание. Ник чувствовал, что последняя его фраза — а с ней, возможно, и все его будущее — покачивается на незримых весах. Наконец Лео проговорил хрипловатым полушепотом:

— Будь спокоен, загладишь!

И не успел Ник расплыться в улыбке, как его собеседник повесил трубку.

Понятно, почему он молчал, думал Ник, понятно, почему разговаривал так холодно. Очевидно, рядом с ним был кто-то еще. Что ж, все не так уж плохо. На самом деле даже отлично. Проходя через холл, он остановился перед огромным, тяжелым зеркалом и сказал себе, что выглядит очень мило: невысокий, но ладный, чистая матовая кожа, вьющиеся волосы. Лео обязательно в него влюбится! Непременно влюбится — вот увидите!.. Тут он вспомнил о Кэтрин и, побледнев, поспешил наверх.

Когда стало попрохладнее, Ник и Кэтрин вышли в парк. Он очаровывал Ника не меньше дома Федденов: огромный, словно городской парк в каком-нибудь старом европейском городе, но частный, с трех сторон огороженный высоким викторианским забором, обсаженный кустами, оплетенный непроницаемой зеленью. Было на

окрестных улицах одно или два местечка, откуда посторонний мог заглянуть в парк и увидеть дорожку, обсаженную платанами, лужайку, фланирующую парочку или престарелую даму с такой же дряхлой болонкой. А порой в летние вечера, под пение дроздов в листве, Ник видел, как проходит мимо ограды по своим делам какой-нибудь парень — и хотелось улыбнуться ему и помахать рукой, но кто его знает, как он это воспримет. Были в саду и свои укромные места: сторожка садовника, куда вел один тайный изгиб тропы, детская площадка с горкой и песочницей, где болтали и украдкой сплетничали о хозяевах няни в форменных костюмах, а в дальнем конце парка — теннисный корт, откуда в августовских сумерках, оттеняя покой и свободу гуляющих, доносились сложно-ритмичные возгласы и глухие удары по мячу.

Прямо за домами из конца в конец парка бежала широкая, усыпанная гравием дорожка с дождевыми канавками по обеим сторонам. В эти канавки закатывались детские мячи, а в жаркое и сухое лето, такое, как сейчас, уже в августе тихо опускались туда первые, еще зеленые, листья. Ник и Кэтрин шли по дорожке, держась за руки, словно супружеская пара. И в самом деле, Ник

чувствовал какую-то странную, почти официальную связь со своей спутницей. По сторонам дорожки через регулярные интервалы попадались викторианские скамейки, сделанные безо всякой оглядки на удобство; между ними на траве сидели люди, болтали и закусывали, наслаждаясь теплым летним вечерком.

— Ну что, тебе получше? — спросил Ник.

Кэтрин кивнула и прижалась к нему. Ник вновь вспомнил о своей ответственности (он ее ощущал как серую тяжесть в груди), задумался о том, как выглядят они со стороны, на взгляд гуляющих, хотя бы вон того спортсмена-любителя, что бежит им навстречу. Конечно, их никто не принимает за супружескую пару — скорее, за детей: худенькая девочка с большим нервным ртом и светловолосый паренек, невысокий, серьезный, старательно делающий вид, что он здесь — на своем месте. Конечно, надо позвонить во Францию — и будем надеяться, что он попадет на Рэйчел, потому что Джеральд в таких вещах не мастак. Хотелось бы Нику знать больше о том, что произошло и почему, но он боялся спрашивать.

— Теперь все будет хорошо, — сказал он. Снова подумал, что спрашивать не стоит, незачем напоминать ей о прошедшем ужасе, но все-таки

проговорил: — Слушай, а что это такое было? — словно речь шла о каком-то давнем загадочном происшествии.

Она бросила на него косой страдальческий взгляд, но промолчала.

— Если не хочешь, не говори, — поспешно добавил Ник — и сам ощутил в своем голосе отцовскую нотку малодушного, ускользающего соболезнования.

Именно так решали проблемы в их семье: ни о чем не говоря вслух, ничто не называя своими именами, якобы из деликатности, а по большому счету — из трусости.

— Нет, я могу попробовать…

— Ты же знаешь, мне все можно рассказывать, — заверил Ник.

В конце дорожки, смиренно притулившись у каменной ограды, стояла сторожка садовника, а за ним — ворота, выходящие на улицу. Ник и Кэтрин остановились у ворот и смотрели сквозь чугунные завитки, как проезжают по вечерней улице редкие автомобили. Ник ждал, с тоской думая о том, где сейчас Лео и что делает, и вдруг Кэтрин сказала:

— Это когда все становится сверкающим и черным.

— М-м?

— Не «плохо», понимаешь? Плохо — когда все коричневое.

— А-а…

— Ты все равно не поймешь.

— Нет-нет, пожалуйста, продолжай.

— Вот как эта машина, — проговорила Кэтрин и кивнула на черный «Даймлер», остановившийся посреди улицы, чтобы выпустить представительного пожилого господина.

Крыша автомобиля сияла золотом, отражая свет ранних фонарей, в окнах и изогнутых черных боках текли и блестели смутные отражения мира.

— Звучит почти красиво.

— Да, пожалуй, это красиво. В каком-то смысле. Только не в этом дело.

Ник и сам уже понял, что сморозил бездарную глупость.

— Понимаю, это ужасно, — заговорил он, — потому что…

— Просто это смерть. Когда видишь это, понимаешь, что нельзя больше жить. Оно не хочет, чтобы ты жила. И ты это понимаешь. — Отступив от него на шаг, она широко раскинула руки: — И все вокруг, весь мир делается таким. Сверкаю-

щим и черным. Мир, в котором нельзя жить.

Широко открытые глаза ее заблестели слезами.

— Не знаю, я не могу лучше объяснить, — пробормотала она и повернулась к нему спиной.

Ник шагнул к ней.

— Но ведь потом все снова становится таким, как прежде… — начал он.

— Да, Ник, — отрезала она сухим тоном человека, сожалеющего о своей откровенности. — Потом все становится как прежде.

— Я просто пытаюсь понять…

Она плачет — это хорошо, подумал Ник и снова обнял ее за плечи; но несколько секунд спустя Кэтрин недовольно дернула плечом, показывая, что хочет освободиться, и он испытал острый укол отвращения, словно его заподозрили в чем-то постыдном.

Позже, в гостиной, она сказала:

— Боже мой, ты же сегодня должен был встречаться с Лео!

Неужели и вправду только сейчас вспомнила? — подумал Ник. Но ответил:

— Ничего страшного. Я ему позвонил, мы перенесли на ту неделю.

— Что ж, все равно он не в твоем стиле, — груст-

но улыбнувшись, заключила Кэтрин.

За Шуманом последовали «The Clash», а за ними — усталое, но напряженное молчание. Ник молил Бога, чтобы Кэтрин больше не включала музыку: большая часть того, что ей нравилось, его заставляло цепенеть в молчаливом неприятии. Он взглянул на часы. Во Франции сейчас на час больше — звонить уже поздно; этот солидный и рациональный предлог для отсрочки Ник встретил со смутным облегчением. Подошел к фортепиано, за которое в доме садились редко, — на нем громоздились стопки старых альбомов и стоял бронзовый бюстик Листа, сейчас с горечью взирающий на то, как Ник ставит на пюпитр Моцарта и начинает играть с листа. Роняя ноты, словно капли дождя на песок, Ник думал о том, каким мог бы стать для него этот вечер: простое анданте эхом отзывалось внутри, там, где надежда вела спор с неотступной болью, и взвинчивало оба чувства до ненужной остроты.

И скоро Кэтрин поднялась и сказала:

— Ради бога, дорогой, мы же, черт возьми, не на похоронах!

— Извини, дорогая, — послушно ответил Ник и несколько секунд импровизировал что-то бравурно-бес-содержательное, а потом встал и

вышел на балкон.

Называть друг друга «дорогой», «дорогая» они начали совсем недавно, и до сих пор ему это нравилось — еще одно свидетельство того, что в доме на Кенсингтон-Парк-Гарденс он становится своим, но снаружи, в ночной прохладе, Ник ясно ощутил, что эта близость — понарошку, что Кэтрин от него пугающе далека. Вспомнились ее слова о смертоносном мире, сверкающем и черном, но Ник не представлял, о чем речь, и загадочное видение, помедлив лишь миг, исчезло из его сознания.

Соседи устроили вечеринку на открытом воздухе: мерцал свет, слышались голоса. Там человек по имени Джеффри вполголоса рассказывал что-то очень смешное, слов Ник не разбирал — слышал только хохот и женские взвизги: «Ох, Джеффри!» Дальше, в парке, девушка вела на поводке крохотную белую собачку, и казалось, что собачка светится в лучах угасающего дня. Небо над Лондоном быстро выцветало и темнело; вечер уступал место ночи. Летом, когда не закрываются окна, ночь складывается не только из теней, но и из звуков — шепота листьев, неусыпного гула автомашин, дальних автомобильных сигналов и взвизгов тормозов, человеческих голосов,

несвязных обрывков музыки. Где-то сейчас Лео? Дома, в трех милях к северу прямыми длинными улицами? Или рассекает ночной воздух на своем серебристом мотоцикле? И снова он спросил себя, в каком парке сделан снимок Лео? И кто — друг? любовник? — его фотографировал. От тоски и нетерпения ощущалась болезненная пустота внутри. На дорожке вновь появилась девушка с белой собачкой, и Ник попытался представить, что она видит, когда смотрит в его сторону: темный, таинственный, может быть, даже зловещий силуэт на фоне ярко освещенной комнаты… Откуда ей знать, что он стоит на пороге чего-то нового и сердце его тяжело и болезненно бьется в думах о том, что может принести ему грядущий день?

2

— А теперь — подарки! — объявил Джеральд Федден, входя на кухню с шуршащим бумажным пакетом в руках. — Для всех и каждого!

Вместе с Джеральдом, загорелым и неутомимым, вместе с его самоуверенностью и самолюбованием к дому как будто вернулась утраченная энергия. Джеральд шагал широко, говорил громогласно, держался всегда так, словно ждал аплодисментов. На пакете Ник разглядел эмбле-

му знаменитого магазина деликатесов в Перигё — синего гуся с доброй диснеевской улыбкой и чем-то вроде спасательного круга на шее.

— Ой, только не фуа-гра! — простонала Кэтрин.

— Для нашей мурлычки-царапки — айвовое варенье, — объявил Джеральд, извлек из пакета баночку, завязанную полосатой салфеточкой, и поставил на кухонный стол.

— Спасибо, — сказала Кэтрин и, не притронувшись к варенью, отвернулась к окну.

— А что у нас для Тобиаса?

— Это… э-э… — Рэйчел помогла себе жестом, — carnet.

— Ах да, точно. — Покопавшись в пакете, Джеральд достал и вручил сыну блокнотик в зеленоватой, пахнущей кожей обложке.

— Спасибо, пап, — ответил Тоби.

Он — как обычно, в шортах — раскинулся на кушетке и читал газету, рассеянно прислушиваясь к родительским голосам. Стена над ним представляла собой настоящую семейную летопись: бесчисленное множество фотографий в рамках — сплошные праздники и рукопожатия со знаменитостями, и среди них две злые карикатуры на Джеральда, которые он в свое время выкупил у карикатуристов. Гости, оказавшись

на кухне, считали своим долгом заметить, что карикатуры совершенно не похожи: в самом деле, между реальным Джеральдом и Джеральдом на картинках — хищником с ястребиным носом и зловещей усмешкой — не было почти ничего общего. И все же Ник невольно задумывался: что, если оба художника согласно уловили его суть, скрытую за добродушной повседневной маской?

Сейчас Джеральд, в льняных шортах и сандалиях, широкими шагами носился к машине и обратно, сыпал на ходу забавными историями о Франции и французах, стараясь пробудить в детях любопытство и сожаление:

— Так жаль, что мы не смогли поехать всей семьей! Ник, тебе обязательно надо как-нибудь съездить с нами.

— Мне бы очень хотелось, — ответил Ник.

Конечно, здорово было бы провести лето с Федденами во Франции, но все-таки лучше в Лондоне, и без них. Вот они вернулись, и дом, наполнившись шагами и голосами, даже выглядеть стал как-то иначе. Возвращение Федденов положило конец его одинокой идиллии на Кенсингтон-Парк-Гарденс; и, хоть Ник и был искренне рад их видеть, радость эта была подернута грустью, которая в сознании Ника связывалась

с взрослением, — грустью об уходящем времени и упущенных возможностях. Теперь он с нетерпением ждал от Федденов благодарности, способной хоть немного смягчить загадочную тоску. О главном его подвиге — с Кэтрин — речи не было. Разумеется, нужно было рассказать, и сама Кэтрин явно об этом помнила и с некоторым страхом ждала, что он заговорит; но внезапное появление ее родителей вдруг заставило Ника понять, что заговорить об этом — значит ее предать. Пусть это будет их общая тайна.

— И все же просто замечательно, — продолжал Джеральд, — что ты согласился пожить у нас, присмотреть за нашей киской, которая гуляет сама по себе. Надеюсь, она тебе не доставила хлопот?

Ник смущенно улыбнулся, пожал плечами, что-то пробормотал, опустив глаза.

У него — чужака в этой семье — не было прозвища, и в родственном обмене шутками-прибаутками он не участвовал. В подарок ему Джеральд привез пузатую бутылочку одеколона под названием «Je Promets» — прекрасный подарок, и все же немного не такой, какой могли бы подарить родители сыну.

— Верю, верю, все хорошо, — проговорил

Джеральд быстро, так, словно вопрос о Кэтрин выходил за пределы его компетентности.

— Замечательный одеколон, огромное вам спасибо, — поблагодарил Ник.

Он здесь чужак, он должен быть вежливым и милым. Тоби и Кэтрин вправе хмуриться и дуться: в конце концов, это их родители. Но Ник чувствовал, что обязан поддерживать со старшими Федденами светскую беседу: «Надеюсь, погода у вас тут была прекрасная?» — «Да, замечательная погода». — «Городской шум не слишком тебя беспокоил?» — «О нет, совсем нет». — «Хотелось бы мне, чтобы ты увидел ту церковь в Подьё!» — «Да, и мне бы очень хотелось посмотреть на эту церковь в Подьё…» Даже на разногласиях между ними (Ник не разделял любви Джеральда к Рихарду Штраусу) лежал отсвет социальной гармонии, великодушного благоволения, благодаря которому споры на каком-то более высоком уровне превращались в безмолвное согласие.

В багажнике «Рейнджровера» лежало вино; Ник предложил помочь Джеральду занести его в дом. На лестнице невольно обратил внимание на крепкие, обтянутые шортами ягодицы Джеральда, на мускулистые, загорелые ноги — плод ежедневного тенниса и плавания в бассейне.

Смутился, не понимая, почему сорокапятилетний отец приятеля вызывает у него такие мысли. Должно быть, дело в том, что он взвинчен предстоящей встречей с Лео, от этого и реагирует на всех мужчин без разбора.

Когда последнюю сумку занесли в дом, Джеральд проговорил:

— Вы не представляете, сколько мы за это заплатили на таможне!

— Если бы ЕС отменил пошлины, вам бы не пришлось об этом беспокоиться, — ответил Тоби.

Джеральд тонко улыбнулся, показывая, что не попадется на крючок.

Пару бутылок уложили в черную хозяйственную сумку — для Елены, которая сейчас передавала Рэйчел полномочия по ведению дома. К Елене, вдове лет шестидесяти, в доме относились с подчеркнутым уважением, как к равной, — тем удивительнее была нервозность, с которой она докладывала хозяйке, что сделала по дому в ее отсутствие. Рядом с Еленой Ник всегда чувствовал себя чуть неловко — не мог забыть о своей давней ошибке. Это случилось год назад, в его первый визит на Кенсингтон-Парк-Гарденс. Тоби впустил его в дом, а потом оставил на несколько минут одного, предупредив, что скоро вернется мать.

Услышав, как открывается и снова закрывается входная дверь, Ник сбежал вниз и увидел женщину с черными как смоль волосами: она разбирала почту. Ник назвал себя, оживленно заговорил о картине в кабинете — и не сразу, по застенчивой улыбке женщины, по смущенному голосу с сильным акцентом, понял, что перед ним не леди Рэйчел, а домработница-итальянка. Конечно, нет ничего дурного в том, что ты вежлив с домработницей, и мнение Елены о картине Гуарди могло быть столь же интересно, как мнение Рэйчел (и наверняка интереснее мнения Джеральда), однако при воспоминании об этом промахе ему всегда становилось немного не по себе.

Но сейчас, устроившись на кушетке рядом с Тоби, вдыхая исходящий от него запах мыла и кофе, Ник чувствовал себя победителем. Он оправдал доверие Федденов, он их не подвел. Подобрав блокнот, на который Тоби едва взглянул, Ник погладил кожаную обложку — отчасти желая загладить недостаток внимания со стороны нового хозяина, отчасти представляя, что гладит теплое плечо самого Тоби. В подарке чувствовался недостаток внимания и воображения: Тоби собирался стать журналистом, и ясно было, что родители купили для него первое, что пришло в голову,

замаскировав свое равнодушие дороговизной подарка. Блокнот был неудобный: тугой, с жестким корешком, разграфленный, как записная книжка, — трудно было представить, что с ним в руках Тоби станет описывать демонстрацию или брать интервью у министра.

— Вы, наверное, слышали о Молтби, — сказал Тоби.

И Ник мгновенно ощутил, как воздух вокруг него сгустился и начал легонько покалывать кожу. Гектора Молтби, заместителя министра иностранных дел, поймали в «Ягуаре» с мужчиной-проституткой, его карьере (и, видимо, браку) пришел конец. Всю неделю эта история не сходила с газетных страниц, и, как это ни глупо, при одной мысли об этом Ник краснел так, словно в «ягуаре» застигли его самого. Такое с ним часто случалось, когда заходила речь о гомосексуальности: даже в толерантном семействе Федденов он напрягался, застыв в ожидании бездумного оскорбления, которое придется проглотить, или шутки, на которую придется слабо улыбнуться. Вот и теперь в неимоверно жирном Молтби, настоящей карикатуре на «нового тори», Ник смутно ощутил какой-то намек на себя — и отодвинулся подальше от голой загорелой ноги

Тоби.

— Дурачина Гектор, — проговорил Джеральд.

— Я бы не сказала, что для нас это стало неожиданностью, — с обычной для нее легкой иронией добавила Рэйчел.

— Вы его знали? — серьезно и заинтересованно спросил Тоби. Он явно решил оттачивать репортерское мастерство на родителях.

— Немного, — ответила Рэйчел.

— Да в сущности, нет, — ответил Джеральд.

Кэтрин по-прежнему не отрывалась от окна.

— Не понимаю, почему за это надо сажать в тюрьму, — сказала она вдруг.

— Киска, его никто не сажает в тюрьму, — ответил Джеральд. — Насколько мне известно, законов он не нарушал. Его просто поймали со спущенными штанами. — И по какой-то полуосознанной ассоциации покосился на Ника.

— Насколько я знаю, да, — подтвердил Ник, очень стараясь, чтобы эти четыре слова прозвучали бесстрастно и чуть осуждающе.

Гектора Молтби со спущенными штанами даже вообразить было страшно, и в конце концов опозоренный тори совершенно не заслуживал солидарности. Ник предпочитал светлые и романтические образы гомосексуальной любви,

образы, сулившие ему самому золотое будущее — например, пару обнаженных купальщиков на залитом солнцем пляже…

— Ну хорошо, — проговорила Кэтрин. — Не понимаю, почему его отправили в отставку. Что такого, если ему иногда хочется отсосать?

Джеральда покоробило, хоть он и постарался не подавать виду.

— Нет-нет, после такого оставаться в правительстве нельзя. Тут и говорить не о чем. — В голосе его слышалось даже какое-то смущение, словно сам он такие порядки не одобряет, хоть и вынужден был им подчиняться.

Кэтрин рассмеялась:

— Что ж, может, это пойдет ему на пользу. Поможет понять, кто он на самом деле.

Джеральд, нахмурившись, полез в буфет за бутылкой вина.

— Странные у тебя представления о том, что может пойти человеку на пользу, — полураздраженно-полушутливо заметил он. — Вот что, давайте-ка за ужином откроем «Подьё Сент-Эсташ».

— С удовольствием, — промурлыкала Рэйчел. И добавила, с присущей ей неожиданной жесткостью в формулировках: — Все очень просто,

дорогая: это вульгарно и небезопасно.

— Ник, ты сегодня с нами поужинаешь? — спросил Джеральд.

Ник слабо улыбнулся, не поднимая глаз: великодушие Джеральда заставило его с новой силой ощутить неустойчивость своего положения. Сегодня… А завтра, а послезавтра? Часто ли его станут приглашать разделить с ними трапезу? И что еще позволят разделить с семьей Федденов?

— Мне очень неловко, — ответил он, — но сегодня не получится.

— Ну вот! Наш первый вечер дома…

Ник не знал, как объяснить свою невежливость. Кэтрин, мечтательно улыбаясь, наблюдала за его мучениями.

— Нет, Ник не сможет, — громко объявила она. — У него сегодня свидание.

Ник вздрогнул. Слова Кэтрин царапнули по его мечтам и страхам, словно железо по стеклу. Зачем она так? И это после того, как он ее прикрыл… Он молчал, чувствуя, что заливается краской; беззвучно потрескивал от напряжения воздух, и все в комнате молчали то ли смущенно, то ли раздраженно, то ли одобрительно — этого он сам понять не мог.

Он никогда еще не был на свидании с муж-

чиной — Кэтрин сильно преувеличивала его опытность. Ник и сам лукавил: во время их долгих бесед о мужчинах излагал ей свои сексуальные фантазии так, словно нечто подобное и впрямь с ним происходило, и не разубеждал Кэтрин, когда она делала из этого свои выводы. Из-за постоянного повторения и детализации фантазии обросли подробностями, сделались весомы и ощутимы, как настоящие воспоминания. Однако порой Нику казалось: люди не верят ему — просто молчат из деликатности, чувствуя, что сам он себе верит.

По-настоящему «открылся» он только в последний год в Оксфорде и новообретенную свободу использовал главным образом для флирта с натуралами. Сердце его было отдано Тоби, но флирт с ним казался невозможной наглостью, почти святотатством. Кажется, он еще не до конца смирился с тем, что, если у него когда-нибудь появится любовник, это будет не Тоби и не кто-нибудь из весельчаков-однокурсников, вообще не нормальный парень, а гей — странное и подозрительное для мира существо, такое же, как он сам. Однако и стопроцентные геи — такие, которыми он восхищался, которых побаивался и которым втайне старался подражать, — смотрели на него

свысока, словно видели в этом хорошеньком и умненьком мальчике что-то чуждое. И, во всяком случае, не выказывали желания лечь с ним в постель. Так что он отступал, со смешанным чувством облегчения и разочарования возвращался в свой воображаемый театр соблазнов, где актеры играли без устали, спектакль длился вечно и никогда не наскучивало однообразие репетиций. Вот почему свидание с Лео — все же состоявшееся, несмотря на все препятствия системы, которая только и делала это свидание возможным, — было так важно для Ника. В холле он на мгновение задержался перед огромным стрельчатым зеркалом в позолоченной раме — безмолвным свидетелем всех приходов и уходов — и подумал, что зеркало как бы с неохотой дает ему свое одобрение. А потом Ник закрыл за собой дверь и оказался на улице — один. К горлу подкатила тошнота, и пришлось напомнить себе, что, в конце концов, он сегодня собирается развлечься.

Спеша вниз по холму, он задумался о предполагаемом предмете беседы — о своих интересах и устремлениях. В разговоре о своих увлечениях сексапильности маловато. Конечно, внезапное совпадение интересов может вызвать общий восторг и чувство счастливого соперничества,

отдаленно напоминающие любовь; но для этого интересы должны еще совпасть. Что же касается устремлений — о них Ник старался не говорить вовсе, опасаясь, что любой разговор на эту тему выставит его беспочвенным фантазером или просто дураком. Джеральд может сказать: «Я хочу стать министром внутренних дел». Люди, пожалуй, усмехнутся, но про себя подумают: что ж, вполне возможно. А чего хочет Ник? Сейчас — только одного: чтобы его любил красивый черный парень двадцати семи лет, который работает в городском совете и ездит на сверкающем гоночном мотоцикле. Но самому Лео Ник ни за что в этом не признается.

В сотый раз вспомнился ему маленький, темноватый бар на заднем дворе Чепстоу-Касла — бар, в уединенном полумраке которого Ник назначил первое свидание. Нельзя сказать, что они там будут совсем наедине, но в нынешнюю жару люди предпочитают ужинать и выпивать на свежем воздухе. Там мягкий, янтарный свет, старые зеркала, а на стенах — фотографии старинных экипажей. Они с Лео сядут плечом к плечу, тайком сплетя пальцы под стойкой.

Подходя к бару, он заметил на углу, в стороне от толпы посетителей, молодого чернокожего, а

в следующий миг понял, что это Лео, и поспешно притворился, что его не замечает. Оказывается, он небольшого роста и не бреет бороду. Но почему ждет на улице? Уже совсем рядом с ним Ник осторожно поднял глаза — и наткнулся на вопросительную улыбку.

— Ну что, так и будешь меня не узнавать? — поинтересовался Лео.

Ник рассмеялся и протянул руку:

— Я думал, ты внутри.

Лео кивнул, бросив взгляд в сторону улицы:

— Хотел посмотреть, как ты подойдешь.

— А-а! — И Ник снова рассмеялся.

— И потом, район здесь такой, что не хочется оставлять мотоцикл без присмотра.

А вот и мотоцикл — изящный, невесомый, безупречный, прикован к ближайшему фонарному столбу.

— Я уверен, с ним ничего не случится.

Ник, нахмурившись, огляделся вокруг. Значит, Лео считает, что это плохой район? Конечно, здесь бывает опасно: в грех-четырех кварталах отсюда есть бары, куда Ник ни за что не сунется, — с ними все ясно по названиям и интерьерам, которые можно разглядеть через окно. Но здесь…

Мимо прошел высокий растаман, повернул

голову в сторону Лео; тот кивнул и быстро отвернулся, словно стесняясь такого знакомства.

— Давай поболтаем снаружи, а?

Ник зашел внутрь, чтобы заказать напитки. У стойки пили и громко разговаривали несколько человек — вообще, бар был светлее и шумнее, чем запомнилось и чем хотелось Нику. Лео попросил кока-колу, Нику хотелось чего-нибудь покрепче, в конце концов он остановился на той же коке, но попросил добавить в нее незаметную снаружи двойную порцию рома. Ром он никогда прежде не пил, а как можно любить кока-колу, вообще не понимал. Но сейчас перед глазами у него стоял Лео — в обтягивающей синей рубашке и джинсах, низко сидящих на бедрах, долгожданный, желанный Лео, — и Ник сам поражался своему желанию соблазнить его или, по крайней мере, испытать на нем свою силу. Руки его, когда он брал напитки, слегка дрожали.

Присесть снаружи было негде, так что они встали, прислонившись к витрине, на которой витиеватыми викторианскими буквами значилось «РАСПИВОЧНАЯ». Лео посмотрел Нику в лицо — прямо, открыто; под этим взглядом Ник глупо заулыбался, тут же снова покраснел, и Лео быстро улыбнулся его смущению.

— Ты бороду отращиваешь? — спросил Ник.

— Да не совсем. У меня кожа очень чувствительная: когда бреюсь, каждый раз проливаю реки крови. В прямом смысле. — Он бросил на Ника быстрый взгляд, словно стараясь понять, уловил ли тот второй, потаенный, смысл его слов. — А когда перестаю бриться, они, сволочи, врастают в кожу. — Небольшой, изящной рукой он погладил упрямый подбородок. — Вот я и стараюсь избегать обеих проблем разом: бреюсь раз дня в четыре или в пять.

— Интересно, — сказал Ник.

Ему в самом деле было интересно.

— Но знаешь, до сих пор меня узнавали и с бородой, и без бороды, — заметил Лео и подмигнул.

— Да нет, я не поэтому… — сконфузившись, пробормотал Ник.

Он скользил глазами вверх-вниз, от ширинки джинсов Лео до жесткой подушки его курчавых волос, стараясь не смотреть в лицо. Он и в самом деле был «очень привлекателен», но реальный Лео оказался настолько не таким, как воображал себе Ник, одновременно и лучше, и хуже, и… просто другим. Вдобавок Ник не сразу сообразил, кто до сих пор узнавал его и с бородой, и без бороды.

— Понимаю, — сказал он и сделал большой

глоток жгучего рома. — Тебе, наверное, много писем приходит?

В смущении Ник порой задавал вопросы, на которые не особенно стремился услышать ответ.

Лео выразительно вздохнул:

— Это уж точно! На многие я даже не отвечаю. Скажем, если не присылают фотографию. Или если по фотографии видно, что урод. Или старикашка столетний. Прикинь, пришло даже одно от женщины — лесбиянки, наверное. Хочет, чтобы я сделал ей ребенка. Каково? — Говорил он с миной комического негодования, но чувствовалось, что ему это льстит. — И чего только не пишут! Просто ужас иногда. Думают, я просто ищу, с кем бы перепихнуться. А это ведь совсем другое.

— Ну конечно, — поспешно ответил Ник.

Его смутило слово «перепихнуться», грубое и небрежно произнесенное определение того, что в последние месяцы занимало все его мысли.

— Ну а ты мне понравился, — продолжал Лео. — Ты симпатичный. И пишешь хорошо.

— Спасибо. Ты тоже.

Ник боялся, что письмо выдаст в нем девственника и зануду. Как видно, зря боялся — он все написал правильно.

Лео кивнул в ответ на комплимент и заметил,

резко сменив тему:

— Нравится мне, где ты живешь.

— А… да, — пробормотал Ник, не сразу сообразив, о чем речь.

— Я мимо твоего дома как-то проезжал на мотоцикле. Думал даже позвонить и зайти.

— Да? Зря не зашел. Я там почти все время был один. — Ему даже нехорошо стало при мысли об упущенной возможности.

— Правда? А я видел, туда заходила какая-то девушка.

— Кэтрин, наверное.

Лео кивнул.

— Кэтрин? Сестра твоя?

— Нет, у меня нет сестер. Она сестра моего друга Тоби. — И, глубоко вздохнув, Ник добавил: — Видишь ли, дом-то на самом деле не мой.

— А! — сказал Лео. И еще раз: — А-а!

— Что ты, я вовсе не из этого круга. Просто живу там. Дом принадлежит родителям Тоби, а я живу в комнатке на третьем этаже, — продолжал Ник, сам удивляясь собственной саморазрушительной откровенности.

— Вот оно как, значит… — протянул Лео и покачал головой.

Вид у него был, правду сказать, разочарован-

ный.

— Они мои очень близкие друзья, можно сказать, вторая семья. Поэтому я и живу у них. Но это не надолго.

Они просто пустили меня к себе, чтобы мне помочь, когда я только поступил в университет.

— А я-то уж подумал, что заполучил богатенького, — усмехнулся Лео.

А что, если он серьезно? — думал Ник. Почему бы и нет? Они ведь, в сущности, совсем друг друга не знают, хотя Ник не раз воображал себя с ним на царской кровати Федденов. Должно быть, письмо — на дорогой бумаге, с обратным адресом — сыграло с ним злую шутку.

— Ну извини, — сказал он, принужденно улыбнувшись, и снова глотнул терпкого рома с колой — напиток определенно не в его вкусе.

Лазурь небес на востоке уже темнела и выцветала.

— Да я шучу! — расхохотался Лео.

— Я знаю, — ответил уже совершенно несчастный Ник.

В этот миг Лео вдруг сжал его плечо, совсем рядом с воротником, а затем медленно отпустил. В ответ Ник быстро и неловко провел рукой по его боку — он ощутил огромное облегчение и тут

же представил, как они с Лео страстно целуются где-нибудь в укромном уголке.

— Значит, друзья у тебя богатые, — уточнил Лео.

Ник уже понял, что этого лучше не отрицать.

— Купаются в деньгах, — ответил он.

— А-га… — раздельно протянул Лео: трудно было понять, нравится ему это или наоборот.

Ник почувствовал, что близятся новые вопросы, и решил ничего не говорить о Джеральде. Новый депутат от тори может оказаться на их свидании третьим лишним: кто поручится, что, услышав о нем, Лео не умчится на своем мотоцикле и не оставит Ника с призраком Джеральда вдвоем? В крайнем случае, решил Ник, расскажу что-нибудь о семье Рэйчел. Но тут Лео допил колу и спросил:

— Ну что, по второй?

Ник поспешно прикончил свою и ответил:

— Спасибо. Или, знаешь, я, пожалуй, добавлю рома.

Полчаса спустя, когда сгустились сумерки и свет фонарей из розового сделался золотистым, Ник пребывал в тихом восторге от присутствия нового друга и от ощущения, что вечер все-таки удался. Он уже не понимал, как мог ему поначалу

не понравиться ром, дающий такую легкость и свободу. Он нервничал, горло сжималось от волнения — и в то же время он чувствовал какой-то пьянящий восторг, словно сбросил с плеч тяжелый груз. В дальнем конце стола освободилась пара мест, и теперь они сидели там, то наклоняясь друг к другу, то откидываясь на спинку скамьи, словно неторопливо играли в какую-то невидимую игру, и близость между ними становилась все темнее и глубже, как небо над головой.

Ник поймал себя на том, что задается вопросом, как они выглядят со стороны, что думают о них окружающие — хотя бы вот эта парочка рядом. Вокруг становилось все шумнее; возникло смутное ощущение гетеросексуальной угрозы. Ник догадывался, что другие кандидаты назначали Лео свидание в гей-барах, но сам на это не осмелился. И теперь об этом жалел: ему хотелось большей свободы действий. Хотелось погладить Лео по щеке и — с тихим вздохом побежденного — поцеловать.

О личном речь почти не шла. Ник сразу понял, что Лео не слишком интересуется его семьей, родным городом, его жизнью. Впрочем, пару раз ему удалось заинтересовать нового друга — веселым и неискренним упоминанием о Тоби, который,

хоть, по правде сказать, и весьма привлекателен, Ника совершенно не интересует (он боялся, что, узнав о его долгой и безнадежной любви к Тоби, Лео сочтет его слюнтяем), и легким ироническим рассказом о семье Рэйчел, который Лео слушал со злой усмешкой, словно Ник подтверждал его нелестные представления о «богатеньких». Довольно скоро Ник понял, что его новый друг озабочен социальным вопросом, и поэтому с некоторым смущением признался, что его отец — торговец антиквариатом: это словосочетание, в котором сливались блеск богатства и благородная патина старины, несло в себе, как ему показалось, неприятный призвук снобизма. В кругу оксфордских друзей Ник старался приукрасить своего старика — умалчивал о заплатанных локтях и ветхом домишке, набитом занавешенными зеркалами и виндзорскими креслами, изображал его ученым и другом местной аристократии. Теперь же у него появилось малодушное желание принизить отца. И напрасно: как выяснилось, у Лео есть бывший друг, по имени Пит, торгующий антиквариатом на Портобелло-роуд.

— В основном французская мебель, — добавил Лео.

Первое, что он сказал о своем прошлом, — и

сразу перевел разговор на другое.

Себя Лео в самом деле любил — в этом Кэтрин со своей графологией не ошиблась. Однако свои чувства не выставлял напоказ. Вместо этого говорил о себе так, как Ник никогда бы не осмелился — как об одном из многих. «Я из тех парней, — говорил он, — которым постоянно нужен секс». Или: «Да, я из таких: всегда говорю, что думаю». На миг Нику показалось, что Лео мысленно противопоставляет себя ему.

— Не терплю нытья, — сурово произнес Лео. — Я не из нытиков.

— Разумеется, — передернувшись, отвечал Ник.

Возможно, так и следует говорить о себе, особенно на первом свидании, однако скромность и природное отвращение к вульгарности удерживали Ника от ответов в том же духе («Я из тех парней, что Вордсворту предпочитают Поупа», «Я тоже с ума схожу по сексу, только пока ни с кем не спал» и т. п.). Но и это ему нравилось. Нравилось, что Лео так не похож на товарищей-оксфордцев, с которыми можно вести тонкие интеллектуальные разговоры, понимая друг друга с полуслова; нравилась жесткая самоуверенность нового друга, за которой, как он с тайным молчаливым

превосходством подозревал, все же должны были крыться какие-то сомнения.

После третьего стакана Ник размяк: начал откровенно пожирать взглядом губы и шею Лео и воображать, как расстегивает на нем шелковую, туго облегающую плечи рубашку с коротким рукавом. Лео на секунду прикрыл глаза, словно подмигнул обоими сразу — таинственный и иронический сигнал, значение которого Ник не понял. Может быть, Лео заметил, что он пьян? Ответных сигналов Ник не знал: он широко улыбнулся и сделал еще один быстрый глоток. Он уже понял, что Лео, должно быть, пьет кока-колу с детства, это укоренившаяся привычка, ставшая частью его самого, не подлежащая оценке и критике. Родители Ника этого (как и многого другого) не одобряли, и кока-колы в доме не бывало никогда. Лео, конечно, об этом не догадывался, но стакан колы в руке Ника был тайным знаком отречения, и ее терпкая сладость сливалась с другими впечатлениями нынешнего вечера в сложном ощущении ночной тьмы и свободы.

Лео зевнул. Ник устремил восхищенный взгляд на его безупречные белоснежные зубы. Накрыл его руку своей — и тут же об этом пожалел, потому что Лео взглянул на часы.

— Смотри-ка, уже поздно, — заметил он. — Не хотелось бы задерживаться.

Ник уставился в стол и пробормотал:

— Ты спешишь?

Попытался улыбнуться, но лицо застыло, как маска. Рука механически двигала стакан кругами по деревянному столу. Подняв наконец глаза, Ник обнаружил, что Лео смотрит на него, иронически выгнув бровь.

— Конечно, спешу. К тебе.

Ник густо покраснел и заулыбался, словно ребенок, которого сперва подразнили, а потом вознаградили похвалой или подарком. Однако затем пришлось сказать:

— Боюсь, ко мне не получится…

— Негде? — Лео взглянул ему в лицо.

Ник поморщился и ответил не сразу. Правда в том, что он не может так поступить с Рэйчел и Джеральдом, это вульгарно и небезопасно, это все разрушит, их шутливое и хрупкое взаимопонимание рассеется как дым.

— Не получится, — повторил он. — Давай лучше к тебе.

Лео пожал плечами.

— Далеко очень, — проговорил он.

— Доеду домой на автобусе, — с готовностью

предложил Ник, который по справочнику «Весь Лондон» изучил район Лео, начиная от исторических памятников и кончая автобусными остановками.

— Да нет… — Лео как-то неохотно улыбнулся; Ник понял, что он смущен. — Понимаешь, моя старушка дома. — В первый раз он проявил неуверенность и смущение, прикрытые иронией; было в этом что-то очень латиноамериканское и одновременно — от лондонских низов, что-то такое, от чего Нику захотелось вскочить и его поцеловать. — Она у меня такая верующая, просто сил нет, — добавил Лео с коротким смешком.

— Понимаю, — ответил Ник.

Летняя ночь — и двое, которым некуда пойти… Пожалуй, даже романтично.

— У меня есть идея, — медленно начал он. — Ты не против того, чтобы… э-э… побыть на свежем воздухе?

— А какая разница? — откликнулся Лео, лениво оглянувшись через плечо. — На улице так на улице. Я не из ханжей.

Ник смущенно рассмеялся. Сам он не вполне понимал, как это — заниматься сексом на улице или даже, как однажды слышал, «на Оксфорд-стрит». Однако Лео встал и перешагнул через

скамью: уж для него-то здесь явно никаких загадок не было, и он не сомневался, что и Ник в этом деле не новичок. С застывшей на губах улыбкой Ник встал следом за ним. Он чувствовал себя беспомощным, песчинкой в потоке событий, — впереди простирались полчаса пугающей и манящей неизвестности, и сердце его отчаянно билось, когда он смотрел, как Лео привычно отстегивает от фонарного столба мотоцикл.

Надо сказать Лео, что у него это в первый раз: но что, если это его отпугнет, или он сочтет, что с девственником скучно? Ник молча смотрел на затылок Лео, на его шею — шею незнакомца, к которой скоро, уже совсем скоро ему будет разрешено прикоснуться. Из-под воротничка рубашки вылез и задрался вверх ярлычок «Мисс Селфридж» — и это было так трогательно и соблазнительно! На спине под рубашкой перекатывались тугие мускулы, а когда Лео присел на корточки и низко сидящие джинсы отстали от спины, фонарь осветил тугую резинку его трусов и над ней — шоколадную кожу и темное углубление там, где спина разделяется надвое.

Он отпер ворота и пропустил Лео вперед.

— Ездить на мотоцикле в парке не разрешается, но, полагаю, ты можешь вести его за руль.

— Полагаю, толкать дерьмо в этом парке тоже не разрешается, — передразнил Лео, как видно не заметив иронии в нарочито высокопарном тоне Ника.

Ворота захлопнулись с тихим масляным щелчком, Ник и Лео остались одни на лужайке, в сгущающихся сумерках позднего вечера. Нику хотелось обнять и поцеловать Лео прямо сейчас, но он робел. Слова «толкать дерьмо» прозвучали недвусмысленно и потому ободряюще, но очень уж неромантично… Они осторожно двинулись вперед, в шаге или двух друг от друга, отыскивая дорожку. Стало прохладно, но Ник отчаянно дрожал не от холода. Пальцы сделались странно неуклюжими, словно в тесных перчатках. Даже в темноте он опасался, что Лео заметил блуждающую по его лицу дурацкую усмешку. Ник очень надеялся, что «толкать» предстоит именно ему — но когда об этом заговорить и как? Наверное, все как-то само собой станет ясно. А может, им придется меняться ролями? Мотоцикл, подпрыгивая на гравии, катился рядом, Лео придерживал его за седло — получалось, как будто он рулем указывает дорогу. Справа возвышался полукруг старых деревьев, и среди них один медный бук с ветвями до земли, под которыми, как в шатре,

даже в полдень было сумеречно и прохладно. Слева виднелась гравиевая дорожка, а за ней — высокий силуэт дома и сложный, прерывистый ритм светящихся окон. Пока они шли по лужайке, Ник украдкой считал окна, ища дом Федденов, и нашел балкон второго этажа, свет, неприступно и гордо сияющий за застекленной дверью.

— Ну, далеко еще? — спросил Лео.

— Совсем скоро, прямо здесь… — смущенно ответил Ник; он не знал, в шутку ли ворчит Лео или он в самом деле раздражен.

Ник на шаг обогнал Лео. Вместе с чувством ответственности в нем нарастало беспокойство. Теперь, когда глаза его привыкли к полутьме, парк уже не казался уединенным местом: до него долетал свет уличных фонарей, громко, как будто над самым ухом, звучали голоса уличных прохожих. И потом, летним вечером здесь наверняка много посетителей: веселые компании, допоздна засидевшиеся на пикниках, девушки, выгуливающие своих белых собачек… У медного бука он присел — и обнаружил, что ветви его грубы и спутанны, а под ногами неприятно чавкает влажный мох. Ник встал, попятился, наткнулся на Лео. Чтобы не упасть, обхватил его за талию.

— Извини…

Ощущение теплого сильного тела под тонкой рубашкой было так тревожно, так несбыточно прекрасно, что Ник поспешно отпрянул, опасаясь, как бы Лео не счел его дураком. Безликая толпа других мужчин Лео — анонимных партнеров, знакомцев по объявлениям, бывших друзей, из которых он знал по имени только Пита, — нетерпеливо толпилась у него за спиной, ожидая, когда он неловким словом или движением выдаст свою неопытность. Молча и торопливо Ник направился в другую сторону, к садовой сторожке.

— Ага, вот это подойдет, — проговорил Лео, прислоняя мотоцикл к деревянной стене сторожки; кажется, собирался его приковать, но тут же усмехнулся, качнув головой, и повернулся к Нику.

Ник попробовал толкнуть дверь, хоть и видел, что она заперта на висячий замок. У стены сторожки притулилась садовая тачка. Надо всем этим нависал тис, и тисовый запах смешивался с приглушенным ароматом огромной кучи компоста — следа недавних трудов садовника. Рядом стояла сломанная скамья. Лео подошел ближе, огляделся, провел рукой по жесткой щетине недавно скошенной травы.

— Знаешь, эти компостные кучи внутри нагре-

ваются, — сказал он.

— Да, — ответил Ник. Он всегда об этом знал.

— Сильно нагреваются, градусов до ста. Не прикоснешься.

— Правда? — И Ник, словно усталый ребенок, потянулся к нему.

— А, какая разница! — Лео позволил Нику обхватить себя за талию, и сам, подавшись к нему, обнял его за шею и притянул ближе. — Какая разница…

Лица их соприкоснулись, неожиданно мягкие губы Лео коснулись щеки и шеи Ника. Тот прерывисто вздохнул, судорожно водя рукой вверх-вниз по его спине. Наконец губы их встретились в торопливом поцелуе — беспомощном признании своей нужды в другом, нужды, которую испытывал и Лео, как понял Ник по силе и настойчивости его поцелуя. Когда поцелуй окончился, Лео слегка улыбался. Ник задыхался, изнемогая от мучительной надежды на продолжение.

Они целовались с минуту — или две, Ник не считал, загипнотизированный благоуханным ритмом, щедрой мягкостью губ Лео, мускулистой настойчивостью его языка. Он спешил ответить тем же, и дыхание у него перехватывало от мысли о том, что он в самом деле отвечает на поцелуй.

Ничто в баре, в их бесцельном разговоре, даже не намекало ни на что подобное. Об этом не писали в книгах. Ник был готов к этому, готов до боли в чреслах — и в то же время совершенно не подготовлен. Лео погладил его по затылку, ероша волосы, и Ник в ответ поднял руку, чтобы погладить Лео по голове, столь восхитительно не похожей на его собственную — крупной, угловатой, с жесткой щеткой мелко-курчавых волос. Теперь он, кажется, понял, что такое поцелуй: инстинктивное средство выражения своих чувств, способ рассказать о страсти без слов — рассказать, но не удовлетворить. Поэтому правая его рука, лежавшая у Лео на талии, скользнула — робко, еще сомневаясь в своей свободе, — ниже, к округлым ягодицам, и сжала их сквозь мягкую, потертую джинсовую ткань. В тот же миг у своего бедра Ник ощутил что-то большое, твердое, рвущееся на свободу; эрекция Лео подсказала ему, что он все делает правильно, и уже смелее он запустил руку за пояс джинсов, под тугие трусы. Средний палец его скользнул в расщелину, гладкую, словно у мальчика, нащупал сухую складку, и из груди Лео вырвалось счастливое ворчание.

— Ах ты негодник! — пробормотал он.

И отодвинулся от Ника — тот отпустил его не

сразу, неохотно.

— Сейчас вернусь, — сказал Лео и исчез за углом сторожки.

Ник судорожно вздохнул, приходя в себя. Он снова остался один. Снова слышал неумолчный городской гул и шелест листьев под легким ночным ветерком. Что там делает Лео? Кажется, достает что-то из седельной сумки своего мотоцикла. Лео потрясающий, все в нем сказочно, но на мгновение Ник ощутил дрожь при мысли, что оказался один в темноте с незнакомцем. Идиот несчастный, ведь может случиться все, что угодно!..

Ощупью находя путь, вернулся Лео — тень среди теней.

— Я подумал, вот это нам пригодится, — сказал он, и безобразный страх Ника растаял, сменившись волнующим предвкушением приключения.

На следующий день Ник не раз и не два перебирал в памяти все, что произошло возле сторожки: как он принял у Лео из рук на три четверти пустой тюбик геля; как с облегчением и смущением смотрел на него в темноте; как развернул Лео к себе спиной и принялся расстегивать на нем джинсы — спокойно и ловко, словно на самом

себе; как вслед за джинсами приспустил трусы, с восхищением пробежав пальцами по мощному затвердевшему члену; как подтолкнул его в спину, заставив опереться о скамью, как сам преклонил колени за его спиной и сделал губами и языком то, что уже много-много ночей мечтал сделать со многими и многими другими мужчинами. И больше всего возбуждали его не сами ощущения, не слабый, невыразимо интимный запах Лео, а сама мысль о том, что он совершает непристойное и недозволенное. Он спустил до колен собственные штаны, с улыбкой глядя, как нетерпеливый член его выпрыгивает на свободу, и запечатлел свою улыбку поцелуем на сфинктере Лео. А потом, когда они трахались — потому что, да-да, он трахал Лео, и это было потрясающе! — Ник не мог сдержать тихого счастливого смеха.

— Рад, что тебе смешно, — пробормотал Лео.

— Нет, нет! — отозвался Ник.

Ничего смешного в этом не было; просто с каждым движением по телу его — по спине, по шее, по плечам, до самых кончиков пальцев — пробегали искристые волны счастья. Он обхватил бедра Лео, затем потянулся вперед, расстегнул на нем рубашку, помог ее снять и обнял нагое тело.

Все оказалось так просто! И чего он боялся, о чем беспокоился?..

— Кстати, блузку заметил? — сказал Лео. — Это моей сестры.

От этого Ник почувствовал, что любит его еще сильнее — сам не зная почему.

— У тебя такая гладкая задница! — прошептал он, жадно зарываясь пальцами в курчавую шерсть на груди и на животе.

— Ага… я ее брею… — проговорил Лео.

Движения Ника становились все быстрее и смелее, и речь его друга сделалась краткой и прерывистой, между двумя судорожными вдохами.

— Волосы спутываются… когда на мотоцикле… просто ужас…

Ник поцеловал его в затылок. Бедный Лео! На заднице волосы спутываются, на подбородке врастают в кожу… Да он просто мученик! Теперь Лео стоял, опираясь лишь на одну руку, а другой торопливо и мощно мастурбировал. Ник все более и более забывался; однако перед самой кульминацией ему вдруг представилось, что ветви и кусты раздвинулись, и все огни Лондона направлены на него: смотрите, малыш Ник Гест из Барвика, сын Дона и Дот, трахается с незнакомцем ночью в частном парке в Ноттинг-Хилле! Лео

прав, он настоящий негодник! И это прекрасно, так прекрасно, что лучше и быть не может!

Позже Лео отошел на лужайку пописать, а Ник присел на скамью у дорожки. Вдали шел высокий человек в белой рубашке, видел он Лео или нет, непонятно. Лео вернулся, опустился на скамью рядом с Ником. Чувствовалось, что свидание не завершено: нужно сказать или сделать что-то еще. У Ника вдруг стало тяжело на сердце, он подумал, что не стоило так уж явно демонстрировать Лео свой восторг. И тем более не стоит показывать, что его изголодавшееся по любви тело и душа жаждут продолжения. Воздух в парке гудел от имен и образов Ника и Лео, навсегда слитых в терпкое и грустное единство меж спящих лавров и азалий. Высокий человек прошел мимо них, остановился, вернулся.

— Вам известно, что это частный парк?

— Простите?

Тусклый свет горящих окон освещал круглое загорелое лицо — лицо отпускника, мягкое, с безвольным подбородком и редеющей седоватой шевелюрой.

— Вы не имеете права здесь находиться.

— А-а… У нас есть ключ.

Лео снова что-то проворчал — на сей раз не от

удовольствия, а с выражением оскорбленного достоинства, — откинулся на спинку скамьи и пошире расставил ноги. Вид у него был дерзкий и невыразимо сексуальный.

— Э-э… тогда прошу прощения. — Незнакомец принужденно улыбнулся. — Кажется, я вас раньше здесь не встречал.

На Лео, который, собственно, и вызвал его подозрения, он старался не смотреть. Еще одно банальное откровение сегодняшнего вечера: вот что о тебе думают, когда видят рядом с чернокожим.

— Я здесь часто бываю, — ответил Ник и, махнув рукой в сторону калитки Федденов, добавил: — Живу вон там, в сорок восьмом.

— Отлично… отлично…

Незнакомец прошел несколько шагов, затем обернулся:

— Подождите-ка. Сорок восьмой — это же Феддены…

— Да, верно, — тихо ответил Ник.

Эта новость поразила незнакомца, подозрительность во взгляде исчезла, лицо расплылось в широчайшей восторженной улыбке:

— Бог ты мой! Вы там живете? Замечательно! Честное слово, это просто замечательно! Меня,

кстати, зовут Джеффри Титчфилд, из пятьдесят второго; домик у нас, правда, маленький, не то что… не то что у некоторых!

Ник кивнул, вежливо улыбаясь:

— Я Ник Гест.

Солидарность с Лео заставила его не вставать со скамьи и не протягивать руку.

Он, кажется, узнал этого Джеффри: именно его голос он слышал с балкона в тот вечер, когда отложил свидание с Лео, именно гости Джеффри безудержным смехом заставляли его особенно остро ощущать свое одиночество — и теперь он чувствовал, что, занявшись с Лео любовью в частном парке, одержал над Джеффри Титчфилдом тайную победу.

— Боже ты мой! — продолжал восклицать Джеффри. — Ну надо же! Вот так новость! Видите ли, я из районного объединения… Подумать только! Старина Джеральд!

— На самом деле я друг Тоби, — пояснил Ник.

— Мы на собрании только позавчера вечером о нем говорили. «Вот увидите, — говорил я, — Джеральд Федден еще до Рождества войдет в Кабинет». Кстати, мы с ним немного знакомы, так уж вы, пожалуйста, передайте ему самые наилучшие пожелания от Джеффри и Труди.

Ник кивнул.

— Именно такие тори нам сейчас нужны! Джеральд Федден — прекрасный сосед, я всегда так считал, но теперь скажу, что он еще и прекрасный парламентарий!

Последнее слово он произнес чуть ли не по слогам, с повышениями и понижениями, с каким-то повизгивающим крещендо в голосе.

— Да, он очень приятный человек, — согласился Ник и добавил, чтобы закончить разговор: — Но я, собственно, дружу с Тоби и Кэтрин.

Когда Джеффри скрылся, Лео встал и взялся за мотоцикл. Ник не знал, что сказать, боялся, что от любых слов станет только хуже, — так что до ворот они дошли в молчании. На окна Федденов Ник старался не смотреть: его не оставляло чувство, что оттуда за ним наблюдают, и приговор «вульгарно и небезопасно» серым туманом обволакивал его сегодняшний триумф.

— Ну что ж, — сказал наконец Лео, — за десять минут мне дважды вылизали задницу!

Ник рассмеялся и толкнул его в плечо; ему сразу стало гораздо легче.

— Увидимся, друг, — сказал Лео, когда Ник открыл ворота.

Вместе они вышли на улицу; Ник не решался

спросить, вправду ли Лео хочет еще раз с ним встретиться.

— Я хочу снова тебя увидеть, — проговорил он наконец.

Слова повисли в ночном воздухе. Мимо, сверкая фарами, проносились автомобили, и чернели вдали крыши соседних кварталов.

Лео присел закрепить фары, переднюю и заднюю. Потом прислонил мотоцикл к ограде.

— Иди сюда, — сказал он с той усмешкой в голосе, за которой, как уже знал Ник, скрывается нежность. — Иди сюда, обними меня.

Ник шагнул к нему и крепко обнял, но от уверенности, что он испытывал несколько минут назад у компостной кучи, не осталось и следа. Он прижался лбом ко лбу Лео — небольшой рост Лео это позволял, они вообще прекрасно подходили друг другу, — быстро и крепко поцеловал в сжатые губы. Из проезжающей мимо машины донесся неразборчивый выкрик и сигнал гудка.

— Вот ублюдки! — пробормотал Лео.

Но Ник не смутился, для него это прозвучало словно фанфары и восторженный рев толпы.

Лео оседлал мотоцикл, балетным движением перекинув ногу через седло, и Ник вновь ощутил не умолкавшую весь вечер глухую зависть к

этому серебристому красавцу, к тому неприкосновенному месту, которое он занимает в сердце Лео.

— Понимаешь, мне еще с парой ребят надо встретиться. — Ник тупо кивнул. — Но тебя я так не отпущу!

Лео опустился на седло. Мотоцикл взвыл и описал круг вокруг Ника; тот вертел головой, но никак за ним не поспевал.

— Знаешь что? — крикнул Лео. — А ты чертовски здорово трахаешься!

Он подмигнул, улыбнулся и, не оглянувшись, умчался вниз по холму.

3

День рождения у Ника был через восемь дней после дня рождения Тоби, и поначалу их даже собирались отпраздновать вместе. «В этом есть смысл», — заметил Джеральд, а Рэйчел ответила, что это прекрасная идея. Вечеринку предполагалось устроить в Хоксвуде, загородном особняке лорда Кесслера, брата Рэйчел, и Ник заранее трепетал при мысли о том, какие обязательства наложит на него это великосветское празднество. Хотя, конечно, было очень лестно. Но подобные разговоры как-то сами собой стихли, а Ник не

осмеливался поднимать эту тему и, когда мать начала готовиться к семейному празднику в Барвике, с унылой покорностью с ней согласился.

Двадцать один год исполнялся Тоби в последнее воскресенье августа, когда карнавал в Ноттинг-Хилле был в полном разгаре и многие местные жители запирали дома и уезжали в деревню: в памяти у них был свеж такой же карнавал двухлетней давности, окончившийся волнениями на расовой почве. В ночь перед отъездом Ник лежал в постели без сна, слушая, как пульсируют внизу, на склоне холма, длинноногие ритмы регги, как смешиваются они с шелестом листвы в саду, словно со вздохами желания. Это была его вторая ночь без Лео. Ник лежал с открытыми глазами и думал о нем. Точнее, нет, не думал — мышление здесь было ни при чем, — снова и снова восстанавливал в памяти всю их встречу и содрогался от восторга и пронзительной тоски одиночества.

На следующее утро, в одиннадцать, все собрались в холле. Джеральд был при галстуке; увидев это, Ник побежал наверх и тоже надел галстук. На Рэйчел было белое льняное платье, темные волосы с белоснежными нитями седины подстрижены и уложены по-новому. Одной-единственной улыбкой она дала понять, что готова,

и в который раз Ник поразился теплу и слаженности, царившим в этой семье. Вместе с Еленой он загрузил в «Рейнджровер» багаж, и Джеральд повел машину прочь от крыльца, мимо соседских домов, сквозь бушующую толпу. То и дело навстречу попадались полицейские; им он улыбался и приветственно махал рукой. Ник сидел на заднем сиденье, рядом с Еленой, чувствуя себя скованно и глупо. Он страшился увидеть в толпе Лео на мотоцикле — и еще больше страшился, что Лео его заметит. Где-то он сейчас? Должно быть, разъезжает по шумным улицам, пляшет с незнакомцами или ждет, переминаясь с ноги на ногу, очереди в общественном подземном туалете… Нику так хотелось быть с ним рядом, что он, не выдержав, застонал вслух; почти сразу стон превратился в кашель, а затем в слова: «Кх… э-э… я хотел сказать, посмотрите, какая огромная платформа!»

На тротуаре несколько молодых чернокожих, облачившись в карнавальные костюмы — огромные желтые крылья и хвосты как у райских птиц, — готовились к шествию.

— Прелесть какая! — сказала Рэйчел.

— Не очень хорошая музыка, — чуть извиняющимся тоном заметила Елена.

Ник промолчал: как раз в эту минуту он переживал нечто вроде внутреннего откровения, перерождение старого предрассудка в новое влечение. Музыка карнавала открыто, настойчиво перекликалась с его желаниями. Они ехали дальше, одна мелодия странно-гармонично перетекала в другую, но ведь и Ник хотел от жизни очень многого и разного, и перед ним разворачивались самые разные, но равно прекрасные картины будущего… Все это продолжалось лишь секунд сорок или пятьдесят, а затем машина нырнула в обычную городскую жизнь.

Что ж, раз он не может быть с Лео, интересно будет повидать что-то новое. Джеральд вел «Рейнджровер» по шоссе А-40 на стабильной средневысокой скорости, словно сопровождаемый невидимым полицейским эскортом. Скоро, однако, они въехали в район нескончаемых дорожных работ, которые теперь велись повсюду. Вокруг лежали пригородные поля, плоские и скучные. Ник терпеливо смотрел в окно на изрытые экскаваторами обочины, на бетонные конструкции непонятного назначения, а за ними — пустыри, где местные парни носились кругами на забрызганных грязью мотоциклах в здоровом деревенском презрении к самой идее путеше-

ствия за пределы отведенного круга. Им плевать на карнавал, они никогда не слышали о Хоксвуде и, наверное, даже не думают, что сегодняшний день можно было бы провести где-то еще.

«Рейнджровер» наконец выехал на новое шоссе — и тут же оказался в пробке, растянувшейся не меньше чем на милю.

Как обычно, Ник почувствовал, что должен как-то сгладить ситуацию.

— Интересно, где мы сейчас, — заговорил он. — Уже в Мидлсексе, наверное?

— Да, наверное, в Мидлсексе, — ответил Джеральд. Он терпеть не мог ждать.

— Не повезло, — заметила Елена.

— Ну… — пробормотал Ник, смущенно улыбнувшись, словно надеялся и в пробке найти что-то хорошее.

Он знал, что Елена ждет праздника с беспокойством, не совсем понимая свою роль на вечере. Она уже задала пару вопросов о Фейлзе, новом дворецком Лайонела Кесслера; молчаливо предполагалось, что между ним и Еленой должны завязаться какие-то неопределенные отношения.

— Мы уже опаздываем, — заметил Джеральд. — Если Лайонел собирается кормить нас обедом, думаю, стоит остановиться где-нибудь и позво-

нить.

— Лайонел в обиде не будет, — ответила Рэйчел. — Ничего страшного, подержит горшок на огне.

— Хм… — протянул Джеральд. — Честно говоря, слова «Лайонел» и «горшок» друг с другом как-то не сочетаются.

В этой шутке чувствовалось и беспокойство перед предстоящей встречей, и уважение к титулу шурина.

— Все будет хорошо, — негромко, успокаивающе промолвила Рэйчел.

И в самом деле, машины двинулись с места, и к Джеральду вернулся его обычный оптимизм.

Ник на заднем сиденье думал об имени Лайонел. Как и Лео, это имя происходит от слова «лев»: но Лео — большой живой лев, а Лайонел — маленький, геральдический.

Пять минут спустя движение снова остановилось.

— Гребаные пробки! — пробормотал Джеральд.

Елена заерзала на сиденье.

— Как хочется поскорее увидеть дом! — с отчаянной бодростью в голосе воскликнул Ник.

— Не тебе одному, — заметил Джеральд.

— Да, милый старый дом… — с тихим полувздо-

хом-полусмешком откликнулась Рэйчел.

Ник сказал:

— Не знаю, может быть, вам он не нравится. Вы ведь там выросли, и для вас, должно быть, все по-другому… — Но тут сам почувствовал, что перегнул палку.

— Не знаю, — призналась Рэйчел. — В самом деле не знаю, нравится он мне или нет.

— Ты, наверное, хочешь сказать, — предположил Джеральд, — что Хоксвуд делает Хоксвудом его обстановка. А сам дом, на мой взгляд, просто викторианское чудовище.

— М-м…

В словаре Рэйчел «м-м…» или суховатое «м-да?» несли в себе ноту удивления и раздумчивого несогласия. Ник восхищался аристократической экономичностью ее речи, ответами, не выражающими ничего, кроме слабых намеков на согласие или несогласие, и мечтал овладеть этим искусством. Манера речи Рэйчел была настолько несхожа с энергичной болтовней Джеральда, что порой Ник спрашивал себя, как Джеральд ее понимает.

Вслух он сказал:

— Думаю, мне понравится и дом, и обстановка.

Рэйчел бросила на него благодарный взгляд, но

промолчала, и Ник почувствовал себя чуточку неловко. Должно быть, трудно оценивать дом, который ты знаешь всю жизнь. Тем, что тебе принадлежит, просто наслаждаешься, не чувствуя нужды давать ему характеристики.

— Знаешь, — сказала она, улыбнувшись Нику, — у нас там много картин. Есть современные, есть и старинные.

Хоксвуд выстроил в 1880-х первый барон Кесслер. Дом стоял на искусственно срезанной вершине холма, посреди буков, которые теперь разрослись, скрыв от посторонних взглядов весь дом, кроме, может быть, самых высоких шпилей. Дорога шла мимо деревенских коттеджей, пастбищ, рощиц, а последние милю или две поднималась вверх по холму через лес, где, как заранее сообщил Джеральд, водились олени. Радостное нетерпение Ника нарастало, и, когда впереди блеснули окна особняка, он почувствовал, что — восхищенно, или оценивающе, или сам не зная как — пожирает взглядом крутые скаты его крыши и каменные стены цвета французской горчицы. По дороге ему вспомнилось предисловие к архитектурному путеводителю по Великобритании, автор которого — ученый-искусствовед — с изрядной долей юмора описывал

замок семнадцатого века, перестроенный на современный лад: зеркальные стеклопакеты в окнах, полы с подогревом, бесчисленные ванные комнаты с горячей водой из крана; однако при виде этого величественного здания смеяться Нику расхотелось. Джеральд остановил машину у ворот. Все вышли. Ник выходил последним, таращась по сторонам, а у ворот уже материализовался Фейлз, настоящий дворецкий в утренних брюках в полоску, и повел их в дом. И вот они уже в центральном холле — огромном, двухэтажной высоты, с резными перильцами галереи поверху и огромной каминной доской, похожей на плиту какой-то барочной гробницы: и Нику кажется, что он очутился то ли в музее искусств, то ли в роскошном отеле, то ли в какой-то странной и обворожительной помеси того и другого.

Пресловутый «горшок на огне» ждал их на круглом столе в столовой, выдержанной в стиле рококо. Вся обстановка здесь, как уже знал Ник, была целиком вывезена из одного парижского особняка. С медальона на потолке улыбались нагие девы с огромной гирляндой роз. Над камином висел Сезанн — Ник определил его с первого взгляда и снова ощутил восторг от того, что он, Ник Гест из Барвика, оказался в таком доме. Все,

что он видел вокруг, мгновенно преображалось для него в слова, укладывалось в отточенные формулы, как будто он сразу рассказывал об этом кому-то, столь же впечатлительному, как и он сам.

Не успел он задуматься о том, когда и как удобнее будет продемонстрировать свои познания, как лорд Кесслер сказал:

— Как видишь, Сезанн теперь висит здесь.

Рэйчел бросила взгляд на полотно и ответила:

— Да, действительно.

В родном доме она как-то расслабилась, в движениях и жестах ее появилась какая-то сонная неторопливость. Улыбалась она особенно тепло, и каким-то очень уж простым и небрежным, лишенным всякой формальности жестом показала Нику, куда ему сесть.

Джеральд окинул картину критическим взглядом, словно просматривая документ, который может ему пригодиться.

Ник почувствовал, что надо что-то сказать, и сказал:

— Очень красиво.

— В самом деле, мило, — согласился лорд Кесслер.

Кесслеру было лет под шестьдесят, ростом чуть

пониже Рэйчел, плотный, лысый, с чуть асимметричными чертами лица. Одет в серую тройку, без уступок не только моде, но и погоде, — заметно было, что ему жарко. Он ел лосося и пил сладкий рейнвейн, и видно было, что для него это вошло в привычку, как свойственно людям, которые всю жизнь обедают в барочных залах и роскошнейших ресторанах Европы.

— А когда приезжают Тобиас и Кэтрин? — спросил он.

— Я бы поостерегся называть точное время, — ответил Джеральд. — Тоби приедет с девушкой, Софи Типпер, дочерью Мориса Типпера (имя Морис он произнес на французский лад, с ударением на последнем слоге). Кстати, она многообещающая актриса.

Он бросил взгляд на Рэйчел, и та добавила:

— Да, она очень талантлива… — и, как часто с ней случалось, поколебалась, словно желая добавить что-то еще, но в конце концов просто улыбнулась и умолкла.

Ник не раз замечал, что иные из его друзей привлекают внимание старших лишь своим происхождением от тех или иных родителей. Услышав имя Мориса Тип-пера, лорд Кесслер фыркнул и что-то пробормотал — непонятная

для внешнего мира насмешка одного богача над другим.

Эта Софи Типпер то и дело всплывала на горизонте, начиная со второго года Тони в Оксфорде. У Ника складывалось впечатление, что его друг встречается с дочерью магната лишь для того, чтобы оправдать ожидания родителей.

— А что касается Кэтрин, — продолжал Джеральд, — ее привезет какой-то так называемый приятель, имени которого я не помню и, по совести говоря, предпочел бы вовсе не знать. — Тут он широко улыбнулся. — Подозреваю, что примчатся они в последний момент. Думаю, Ник по этому вопросу более осведомлен.

Ник тоже почти ничего не знал.

— Вы, наверное, говорите о Расселе? — отозвался он, старательно подражая манере Джеральда и Рэйчел. — Да, он очень милый. И многообещающий фотограф.

О Расселе Ник услышал только вчера и сильно подозревал, что никакого Рассела бы не было, не изложи он Кэтрин во всех подробностях историю своего успеха с Лео. Сам он этого Рассела не видел, однако решил, что стоит добавить:

— Он в самом деле очень милый.

— Ну что ж, — сказал лорд Кесслер, — спален у

нас в доме множество, все подготовлены к приему гостей, а на случай, если все же не хватит, Фейлз зарезервировал номера в «Лисах и гончих» и в «Коне и конюхе». И там и там, как я слышал, все очень пристойно. А на деликатные моменты я готов закрыть глаза.

Лорд Кесслер никогда не был женат, однако и ничего гомосексуального в нем не чувствовалось. С молодыми людьми, с которыми сталкивала его светская жизнь, он обходился подчеркнуто вежливо, но безразлично.

— В конце концов, — добавил он, — премьер-министра у нас сегодня не будет.

— Точно, премьер-министра не будет, — подтвердил Джеральд с таким видом, словно госпожа премьер-министр получила приглашение, но не смогла прийти.

— Да оно, пожалуй, и к лучшему.

— В самом деле, — добавила Рэйчел.

Джеральд шутливо запротестовал и добавил веско, что ожидает прибытия многих важных лиц, например министра внутренних дел.

— Ну, с ними мы справимся, — ответил лорд Кесслер и позвонил в колокольчик, вызывая слугу.

После обеда Нику показывали особняк — про-

сторные залы, безупречно чистые и прибранные, с особым сухим запахом богатого деревенского дома в летний день. Ник бывал в похожих домах в детстве, в окрестностях Барвика; порой отец брал мальчика с собой, когда его просили завести громоздкие стенные часы — но те дома были старше, дальше от Лондона, в них пахло собаками и сыростью. Здесь же царил викторианский дух сытой роскоши: повсюду картины, гобелены, керамика, антикварная мебель — по сравнению с этим домом тот, что на Кенсингтон-Парк-Гарденс, казался почти аскетичным. Мебель была в основном из Франции, и потрясающего качества. Ник то и дело отставал, чтобы повнимательнее осмотреть то или другое, и говорил, чуть задыхаясь от сладкого волнения: «Вот этот эскритуар времен Людовика XV — удивительная вещь, правда, сэр?» Отец в детстве, перед тем, как брать его с собой в особняки, объяснил, что к лордам нужно обращаться «сэр», и Ник всякий раз с трепетом ждал, что, пока папа заводит часы, из соседней комнаты вдруг возьмет да и выйдет настоящий лорд.

Лорд Кесслер оглядывался, возвращался к нему.

— Да, — говорил он с улыбкой. — Совершенно верно. Изготовлен для маркизы де Помпадур.

— Потрясающе!

И оба любовались письменным столом из палисандра, с гнутыми позолоченными ножками. Лорд Кесслер открывал ящик, в котором тускло блестел какой-то фарфор, снова закрывал.

— Я смотрю, вы разбираетесь в мебели.

— Немного, — скромно ответил Ник. — У моего отца антикварный бизнес.

— Да, и отличный, процветающий бизнес, — вставил Джеральд с такой энергичной благосклонностью, словно Ник признался в родстве с мусорщиком. — Он мой избиратель, так что я хорошо его знаю.

— Тогда вам стоит приглядеться ко всему, что здесь есть, — заметил лорд Кесслер. — Такого вы нигде больше не увидите.

— В самом деле, Ник, смотри внимательно, — подхватил Джеральд. — Этот дом никогда не открывается для публики.

Потом лорд Кесслер повел его в библиотеку, где книжные шкафы смотрелись куда внушительнее книг. Впрочем, и книги — огромные, темные, с тяжелой позолотой заглавий на корешках — выглядели роскошно, сразу чувствовалось, это какие-то особые книги, не из тех, что Ник держит в руках каждый день. Лорд Кесслер открыл за-

стеклянную клетку и извлек один огромный том — «Fables Choisies de La Fontaine»[2] в зеленовато-коричневатом кожаном переплете с золотым тисненым узором из причудливо переплетенных листьев и завитков. Они стояли плечом к плечу, и Ник ощутил исходящий от лорда Кесслера приятный запах чистого белья и дорогого одеколона. Сам он взять книгу не осмелился — лишь бросил взгляд на фантастические страницы, населенные изящными слонами и львами. Лорд Кесслер показывал ему книгу быстро — не то чтобы с пренебрежением, но явно предполагая, что Ник не может оценить ее красоты и интересуется только из вежливости. На самом деле книга Ника потрясла, но он не осмелился беспокоить любезного хозяина просьбой разрешить ему ее посмотреть. Даже не понял, что это — жемчужина коллекции или одна из многих, взятая наугад.

У шкафа они помедлили еще с минуту. Ник увидел на полке Троллопа, «Как мы теперь живем», относительно скромное на вид издание; решился его достать, обнаружил экслибрис с гербом, далее страницы были не разрезаны.

— Что это вы там нашли? — благодушно по-

---

[2] Примечания: 2
«Избранные басни Лафонтена» (фр.).

интересовался лорд Кесслер. — А-а! Любите Троллопа?

— Честно говоря, не совсем, — отвечал Ник. — Мне всегда казалось, что он писал слишком торопливо. Помните, что Генри Джеймс говорит о нем и о его «бесконечных тяжелых томах свидетельских показаний по делу Англии»?

Лорд Кесслер уважительно помолчал, отдавая дань образованности Ника, затем заметил:

— Нет, Троллоп хорош. Очень хорошо пишет о денежных делах.

— А… да… — пробормотал Ник, сконфуженный вдвойне: во-первых, он ничего не понимал в денежных делах, а во-вторых, из чисто эстетического предубеждения так и не открывал Троллопа. — Честно говоря, я у него не все читал.

— Ну, вот эту вещь, конечно, знаете, — предположил лорд Кесслер.

— Да, эта очень хороша, — уступил Ник, вглядываясь в обложку.

Порой, благодаря какому-то плодотворному самовнушению, он приобретал о книгах, которые никогда не читал, воспоминания почти столь же ясные — точнее, столь же смутные, — как о тех, которые читал, но давным-давно и с тех пор почти позабыл.

Ник поставил книгу на место и осторожно закрыл позолоченную клетку. У него возникло странное — и, может быть, обманчивое — чувство, как будто до сих пор была пустая светская беседа, а вот сейчас пойдет разговор о деле.

— Вы с Тобиасом в школе вместе учились?

— О… нет, сэр. — О барвикской школе Ник решил не упоминать. — Мы товарищи по Оксфорду, оба были в Вустерском колледже. Только я слушал английскую литературу, а Тоби, конечно, ПФЭ.

— Ясно… — проговорил лорд Кесслер с таким видом, словно ему самому далеко не все было ясно. — В один год поступали?

— Да, в один год, — подтвердил Ник.

Слова лорда Кесслера бросили на прошедшие три года какой-то исторический отблеск. Нику вспомнилось, как он в первый раз увидел на лекции Тоби и все остальное вдруг потеряло для него значение.

— И с какими результатами окончили?

Этот вопрос Ника порадовал, поскольку можно было честно ответить: «С отличными». Он чувствовал, что, случись ему окончить колледж с оценками второй степени, как Тоби, разговор пошел бы по-другому.

— И как вы оцениваете шансы моего племянни-

ка? — с улыбкой поинтересовался лорд Кесслер.

— Мне кажется, у него все будет хорошо, — осторожно ответил Ник, не совсем понимая, о каких шансах речь, но по лицу собеседника понял, что ответил правильно.

Лорд Кесслер немного подумал.

— А вы сейчас чем занимаетесь?

— В следующем месяце начну писать диссертацию.

— А… понятно, — протянул лорд Кесслер (по слабой улыбке и легкому движению подбородка Ник понял, что он ожидал чего-то другого). — И какую тему выбрали?

— Я… м-м… Я хотел бы писать о стиле, — объявил Ник.

На преподавателей такой выбор темы произвел впечатление; однако на лице у лорда Кесслера отразилась легкая неуверенность. Человек, в кабинете у которого стоит бюро мадам де Помпадур, думалось Нику, о стиле должен знать все; однако ответ лорда напомнил Нику старинные рассуждения о форме и содержании.

— О стиле вообще?

— О стиле авторов рубежа веков — Конрада, Мередита и, конечно, Генри Джеймса.

Тут он покраснел, поскольку сам пока не знал,

что именно собирается доказывать в своей работе.

— А, — понимающе сказал лорд Кесслер, — стиль как инструмент.

Ник улыбнулся.

— Да, именно. Или, может быть, точнее — как с помощью стиля автору удается одновременно прятать и раскрывать какие-то идеи.

На миг ему показалось, что он сказал что-то не то, как будто сделал оскорбительный намек, что и у лорда Кесслера есть какие-то секреты.

— Честно говоря, прежде всего меня интересует Джеймс.

— А, теперь понимаю. Вы любите Джеймса.

— Очень люблю! — просияв от гордости и удовольствия, ответил Ник.

Сделав такое признание, он как будто «открылся» — и объяснил, хоть и с запозданием, почему не может соединить судьбу с Троллопом.

— Кстати, Генри Джеймс у нас бывал. Боюсь, правда, мы ему показались невыносимо вульгарными, — сообщил лорд Кесслер так, словно это было на прошлой неделе.

— Потрясающе! — воскликнул Ник.

— Думаю, еще сильнее потрясут вас наши альбомы. Пойдемте, я вам покажу.

Лорд Кесслер подошел к шкафу у стены, за книжными полками, с сухим скрежетом повернул в замке ключ, наклонившись, извлек два огромных фотоальбома в кожаных переплетах и положил их на стол в центре комнаты. И снова волнующее и, увы, слишком торопливое изучение сокровищ. Лорд Кесслер листал тяжелые страницы, кое-где останавливался, показывал Нику викторианские снимки недавно высаженных худеньких деревьев и интерьеров с нелепым обилием столов, стульев, ваз на подставках, с картинами на мольбертах и непременными пальмами в каждом углу. Теперь дом выглядел обжитым и усталым, ему уже исполнилось сто лет, у него появился собственный исторический оттенок и призвук — а в то время он был совсем новеньким. Во втором альбоме хранились групповые фотографии, в основном на ступеньках террасы, и под каждой — подписи мелким шрифтом, которые Нику хотелось разбирать часами: графини, баронеты, американские герцогини, Бэлфуры, Сассуны, Голдсмиды, Стюарты и бесчисленные Кесслеры. На одном снимке, где гравиевая дорожка прикрыта пушистым ковром, в центре стоит Эдуард Седьмой в твидовом плаще и шляпе пирожком. А вот еще снимок, май 1903

года, человек двадцать или около того: во втором ряду — леди Фейрли, преподобный Симеон Кесслер, мистер Генри Джеймс, миссис Лэнгтри, граф Гексхэм… Все расположились в непринужденных позах и весело улыбаются в объектив. В самой середине группы — в широкополой шляпе путешественника, отбрасывающей тень на глаза, в полосатом жилете, заложив руки за спину, с легкой лукавой улыбкой позирует фотографу Мастер.

— Как тебе дом? — поинтересовалась Кэтрин на лужайке.

— Ну… он, конечно, замечательный…

От послеобеденных впечатлений он едва с ног не валился, но понимал, что с Кэтрин лучше не ударяться в восторги.

— Ага, офигенный! — согласилась она с глупым смешком.

Обычно Кэтрин так не разговаривала, и Ник заподозрил, что такой она бывает с Расселом. Рассела, правда, рядом не оказалось (где-то бегал со своей камерой), но это ведь не причина выходить из роли. Кроме того, Кэтрин как-то странно подволакивала ноги, и с лица ее не сходила глуповатая улыбка. Ник предположил, что то и другое — результат сексуальных излишеств.

— Как доехали?

— Прекрасно. Рассел так рискованно водит!

— А-а… А мы два часа простояли в пробках. Твой отец здорово разозлился из-за этого.

Кэтрин окинула его сочувственным взглядом.

— Вечно он выбирает не ту дорогу, — заметила она.

Они прошлись по саду, пропитанному запахом шиповника, мимо круглых прудов, в которых отражалось чуть затуманенное облаками высокое летнее солнце.

— Боже мой, давай-ка присядем, — предложила Кэтрин, словно они гуляли уже несколько часов.

Они как раз оказались у каменной скамьи, охраняемой двумя нагими божками. Еще одна привилегия богатства — возможность окружить себя сияющей наготой. В доме, должно быть, почти нет мест, откуда не открывался бы вид на какую-нибудь купающуюся нимфу или умирающего героя.

— Рассел скоро закончит, и я тебя с ним познакомлю. Интересно, он тебе понравится?

— Мне кажется, понравится. Я уже всем здесь рассказал, какой он замечательный.

— Правда? — Кэтрин улыбнулась благодарно и чуть загадочно, затем полезла в сумочку за

сигаретами. — Он сейчас работает для «Фейс». Отличный фотограф.

— Я так и сказал.

— А Джеральд наверняка буркнул про него какую-нибудь гадость, — проворчала Кэтрин.

— Просто заметил, что ничего о нем сказать не может, поскольку никогда его не видел.

— Хм… Обычно его это не останавливает. Вообще как-то на него не похоже. — Она щелкнула зажигалкой и, откинувшись на спинку скамьи, глубоко затянулась. — Совсем, совсем, совсем не похоже, — повторила она нараспев, едва ли сознательно придавая своему голосу ирландский акцент.

— Ну…

Ник предпочитал, чтобы все друг с другом ладили, но почувствовал, что сейчас лучше промолчать. Хотел бы он говорить о Лео так же свободно, как она говорит о Расселе! Но он понимал: стоит поднять эту тему — и Кэтрин скажет что-нибудь неприятное и, того хуже, справедливое.

— Мама уже показала тебе дом? — спросила она.

— Собственно, не мама, а дядя. Насколько я понял, это большая честь.

Кэтрин помолчала, выпустила большой клуб

дыма.

— Ну и как он тебе?

— Очень милый.

— Хм… Как думаешь, он гей или нет?

— Нет, я ничего такого не почувствовал, — слегка напрягшись, ответил Ник.

Почему-то предполагается, что один гомосексуал всегда способен распознать другого, однако Ник часто ошибался, причем всегда в одну и ту же сторону — видел геев там, где их не было, и потому жил с почти постоянным чувством разочарования. Он не сказал Кэтрин, что прогулка по дому вызвала у него еще один вопрос — мучительный и, по-видимому, неразрешимый: что, если из-за гомосексуальности Ник выглядит в глазах лорда существом легковесным, недостойным доверия? Да и заметил ли вообще лорд Кесслер, что перед ним гей?

— Спрашивал, где я учился, чем сейчас занимаюсь. Устроил что-то вроде собеседования, как при приеме на работу.

— Ну, работа тебе может когда-нибудь понадобиться, — заметила Кэтрин. — Он теперь тебя непременно запомнит. Память у него отменная.

— Может быть… А чем он занимается?

Она уставилась на него, словно не веря своим

ушам.

— Дорогой, да у него же банк!

— Я знаю…

— Ну да, банк. Знаешь, такое место, где делают деньги. — Она весело помахала в воздухе сигаретой. — А работа в банке заключается в том, чтобы денег становилось все больше и больше.

Ее иронию Ник пропустил мимо ушей.

— Я хочу сказать: не знаю, чем он занимается, кроме банка…

Она взглянула на него и снова рассмеялась.

— Понятия не имею, дорогой!

В буковой роще справа от них послышалось какое-то шевеление, а в следующий миг из кустов вынырнул высокий человек с фотоаппаратом на шее и зашагал к ним. Увидев его, Кэтрин откинулась назад, опершись на руку; на лице ее заиграла победная и чуточку тревожная улыбка.

— Да, вот так и сиди! — крикнул он и быстро, на ходу, сделал пару снимков. — Отлично!

Рассел был не так уж молод — лет тридцати, черноволосый, смуглый, лысеющий, уверенный и напористый, как подобает фоторепортеру, в черной футболке и бейсбольных бутсах. На талии — пояс с десятком раздутых карманов и кармашков. Шел он неторопливо, явно наслажда-

ясь своим театральным появлением: глядя на него, Кэтрин почти совсем улеглась на скамью, медленно провела языком по губам. Хорошо ли, когда мужчина намного тебя старше? — думал Ник. Зрелый любовник может быть защитником, а может и насильником — на выбор, совсем как в графологическом руководстве Кэтрин.

Рассел притянул Кэтрин к себе, обнял, и только тут она спохватилась.

— Да, познакомься, это Ник, — сказала она сухо.

— Привет, Ник, — сказал Рассел.

— Привет.

— Ты уже кого-нибудь видел? — чуточку торопливее, чем нужно, спросила Кэтрин.

— Да, поговорил со слугами на заднем дворе. Говорят, Тэтчер не будет.

— Ну, извини, Рассел.

— Зато будет министр внутренних дел, — объявил Ник, как с Лео, насмешливо-торжественным тоном.

И Рассел, как и Лео, не понял юмора.

— Интересно было бы отловить Тэтчер, когда она напьется и пойдет плясать.

— Ага, голышом на столе! — добавила Кэтрин и снова захихикала.

Расселу, кажется, особенно смешно не было.

— Мне бы не хотелось видеть Тэтчер у себя на дне рождения, — заметил он.

— Тоби, я думаю, тоже не хотелось, — извиняющимся тоном заметил Ник.

Ему показалось забавным и трогательным, что Кэтрин приняла фантазию отца за чистую монету и использовала ее, чтобы заманить на праздник Рассела. От этого мечта Джеральда о появлении на вечеринке госпожи премьер-министра приобрела какую-то новую глубину.

— Тоби вообще предпочел бы отметить день рождения у себя дома, — проговорила Кэтрин.

Она, как видно, не решила, чью сторону — отца или брата — принять в этом споре, какой вид безразличия произведет большее впечатление на Рассела.

— Но Джеральд такой: куда угодно приглашает министров. У нас сегодня будет не вечеринка, а вечернее заседание!

— Отлично сказано! — хохотнул Рассел.

— У нас есть огромный собственный дом, — продолжала Кэтрин. — Конечно, не такой шикарный, как у дяди Лайонела.

Все словно по команде повернулись и посмотрели на дом, стоящий на дальнем конце ровной

зеленой лужайки, — высокий, величественный, с крутыми скатами крыш и бронзовыми шпилями, что сверкали, словно капли расплавленного золота, готовые стечь по крыше вниз.

— Представляю, что скажет дядя Лайонел, когда дружки Тоби напьются и начнут блевать на эскривар мадам де Помпадур!

— Эскритуар, — поправил Ник.

— А этот дядя Лайонел, — спросил вдруг Рассел, обращаясь к Нику, — он педик, что ли?

— Нет, нет. — Улыбка Кэтрин дрогнула. — Вовсе нет.

Вечерний пиджак достался Нику по наследству от двоюродного дедушки Арчи. У пиджака была подкладная грудь, ватные плечи, снова вошедшие в моду лацканы и обтянутые шелком пуговицы. Проходя через кабинет, Ник бросил взгляд в зеркало — и польстил сам себе улыбкой. В нем появилось щегольство — этакий юный денди. Был, правда, у пиджака один недостаток, долгим насыщенным вечером в летнюю жару почти непростительный: нагревшись, он начинал издавать острый и затхлый запах — запах воспоминаний о бесчисленных давних ужинах с танцами в линкольнширских гостиницах. В надежде отдалить и смягчить эту неприятность,

Ник обрызгал себя с ног до головы одеколоном «Je Promets».

Напитки подавали на длинной террасе. Выйдя из кабинета через застекленные двери, Ник обнаружил, что здесь уже собрались две-три группы гостей. Жара спала, и гости, подобно розам и бегониям в саду дяди Лайонела, с наслаждением вдыхали свежий вечерний воздух. Джеральд разговаривал с каким-то смутно знакомым человеком и его блондинкой-женой — по его улыбкам и невнятным восклицаниям Ник понял, что он абсолютно во всем с ними соглашается. Никого из друзей Ника еще не было; Тоби и Софи одевались наверху. Ник взял у черноглазого официанта бокал шампанского, спустился с террасы и присел на каменную балюстраду. Интересно, что думает о нем официант, глядя, как он сидит вот так, в одиночестве, глазея на подстриженную траву? Он и сам два года назад подрабатывал официантом и так же стоял с подносом в двух особняках неподалеку от Барвика. Может быть, и еще придется… Должно быть, выглядит он сейчас как типичный одиночка, и, может быть, официант уже понял, что он не принадлежит к этому зеркальному миру. А догадался ли он, что Ник гей? Когда он брал бокал, взгляды их встретились, и в темных глазах

официанта Нику почудилось какое-то понимание, как будто, продлись скрещение взглядов еще несколько секунд, они заблестели бы добрым юмором и любопытством, и может быть… А что, если подойти к нему снова, за вторым бокалом? Он прошелся по извилистой тропке и снова повернул к дому, но официант уже куда-то ушел, а вместо него прямо к Нику топал Пол Томпкинс.

— Привет, дорогуша!

В Оксфорде Пола все звали Полли, но сейчас уменьшительное имя показалось Нику чересчур фамильярным, почти презрительным.

— Привет, Пол, — ответил он, остро сознавая, что сильно приукрасил фигуру Томпкинса в своих ностальгических воспоминаниях. — Как ты?

— Лучше не бывает! — многозначительно ответил Пол.

Он был высок и толст, вечерний костюм казался ему тесноват, из шарообразного туловища как-то странно торчали руки, ноги и голова. Говорил он без умолку, сыпал ядреными шутками, злословил не по злобе, а из бескорыстной любви к скандалам, не знал удержу своим аппетитам — и всегда добивался того, чего хотел. Он открылся перед самыми государственными экзаменами, а последнее, что слышал о нем Ник, — ему будто

бы предложили место в Уайтхолле.

— Мои комплименты старому развратнику Лайонелу Кесслеру, — объявил он, подняв бокал. — Официанты у него — просто отпад!

— Да, я видел…

— Тот, что разносит шампанское, родом с острова Мадейра. Забавно, правда?

— В самом деле…

— Что ж, это лучше, чем наоборот. А сейчас он живет в Фулеме — кстати, совсем близко от меня.

— Ты вон о том говоришь, верно?

— Его зовут Триштан. — Пол подмигнул Нику. — Ну, мой милый, что же ты не спросишь, когда у нас с ним свидание?

— А-а…

Ник попытался улыбнуться непослушными губами: его больно поразило сознание собственной неуклюжести и неумелости. Какая-то загадка: почему толстяк Полли, громогласный, грубый, с прыщавой физиономией, пользуется таким успехом у мужчин? В колледже романы у него следовали один за другим, и самые невозможные романы — от поварят на кухне до безнадежно гетеросексуального капитана студенческой футбольной команды. Ни один, разумеется, не длился

долго — этого и не требовалось: Полли покорял очередную жертву и мчался дальше. Ник всегда его побаивался.

Он отошел на шаг-другой, к огромной мраморной урне, и повернулся в сторону гостей. Прямо напротив известный телеведущий испытывал свои чары на группке польщенных девиц.

— Здесь собрались не последние люди, — заметил он.

— Хм… — протянул Полли так, словно и тут взвешивал свои шансы. Затем вытащил сигарету. — Зависит от того, кого считать «не последним». После недавних выборов меня больше всего забавляют жены. Сейчас ведь как устроено: стоит мужчине отмочить какую-нибудь штучку — все аплодируют и просят: «Еще, еще!» Да-да, именно такое настроение сейчас в Уайтхолле: экономика в руинах, толпы безработных, а нам просто наплевать! А жены — они теперь все, как… ну, как вон та — крашеные блондинки с синими ленточками.

— Рэйчел не такая, — возразил Ник, сильно сомневавшийся в том, что Полли что-то знает о настроениях в Уайтхолле.

— Милый мой, Рэйчел — совсем другое дело. Она аристократка. Да-да, настоящая аристократ-

ка, хоть и еврейка. И мужа ее зовут не Норман.

Ник мог бы и на это возразить, но побоялся показаться занудой.

— И не Кен, — подхватил он.

Пол неспешно выдохнул клуб дыма.

— Должен тебе сказать, Джеральд сегодня что-то особенно аппетитен.

— Джеральд Федден?!

— Вот именно.

— Ты что, шутишь?

— Ох, я, кажется, тебя шокировал, — без тени раскаяния заметил Пол.

— Вовсе нет, — быстро ответил Ник. — Нет, я согласен, он…

— Конечно, ты живешь у него дома, так что уже привык к его сногсшибательному обаянию.

Ник рассмеялся и кивнул, и оба замолчали, глядя, как новый член парламента рассказывает крашеной блондинке в голубом что-то такое, от чего она взвизгивает, машет руками и покачивается, словно вот-вот рухнет от смеха.

— Не стану спорить, он очень обаятельный человек, — проговорил Ник.

— Ага… А кто живет в доме — ты, они и Спящий Красавец?

Ник улыбнулся: ему очень нравилось, когда

Тоби, пусть и в шутку, называли красавцем.

— Нет, Спящий Красавец почти не появляется, у него ведь теперь своя квартира. Но есть еще Кэтрин.

— Ах да, Кэтрин. Вот кто мне по душе! Знаешь, чем она сейчас занята? Пять минут назад вон там, за углом, вместе с каким-то доходягой хипповатого вида раскуривала здоровенный косяк. Правильная девка!

— И очень несчастная, — добавил Ник, вдруг вспомнив, что он о Кэтрин знает то, чего никто больше не знает.

Поднятые брови Пола подсказали ему, что он взял неверный тон.

— Вот как? С чего ей быть несчастной, скажи, пожалуйста? Всякий раз, как я ее вижу, она с новым парнем! Да у нее есть все, о чем любая другая девчонка может только мечтать!

— Ты говоришь совсем как ее отец. Я слышал однажды, как он говорил точно то же самое.

— О, смотри-ка! — воскликнул вдруг Пол. Он бросил недокуренную сигарету на тропинку и затоптал ее ногой. — А вот и Тоби!

В самом деле, из дверей кабинета под руку с Софи медленно и торжественно, словно на свадьбе, появился Тоби.

— Господи, ну что за сука! — с отчаянием в голосе простонал Пол.

— И не говори. Я ее ненавижу.

— Главное, действительно потрясающая девушка. Красотка писаная, да еще и талантливая актриса!

— Верно.

Пол окинул его взглядом, ясно говорящим: «Ах ты простофиля!»

— Дорогуша, да не принимай ты это за чистую монету! Все эти фрукты просто корчат из себя недотрог, а на самом деле у каждого есть цена. Подкарауль Тоби часа в два ночи, да чтоб он перед этим уговорил бутылочку бренди, — и делай с ним, что тебе вздумается!

Вообразив себе эту картину, Ник вдруг ощутил такое острое, почти болезненное возбуждение, что с трудом удержал на губах улыбку. Старина Полли знал, чем его пронять.

— Боюсь, здесь скорее женский праздник, — проговорил он наконец.

И действительно, по мере того как удваивалась и утраивалась толпа гостей, все сильнее ощущался в воздухе запах сексуальной охоты. Парни — в основном оксфордские однокашники Ника, все в строгих черных костюмах и бело-

снежных рубашках, — робко поглядывали на политиков и телезвезд, с переменным успехом изображали взрослых, серьезных и целеустремленных. К девушкам старались без особой нужды не приближаться. Казалось, сам викторианский особняк, с холостяцким крылом и комнатами для курения, призывает их к сдержанности. Иначе держались девушки: разряженные в шелка и бархат, с кричащим макияжем, они наслаждались новообретенной силой и властью и, чем темнее и прохладнее становилось вокруг, тем демонстративнее и настойчивее искали себе пару.

— Да, хочу тебя предупредить, — сказал Пол, — Уани Уради обручился.

— Да что ты! — воскликнул Ник.

Обручился?! В мечтах Ник готовил ему — и себе — совсем иное будущее.

Уани, приветливый, с открытой улыбкой, очень богатый и красивый, словно Иоанн Креститель с полотна гениального итальянского мастера, написанного по заказу папы-гомосексуалиста, был сыном владельца сети универсамов «Майра», и всякий раз, забегая в «Майра-март» купить бутылку молока или плитку шоколада, Ник ощущал легкое волнение от того, что отдает свои деньги Уани.

— Он, наверное, тоже сегодня приедет, — сказал Ник.

— Уже приехал, ягодка наша сладенькая. Я видел у ворот его кошмарный «Мерседес».

«Фруктами» и «ягодками» Полли именовал всех, кто соглашался с ним спать, однако Ник точно знал, что с Уани у Пола ничего не было. Уани, как и Тоби, оставался для них в области чистой фантазии, которая от недосягаемости объекта только выигрывает. Но теперь Ник переживал потерю Уани так остро, как будто в самом деле мог на что-то надеяться. Он словно видел, как от платформы, точно по расписанию, отходит Большой Гетеросексуальный Экспресс, а в нем, в вагоне первого класса, почти все его друзья… И что ему остается? Четверть часа с Лео в парке, возле компостной кучи, — да и то если повезет.

— А есть здесь геи, кроме нас? — спросил он.

— Сомневаюсь, — ответил Пол, поскучнев: перспектива провести всю ночь в обществе Ника его явно не радовала. — Боже ты мой! Смотри-ка! Да ведь это министр внутренних дел! Бегу, бегу, бегу к нему. Как я выгляжу?

— Потрясающе, — заверил Ник.

— Отлично!

И, пригладив волосы, словно мальчишка пе-

ред школьным балом, с возгласом «Девушки, вперед!» Пол рванул к той группе гостей, где Джеральд представлял министру своего сына. Покрутившись вокруг этой компании, Полли бесцеремонно протолкался внутрь; Ник успел приметить на его лице выражение совершенно искреннего восторга, а потом толпа скрыла его от глаз.

— Какой он? — спросил Рассел. — В смысле, папаша. Что он любит?

Он снова перевел взгляд с Кэтрин на другой конец стола, на Джеральда. Тот улыбался какой-то блондинке, но вид имел занятой и сосредоточенный, как и подобает оратору за пять минут до выступления. Ужин, накрытый в большом зале, подходил к концу, и гости уже начали проявлять нетерпение.

— Вино, — ответил Ник.

В голове у него слегка шумело от шампанского, однако он понимал, что с Расселом откровенничать не стоит.

— Любит вино, — повторил он, вертя в руках бокал. — И свою жену… и…

— Власть, — бросила Кэтрин.

— Власть… — Ник кивнул, занося в список и этот пункт. — Еще обожает уэнслидейлский сыр.

И музыку Рихарда Штрауса.

— Это хорошо, — заметил Рассел. — Я тоже Рихарда Штрауса люблю.

— А я предпочитаю уэнслидейлский сыр, — ответил Ник.

Секунду Рассел смотрел на него так, словно не понял шутку или почуял в ней что-то для себя оскорбительное; затем натужно улыбнулся.

— Выходит, он персонаж абсолютно положительный. Никаких порочных пристрастий.

— Кроме любви к власти, — повторила Кэтрин. — И к длинным речам. — В это время шум голосов и звон посуды на мгновение затих, и ее голос прозвучал громко и ясно: — Он обожает толкать речи.

Ник отодвинулся от стола, чтобы видеть и Джеральда, и Тоби — тот покраснел и оглядывался кругом с вымученной улыбкой. Ему предстояли нелегкие десять минут, и Ник улыбнулся ему, от всей души мечтая помочь, но, увы, здесь ничего не мог поделать. Он и сам содрогался, думая, что, возможно, ему, как другу именинника, тоже придется что-то говорить.

Джеральд нацепил на нос очки с полукруглыми стеклами, которыми пользовался лишь в исключительных случаях, и поднял перед собой,

на расстоянии вытянутой руки, маленькую картонную карточку.

— Ваша светлость, милорды, леди и джентльмены, — начал он с традиционной формулы, произнеся ее с иронической небрежностью, однако напомнив слушателям, что здесь присутствуют герцогиня с сыном, лорд Кесслер и молодой лорд Шептон, добродушный толстяк, приятель Тоби по Клубу мучеников. — Дорогие гости, родные и друзья! Я очень счастлив видеть вас всех сегодня здесь, в этой великолепной обстановке, и прежде всего хочу поблагодарить Лайонела Кесслера за то, что он согласился не только впустить к себе в дом толпу студентов, но и выставить на стол свой всемирно известный фарфор. Что ж, как гласят плакаты в «Селфридже», за разбитую посуду платят посетители.

Послышалось несколько смешков, однако Нику показалось, что последняя фраза прозвучала не к месту.

— Мы польщены присутствием на нашем празднике государственных мужей и звезд экрана, и, думаю, Тоби особенно рад тому, что многие члены правительства ее величества сочли возможным для себя приехать сюда. Моя остроумная дочь недавно заметила, что у нас, мол, «будет не

вечеринка, а вечернее заседание Кабинета».

Неуверенный смех. Выждав паузу, Джеральд продолжил:

— Остается только надеяться, что осенью, когда мы встретимся в Блэкпуле, я буду играть не менее важную роль, чем за этим столом.

На этот раз засмеялись все коллеги Джеральда, даже министр внутренних дел хмуро улыбнулся из-за чашки кофе.

Рассел сказал довольно громко:

— Молодчина, Кэтрин! — и пару раз хлопнул в ладоши.

Метнув быстрый взгляд в его сторону, Джеральд продолжал:

— Итак, как вы все, думаю, уже знаете, Тоби исполняется двадцать один год. Хотел бы я преподнести тебе, Тоби, бессмертные строки Сэмюэла Джонсона, Великого Гения нашей литературы, написанные внуку по случаю его совершеннолетия, но, просматривая их прошлым вечером, вдруг, к стыду своему, обнаружил, что помню эти стихи далеко не так хорошо, как мне казалось, и, разумеется, не так, как многие из вас… — Тут Джеральд начал читать, косясь на свою карточку:

Раздавай наследство щедро,
сказал великий поэт. —

Бережливых прочь гони…
Вертопраху — дело чести,
Чтоб гулянка удалась.
Что хоромы? Что поместья?
Только сырость, пыль да грязь.

Должен заметить, совет не слишком-то подходящий для внука и племянника знаменитых банкиров, да и вообще для молодого человека, вступающего в жизнь в счастливую эпоху демократии собственников. Да и в вопросе сырости и грязи, я бы сказал, нерешительность в наше время неприемлема.

Как типично для Джеральда — не понять, что доктор Джонсон написал безжалостную сатиру!.. Пока все смеялись, Ник постарался поймать и удержать взгляд Тоби, чтобы хоть так его подбодрить. Тоби явно нервничал, видно было, что он не вслушивается в слова отца и смеется машинально, вслед за другими. Ник отвел взгляд и оглянулся вокруг. Просторное помещение напомнило ему актовый зал колледжа. Ничего удивительного: многие колледжи в Оксфорде расположены в бывших частных домах. Наверху, на галерее, ожидая следующего действия пьесы, равнодушно слушали Джеральда двое офици-

антов, а еще выше свисала с потолка огромная, в десять футов длиной, раззолоченная люстра с плафонами-лилиями. Кэтрин заявила, что ни за что под ней не сядет; в результате весь их стол сдвинули в дальний угол холла. Если люстра упадет, подумал Ник, то прямо на Уани Уради — и вдруг почувствовал, что и вправду этого опасается.

Тем временем Джеральд перешел к обозрению жизни Тоби от рождения до сего дня. Новая мысль поразила и смутила Ника: для них, натуралов, само собой разумеется, что после двадцати одного мужчина должен подыскать себе пару — возможно, в планах Джеральда уже значится свадьба сына, возможно, ему, Нику, придется стать шафером, тоже с неизбежными речами и тостами… Какой ужас!

— В ранней юности, — продолжал Джеральд, — Тоби: а) полагал, что Енох Пауэлл — социалист; б) ухитрился спалить в камине том Гоббса; и в) свои карманные деньги тратил мгновенно, причем сам не мог объяснить, на что. Легко догадаться, что в Оксфорде он специализировался по политике, философии и экономике.

Снова раздался смех. Джеральд отлично справляется, подумалось Нику: не так-то просто

удерживать внимание сытых, полупьяных и разморенных жарой гостей. Молодые люди, однокашники Ника, слушали Джеральда со скукой и неловкостью, отчасти, впрочем, напускной. Дамы реагировали живее — возможно, на них действовало пресловутое обаяние оратора. Сам Ник толком не понимал, что чувствует к Джеральду. С одной стороны, он и вправду мил и обаятелен, с другой, Ник не мог отделаться от подозрения, что за его обаянием скрывается что-то не слишком приятное… Интересно, а как относится к нему лорд Кесслер?

— А теперь, как вы знаете, — продолжал Джеральд, — наш Тобиас твердо и окончательно решил — если, конечно, завтра не передумает — посвятить себя журналистике. Признаюсь, поначалу меня это встревожило, но он уверяет, что не имеет намерения становиться парламентским репортером. Были тут какие-то загадочные разговоры о «Гардиан», и я хочу тебя, Тоби, заранее предупредить, что теперь буду долго думать, прежде чем отвечать на любые твои вопросы, а если что, стану все отрицать.

Ник с улыбкой огляделся кругом и увидел, что в дверном проеме прямо у него за спиной, безразлично наблюдая за празднеством, стоит

Триштан, официант с Мадейры. Должно быть, на службе ему постоянно приходится слушать речи, и все они полны шуток и намеков, понятных лишь узкому кругу родных и друзей. Интересно, о чем он сейчас думает? Руки у него большие и красивые, руки пианиста-виртуоза. Строгие форменные брюки чуть топорщатся в районе ширинки. Заметив, что Ник смотрит в его сторону, он профессионально улыбнулся краем губ и чуть наклонил голову, словно ожидая распоряжений. Даже не понимает, что он мне нравится, подумал Ник. Думает, я один из этих снобов, которые прислугу за людей не считают. Он поспешно отвернулся, чтобы не выдать разочарования, — и вдруг увидел, что Кэтрин, сердито сжав губы, захлопывает сумочку. «Что такое? Что случилось?» — беззвучно, одними губами, спрашивал Рассел, тоже начиная сердиться.

— Итак, Тоби, — повысив голос, с расстановкой заключил Джеральд, — мы от всей души тебя поздравляем, мы желаем тебе счастья, мы все любим тебя! С днем рождения! Прошу всех поднять бокалы за Тоби!

— Ура, Тоби! — пронеслось над столами.

Нетерпеливое ожидание разрешилось шумными возгласами и аплодисментами, обращен-

ными, разумеется, к Тоби, а не к оратору. На глазах у Ника выступили слезы, и, чтобы скрыть свои чувства, он глотнул шампанского. И вдруг Кэтрин вскочила, отодвинув позолоченный стул с гнутой спинкой, и бросилась вон из зала, мимо Триштана, который проводил ее удивленным взглядом, словно спрашивал себя, не пойти ли за ней следом. Ник и Рассел ошарашенно уставились друг на друга. Но Тоби уже поднимался с места, и Ник сказал себе: будь я проклят, если на этот раз побегу за ней, я люблю Тоби, люблю его больше, чем всех остальных здесь, вместе взятых, и не уйду из-за стола, пока он говорит.

— Боюсь, папа кое-что перепутал, — начал Тоби. — Я в самом деле пытался взять у него интервью для «Гардиан», но они сказали, что Джеральд Федден их не интересует!

Шутка была простенькая, но друзья Тоби громко засмеялись, и сам Джеральд принужден был выдавить из себя самоуничижительный смешок.

— «Подождем, — сказали они, — пока он не станет знаменитостью». — Тоби повернулся к отцу: — Зная папу, могу заверить, что долго им ждать не придется!

Тони говорил не так, как отец: проще, безыскуснее; шутки его были грубоваты, им недоставало

острой, точно бьющей в цель иронии. Поначалу он был очень бледен, как будто вот-вот грохнется в обморок, но скоро расслабился, и на щеки его вернулся яркий румянец. Почувствовав, что краснеет, он нервно улыбнулся.

— Я не буду много говорить, — приглушенные возгласы разочарования, — и прежде всего хочу поблагодарить дорогого и любимого дядю Лайонела за его щедрость и великодушие. Такого потрясающего праздника я даже представить себе не мог. Наверное, теперь я буду всю жизнь с ностальгией вспоминать об этом вечере.

Приветственные возгласы и аплодисменты по адресу лорда Кесслера, который, должно быть, привык к публичным изъявлениям благодарности, но едва ли — к признаниям в любви. При мысли о том, что все Феддены и Кесслеры — одна семья и любят друг друга, у Ника что-то сжалось внутри и на глаза снова навернулись слезы. Он смотрел на Тоби, как смотрят на игру прекрасного актера: восхищаясь им, забываясь в нем, любя его и бескорыстно желая.

— Еще хочу сказать, — продолжал Тоби, — я очень тронут тем, что мои друзья Джош и Кэролайн приехали сюда из Южной Африки. Ребята, раз уж вы здесь, может быть, заодно и свадьбу

справите?

Снова смех и добродушные аплодисменты, хотя едва ли хоть один из десяти гостей знал, кто такие Джош и Кэролайн.

Слушая Тоби, Ник снова и снова удивлялся тому, как не похож он на Джеральда — даже по манере речи. Джеральд, опытный и самоуверенный оратор, обучался своему искусству в Оксфордском союзе, оттачивал его на бесчисленных встречах, заседаниях и митингах; в его речи всегда чувствовался холодок неискренности, от которого, как ни странно, его манера только выигрывала. Ораторский опыт Тоби, как и многих его друзей, ограничивался школьными занятиями по риторике — от этого и речь его носила школьный отпечаток, призвук неуверенности в себе и желания завоевать симпатию товарищей. Сейчас, когда он волновался, да к тому же был под хмельком, это особенно чувствовалось. Выступление его было не слишком продумано и представляло собой нечто среднее между торжественной речью жениха на свадьбе и победителя в каком-нибудь соревновании, считающего нужным перечислить поименно всех, кому он обязан своим успехом. В противоположность Джеральду, он стремился переключить внимание слуша-

телей со своей персоны на других. Шутки его были понятны лишь студенческой компании, и политики от его речи заскучали. Слушая Тоби, Ник остро ощущал тоску по студенческим годам, которые теперь — он это чувствовал — скрылись для него за тяжелой, наглухо запертой дубовой дверью. О Нике Тоби не сказал ни слова, однако тот не смутился, восприняв это как знак близости, которую не след выставлять напоказ; и, глядя с другого конца стола на счастливого, раскрасневшегося Тоби и на воздетые в аплодисментах руки слушателей, он почти видел, как срывается с места, бежит к другу и целует его разгоряченное лицо.

Поднявшись к себе, Ник сбросил пиджак и принюхался. Настало время для новой порции «Je Promets». Он прошел в ванную, побрызгал в лицо холодной водой.

Бесконечные тосты его почти доконали — Ник всегда пьянел с одного бокала. А ведь вечеринка в самом разгаре, и будет неловко, если он исчезнет задолго до конца. Скоро начнутся танцы, и парочки в бальной зале будут прижиматься друг к другу грудью и бедрами, скользить руками по плечам и спинам… Из зеркала смотрел на него кто-то безнадежно одинокий. Любовь,

которую испытывал Ник к Тоби десять минут назад, странным образом преобразилась в отчаянную жажду Лео, его поцелуев, его жесткой двухдневной щетины, бритой ложбинки меж его ягодиц. Воспоминания были столь живы и обжигающи, что ослепили его на несколько мгновений; вынырнув из забытья, он обнаружил, что все еще стоит перед зеркалом, что на щеках его пылает румянец и дыхание рвется из груди судорожными, беспомощными толчками. Ник заново завязал галстук, провел рукой по волосам — нежно, воображая, что это рука Лео. Зеркало — безупречный овал — было заключено в кленовую раму. А умывальник — настоящий комод времен Людовика Шестнадцатого, вырезанный и выпиленный так, что в проемах уместились край ванны и душ. Варварство, конечно, но, когда владеешь комодом Людовика Шестнадцатого, можешь себе позволить обходиться с ним по-варварски. Как же все-таки здорово оказаться в таком доме в качестве друга семьи, а не сына человека, которого просят завести часы.

Спускаясь вниз, он увидел идущего навстречу Уани Уради. Порой Ник приветствовал Уани шутливым шлепком по заду, порой — поцелуем взасос, однажды затащил его к себе в спальню,

раздел и связал; любовью они занимались без устали и чаще, чем он мог упомнить. Сам Уани, разумеется, понятия об этом не имел: на самом деле они были едва знакомы.

— Привет, Уани! — сказал Ник.

— Привет! — радостно откликнулся Уани.

«А помнит ли он, как меня зовут?» — подумал Ник.

— Наверное, я должен тебя поздравить…

— А… да, большое спасибо.

Уани улыбнулся, скромно опустив глаза, и Ник уже не в первый раз подумал, что сквозь такие длинные ресницы мир должен видеться как через фильтр — затемненным и разделенным на полосы.

Вдруг они сообразили пожать друг другу руки.

— Знаешь, — проговорил Уани, понизив голос, словно вовлекая Ника в какой-то заговор, — я тебя обязательно познакомлю с Мартиной.

Ник потупился — и тут же сообразил, что этого делать не стоило, ибо вид ширинки Уани, всегда чуть оттопыренной, скромно и все же заметно бугрящейся, никак не способствовал успокоению его чувств. Внешне Уани напоминал поп-звезду шестидесятых: смуглая кожа, буйные черные кудри — и выразительный бугор под ширинкой.

Только держался он всегда вежливо и по-девичьи скромно, совсем не как поп-звезда.

— Надеюсь, вы будете друг с другом счастливы, — услышал Ник свой собственный голос.

— А вот и она!

По невысоким ступенькам, крытым красным ковром, шла к ним девушка в жемчужной блузке и длинной черной юбке, узкой, строгой, из какой-то тяжелой и жесткой материи. Поднимаясь по лестнице, она придерживала юбку обеими руками, словно на каждой ступеньке делала реверанс. Лицо у нее было спокойное и серьезное.

— Это Мартина, — представил ее Уани. — Мартина, познакомься, это Ник Гест, мы с ним вместе учились в Вустере.

Так он все-таки помнит его имя! Благодарно улыбнувшись Уани, Ник пожал холодную руку Мартины, почувствовал, что его рассматривают с легким подозрением — старый друг жениха, из неизвестного прошлого, кто знает, что за тайны их связывают…

— Очень рад с вами познакомиться. Примите мои поздравления, — сказал Ник, на слове «поздравления» ощутив какое-то мазохистское удовольствие.

— О, большое спасибо. Значит, Антуан вам уже

рассказал?

Ее французский акцент напомнил Нику об интернациональных — французских и арабских — корнях самого Уани, отпрыска миллиардеров-космополитов, случайно осевшего в Оксфорде над переводами с англосаксонского и курсовыми по Драйдену. По-настоящему его звали Антуаном; в детстве он не умел правильно произносить это имя и называл себя Уани — так и повелось, и в Оксфорде его так называли все однокашники.

— Вы, наверное, очень счастливы.

Мартина улыбнулась и промолчала. Ник вглядывался в ее широкое бледное лицо, отыскивая в нем признаки триумфа, который непременно ощущал бы сам, будь он обручен с Уани.

— Мы идем к себе, — сказал Уани, — а потом спустимся вниз и попрыгаем под музыку.

— Ну, положим, прыгать будешь ты, — так же спокойно и серьезно возразила Мартина.

Нику показалось, что она не позволяет себе улыбаться, чтобы походить на взрослую. В сущности, ей и ни к чему демонстрировать свою радость: она счастлива тем прочным, устойчивым счастьем нераздельного и неоспоримого обладания, на которое Ник не вправе надеяться, о каком не может даже мечтать.

Ему захотелось выйти на воздух, однако, спустившись в холл, он увидел, что гости, гулявшие в саду, со смехом и визгом мчатся обратно в дом. С темного ночного неба неслышно падал дождь; капли сверкали и искрились в лучах огромного шарообразного фонаря. На аллее, перед «Даймлером», сидели двое шоферов, болтали и смеялись при свете фар, поджидая хозяев. Рядом стоял «Мерседес» Уани с откидным верхом и загадочным номером «КТО 6».

— Ладно! — крикнул кто-то сзади. — А теперь пошли танцевать!

Нестройный хор голосов ответил на это предложение согласием.

— Ура! Танцы! — совершенно пьяным голосом взвизгнула какая-то девица.

Заметив Ника, она откровенно уставилась на него, мучительно соображая, кто он такой.

Компания ввалилась обратно в столовую, где прислуга быстро и бесшумно собирала со столов посуду.

— Кто знает, где тут у них дискотека? — громогласно поинтересовался тот парень, что первым предложил танцевать.

— В курительной комнате, — громко сообщил Ник, радуясь, что оказался обладателем полезного

знания — Мальчик-с-пальчик, знающий дорогу.

Толпа шумно потащилась за ним; пьяная девица хохотала, взвизгивала и восклицала: «В курительной комнате, слыхали? Танцы в курительной комнате!» — словно это было невесть как смешно.

Лондонский приятель Тоби уже наладил светомузыку, и бесчисленные картины со скаковыми лошадьми первого барона Кесслера то освещались лампами разных цветов, то снова погружались во тьму. Большинство гостей начали танцевать сразу, немного скованно, но с твердой решимостью повеселиться. Ник прислонился к стене с таким видом, словно и сам в любой момент готов ринуться в пляс, постоял так немного, повернулся и, покачивая головой в такт музыке, выскользнул из зала. Играли «Every Breath You Take» — хит времен его последнего семестра, и от этого на Ника накатила внезапная грусть.

Он почувствовал себя одиноким, забытым, чужим на этом празднике, который изначально должен был стать и его праздником. В тусклом коридоре одиночество обрушилось на него с такой силой, что на мгновение Ник почти запаниковал, не понимая, куда теперь идти и зачем идти, если он всем и всему в этом доме чужой. Из открытой

двери библиотеки лился свет и доносились голоса, и Ник двинулся на свет. Он различал сочный баритон Джеральда (слова сливались в невнятное гудение), взрывы смеха и чей-то возглас: «Ну нет, Маргарет никогда такого не сделает!» Ник остановился на пороге ярко освещенной комнаты; на миг он ощутил себя не захмелевшим студентом, а ребенком, что, не в силах заснуть, бредет к дверям гостиной и любуется украдкой на недоступный ему взрослый мир, мир обнаженных плеч, раскрасневшихся лиц и сигарного дыма. Рэйчел поймала его взгляд, улыбнулась, и Ник вошел. Джеральд — он стоял, расставив ноги, словно греясь, перед пустым камином — помахал ему рукой и воскликнул: «А, Ник!» — но гостей здесь было слишком много, и представления по форме не вышло: все просто обернулись, равнодушно посмотрели на Ника и вернулись к своим разговорам.

Рэйчел сидела в стороне от остальных на кушетке, рядом с морщинистой старухой в черном, на фоне которой сама она казалась совсем юной, полной жизни красавицей.

— Джуди, — сказала она, — вы не знакомы с Ником Гестом, лучшим другом Тоби? Ник, это леди Партридж, мать Джеральда.

— Очень рад с вами познакомиться, — сказал Ник.

— Здравствуйте, — церемонно проговорила пожилая леди.

Лучший друг Тоби!.. Это определение Ник пообещал себе запомнить и проанализировать на досуге, снова и снова наслаждаясь его великодушием и невинной расчетливостью.

Рэйчел слегка подвинулась, словно приглашая его сесть рядом, но места для троих на кушетке не было, и Ник, улыбаясь, встал рядом. В пышном и жестком платье сиреневого шелка, Рэйчел словно сошла с полотна Сарджента восьмидесятилетней давности, времен, когда в этом доме бывал Генри Джеймс.

— Чем это от тебя так вкусно пахнет? — поинтересовалась Рэйчел почти кокетливо, словно мать, желающая похвалить принарядившегося сына.

— Терпеть не могу запаха сигар. А вы? — проговорила леди Партридж.

— И Лайонел его не выносит, — пробормотала Рэйчел.

Ник тоже терпеть не мог сигар: их острая туалетная вонь была для него символом мужской самоуверенности и агрессии, готовности навязывать свои вкусы всем остальным. Однако сигары

курил и Джеральд, и потому Ник поморщился, но промолчал.

— Не понимаю, откуда у него эта привычка, — продолжала леди Партридж.

Рэйчел вздохнула и, чуть улыбнувшись, покачала головой, словно говоря: «Ох уж эти мужчины! Нам, женщинам, их не понять».

— А Тобиас и Кэтрин курят?

— Нет, слава богу, никогда даже не пробовали, — ответила Рэйчел.

И снова Ник промолчал. Промолчал, потому что чувствовал себя не участником, а зрителем разворачивающейся перед ним семейной идиллии, или, скорее, читателем романа, полного нестыковок и недомолвок и оттого еще более трогательного. В его семье тоже существовали свои предания и маленькие невинные тайны, но выглядели они не так романтично. Теперь же, в присутствии матери Джеральда, история Федденов обретала прямо-таки небывалую значительность. Леди Партридж, густо напудренная старуха с ярко-алой помадой на губах, смотрела сурово, разговаривала властно, и Нику сразу же захотелось чем-нибудь ей услужить. Она была, пожалуй, намного величественнее Джеральда, так же как Джеральд — намного ярче Тоби.

— Я бы не отказалась от глотка свежего воздуха, — проговорила она, едва взглянув на Ника, а тот уже бросился к окну, потянул за шнур и впустил в библиотеку прохладный и сырой запах сада, орошенного дождем.

— Пожалуйста! — проговорил он, чувствуя, что теперь они стали друзьями.

— Вы здесь ночуете? — поинтересовалась леди Партридж.

— Да, в маленькой спальне на верхнем этаже.

— Не знала, что в Хоксвуде есть маленькие комнаты. Впрочем, на верхнем этаже я, кажется, никогда не бывала.

— Думаю, все зависит от того, какую комнату считать маленькой, — старательно улыбаясь, ответил Ник.

В его хмельную голову ударила паническая мысль: что, если он ведет себя чересчур смело? Что, если вместо светскости проявляет грубость? Что, если говорит не то, что нужно — или не так?

Подошел официант с подносом и предложил ему бренди — очень милый официант, с тихим голосом и бесшумными, скользящими шагами, но не Триштан. Рассеянно следя, как наполняет бокал золотистая струя бренди, Ник размышлял о том, как удалось Триштану оставить зарубку

в его сердце, стать предметом почти что настоящей любви. Может быть, попадись ему вместо Триштана этот официант, он влюбился бы и в этого? Для влюбленности ведь совсем немного нужно: пара взглядов, тоска одиночества, полуосознанная решимость — и вот чужой образ уже запечатлелся в твоем сердце, и всякий раз, как видишь его или вспоминаешь о нем, кровь твоя начинает бежать быстрее.

— В Лондоне Ник живет у нас, — сказала Рэйчел. — Вот там комнатка у него действительно крошечная, под самой крышей.

— Кажется, ты говорила, что у вас живет какой-то знакомый, — не глядя на Ника, ответила леди Партридж.

На миг ему показалось, что она ощутила запах его тоски по семье, мечты о тайном братстве с ее красавцем-внуком, и готова броситься в бой за свою территорию.

— Тоби пользуется большой популярностью, — продолжала она. — Он красивый мальчик, правда?

— Да, очень, — легко ответил Ник, покраснел и оглянулся, словно ожидая увидеть Тоби у себя за спиной.

— Трудно поверить, что Кэтрин его сестра. Все

хорошее досталось ему одному.

— Ну, если судить по внешности… — начал Ник.

— Скажите-ка мне, что это за человечек в очках? Вот тот, что танцует с министром внутренних дел?

Ник рассмеялся ее шутке:

— Я его где-то видел.

— Это Свирепый Аналитик, — ответила Рэйчел.

— Кто? Нелепый?..

— Так его дети называют, — чуть громче объяснила Рэйчел. — Свирепый Аналитик. Питер Краудер, журналист.

— А, читала его в «Мейл», — кивнула леди Патридж.

— Ах да, конечно… — проговорил Ник.

В самом деле, Краудер как будто танцевал с министром внутренних дел — придвигался к нему все ближе и ближе, заглядывал в глаза, склонялся к самому его лицу, задавая вопросы, и выпрямлялся, словно услышав небывалое откровение, едва тот принимался отвечать. А министр, огромный, грузный, вежливо отвечал ему с кивками и неуклюжими поворотами корпуса.

— Не могу сказать, что он мне понравил-

ся, — проговорила леди Партридж. — За обедом говорил какой-то вздор о… о цветном вопросе. Я сидела довольно далеко от него, но все время его слышала. Ну, знаете, о расизме, — в ее устах это слово прозвучало как грубая брань.

— Об этом говорится много разного вздора, — благодушно заметил Ник, и старая леди окинула его оценивающим взглядом.

Джеральд, с терпеливой улыбкой на устах и ревностью во взоре, двинулся спасать министра. Он отвел его в уголок, усадил в кресло, сам присел рядом, наклонился к нему, почти приобнял, быстро огляделся кругом, словно подготовил сюрприз, — и вдруг застрекотала камера и защелкали вспышки.

— А, «Татлер»! — проговорила леди Партридж. — Наконец-то! — И, поправив волосы, придала лицу выражение… то ли кокетливое, то ли властное, то ли гостеприимное, то ли мудрое — трудно сказать.

Кэтрин тащила Ника и Пэта Грейсона по тусклому коридору навстречу грохоту музыки.

— Как ты, дорогая? — спросил Ник.

— Извини, дорогой. Все нормально. Просто эта кошмарная речь… Я поняла, что ни секунды больше не выдержу!

Держалась она уверенно и живо, но какая-то замедленная игривость движений подсказала Нику, что Кэтрин под кайфом.

— В самом деле, говорил он по большей части о себе.

Презрительная усмешка Кэтрин сделала бы честь ее бабушке.

— Речь отличная, только не для этого случая. Лучше бы приберег ее на свой день рождения.

— А по-моему, все было не так уж плохо, учитывая… — начал Пэт, но, что следует учитывать, не договорил.

Пэт Грейсон относился к категории гостей, которых Джеральд в своей речи назвал звездами экрана: в «Седли» он играл лощеного мошенника, и поразительно было, насколько старше, мельче и как-то жальче он выглядит в жизни. «Седли» — любимый сериал матери Ника; интересно, догадывается ли она, что Пэт голубой?

— Право, не знаю, стоит ли… — протянул он, когда они уже входили в курительную комнату.

Но Кэтрин потащила его за собой в толпу, где он принялся шустро приплясывать вокруг нее, щелкая пальцами и сексуально играя бровями. Выглядело это весьма жалко, и, кажется, именно это Кэтрин и нравилось. Ник словно видел злую

пародию на самого себя в будущем. Он отвернулся и пошел прочь через зал — и тут же попал в середину вопящей и хохочущей толпы. Кто-то крикнул: «Эй, да это же старина Ник!», кто-то другой стиснул его в потных объятиях. На душе у Ника потеплело — может быть, и выпитое бренди наконец подействовало: на секунду он устыдился своего презрения к старине Пэту и того, что притворяется своим в компании натуралов, но тут же об этом забыл, когда Тим Карсвелл схватил его за плечи и закружился с ним по залу, обжигая щеку влажным дыханием. Они кружились, пока оба не зашатались, готовые упасть; с возгласом «Ух ты!» Тим отпустил Ника, постоял, пошатываясь, приветственно поднял руку и двинулся прочь.

— А что наш именинник? — спросил Ник у Софи Типпер.

Софи, все время танцевавшая только с Тоби, глянула через плечо. Ник обоих чмокнул в щеки, прежде чем они успели увернуться, и прокричал Тоби в ухо:

— Ну как наш вертопрах?

Тоби молча поднял большой палец, а потом танец унес их прочь.

Ник уже не стыдился танцевать. Его душил воротничок, он обливался потом, расстегивал

и снова застегивал пиджак и наконец, заметив в дальнем конце комнаты открытое окно, подобрался к нему и высунулся по пояс, жадно вдыхая сырой ночной воздух и запах дождя. У окна на банкетке сидела Мартина; в прерывистом зеленом свете лицо ее казалось немолодым и измученным.

— При-ивет! — пропел Ник, присев перед ней. — А где Уани? Разве не с тобой?

Она оглянулась, пожала плечами:

— Не знаю. Был где-то здесь…

Нику вдруг захотелось срочно увидеть Уани. Сейчас он был уверен, что все его фантазии могут стать реальностью. А если и нет… Что ж, с пьяного спрос невелик, и Уани на него в обиде не будет. С этой мыслью он принялся пробираться к выходу — мимо девушек, лихо отплясывающих в стиле диско (девушки, подумал он, вообще танцуют лучше мужчин, танец — их родная стихия, а парни по большей части просто выставляют себя на посмешище), мимо нескольких немолодых пар, старательно притворяющихся, что «Spandau Ballet» им по душе, мимо Ната Хэнмера, белая рубашка которого странно светилась в ультрафиолетовом прожекторе, и Мэри Саттон, и Грэхема Стронга (Ник его едва знал, но вполне

искренне сообщил, что страшно рад его видеть), мимо Кэтрин, Рассела и Пэта Грейсона — один из этой троицы явно лишний…

Наконец он выбрался из курительной комнаты. Дернул первую попавшуюся дверь — и оказался в маленьком кабинетике. Какой-то человек в рубашке встал при его появлении и сказал:

— Извините, сэр.

— Ой, простите, — сказал Ник. — Я, кажется, ошибся дверью. — И попятился назад.

Он стоял посреди холла совсем один. В курительной комнате гремела музыка, из библиотеки доносились голоса и смех. В ушах у Ника стоял тонкий звон. Огромная люстра с сотней чашечек-лилий мерцала и мигала в ритме его пульса, придавая всему вокруг какую-то странную живость.

Ник двинулся в поход по пустым, ярко освещенным комнатам, где у окон колыхались тяжелые драпировки, словно там кто-то прятался; он останавливался и наклонялся, чтобы получше разглядеть антикварный столик или бронзовую статуэтку, — предметы эти странным образом так и норовили ускользнуть, едва отводишь взгляд. На эскритуар маркизы де Помпадур оперся локтем, и старое дерево жалобно скрипнуло.

Войдя в столовую, где они обедали, зажег свет и внимательно осмотрел Сезанна, тоже пульсирующего какой-то тайной геометрией. Как обычно, принялся описывать эту картину самому себе — точнее, воображаемому другу, как всегда притаившемуся за плечом. Композиция, говорил он… оттенки зеленого… Мелькнула смутная мысль. Не доверяя ей, Ник все же сделал шаг, другой, отворил боковую дверь, вышел в темный коридор и, проплутав немного, набрел на людскую. Потянуло сквозняком — это в людской стояла настежь дверь на задний двор. Мокро блестели серые плитки под мелким моросящим дождем. Здесь не было ни романтического блеска люстры, ни интимного пламени свечей — в безжалостно залитой светом комнате мужчины в джинсах таскали и складывали в стопки посуду, с грохотом провозили какие-то тележки, покрикивали друг на друга, и Ник пробирался между ними, бросая в пустоту «извините», «простите», — невидимый, как привидение. Триштана он нашел в буфетной, тот мыл стаканы в дальнем углу, у раковины. Ник подошел и остановился позади него, счастливо улыбаясь. Сейчас он совершенно не думал о том, что времени — час ночи, и Триштан работает, а сам он всего лишь захмелевший гость, ходячая

фальшивая нота тоски и надежды.

— Привет!

Триштан обернулся, вздохнул и вернулся к работе:

— Помочь пришли?

На подносе рядом с ним стояла еще целая сотня стаканов — пустых и недопитых, с окурками и следами губной помады.

— Э-э… нет, пожалуй, я все здесь перебью, — ответил Ник.

Он начал понимать, что ему здесь не рады.

— Уф, как же я устал! — проговорил Триштан и, выключив воду, отошел в угол. — Девять часов на ногах.

— Представляю, — подхватил Ник и осторожно похлопал его по плечу.

В сущности, хлопка не вышло; смутившись, он сразу убрал руку, а Триштан этого, кажется, и не заметил.

— А… А ты когда заканчиваешь?

— Ты уже в кроватку ляжешь, детка.

Он промокнул руки бумажным полотенцем, вытащил сигарету, зажег, запоздало вспомнив о вежливости, вытащил другую и протянул Нику. Ник ненавидел табак, но сигарету взял. От первой же затяжки в голове у него зашумело.

— Ну что, повеселился? — спросил Триштан.

— Ага, — пожав плечами, ответил Ник.

Ему хотелось произвести на Триштана впечатление своим знакомством с лордами и одновременно показать, что он всех этих лордов ни в грош не ставит. Дать понять, что вечеринка прошла отлично, работа прислуги выше всяких похвал, но, вообще говоря, ему на все это плевать, он знает (тут он прикрыл глаза, поражаясь собственной дерзости), знает способы и получше провести время.

Триштан, кажется, ничего этого не понял. Он смотрел на Ника угрюмо, как на какую-то неожиданную неприятность, а Ник улыбался ему блаженной пьяной улыбкой.

Триштан был без галстука, две верхние пуговицы на рубашке расстегнуты, так что виднелась белая майка, рукава закатаны выше локтя. На предплечьях у него Ник заметил дорожки темных курчавых волос. Туго повязанный белый фартук скрывал то, что привлекло его внимание в прошлый раз. Свет одинокой люминесцентной трубки, освещавшей этот уголок буфетной, не льстил его смуглому, усталому лицу. Сейчас Триштан выглядел не так, каким запомнил его Ник, и ему пришлось сделать усилие над собой,

чтобы вновь ощутить к этому парню влечение. Может быть, бросить его и вернуться к гостям?

— Много народу собралось, да? — спросил Триштан и, мрачно глядя на гору немытой посуды, выпустил клуб дыма.

Курил он точь-в-точь как Полли — неторопливо затягивался и неторопливо, с видом знатока выдыхал сизый дым. И вдруг при мысли о том, что с этим парнем будет спать Полли, Ника охватила жгучая ревность.

— Много у него друзей, у этого мистера Тоби. Мне он понравился. На актера похож, правда? — И Триштан неопределенно повертел пальцами в воздухе, одним этим движением обрисовав фигуру и черты лица Тоби.

— Точно. — Ник усмехнулся и выдохнул дым.

Перед глазами у него встало лицо Тоби: конечно, он во всех отношениях привлекательнее Триштана… Но, возможно, так и следует — не гоняться за журавлем в небе, а довольствоваться тем, что есть? Он явился сюда не за романтической чепухой, а за сексом — вот так, просто и грубо. И не уйдет, пока не добьется своего. В глубоко посаженных темных глазах парня ему чудился какой-то вызов, а иностранное происхождение добавляло загадочности — интересно, склонны

ли жители острова Мадейра к случайному сексу? Собственно говоря, почему бы и нет…

— Сколько же ты выпил? — поинтересовался Триштан.

— Много, — торжественно признался Ник.

— Да?

— Ну, конечно, не так много, как некоторые…

Ник опустил руку с сигаретой, чувствуя, что курит неумело и это выдает его неопытность. Свидание с Лео было удобно тем, что оба они с самого начала знали: это свидание. Понимали, что делают и зачем. А тут-ничего не разберешь. Может быть, он сам себя дурачит и Триштан вовсе не такой? А их разговор — он и должен быть таким обрывистым и бессмысленным? Ник подумал, что будущие любовники должны разговаривать друг с другом смелее и игривее, со всякими шутками и намеками, и, пошевелив бровью, сказал:

— Ты с Мадейры, правильно?

Триштан вгляделся в него и в первый раз слегка улыбнулся.

— А ты откуда знаешь? — спросил он.

Ник молчал, глядя ему в глаза.

— А, ясно. Тебе тот толстяк сказал.

— Полли, — уточнил Ник. — Жирный Полли.

Триштан заглянул в сигаретную пачку, извлек оттуда визитную карточку.

— Он? — спросил он.

Ник уставился на карточку, понимая, что жизнь преподала ему очередной урок. «Д-р Пол Томпкинс, 23 Лавлок-Мэншнз»… Так вот как это делается! На обороте карточки Полли нацарапал: «4 сен. 8 веч. И не опаздывать!»

— Почему он написал «не опаздывать»? — недоуменно спросил Триштан.

— Потому что он очень занятой человек.

Нику вдруг стало смешно, и как-то само собой получилось, что он сделал шаг-другой вперед, протянул руки…

— Извини, приятель… — В дверях появился краснолицый мужчина; увидев Триштана с Ником, он вздернул подбородок и хмыкнул. — Так, и что это у нас тут происходит?

Ник покраснел, а Триштан как ни в чем не бывало поинтересовался:

— А что такое, Боб?

Боб принялся давать какие-то указания насчет других комнат, причем несколько раз упомянул «его светлость» — с уважением, но и не без иронии, с какой слуги говорят о господах. Ник при этом закивал и заулыбался, желая показать,

что с лордом Кесслером знаком лично, что они вместе обедали, а потом лорд сам показывал ему Хоксвуд.

Когда Боб ушел, Триштан спросил:

— Ну и что прикажешь с тобой делать?

Вопрос прозвучал не слишком тепло и без намека на улыбку.

— Не знаю, — тупо откликнулся Ник.

Вино смягчило остроту неизбежного поражения.

— Мне пора.

Триштан извлек из кармана галстук, принялся возиться с эластичными завязками, Ник молча смотрел на него, ждал, когда тот снимет фартук.

— Слушай, вот что: встретимся у парадной лестницы в три часа.

— О… да, конечно! — воскликнул Ник с облегчением (не в последнюю очередь — от того, что свидание откладывалось). — В три часа…

— И не опаздывать! — сурово предупредил Триштан.

Он стоял в дверях спальни Тоби. Компания переместилась сюда около двух часов ночи, когда окончились танцы.

— Да входи же, ради бога, и закрой дверь! — крикнул Тоби, помахав ему рукой.

Он привольно раскинулся на королевской кровати — той самой, на которой когда-то спал Эдуард VII, складки голубого гобелена над изголовьем венчала чуть аляповатая позолоченная корона, — а вокруг устроились его друзья. Ник пробрался между двумя группами молодых людей, сидящих на полу перед огромной софой, на которой разлегся, положив голову на колени хорошенькой и совершенно пьяной девицы, лорд Шептон. Шторы были отдернуты и окно открыто, чтобы аромат марихуаны выветривался, не достигая носа министра внутренних дел. Все здесь напоминало о колледже — долгие бессонные ночи в общежитии, хохочущие девушки, сигаретный дым, споры до утра… Ник ясно ощущал очарование этой обстановки — и ее смутную угрозу. Гарет Лейн соловьем разливался о Гитлере и Геббельсе. В Оксфорде он считался способнейшим историком курса, однако окончить с отличными оценками ему не удалось, и теперь, словно во искупление грехов, он надоедал всем бесконечной болтовней на любимые исторические темы. Разговоры продолжались, но Нику — быть может, от вина — вдруг почудилось, что над смехом и болтовней в комнате царит тайное молчание, которое он неуклюже нарушил своим

появлением. Были здесь и другие однокурсники, но два месяца после выпускных экзаменов необъяснимо и непоправимо развели их в разные стороны. Что-то изменилось: они зажили своей жизнью, а он остался в своей. И больнее всего ранило безнадежное ощущение, что иначе и быть не может. Ник присел на край кровати, и Тоби, перегнувшись, протянул ему косячок.

— Спасибо…

Ник улыбнулся; на миг к нему вернулось внутреннее тепло, которого он искал весь вечер.

— Боже ты мой, дорогой, чем это от тебя несет? Пахнет, словно в гостиной у старой шлюхи, — проговорил Тоби.

Ник замер, розовея от стыда и удовольствия. От затяжки в горле у него защекотало, а в голове стало легко и пусто — то ли от травы, то ли от небывалого обращения «дорогой». Только выпустив дым, он осознал смысл второй фразы и ответил:

— А тебе откуда знать, чем там пахнет?

Ему представился Тоби в гостиной у шлюхи, Тоби, пробирающийся по узкой лестнице в чью-то спальню; эти картины вызывали одновременно возбуждение и стыд.

— Ну что, тебе понравилось? — спросил Тоби.

— Да, просто фантастика. — Ник оглянулся вокруг. — Кстати, а где Софи?

— Уехала в Лондон. Пришлось отправить ее домой, у нее в понедельник прослушивание.

— А-а… понятно.

Это была хорошая новость. Да и сам Тоби, хмельной, подкуренный, со счастливо блестящими глазами, кажется, был доволен — и тем, что, как взрослый, проявил ответственность и отправил Софи домой, и тем, что сам остался на свободе.

— Гарет! — крикнул он, повысив голос. — Да хватит уже про Геббельса!

Не таков был Гарет, чтобы замолчать надолго, но на несколько секунд он все же умолк — из уважения к имениннику.

Тоби сегодня был королем, а друзья — его подданными. И было что-то волнующее и трогательное в том, с каким детским самодовольством он играл свою роль. Трава потихоньку делала свое дело, словно чьи-то мягкие руки массировали мозг. Ник откинулся на кровать, взял Тоби за руку и секунд тридцать-сорок пребывал на небесах. Казалось, комната наполнилась искристой эротической аурой, мягкой, но властной, как аромат «Je Promets». Нику вспомнились слова Полли, и на миг он позволил себе поверить, что

однажды — неведомо где, неведомо когда — они с Тоби будут вместе.

Приглушенно звучали неестественно веселые голоса, фигуры расплывались в мерцающем свете.

— Но точно ли нам известно, что приказ о холокосте отдал сам фюрер? — громогласно вопросил Гарет.

Сэм Зиман, курчавый гений, запротестовал сквозь смех:

— Гарет, да заткнись же! Полон дом евреев, а ты о холокосте, мать твою… — и потянулся за бокалом с праведно-негодующим видом интеллигентного человека, которого вынудили сказать грубость.

— Могу перейти к Сталину, — с готовностью предложил Гарет.

Родди Шептон, поразмыслив, гордо объявил:

— А вот я не еврей!

— Зато Тоби еврей, — вставила его подружка. — Правда, дорогой?

— Хватит, Клэр… — проговорил Родди.

Но Клэр, увлеченная новой мыслью, его не слушала.

— Кажется, кто-то говорил, что министр внутренних дел — тоже еврей…

— Успокойся, Клэр! — рявкнул Родди.

Он был уверен и уверял всех остальных, что у его пухлой и флегматичной Клэр взрывной характер и страстный темперамент. Должно быть, ему льстило воображать себя укротителем вулкана; к тому же это помогало объяснить, почему он выходит в свет с девушкой из среднего класса, дочерью собственного управляющего.

Клэр огляделась кругом в поисках евреев.

— Нат, а ведь ты тоже еврей, правда?

— Верно, дорогая, — отозвался Нат. — Точнее, полукровка.

— А на другую половину — чертов валлиец! — пробасил Родди и, устроившись поудобнее на коленях у Клэр, заключил: — Ох, как же я напился!

«Чертов валлиец», в любой другой компании совершенно неприемлемый, в Клубе мучеников был просто дружеской шуткой. Однажды Тоби взял Ника с собой на ужин в клуб, и тот был поражен тем, как запросто молодежь из высшего общества на глазах у бесстрастной прислуги поливает друг друга отборными словечками. Ник словно оказался в другом мире, ярком, грубом и беспощадном, — мире, к которому, как ни странно, принадлежал и Тоби.

— Да ты пьян, как свинья, Шептон, — ответил Тоби.

Он стянул носки, скатал их в шарик и запустил в своего толстяка-приятеля. Носки приземлились у лорда точно на ухе.

— Мать твою так, Федден! — протянул Шептон, но снимать это украшение не стал.

Ник уже довольно давно говорил о том, что море в романах Конрада символизирует одновременно бегство от себя и погружение в себя — и чем больше говорил, тем яснее сам понимал, как он прав. Картина получалась стройная и столь прекрасная, что ему хотелось смеяться от счастья. Стойким курильщиком Ник никогда не был: первая затяжка обычно не оказывала на него особого действия, но со второй он «плавал» часами. Рядом с ним на полу, прижимаясь к нему теплым бедром, сидел Нат Хэнмер, кивал и улыбался, глядя в глаза. Было в нем сегодня что-то очаровательно-гейское, и, когда наркотик мягко сжимал Нику виски, ему казалось, что это ласкают его большие, сильные руки Ната. Сэм Зиман тоже кивал, улыбался и поправил Ника один раз, когда тот ошибся в подробностях сюжета «Победы» — Ник и к Сэму чувствовал нежность, потому что он, хотя по образованию и экономист, все на свете

читал, все знает, еще и на виолончели играет и не презирает тех, кто знает и умеет меньше его.

Ему хотелось лечь и закрыть глаза. Еще хотелось поцеловаться взасос с Натом Хэнмером: губы у него, правда, не такие полные и мягкие, как у Лео, но тоже красивые — интересно, почему раньше Ник этого не замечал? Тем временем Нат рассказывал, что и сам пробует писать роман, даже купил для этого компьютер — «чертовски сексуальная машина», заметил он, и марихуана помогла Нику понять, что тот имеет в виду.

— Хотел бы я почитать твой роман, — сказал он.

В другом конце комнаты Гарет перед компанией девиц вещал о битве в Ютландии, и чувствовалось, что он может говорить без перерыва еще лет сорок пять.

Вдруг — сердце его забилось быстрее — Ник поймал себя на том, что рассказывает, как скучает по своему другу. Сэм улыбался: сам он был абсолютно гетеросексуален, но к чужим причудам относился с прагматичным добродушием.

— Так ты… ты с парнем встречался, что ли? — не понял Нат, и Ник ответил:

— Ага…

А в следующий миг уже рассказывал все — и

про объявление, и про встречу, и про секс в кустах, и про то, как на обратном пути навстречу им попался сосед, Джеффри. И о том, что они и дальше будут встречаться. Трава стала для него чем-то вроде сыворотки правды, хоть и не совсем правдивой; он хотел показать, что тоже с кем-то встречается, но боялся, что откровенный рассказ раскроет его неопытность и неумелость, и кое в чем подправлял истину.

— А я и не знал, — проговорил Тоби.

Он как раз проходил мимо, босиком, как был, и с бутылкой бренди.

Нику показалось, что он удивлен, может быть, даже расстроен тем, что друг ничего ему не рассказывал.

— Ах да, — сказал он, — извини… Он в самом деле очень привлекательный. Он чернокожий, зовут Лео.

— Мог бы сегодня прийти с ним, — заметил Тоби. — Почему ты ничего нам не рассказал?

— Да так как-то… — ответил Ник.

Он попытался представить себе Лео, в обтягивающих джинсах и сестриной блузке, на этой вечеринке — и не смог. Лорд Шептон последние десять минут похрапывал на коленях у подруги; но тут вдруг поднял голову, решительно и гневно

обвел комнату мутным взором и вопросил:

— А можно узнать, почему?!

О чем это он, никто не понял.

— Неужели мало… о черт… черномазого тут нет? — И он комически завертел головой, проверяя, нет ли в спальне Чарли Мвегу, единственного чернокожего гостя на вечеринке. — Я хочу сказать… — продолжал он, — а, гребаная мать!

Шептона никто не принимал всерьез, и Ник просто поднял брови и вздохнул, однако ощутил, как сквозь туман наркотической эйфории пробивается что-то темное и мерзкое.

— Мне кажется, — заметила Клэр, устремив нежный взгляд на Ника, — негры бывают очень ничего. У них такие милые маленькие ушки… ну и вообще… не знаю… но, наверное, это здорово…

— Клэр, успокойся! — рявкнул Родди Шептон таким страшным голосом, словно подтвердились его худшие страхи, и потянулся за бокалом.

— Дорогой, тебя я ни на кого не променяю! — проворковала Клэр и шутливо ткнула его в бок.

— Да иди ты, корова! — брякнул Шептон. В этот миг блуждающий взор его сфокусировался на входящем в комнату Уани Уради. — А, Уради, и ты здесь! Иди-ка сюда, долбаный араб! Ну что, порошочка нам принес?

Не обращая внимания на Шептона, Уани подошел к кровати, где устроился Тоби. Он переоделся: теперь на нем был зеленый смокинг. Ник на мгновение забыл обо всем, погрузившись в созерцание его красоты. Упрямый изящный подбородок, огромные карие глаза, нос с горбинкой, изящные маленькие ушки, черные кудри — по сравнению с этим все на свете казалось грубым, пошлым, нелепо-вычурным. Нику захотелось бросить красавца Ната и пересесть к Уани поближе. Постаравшись поймать его взгляд, он указал глазами на Шептона и закатил глаза, молчаливо извиняясь за его поведение, — но Уани, кажется, ничего не заметил, и скоро компания заговорила о чем-то другом. Уани прилег на кровать рядом с Тоби, опершись на локоть, и лежал молча, созерцая спальню сквозь фильтр длинных ресниц. Тоби подобрал розовый шифоновый шарф, брошенный какой-то девушкой, и с пьяным упорством сооружал из него у себя на голове нечто вроде тюрбана. Уани смотрел на него, не говоря ни слова — как будто слова им не требовались, как будто оба они принадлежали к какой-то иной эпохе и культуре и понимали друг друга без слов. Ник увидел, как Уани наклонился к уху Тоби,

услышал, как он сказал: «Si tu veux…»[3] — а затем встал и направился в ванную. Тоби посидел еще немного, натужно смеясь чужим шуткам, затем зевнул, поднялся и, спотыкаясь, побрел за ним. Ник застыл, пораженный, почти в ужасе. Когда они вернулись, он напряженно и со страхом вгляделся в их лица, словно ребенок, ищущий подтверждения догадкам о родительских грехах. Так и есть: оба старались скрыть наркотическое возбуждение, и от этого странным образом выглядели мрачнее прочей компании; и в том, как они старались не смотреть друг на друга, чувствовалось мерцание общей тайны.

Косяк снова пошел по кругу, и Ник сделал глубокую затяжку. Потом встал и подошел к открытому окну, вдохнул полной грудью сырой ночной воздух. За окном уже перекликались первые птицы, и на востоке, на фоне чуть сереющего неба, неясно вырисовывались темные силуэты деревьев — по сравнению с этим пейзажем дом и вечеринка показались Нику какими-то жалкими. До рассвета, должно быть, еще несколько часов… Вдруг он оцепенел, а в следующий миг с ужасом взглянул на часы. 4.07. Ник обернулся,

---

[3] Примечания: 3
Если хочешь… (фр.)

обвел взглядом веселяющуюся компанию: им всем наплевать, они и вообразить себе не могут свидание с официантом, им не понять, какое отчаяние охватывает, когда понимаешь, что это свидание по собственной глупости упустил. Он двинулся было к двери, но, пройдя несколько шагов, остановился: трава отняла у него чувство направления. Куда он, собственно, идет? Ник замер, осторожно улыбаясь, — ему не хотелось показаться дураком; однако, вглядевшись в лица товарищей (имен многих из них он сейчас не припоминал), понял, что трава на всех оказала схожее действие. Надо идти, сказал себе Ник; вот сейчас и пойду, шаг за шагом, сначала левой ногой, потом правой — но эта мысль умерла где-то между коленом и пяткой левой ноги, не перейдя в действие.

— Да-а… да-а… — приговаривал Нат Хэнмер, значительно качая головой, соглашаясь с чем-то, что слышал лишь он один.

— Но какова же была цель Бисмарка? — вопрошал в другом конце комнаты Гарет Лейн.

— Мне кажется… — пробормотал Ник, поймав обрывок разговора о Джеральде и Би-би-си.

Что ему кажется, он придумать не успел; впрочем, не важно — все равно его никто не

услышал.

А потом их пробило на смех. С чего началось, Ник не помнил, но Сэм Зиман валялся на полу, пока не закашлялся и не вынужден был сесть. Какая-то девушка показывала на него пальцем, а сама тоже хохотала, как сумасшедшая. Нат побагровел, из глаз его текли слезы, он тщетно сжимал губы, стараясь остановить смех. И сам Ник немного успокаивался, лишь глядя в пол; но стоило поднять глаза — и он снова с кристальной ясностью понимал, что и недопитая бутылка бренди, и обнаженная дама Ренуара, и позолоченная корона над кроватью, и они сами, с их строгими костюмами, болтовней, со всеми их планами, надеждами и мечтами, не заслуживают ничего, кроме смеха.

4

— «Нет, это не „Жизнь героя“! — сказал некий критик, побывавший на первом концерте. — Скорее уж, это „Собачья жизнь“». Или кошачий концерт — возможно, добавите вы, прослушав интерпретацию Рудольфа Котнера и симфонического оркестра «Таллахасси».

Стояло субботнее утро, кухня на Кенсингтон-Парк-Гарденс была залита солнцем, и по радио,

в передаче «Домашняя фонотека», обозреватель не без едкости сравнивал различные записи «Ein Heldenleben».

— Ха-ха, — кисло отозвался Джеральд. Он помахивал рукой в такт музыке, словно дирижируя — сперва ручкой, затем взял теннисную ракетку.

Джеральд любил выходные: неторопливый подъем, шутливые пререкания с Рэйчел, составление списка покупок, маленькие домашние дела, исполняемые не столько по необходимости, сколько развлечения ради. Сегодня все было еще лучше: по радио играл его любимый композитор. То, что одни и те же пассажи повторяются в передаче снова и снова, Джеральда не смущало: размахивая рукой и покачивая головой, он с восторгом отдавался реву духовых и грому ударных в соперничающих интерпретациях. Особенно нравилось ему, как герой разбивает своих врагов, и, когда побежденные противники принимались хныкать (флейты), бессильно шипеть (гобой) и жаловаться (английский рожок), Джеральд царственным движением дирижирующей руки отправлял их всех куда-то в сторону буфетной.

— А теперь перейдем к «Мирным деяниям героя», — предложил обозреватель, — Интересно отметить, что Штраус — как видно не страдав-

ший излишней самокритичностью — заимствует здесь материал из собственных более ранних симфонических поэм и песен.

— Не нравится мне тон этого парня, — заметил Джеральд. — Ах… вот оно… Ник! Ну послушай, неужели ты не чувствуешь?

Ник сидел за столом. Кружка кофе стряхнула остатки сна, и сейчас он был готов к разговору о чем угодно. Грохочущая самоуверенность Штрауса сегодня особенно его раздражала: слишком уж она противоречила его собственной неуверенности и досаде, накопившейся за эти две недели, за которые мечта о будущем с Лео постепенно таяла в воздухе. Однако возражать Ник не стал — просто скорчил гримасу. В их с Джеральдом войне из-за Штрауса он вечно увлекался и порой начинал отстаивать такие головокружительные идеи, что потом, успокоившись, сам не сразу соображал, каким путем к ним пришел. Сама ситуация спора вытаскивала на поверхность дремлющие чувства и заставляла обоих спорщиков высказывать и заострять взгляды, которые иначе так и остались бы несформулированными. Ник бросался в бой с каким-то истерическим восторгом, словно очернить Штрауса было для него жизненной необходимостью; возможно, связано это было с

тем, что некоторые пассажи Штрауса вызывали у него самого тайное и искреннее удовольствие. Взять хотя бы этот рев труб, заполняющий кухню: Ник знал, что этот трубный глас будет еще дня три неотвязно звучать у него в ушах. Он перевел взгляд на Джеральда — тот, слушая Штрауса, расправил плечи, выпятил грудь, сделался как будто выше ростом, и это зрелище помогло Нику, едва музыка стихла, презрительно заметить:

— Нет… нет, это не для меня.

— Вы слушали оркестр Берлинской филармонии под управлением Герберта фон Караяна.

— Кажется, это то, что у нас, — заметил Джеральд. — Ник, у нас ведь Караян?

Свой вопрос он обратил к нему, потому что именно Ник в летние месяцы перебрал шкаф с грампластинками и расставил их в алфавитном порядке.

— М-м… кажется, да.

— Однако возможно, не правда ли, — продолжал умник-обозреватель, — возможно задать себе вопрос: не получается ли так, что в этом богатстве звука, в этой всепобеждающей мощности ритма утрачивается капля самоиронии, без которой все это легко может превратиться в оргию вульгарности? А теперь послушаем этот же

отрывок в исполнении оркестра «Концертгебау» под управлением Бернарда Хайтинка.

Джеральд уставился на приемник с видом человека, оскорбленного в лучших чувствах и напряженно подыскивающего подходящий ответ. Снова загремели трубы.

— Нет, — проговорил Джеральд, — не могу сказать, что это мне нравится больше. — И, подумав: — Не понимаю, что вульгарного в величественности.

— Если вас беспокоит вульгарность, — заметил Ник, — лучше не слушайте Штрауса совсем.

Джеральд с улыбкой отмахнулся от него; кажется, он восстановил доброе расположение духа.

— Разве что раннюю Симфонию фа-мажор, — продолжал Ник. — Да и она…

— Я еду к Расселу, — объявила, появившись на пороге, Кэтрин.

Она была в шляпке и прижимала ладони к ушам, защищаясь то ли от «Деяний героя», то ли от возможных комментариев отца.

Но Джеральд сказал только:

— Ладно, киска, — и продолжал вдохновенно отбивать ногой такт.

Романтическую музыку Кэтрин иначе как «проклятием нашего дома» не называла. Она исчезла,

и через несколько секунд они услышали, как хлопнула за ней входная дверь.

Ник не отрицал мастерства Штрауса, но его поражала и раздражала зияющая пропасть между блестящей, совершенно разработанной техникой и убогим содержанием: от этого возникало ощущение уродства, словно при виде слабоумного гиганта, бессмысленно и бесцельно машущего огромными ручищами. И какая пошлость (впрочем, это, кажется, и сам Штраус понимал) — применять высокий метафизический язык Вагнера к банальностям буржуазной жизни! Но говорить об этом Ник не хотел: прозвучит глупо, Джеральд, пожав плечами, скажет в ответ: «Это же просто музыка!» — и будет прав. Ник развернул газету, попытался читать, но не смог сосредоточиться: Штраус слишком его взволновал.

— И вот английский рожок, преобразившись из визгливого противника героя в пастушескую свирель, начинает изумительную по красоте мелодию, знаменующую неизбежный уход героя из нашего мира. Если вы хотите узнать, как не надо трактовать этот отрывок, прослушайте его в исполнении Симфонического оркестра Каракаса, солисту которого, кажется, забыли объяснить столь важную перемену в характере его инстру-

мента…

— Джеральд, а ты позаботился о дочери Нормана? — поинтересовалась с порога Рэйчел, слегка повысив голос, словно не уверенная, что Джеральд обратит на нее внимание.

Но для мужа ее голос имел безусловный приоритет над музыкой, и он ответил:

— Конечно, дорогая! — и поспешил навстречу, чтобы подхватить свежесрезанные желтые розы, которые она принесла из сада. Рэйчел помощь не требовалась, и эта галантная пантомима прошла почти не замеченной.

— Сегодня Пенни к нам зайдет, и мы с ней поболтаем. Правда, Норман уверяет, что она чересчур умна для работы на тори.

— Она будет рада у тебя работать, — заверила Рэйчел.

Норман Кент, автор портретов Тоби и Кэтрин, висевших в кабинете и на втором этаже, был «левым» и старым, еще со студенческих лет, другом Рэйчел, одним из тех, кому она хранила упрямую верность. Пенни, его дочь, блондинка с нежным румянцем, только что окончила Оксфорд, и предполагалось, что Джеральд возьмет ее к себе в офис.

— А Кэтрин еще наверху? — спросила Рэйчел. —

Или внизу?

— М-м? Да нет, ни там ни там. Ее вообще здесь нет. Пошла на свидание с этим парнем из «Фейс».

— А-а… — Взяв садовые ножницы, Рэйчел принялась подрезать стебли роз. — Надеюсь, к приезду твоей матери она появится.

— Не уверен, не уверен… — отозвался Джеральд; он явно полагал, что на обеде с Тоби, Софи и леди Партридж лучше обойтись без блудной дочери.

«Домашняя фонотека» подошла к концу, и Джеральд выключил радио.

— Слушай, Ник, что он за человек?

— Кто? Рассел? Ну… нормальный человек.

Две недели назад, в глаза не видав Рассела, Ник пылко его расхваливал, и потому теперь, увидав и обнаружив, что терпеть его не может, не считал возможным менять свое мнение.

— Ну, хорошо, — с облегчением проговорил Джеральд.

— Мне он показался недобрым человеком, — заметила Рэйчел.

— Понимаю, что вы имеете в виду, — согласился Ник.

— Одно мы с тобой, Ник, уже усвоили, — заклю-

чил Джеральд. — Все приятели нашего Котенка — святые и герои, а любая критика с нашей стороны — подлое предательство. Так что лучше уж будем восхищаться.

— Или молчать, — добавила Рэйчел.

— Конечно, выглядит он не очень, — быстро признал Ник, прекрасно зная, что поэтому Кэтрин его и выбрала.

— Да что там, физиономия просто бандитская, — с беспощадной улыбкой отрезала Рэйчел. — И фотографии, которые он сделал в Хоксвуде, совершенно кошмарные. На них все выглядят дураками.

Фотографии приносила Кэтрин с неделю назад: черно-белые, зернистые, сделанные без вспышки, из-за долгой выдержки лица людей превратились в ухмыляющиеся маски. Совсем не то, что снимок Джеральда с министром внутренних дел, опубликованный в «Татлере». Ник знал, что многие фотографии — те, на которых гости лапали девушек, писали в фонтаны и нюхали кокс, — на стол к старшим Федденам не попали.

— Что такое этот «Фейс»? — поинтересовался Джеральд. — Что-то сатирическое?

— Не совсем, — ответил Ник. — Скорее, музыка, фильмы, мода…

— Я бы не отказалась на него взглянуть, — осторожно заметила Рэйчел.

И вот Ник уже взлетает на четыре лестничных пролета вверх, в спальню Кэтрин. Чувство преступного вторжения на чужую территорию, щемящее воспоминание о том, что едва не произошло в этой спальне три недели назад, едва не заставило его попятиться. Журнал он нашел сразу, торопливо просмотрел, нет ли в номере чего-нибудь криминального. «Фейс» ему, пожалуй, нравился, хотя многого там он не понимал. На обложке красовался Бой Джордж, весь в белилах, румянах, серьгах и кольцах: подпись гласила, что фотография сделана Расселом. На кухню Ник возвращался в таком смущении, словно нес под мышкой один из четырех порножурналов, что хранились у него в нижнем ящике.

Семья сгрудилась за столом, рассматривая журнал.

— Хм… по-моему, все довольно безобидно, — протянул Джеральд.

— Да, просто подростковый журнальчик, — поспешил заверить Ник.

Он не слишком-то хорошо разбирался в молодежной культуре, но понимал, что журнал вовсе не подростковый.

Взгляды их задержались на странице моды, где красотки-модели в нижнем белье изображали драку подушками. Джеральд нахмурился, давая понять, что женщины его вовсе не интересуют. Будь здесь его родители, подумал Ник, они бы давно уже отложили журнал со словами вроде «ерунда» или «пошлость» — впрямую заговорить о сексе они никогда бы не осмелились. На следующей странице на огромном диване возлежал полуголый мужчина.

Ник покраснел, отвел глаза и заметил:

— Тяжело, должно быть, вот так позировать часами.

— Да, наверное, — великодушно согласилась Рэйчел. — Вид у него какой-то потерянный, правда?

Джеральд перевернул страницу, и все трое углубились в чтение статьи, начинавшейся так: «„Уберите отсюда этого говнюка!“ — кричит папаша Мамбо».

— Ладно, — проговорил Джеральд, рассеянно проглядывая страницы с рекламой ночных клубов и альбомов. Он, кажется, был немного смущен — не самим журналом, а тем, что пришлось показать его Рэйчел. — Ну и где же работы этого юного гения?

— На обложке.

— А-а… — Джеральд закрыл журнал и уставился на обложку. — В самом деле, «фото Рассела Суинберна-Стивенсона».

— Я и не знала, что у него есть фамилия, — заметила Рэйчел.

— Даже две, — поправил Джеральд с таким видом, словно наконец обнаружил в Расселе что-то достойное уважения.

Некоторое время оба разглядывали причудливую шляпу и неестественно красногубую улыбку Боя Джорджа. Ника он совершенно не привлекал, но сексуальный подтекст фотографии был для него очевиден.

— Этот Бой Джордж… он мужчина, верно? — поинтересовалась Рэйчел.

— Мужчина, — ответил Ник.

— Не как Джордж Элиот?

— Нет, вовсе нет.

— Хороший вопрос, — хмыкнул Джеральд.

Зазвенел дверной звонок — не одно-единственное «динь», а долгая мелкая трель.

— Неужели это уже Джуди? — проговорила Рэйчел, явно недовольная.

Джеральд вышел в холл. Ник слышал, как он отворил дверь и проговорил: «Здравствуйте»

— тем казенно-сердечным тоном, каким общался с незнакомцами.

А вслед за тем послышался другой голос, от которого у Ника заколотилось сердце и воздух на кухне вдруг сделался густым и вязким.

— Доброе утро, мистер Федден, сэр. Скажите, пожалуйста, Николас дома?

— А… да-да, он здесь… Ник! — позвал он.

Но Ник уже на подгибающихся от гордости и смущения ногах бежал в холл, и с лица его не сходила глупая улыбка. В первый раз в жизни он принимал дома своего любовника, и было в этом что-то до восторга, до головокружения непристойное.

Джеральд не приглашал Лео войти, он только посторонился, пропуская Ника, и чуть отступил назад.

— Привет, Ник, — сказал Лео.

— Лео!

Ник сжал его руку и так, не выпуская ее, шагнул через порог.

— Ну как дела? — спросил Лео.

На губах его играла знакомая циничная усмешка, но глаза смотрели мягко, почти нежно, словно передавая какое-то тайное послание.

Обернувшись, Ник увидел, что Джеральд едва

заметно пожал плечами и двинулся прочь. Он почти слышал его мысли: «Ничего особенного, какой-то приятель Ника… — и немного погодя: — А может быть… да нет, быть не может, он же черный!»

— До чего же я рад тебя видеть! — воскликнул Ник и тут же сообразил, что не стоит так уж явно выказывать свой восторг. А потом: — Я о тебе думал. Удивлялся, чем ты так занят.

В собственном голосе он ясно расслышал материнские нотки — так разговаривала с сыном Дот Гест, когда была недовольна, но не хотела его бранить. Он неотрывно смотрел на Лео, на его лицо, нос, щетину, легкую лукавую улыбку. Смотрел так, словно видел его впервые.

— Да, письмо твое я получил, — сказал Лео.

Нику вспомнилась его загадочная фраза: мол, несколько раз проходил мимо его дома и хотел позвонить в дверь.

— Извини, что не ответил.

— Ничего страшного! — с готовностью отозвался Ник и почувствовал, что две недели тоски и тающей надежды в самом деле уже почти забыты.

— Я тут приболел немного, — объяснил Лео.

— Правда? — Ник этому с готовностью поверил

и теперь купался в новом для себя чувстве сострадания и беспокойства. — А что такое?

— Да простуда какая-то или грипп, черт его знает, — ответил Лео. — Никак не проходила.

— Но теперь-то ты выздоровел?

— Здоров, как сто коров! — ухмыльнулся Лео и подмигнул.

Нику захотелось с такой же нахальной ухмылкой сказать: «А меньше надо трахаться по кустам!» — но он не знал, можно ли такое говорить, прозвучит ли это остроумно или глупо, и боялся попасть впросак.

— А ты и вправду негодник, — с одобрением заметил Лео. — Такой негодный мальчишка!

Сегодня на нем были те же потертые джинсы, которые Ник уже знал и любил, как родные, и застегнутый на молнию верх от тренировочного костюма, придававший Лео особенно энергичный, решительный вид.

— Я ведь не забыл, как мы с тобой развлекались в кустиках!

— Я тоже, — хихикнул Ник и оглянулся через плечо.

— Я сразу подумал: «Ну, он, конечно, парнишка застенчивый, даже зажатый, но, богом клянусь, под этими скромными брючками таится что-то

необыкновенное. Уж я его раскручу!» И как же я был прав!

Ник порозовел от удовольствия, предчувствуя, однако, что теперь его до конца жизни будет мучить вопрос о разнице между застенчивым и зажатым. Он предпочитал чистые комплименты и любовь без оговорок.

— Ладно, в общем, проезжал я мимо и подумал: попытаю-ка счастья. — Лео окинул его значительным взглядом и продолжал: — Я, собственно, еду к старине Питу на Портобелло. Не знаю, если хочешь со мной…

— Конечно, хочу! — с энтузиазмом откликнулся Ник, хотя идея провести второе свидание в обществе соперника (пусть и бывшего), сказать по правде, совершенно его не привлекала.

— Мы только на минутку. Старине Питу что-то нездоровится.

— О, очень жаль, — проговорил Ник, на сей раз никакой жалости не чувствуя.

К тротуару подрулило черное такси; с заднего сиденья нетерпеливо выглядывала какая-то фигура. Водитель остановил машину и, перегнувшись в окно, открыл заднюю дверь. Пассажирка (Ник понял, что это леди Партридж) не появлялась, и тогда водитель предпринял жест, вообще-то лон-

донским таксистам не свойственный, — вышел из машины и отворил дверь сам. Леди Партридж приняла его услугу с королевским высокомерием.

— А это что за дредноут в юбке? — поинтересовался Лео.

В самом деле, и в строгом синем костюме леди Партридж (можно подумать, она на ужин приехала, а не на семейный обед), и в остром взгляде, каким она окинула пару на ступеньках, чувствовалось что-то воинственное.

Ник широко улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте, леди Партридж!

— Здравствуйте, — откликнулась леди с той торопливой и безличной вежливостью, какую обычно встречают у своих кумиров охотники за автографами.

Ник не мог поверить, что она его не узнала, и с почти карикатурной любезностью продолжал:

— Разрешите представить вам моего друга Лео!

Вблизи ткань ее синего пиджака выглядела грубой и рыхлой, в ней вязли и ломались нити густой черно-золотой вышивки. Леди улыбнулась и сказала: «Как поживаете?» — необыкновенно сердечным тоном, по которому, однако, было совершенно ясно, что никогда больше она ни о

чем с ним не заговорит.

Лео поздоровался и протянул руку, но она уже проплыла мимо него к открытой двери, восклицая: «Джеральд, Рэйчел, мои дорогие!» — и в преувеличенной теплоте ее голоса ясно чувствовалась просьба об ободрении.

От зеленой двери дома Федденов до Портобелло ходьбы было минуты две — на любовь времени не оставалось. Лео шел, ведя мотоцикл за руль; Ник семенил рядом и надеялся, что выглядит нормально. У него кружилась голова и внутри что-то вздрагивало и замирало от мысли, что первый, самый первый раз в жизни он идет по улице с любовником.

На языке вертелся один вопрос, такой важный, что невольно Ник спросил совсем о другом:

— Так ты знаешь, кто такой Джеральд?

— Ах да, твой великолепный мистер Федден! — ехидно отозвался Лео, словно знал, как обожает Джеральд слово «великолепный». — Понимаешь, я сразу почувствовал, что ты что-то от меня скрываешь. А я не люблю, когда со мной играют в прятки, не такой я человек. Да и этот мужик, Джеффри, что-то трындел о парламенте. Ну я и подумал: приду на работу — посмотрю предвыборные списки, «Кто есть кто» и всякое такое, и

все о тебе разузнаю…

— Понятно, — ответил Ник, польщенный, но и немного смущенный — должно быть, оттого, что ему впервые приоткрылся краешек незнакомой, профессиональной стороны жизни Лео.

Он и сам, когда влюбился в Тоби, проводил похожий розыск. Со сладкой дрожью разузнавал, когда Джеральд родился, где учился, как проводит досуг, и эти сведения каким-то непостижимым образом сплетались в сознании с тем, что он мечтал получить от его сына… Но у Лео, наверное, все было иначе.

— Выглядит он ничего для тори, — заметил Лео.

— Да, — ответил Ник, — похоже, им все восхищаются, кроме меня.

Лео одарил его быстрой улыбкой:

— Я им тоже не очень-то восхищаюсь. На мой вкус, слишком уж похож на рожи из телика.

— Думаю, он довольно скоро станет рожей из телика. А вообще-то все они там уроды… я хочу сказать, на вид.

— И то верно.

Поколебавшись, Ник заметил:

— Однако в консерватизме и вправду есть какая-то эстетическая слепота, тебе не кажется?

— Чего?

— Ну, ты видел синий костюм леди Партридж?

Лео кивнул, немного подумал и ответил:

— Я бы сказал, это не единственный их недостаток.

Воскресная толпа плотно текла от вокзала по улице и вниз по холму в сторону рынка. Заведение Пита обнаружилось на углу слева. «ПИТЕР МОУСОН» — золотом по черному, как на старинных ювелирных лавках, и окна занавешены, хотя магазин сегодня работал. Лео толкнул дверь плечом, звякнув колокольчиком, привычно завел внутрь мотоцикл. Нику уже случалось заглядывать в витрины этого магазина во время прогулок в сонные выходные, когда все закрыто и в холле лежит стопкой неразобранная почта. Ему запомнились два столика с мраморными столешницами, а за ними — темное полупустое пространство, похожее скорее на склад, чем на магазин.

Пит был в задней комнате — кажется, говорил по телефону. Лео по-хозяйски прислонил мотоцикл к стене и направился туда; Ник смотрел ему вслед, не уставая любоваться его легкой, чуть пританцовывающей походкой. Он услышал, как Пит повесил трубку; потом послышались звуки

объятия, поцелуев и голос Пита:

— А, вот и ты!.. Да, уже гораздо лучше.

— Я своего нового дружка привел с тобой познакомиться, — сообщил Лео ненатурально бодрым тоном, по которому Ник понял, что всех троих ждут трудные полчаса.

Особенно его. Да, его в особенности, потому что он не умеет подавать нужные реплики в нужный момент, не умеет правильно шутить… Да что там, смешно сказать, но его до сих пор немного смущает мысль о влюбленной паре мужчин. Ибо их с Лео, что там ни говори, еще нельзя назвать парой.

— Ну, что у нас тут? — проговорил Пит, выходя следом за Лео в торговый зал.

— Это Пит, это Ник, — широко улыбаясь, бодро сообщил Лео.

Ник никогда еще не видел, как Лео из кожи вон лезет, стараясь кого-то очаровать и подбодрить; эта сторона его характера была для него совершенно новой и заставляла думать, что в конечном счете возможно все.

— Пит — мой старинный и самый лучший друг, — продолжал Лео. — Правда, дорогой?

Ник и Пит пожали друг другу руки. Пит слегка поморщился, словно коснулся чего-то непри-

ятного.

— Вижу, ты, старина, опять взялся за малолеток?

Лео поднял бровь и парировал:

— Напомнить, как ты меня похитил из колыбельки?

Ник представил себе Лео, которого похищают из колыбельки, и старательно рассмеялся, хоть ему было вовсе не смешно — скорее, больно. Он знал, что благодаря небольшому росту и свежей коже выглядит моложе своих лет, однако не хотел, чтобы его принимали за ребенка, и добавил с напускной обидой:

— Вообще-то мне двадцать один.

— Ты посмотри на него, а? — рассмеялся Пит.

— Ник живет тут рядом, за углом, — сказал Лео. — На Кенсингтон-Парк-Гарденс.

— Правда? Очень мило.

— Собственно говоря, я там не живу, просто гощу у старого друга, однокурсника…

Лео тактично не стал развивать эту тему, сказав вместо этого:

— Ник разбирается в мебели. Его старик торгует антиквариатом.

Пит пожал плечами, неопределенным жестом обвел свои скудные пожитки, вежливо предло-

жил:

— Что ж, будь как дома…

Так Ник и сделал: мысленно включив музыку, чтобы не слушать бывших любовников, углубившихся в тихий разговор, — он ничего не желал знать, ни хорошего, ни дурного, — принялся осматривать товар Пита. Здесь были потрепанные кресла времен Людовика Шестнадцатого, подозрительно новенький на вид кабинет в стиле рококо, мраморная голова мальчика, а у окна — пара столов, напомнивших ему умывальник в Хоксвуде. Одна стена была затянута огромным выцветшим гобеленом с изображением вакханалии — бледные фигуры обнимались и плясали под красно-коричневыми деревьями. Гобелен была чересчур велик, нижний край его, завернувшись, лежал на полу, и ухмыляющийся сатир у Ника под ногами напоминал черта.

Единственным, что здесь представляло интерес, был сам Пит. Лет сорока с лишним, с редеющими волосами песочного цвета, лысиной на макушке и седоватой козлиной бородкой. Дюйма на два выше и Ника, и Лео, хотя и сутулый. На нем были потертые джинсы, джинсовая рубашка, что-то еще в том же стиле — костюм придавал ему вид дерзкий и агрессивный, словно

старина Пит готов побороться за то, что ему принадлежит, и с презрением смотрит на бедного Ника, никогда ни за что не боровшегося. По крайней мере, так объяснил себе Ник собственный дискомфорт, смутное недовольство и робость, охватившие его у входа в мир настоящих геев. Он представлял себе Пита какой-то бесполой фигурой, вроде отца, стариком в галстуке и с аккуратно подстриженной седой бородой. А этот Пит, такой, каким он оказался, бросал отблеск новизны и на Лео. Теперь Ник смотрел на своего друга — тот стоял в небрежной позе, прислонившись крепким, тугим задом к краю антикварного столика, — новым взглядом: Лео здесь, с этим немолодым и непривлекательным мужчиной, как дома, потому что этот мужчина — его старый любовник, и вместе они сотни раз делали сотни вещей, о которых Ник осмеливается только мечтать. Ник не знал, как и почему окончилась их любовь, однако по манерам, позам, интонациям видел, что близость, пусть и чисто дружеская, между ними сохранилась, и завидовал, хотя и не знал, какого конца отношений хотел бы для себя. Лео почти ничего не рассказывал о себе — то ли игра, то ли привычный для него стиль. Однако теперь Ник удивлялся тому, что после Пита Лео

выбрал его.

— Посмотри-ка на это, Ник, — вежливо предложил Пит, стараясь занять гостя. — Ты должен знать, что это.

— Симпатичная вещица, — заметил Лео.

— Еще бы не симпатичная! — отвечал Пит. — Это Людовик Пятнадцатый.

Ник окинул взглядом шкафчик с затейливой инкрустацией.

— Да, это encoignure, — ответил он и добавил, со слабой надеждой произвести впечатление: — N'est-ce pas?[4]

— Вообще-то у нас это называется угловой буфет, — уточнил Пит. — Слушай, малыш, откуда ты выкопал такое чудо?

— На улице подобрал, — подмигнув Нику, ответил Лео. — Бродил там, такой одинокий и потерянный…

— Ник, а где у твоего отца магазин? — поинтересовался Пит.

— В Барвике, в Нортхэмптоншире.

— Разве это произносится не «Баррик»?

— Так говорят только местные аристократы.

Пит щелкнул зажигалкой, сделал глубокую за-

---

[4] Примечания: 4
Не правда ли? (фр.)

тяжку и закашлялся. Только сейчас Ник заметил, что он, кажется, в самом деле нездоров.

— Так-то лучше, — проговорил Пит. — Значит, Бар-вик. Да, бывал там. Тихий маленький городок в сердце доброй старой Англии, так?

— У нас очень красивая ратуша, восемнадцатого века, — добавил Ник, чтобы помочь ему вспомнить.

— Я там как-то прикупил шкаф времен Директории, bombé — если ты понимаешь, о чем я.

— Это вряд ли у нас. Наверное, у Гастона. Отец занимается в основном английской мебелью.

— Да? Ну и как сейчас идет торговля?

— Честно говоря, так себе, — ответил Ник.

— Да говори уж прямо: ни черта не продается! И у меня та же история. Еще четыре года с мадам Тэтчер — и мы все окажемся на улице. — Пит снова закашлялся, Лео хотел взять у него сигарету, но Пит его отстранил. — И долго ты живешь в Лондоне, Ник?

— Ну… месяца полтора.

— Полтора месяца? Ясно. И как, освоился в городе? Может, сводить тебя куда-нибудь? В «Волонтере» бывал?

Лео заметил, что Ник колеблется, и сказал:

— Нечего ему делать в этой богадельне. По

крайней мере, пока он на пенсию не вышел, как все тамошние завсегдатаи.

— Осваиваюсь потихоньку, — сказал Ник.

— Я вот не знаю, где сейчас собираются молоденькие.

— Ну, например, в «Шефтсбери», — ответил Ник, припомнив рассказы Полли Томпкинса, частенько завязывавшего знакомства в этом пабе.

— Но ты ведь, кажется, не особенно любишь пивнушки? — заметил Лео.

— Если ценишь сильные ощущения, мальчик, — сказал Пит, — обязательно побывай в «Лифте».

Ник покраснел и покачал головой, чувствуя, что выглядит дураком.

— Я, право, не знаю…

Он был безумно смущен, особенно от того, что все происходило на глазах у Лео, и в то же время странно польщен тем, как пожилой гей пытается угадать его вкусы. Собственно говоря, свои вкусы он и сам представлял смутно.

— А когда ты познакомился с нашей Леонтиной?

Это Ник помнил с точностью до часа и минуты, однако ответил неопределенно:

— Недели три назад.

От этого допроса он чувствовал себя все более глупо. Имя Лео в женском роде Ника не удивило, он и сам порой тренировался в именовании Полли Томпкинса «она», хотя, в отличие от других, никак не мог понять, что в этом пикантного и забавного.

— Я ее так называю, — объяснил Пит. — Дорогая Леонтина. Дорогая в прямом смысле — ты уже приготовил чековую книжку?

На это можно было не отвечать, однако Лео пробормотал неохотно:

— Ладно, ладно, Пит, мы верим, что о ценах тебе известно все.

Ник принужденно хихикнул. Пит, кажется, расслабился: выражение его сухого, сероватого лица стало более непринужденным, он снова затянулся сигаретой, уставившись на унылый гобелен — одну из тех злосчастных вещей, что пылятся в лавках годами, и в конце концов хозяин выносит их на помойку, полагая, что они навлекают неудачу на весь магазин. Нику снова вспомнилось, что Пит болен, только он не знает чем.

— Да, а ту здоровенную кровать я все-таки купил, — сказал Пит. — Только установить не могу. — В подсобке зазвонил телефон, и он махнул рукой куда-то в сторону: — Вон она, можете

посмотреть.

Кровать стояла разобранной, гнутые, словно вздутые посредине ножки, резная рама, изголовье и изножье, расписанные обычными для рококо игривыми сценками, стояли, прислоненные к стене.

— Что ж, пойдем посмотрим, — сказал Лео и, проходя мимо Ника, легко и быстро погладил его по руке.

Ник догадался, что ему совсем не хочется смотреть на кровать.

Руками они не трогали, опасаясь что-нибудь уронить или опрокинуть, — только смотрели. Разглядывая поблекшую позолоту и неотполированные внутренние изгибы, обычно скрытые от любопытных глаз, Ник думал о том, что всю жизнь смотрит на мебель с необычных точек зрения, — с самого детства, когда столы и шкафы с томительным запахом дерева и лака были для него маленькими зданиями, резные львы и химеры по краям — собеседниками и товарищами детских игр. Кровать была в самом деле огромная; однако рама оказалась сильно изъедена жучком-точильщиком, и не хватало балдахина. Ник ощутил странное желание собрать ее и лечь туда, чтобы узнать, как это будет.

— Очень мило, — сказал Лео. Он присел, рассматривая картинку в изножье. — Посмотри-ка, Ник.

Стоя у него за спиной, Ник глазел на него сверху вниз, как на первом свидании, когда Лео возился с мотоциклом. Теперь он почти смущенно отвел взгляд и уставился на синюю с серебром роспись изножья, на дам в широчайших юбках и их кавалеров с лютнями в тонких руках. Мгновение спустя снова взглянул вниз — туда, где джинсы Лео отставали от талии. После первого свидания он сотню раз вызывал в памяти эту картину, сжился и сроднился с ней: начало округлых шоколадных ягодиц, разделенных посередине мягким углублением, перечеркнутое синей полоской трусов, стало для него любовной эмблемой, более мощной и значительной, чем сам секс. Вот почему второй взгляд приобрел двойную силу, став чем-то вроде подтверждения данной прежде клятвы, и все сомнения и колебания Ника растаяли в лучах радостного, нетерпеливого ожидания счастья.

— Да, очень ничего, — сказал он.

— Тебе видно? — спросил Лео и чуть отодвинулся.

— Да, видно, — со сладким счастливым вздохом

вполголоса ответил Ник.

— Ну и как? — радостно поинтересовался ничего не замечающий Лео.

— Очень красиво, — прошептал Ник.

Оглянувшись на дверь в подсобку, он присел рядом, запустил руку внутрь — и на этот раз не встретил никаких преград: под джинсами был лишь Лео, теплый, гладко выбритый, мягко круглящийся Лео. Секунду или две Ник оставался там, затем поднялся и положил руки Лео на плечи, а тот, откинувшись назад, потерся плечом о его восставший член.

— М-м, да тебе это нравится! — пробормотал он.

— Еще как нравится! — ответил Ник.

Когда из подсобки показался Пит, оба они бродили по залу, держа руки в карманах.

— Ты не поверишь! — объявил Пит. — Кажется, я продал кровать!

— Правда? — откликнулся Лео. — Ник как раз говорил, что она очень милая. Только говорит, что она потребует много работы. Верно, Ник?

Прощались неловко и натянуто. Ник, погруженный в свое счастье, почти не слушал, что говорит Лео бывшему другу. Казалось, мебель вокруг стала больше, величественнее, приобрела

особый блеск и в то же время сделалась странно нереальной. Ник видел, что и Пит чувствует в воздухе особую напряженную дрожь, по которой безошибочно можно догадаться, что между ними двоими что-то произошло; пожалуй, он мог бы отпустить на этот счет какую-нибудь фривольную шуточку, но не стал. Ник вдруг сообразил, что Пит, должно быть, уже примирился с потерей Лео, и эта мысль его слегка огорчила — ему хотелось, чтобы Пит ревновал.

— Ладно, пойдем-ка мы пообедаем, — сказал Лео. — Я есть хочу, а ты, Ник?

— Умираю от голода, — счастливо ответил Ник.

Все трое рассмеялись, пожали друг другу руки, а когда Пит обнял Лео на прощание, тот, коротко похлопав его по спине, отстранил от себя.

И вот они неторопливо шагали по рынку, обтекаемые воскресной толпой, под шелковистый шорох колес мотоцикла. В первый раз Ник шел по улице со своим мужчиной. Об обеде разговора больше не было — добрый знак. В сущности, они вообще почти не разговаривали, только обменивались взглядами и улыбками. Желание щекотало Нику чресла, сжимало горло, давило под ложечкой, и между улыбками он едва удер-

живался от стонов. Он шел на шаг позади Лео — и мечтал стать его джинсами, обнимать его мускулистые ноги, то сжимать, то при-отпускать, то снова сжимать чудесные тугие ягодицы. То и дело он протягивал к Лео руку, указывая на что-нибудь — на вывеску, ларек, синий гребень на голове у идущего навстречу панка, — и иногда, замирая от удовольствия, как бы невзначай притрагивался к его обтянутому джинсами заду. Лео словно и не замечал ничего — знай себе шагал, вел мотоцикл, острым взглядом осматривая прохожих, и порой игриво приподнимал бровь при виде какого-нибудь сексапильного юнца. Лучше бы мне идти впереди, думал Ник, чтобы он смотрел только на меня; но в то же время он чувствовал, что беспокоиться не о чем, что Лео думает о нем и хочет только его.

Под бахромчатым козырьком ювелирной палатки Ник заметил вдруг склоненный профиль Софи Тип-пер — она рассматривала старые кольца и браслеты на черном бархате прилавка. Нику захотелось сделать вид, что он не заметил ее, и пройти мимо — он все еще ревновал к ней Тоби. Но мгновение спустя за спиной у нее возник и сам Тоби, с рассеянно-снисходительной улыбкой на устах — ни дать ни взять любящий муж, ко-

торого жена в воскресный день таскает с собой по магазинам. На миг он уткнулся подбородком ей в плечо, она что-то проворчала, и Нику стало неловко, как будто он подглядывал в замочную скважину за чужим счастьем. Ибо выглядели оба совершенно счастливыми — и ослепительно, неестественно прекрасными, словно модели в свете софитов. Ник отвернулся и начал разглядывать прилавки, прикидывая, что бы подарить Лео. Он предчувствовал, что ничего хорошего из этой встречи не выйдет.

— Привет, Гест! — послышался голос Тоби.

В два счета оказавшись рядом, он крепко обнял Ника и чмокнул в щеку.

— Привет… Тоби.

Никогда прежде они не целовались — должно быть, Тоби счел, что в присутствии Софи такой жест вполне пристоен и безопасен. И сейчас на лице его отразилось облегчение, словно он наконец преодолел какую-то незримую преграду и теперь может общаться с Ником так же, как с любым другим приятелем. Что же до Ника — неожиданное прикосновение губ Тоби согрело его, но и наполнило невыразимой печалью, ибо ясно дало понять, что дальше поцелуев в щеку дело уже не пойдет. Никогда.

— Привет, Ник!

С сияющей улыбкой, которую Ник отнес за счет ее актерского мастерства, Софи расцеловала его в обе щеки.

Он хотел познакомить их с Лео — и вдруг с ужасом и стыдом вспомнил, что той ночью, на дне рождения, под кайфом, наболтал про него невесть что, и Тоби, должно быть, это помнит. Поэтому брякнул:

— А вы на обед не опоздаете? — и сам почувствовал, что вышло неловко, грубо.

— Как же, как же! — отозвался Тоби. — Бабуля мечтает устроить Софи очередной допрос. Так что чем позже мы там появимся, тем лучше.

— А мне твоя бабушка нравится, — надув губки, протянула Софи.

— Да нет, вообще-то она классная старуха, — согласился Тоби с той же небрежной снисходительностью, с какой в Оксфорде отпускал непочтительные замечания о знаменитых друзьях родителей.

Он вежливо улыбался Лео. Не будь здесь Софи, подумал Ник, можно было бы дать Лео понять, что у нас с Тоби что-то было — пусть видит, что не у него одного есть прошлое! Но Софи рядом, и Тоби принадлежит ей.

— Софи Типпер. Тоби Федден. Лео Чарльз, — сказал Ник.

Лео два раза сказал «Лео» — и пожал руки.

— Классно, — сказал Тоби. — Просто фантастика. Мы уже все про тебя знаем! — И ободряюще улыбнулся.

— Вот как? — отозвался явно обескураженный Лео.

— Лео — новый бойфренд Ника, — объяснил Тоби Софи. — Здорово, правда?

Ник, совершенно уничтоженный, бросил на Лео испуганный взгляд. Радостная уверенность в будущем, гревшая его еще пять минут назад, теперь казалась далекой и очень глупой.

— Ну, мы пока что из пушек не палим… — пробормотал он.

— Боже мой, это же замечательно! — проговорила Софи таким тоном, словно мысли о горьком одиночестве Ника не давали ей спать по ночам.

— Он тебя от нас скрывал, — объявил Тоби. — Наконец-то мы вас поймали! Ну, давай рассказывай. — И слегка покраснел.

— Да мы тут просто гуляем… — начал Лео.

— Нет, это же здорово, честное слово! — не унимался Тоби.

Как и Софи, он сиял от счастья, и Ник слишком

хорошо понимал, в чем тут дело: его появление с бойфрендом сняло с души Тоби темную, неназываемую, быть может, даже неосознанную заботу. Ник нашел себе мужчину! Другого мужчину. Как непременно сказал бы (пусть и по другому поводу) Джеральд, «это следует всемерно поощрять». Наверное, и Софи это чувствовала. Быть может, между собой они даже говорили об этом, обменивались парой слов — а потом эта тема падала в безразличное молчание, как падают на пол сброшенные у кровати башмаки…

— А вы на обед не пойдете? — поинтересовался Тоби.

— Нас не приглашали, — добродушно покачав головой, ответил Лео.

На миг Ник представил себя и Лео на обеде с Тоби, Софи, Джеральдом и леди Партридж и, ужаснувшись, поспешно отстранил эту мысль.

— Тогда в другой раз, — сказал Тоби. — Ладно, Пипс, нам пора. Как-нибудь еще обязательно встретимся.

— Так и знала, что кольцо мы не купим, — проворчала Софи с притворным недовольством, за которым скрывалась нежность, а за ней, в свою очередь, твердость.

— Хорошо, после обеда сюда вернемся. Ей,

понимаешь, загорелось, чтобы я ей подарил кольцо, — объяснил Тоби Нику, которого, надо сказать, это объяснение не обрадовало.

Тем временем Лео, до сих пор разглядывавший молодую пару с самоуверенной иронией, вдруг проговорил:

— Слушай, а ведь я тебя в кино видел! — И умолк, словно слегка смутившись от собственных слов.

Личико Софи просияло образцовой смесью удовольствия и смущения.

— Ой…

— Прошу прощения, если я ошибся, — продолжал Лео, — но ты в «Английской розе» не снималась?

Софи, разочарованная, притворилась, что припоминает:

— В «Английской розе»? Нет, ты почти угадал, но нет, там не снималась.

— Там играла Бетси Тилден, — подсказал Ник.

— Да-да, конечно, Бетси… Но я же тебя точно где-то видел!

Нику захотелось сказать, что Софи пока снялась только в двух фильмах — в эпизоде «Бержерака» и в ленте «Белый дьявол», сделанной студентами на деньги ее отца.

— Я снималась в фильме «Белый дьявол», — снисходительно, словно ребенку, подсказала Софи.

— Ну, точно! — воскликнул Лео. — Так и есть! Потрясающий фильм, я его обожаю!

— Спасибо, — ответила Софи. — Очень рада!

Лео смотрел на нее во все глаза — видимо, прокручивал в памяти сцены из фильма и старался мысленно совместить их с женщиной, стоящей перед ним.

— Да, когда он там дает ему яд, это… Ник, а ты смотрел «Белого дьявола»?

— К большому сожалению, я его пропустил, — ответил Ник, хотя хорошо помнил эту наивную и претенциозную ленту, со страшной местью и роковыми страстями; особенно запомнился ему один из героев, Фламинео — Джейми Сталлард, которого он встретил как-то в Клубе мучеников и потом долго о нем мечтал.

— Ну, я тебе скажу, играет там один парень — кажется, Джейми его зовут. Это что-то!

— Так и думала, что он тебе понравится, — рассмеялась Софи.

— И ты не ошиблась! — воскликнул Лео с таким восторгом, что Нику на миг показалось: он над ней издевается. — Только ведь он не… Скажи,

пожалуйста, я правильно понимаю, что он не…

— Боюсь, что да, он — нет. Многие об этом спрашивают, — признала Софи.

Лео принял эту новость с философским смирением:

— Что ж, когда фильм пойдет снова, обязательно захвачу его с собой! — И кивнул в сторону Ника.

— Хорошо, — откликнулся Ник: ему представились два часа, проведенные вдвоем в теплом и темном зале. — И, если хочешь, я тебе все расскажу про Джейми Сталларда, — добавил он.

Но Лео смотрел только на Софи.

— А где ты сейчас снимаешься? — спросил он.

Поймав взгляд Тоби, Ник поднял брови и покачал головой, молчаливо извиняясь за друга. Тоби добродушно пожал плечами, как бы говоря, что привык — такие вещи неизбежны, когда выходишь в свет с многообещающей актрисой. Софи сияла — отчасти оттого, что ее узнали на улице, отчасти потому, как догадался Ник, что разговоры с людьми вроде Лео были для нее в новинку, и она радовалась, что пока все шло как нельзя лучше.

— Конечно, обязательно позвоню, — говорила она. — Ник мне даст твой телефон.

Хотелось бы Нику, чтобы Тоби поделился с ним своей самоуверенностью! Сам он умирал от неловкости, более всего потому, что проболтался о Лео, назвав его своим бойфрендом.

Наконец Тоби сказал:

— Ладно, Пипс, нам в самом деле пора.

И Ник на мгновение успокоился и даже развеселился — уж очень дурацким показалось ему уменьшительное «Пипс».

Но мгновение спустя, когда они с Лео остались вдвоем, стыд и неловкость вернулись и усилились тысячекратно. Оба молчали. Ник чувствовал, как деревенеют у него руки и ноги и кончики пальцев покалывает, словно он, поиграв в снежки, вошел в дом и протянул руки к огню. Все повторяется, думал он; это уже не первый случай, когда из-за дурацкой чувствительности и болтливости, из-за неумения держать себя в руках он теряет все. Ему казалось, что с исчезновением Софи Лео что-то помрачнел; и, когда Ник неуверенно улыбнулся ему, Лео в ответ как-то неохотно и недовольно двинул головой.

— Ну что, — сказал наконец Ник, — куда пойдем?

— Не знаю, бойфренд, — ответил Лео.

— В кофейню? — упавшим голосом продолжал

Ник. — В индийскую закусочную? Или, может, просто съедим по бутерброду?

Больше ему ничего не приходило на ум.

Лео устремил на него загадочный взгляд.

— Мне и вправду сейчас кое-чего хочется, — вкрадчиво сообщил он. — Только не бутербродов.

Ник не осмеливался даже предположить, о чем он говорит.

— А-а… — жалко протянул он.

Повернув голову, Лео хмуро взглянул на соседний прилавок, ставший свидетелем страданий Ника, — прилавок, где высилась, блестя намеками на домашний очаг, горка мутно-зеленой и коричневой посуды, и сказал:

— У старины Пита, по крайней мере, с местом проблем не было. А нам с тобой куда идти?

Неужели это единственная проблема, единственное препятствие?..

— Да, мы с тобой бездомные, — сказал Ник.

— Бездомная любовь! — проговорил Лео и, подумав, пожал плечами и кивнул, словно решил, что для песни это название придется впору.

5

Перед ужином Ник улучил момент, чтобы отдать Рэйчел плату за два месяца. Выплаты всегда проходили неловко — так получилось и в этот раз.

— Боже мой, Ник! — проговорила Рэйчел так, словно две десятифунтовые бумажки были странной, но милой причудой, вроде праздничного торта или букета цветов.

Ник застал ее посреди кухни с банкой абрикосов в руках, и теперь она оглядывалась кругом, не зная, куда ее поставить.

— Ну, если ты уверен, что это необходимо…

Ник пожал плечами, громко вздохнул, сказал:

— Боже мой, Рэйчел!

Он только что истратил пять фунтов на такси, вообще в последнее время деньги у него разлетались моментально, и, откровенно говоря, он предпочел бы не платить.

— Что ж, спасибо…

Рэйчел взяла деньги и застыла, раздумывая, куда их положить. В это время снаружи послышался громыхающий топот ног по железной лестнице, спускающейся в сад, а в следующий миг на кухню ввалились Джеральд и Бэджер Броган, красные

и разгоряченные теннисной партией. Джеральд заметил передачу денег и одобрил ее едва заметным кивком, а затем воскликнул:

— Чистая победа! — и бросил ракетку на скамью.

— Хорош врать, Федден! — откликнулся Бэджер. — Рэйч, у нас в третьем сете было 6:4.

— Ну уж и заставил я его побегать! — восторженно крутя головой, проговорил Джеральд.

— Не сомневаюсь, побегали вы оба, — суховато заметила Рэйчел.

Ни тот, ни другой игрок не готовы были на этом примириться.

— Ладно уж, — пропыхтел Бэджер, — не будем уточнять, что два очка из этих четырех были спорные…

Говоря это, он подлетел к столу, машинально взял в руки, повертел и бросил ложечку, затем — давилку для чеснока. Ник слушал, вежливо улыбаясь, хотя Бэджер был ему, скорее, неприятен — и развязным, «хозяйским» поведением в доме Федденов, и тем, что умел разжечь в Джеральде азарт, на что сам Ник не был способен, и потому, казалось, оспаривал у него привязанность Джеральда. Наконец Бэджер его заметил.

— А, привет, Ник! — проговорил он своим

обычным тоном — так, что не поймешь, в самом ли деле он рад тебя видеть или над тобой издевается.

— Здравствуйте, Бэджер, — отвечал Ник, с тайной гордостью от того, что именует малознакомого человека старинным прозвищем, принятым в семье, а не скучным именем Дерек. Бэджером — «барсуком» — Брогана прозвали за изжелта-седую прядь в темных волосах.

Бэджер, в свою очередь, не скрывал, что заинтригован присутствием Ника в доме Федденов и старается разузнать о нем побольше. Этот человек вечно рыскал в поисках сплетен, задавал наводящие вопросы, перетирал старые истории и ястребом кидался туда, где замечал хоть намек на новый скандал. Вот и сейчас он с любопытством поинтересовался:

— Ну-с, Ник, как дела? Как прошел день?

— Все как обычно, — ответил Ник. — Ну, знаете, утро в библиотеке, как всегда, два часа ждал, пока выдадут книги. После обеда — занятия по библиографии, «Описание вариантов текста».

На самом деле библиографию он сегодня прогулял, а вместо этого поехал в Хэмпстед-Хит и два часа занимался любовью с Лео. Но Бэджеру об этом знать не стоило.

— Выпьешь лимонной, Бэдж? — поинтересовался Джеральд.

— Спасибо, Грохотун, — откликнулся Барсук.

Еще одно студенческое прозвище. Ник с ним так и не освоился, но Джеральду хватало такта не настаивать. Двое мужчин в пропотевших теннисках стоя пили из высоких бокалов лимонно-ячменную воду, переводили дух, широко и устало улыбались друг другу. У Джеральда еще не сошел загар, ноги его были шоколадно-коричневыми, и тугие шорты от Фреда Перри тесно обтягивали мускулистые ягодицы. Ник, смутившись, перевел взгляд на Бэджера: тот был тощим, совершенно неспортивным на вид, и его аэртексовская тенниска промокла насквозь и вытянулась спереди — похоже, он вытирал ее краем потное лицо. На ногах у него были старые скрипучие парусиновые туфли, а у Джеральда — новенькие кроссовки на толстой подошве, в которых походка делалась подпрыгивающей, и казалось, что он вот-вот оторвется от земли и полетит.

Из буфетной вылетела запыхавшаяся Елена, в руках — ободранная, покрытая запекшейся кровью и облепленная мукой оленья нога на блюде. Каждый сентябрь из Хоксвуда Федденам

присылали оленя: для Елены эта традиция была сущим мучением, а для Джеральда — праздником. Он ухитрялся растянуть оленя на несколько ужинов. Елена грохнула тяжелое блюдо на стол, и в этот самый миг, демонстративно прикрывая руками, словно шорами, глаза, на кухне появилась Кэтрин.

— М-м, котенок, ты только посмотри! — воззвал Бэджер.

— Какое счастье, что я не увижу, как ты это ешь! — отозвалась Кэтрин; она, впрочем, все-таки бросила на растерзанного оленя быстрый неприязненный взгляд.

— Куда-то собралась, киска? — мгновенно помрачнев, поинтересовался Джеральд.

— Дорогая, разве ты с нами не посидишь? — поддержала его Рэйчел.

— Может быть, если найдется время, — откликнулась Кэтрин. — А кто будет? Одни члены парламента?

— Нет, — ответил Джеральд. — Твоя бабушка — не член парламента.

— И слава богу, — с чувством заключила Кэтрин.

— Морден Липскомб тоже не из парламента.

— Членов парламента будет только двое, —

уточнила Рэйчел.

Осталось неясным, мало это для нее или вполне достаточно.

— Вот именно, Тиммс и Грум! — объявил Джеральд с таким энтузиазмом, словно веселее компании и вообразить было невозможно.

— Грум — это тот, что никогда не здоровается?

— Не говори глупостей, — строго сказал Джеральд. — Я много раз слышал, как он здоровался…

— Если придет Морден Липскомб, мне придется сидеть за столом в плаще. От этого типа у меня кровь стынет в жилах.

— Морден — важный человек, к нему прислушивается президент, — уточнил Джеральд.

— А Ника, конечно, пригласили для круглого счета? — не отставала Кэтрин.

Ник опустил глаза.

— Девочка моя, — возопил Джеральд, — при чем тут круглый счет? Ник приглашен на ужин, потому что он… он — почти член семьи!

Кэтрин покосилась на Ника насмешливо и чуть презрительно — так смотрит enfant terrible на маминого любимчика.

— Да-да, конечно. Он у нас идеальный маленький придворный, правда?

— Елена, убери один прибор, — вздохнула Рэйчел. — Кэтрин с нами ужинать не будет.

Елена исчезла в столовой, но мгновение спустя появилась снова.

— Миз Фед, стало тринадцать!

— Ну вот… — проговорила Рэйчел и, словно извиняясь, пожала плечами.

— Что ж, надеюсь, трискаидекафобов среди нас нет? — бодро поинтересовался Джеральд.

Названия фобий в семье были хорошо известны, поскольку Кэтрин в разное время страдала айхмо-, дромо-, кено- и нюктофобией, не говоря уж о десятке других, более известных. Но Елена этих названий не понимала и теперь стояла в растерянности, закусив губу.

— Видишь, придется тебе остаться. — И Бэджер неуклюже потянулся к Кэтрин. — Ну взгляни, какой прекрасный олень!

— А по-моему, напоминает сцену ампутации в полевом госпитале, — отчеканила Кэтрин. И бросила на Ника короткий предупреждающий взгляд, значение которого он понял не сразу, — возможно, присутствовать при разделке оленя не позволяла ей айхмофобия, боязнь острых предметов. Родные знали, что в прошлом у нее были проблемы, однако они давно не возобновлялись,

и семья была счастлива о них забыть. О том, что до сих пор значат для Кэтрин кухонные ножи, не подозревал никто, кроме Ника.

— Если я испорчу вам вечер, — сказал он, — то я, конечно, не настаиваю…

Праздники у Федденов Ник обожал, но понимал, что сегодня будет не слишком интересным собеседником — скорее, просидит весь вечер молча, глядя в пространство и загадочно улыбаясь. Слишком живы, слишком реальны были в его сознании счастливые воспоминания о Лео.

— Нет-нет! — нетерпеливо дернув головой, проговорила Рэйчел.

— Елена, рискнем! — объявил Джеральд. — Si… va bene… Хорошо, Ник, придется тебе быть тринадцатым.

Елена удалилась в буфетную: на лице ее застыла унылая покорность, которой, кажется, никто в доме, кроме Ника, не замечал — или не обращал внимания.

— В самом деле, мы же не в Калабрии, и на дворе не двенадцатый век!

В этот момент зазвонил телефон на стене, и Джеральд снял трубку.

— Федден! — Этот резкий, отрывистый стиль ответов по телефону он усвоил совсем недав-

но. — Да… Здравствуйте… Что?.. Да-да, здесь… Да, пожалуйста… Это тебя, — пояснил он, передавая трубку Нику. — Лео.

Ник порозовел, на миг вообразив, что его мысли слышны всем присутствующим. Ему показалось, что в кухне вдруг воцарилась тишина, а Джеральд смерил его суровым и недовольным взглядом — хотя, скорее всего, во взгляде Джеральда ничего такого не было, просто телефонный звонок прервал его на середине мысли.

— Ну, если это Лео, его теперь от телефона не оторвешь! — громко объявила Кэтрин.

А Рэйчел сочувственно кивнула и сказала:

— В самом деле, почему бы тебе не взять трубку в кабинете?

Джеральд снова взглянул на Ника, на сей раз с несомненным неудовольствием, словно говоря: «Черт побери, когда я пустил к себе в дом голубого, мне и в голову не приходило, что ему будут звонить любовники!» Но затем, смягчившись, предложил:

— В самом деле, в кабинете удобнее. Никто не будет тебе мешать.

— А это что за горячая линия такая? — поинтересовался Бэджер, поводя носом в предчувствии скандала.

Но Ник уже бежал вниз, в холл. На бегу его поразила мысль, что Рэйчел все знает и, кажется, на его стороне. Что до Джеральда — он, в сущности, не обращал внимания на то, что творится вокруг, люди для него были лишь винтиками в социальном механизме, и за его знаменитым гостеприимством парадоксально скрывался недостаток способности к общению, — все это промелькнуло в голове у Ника в один миг, когда он открывал дверь в кабинет. И до чего же прекрасно было болтать с Лео, слушать его голос, обмениваться с ним интимными шутками здесь, в единственной в доме комнате, отражающей вкус (точнее, безвкусие) Джеральда, среди зеленых кожаных кресел, латунных ламп и прочей меблировки, буквально кричащей о том, что ее обладатель — мужчина во всех смыслах слова.

— Ну что ж, — проговорил Лео, — по-моему, забавно у нас получилось. Да-да, забавно.

В своей обычной полуласковой, полунасмешливой манере он использовал излюбленное словцо Ника.

— Милый, тебе понравилось? — спросил Ник.

— Если ты заметил, я не возражал, — ответил Лео.

Ник просиял:

— Ну… я подумал, может быть ты просто терпишь из вежливости…

— О, терпение мне понадобилось потом. Когда я на мотоцикл уселся.

Ник оглянулся на приоткрытую дверь.

— Я не слишком тебя… утомил? — спросил он вполголоса, снова наслаждаясь драгоценной свободой: не нужно подбирать слова, не нужно обходить острые углы, все, что он скажет, на другом конце провода выслушают с радостью и любовью.

— Да ты просто негодный мальчишка! — отозвался Лео.

— М-м, ты все время так говоришь.

— А чем ты сейчас занят?

— Ну… — начал Ник.

Лео позвонил ему впервые. Это было очень, очень приятно, но Ник пока не понял, чего он хочет. А в следующий миг его поразила мысль, что, возможно, Лео звонит без всякой цели, просто ради удовольствия поговорить с любимым — как любовью они занимаются ради самого удовольствия любить.

— Сижу за столом Джеральда, — сообщил он. — И видел бы ты, как у меня стоит!

Наступило краткое молчание, затем Лео про-

шипел в трубку:

— Прекрати, не заводи меня! Моя старушка рядом!

В комнате было уже темновато, и Ник дернул за шнур настольной лампы. На столе у себя Джеральд, словно верный двоеженец, хранил фотографии Рэйчел и премьер-министра, обе в серебряных рамках. В выдвинутом ящике стола виднелась записная книжка, распахнутая на записи: «Барвик: Мэннинг (агент) — жена Вероника — НЕ Дженет (жена Паркера)». В самом деле, неловко выйдет, если Джеральд непринужденно поинтересуется у Паркера, как поживает Вероника, а у Мэннинга — как здоровье Дженет. Дженет Паркер Ник, разумеется, знал: она работала в «Рэкхеме» и играла в барвикском самодеятельном театре.

— А вечером что будешь делать? — продолжал расспросы Лео.

— У нас тут намечается большой прием, — ответил Ник.

Он чувствовал, что хочет поразить Лео рассказом о жизни в Кенсингтон-Парк-Гарденс и в то же время готов от этой жизни отречься, хотя бы на словах.

— Боюсь, будет очень скучно. Меня тоже при-

гласили — для ровного счета.

— А-а, — с сомнением протянул Лео.

— Придет толпа кошмарных стариканов-тори, — добавил Ник, стараясь подделаться под речь и взгляды своего друга.

— И бабка будет?

— Наверняка, — ответил Ник.

— Стерва старая, — пробормотал Лео, болезненно напомнив Нику ту унизительную встречу с леди Партридж у подъезда. — Ты бы меня пригласил, мы бы с ней продолжили светскую беседу.

Уже несколько раз с того первого свидания Ник спрашивал себя, не пригласить ли Лео к Феддена-м, так и этак обдумывал эту мысль и в конце концов ее отметал.

— Послушай, — сказал он, — я постараюсь как-нибудь отсюда выбраться.

И ему показалось, что упрямство Кэтрин и тринадцать стульев за столом — это неспроста, что какие-то природные силы, может быть, сама логика любви толкает его прочь из дома, в объятия Лео.

— Я наверняка сумею выбраться, — повторил он, но уже без прежнего энтузиазма, ибо ему вдруг подумалось, что одно бурное свидание у них сегодня уже было, и теперь, наверное, стоит

успокоиться, перевести дух, подождать, пока улягутся впечатления и сгладится острота ощущений. У таких дней, как сегодняшний, есть свои подъемы и спады, и не стоит самовольно искажать их прихотливый рисунок.

— Да нет, развлекайся, пожалуйста, — отвечал Лео, быть может, ведомый тем же инстинктом. — Выпей там за мое здоровье.

— Ну ладно. Если только у тебя нет идей получше…

И Ник с лукавой улыбкой повернулся в кресле — высоком «королевском» кресле с черной кожаной спинкой, — растягивая телефонный шнур.

— Ну у тебя и аппетиты! — воскликнул Лео.

— Это потому, что я тебя люблю, — с легкой дрожью в голосе ответил Ник.

Он надеялся, что это прозвучит как шутка; однако на той стороне провода наступило короткое молчание, а потом Лео проговорил:

— Да ты, должно быть, всем парням это говоришь!

Ник почувствовал, что Лео смущен и пытается замаскировать свое смущение; это придало ему смелости, и он ответил тихо:

— Нет, только тебе.

— Да… — еле слышно протянул Лео, помолчал,

потом громко и фальшиво зевнул и заговорил: — Кстати, я тут попозже заскочу к старине Питу, узнаю, как он.

— Ладно, — быстро ответил Ник. — Передавай ему привет!

И ощутил неожиданный тупой укол беспокойства в сердце.

— Непременно передам, — сказал Лео.

— Как он себя чувствует? — спросил Ник.

— Да хреново. Привязалась эта болячка, черт ее знает, что это такое.

Ник сочувственно покачал головой (хоть Лео его и не видел), даже сказал что-то вроде «ох», но развивать тему не стал. Желая отвлечься от болезненного наплыва картин близости между Питом и его возлюбленным, оглядел стол, уперся взглядом в толстую рукопись с пришпиленной карточкой «Со стола Мордена Липскомба» и заглавием «Национальная безопасность в ядерный век». Первые две страницы были густо испещрены галочками и подчеркиваниями Джеральда. Нику бросились в глаза слова «смертельная угроза».

— Ладно, малыш, — негромко сказал Лео. — Скоро увидимся. Давай в выходные, идет? А теперь мне пора, мамаша телефон требует.

— Я тебе завтра позвоню…

— Ладно, звони. Поболтаем.

Звякнула трубка, опускаясь на рычаг, и наступило молчание. Охваченный дрожью, плотно сжимая губы, Ник снова и снова проигрывал в памяти прощание Лео — небрежное, уютное и по-просторечному чуть насмешливое «поболтаем». Должно быть, при матери Лео не осмеливался на большее; конечно, он хотел сказать что-то еще. Только вспомнить сегодняшнее… Какой он молодец, что позвонил! Телефонный разговор стал приятным романтическим дополнением к свиданию. Однако Ник не доверял разговорам: слова опасны, в них сплошные засады. Минуту или две Ник переживал в сгущающихся сумерках трагедию разлуки: Лео сейчас, быть может, уже мчит куда-то на своем мотоцикле, а он, Ник, заперт в безобразном кабинете, между книжными шкафами, столом и огромной фотографией на стене, откуда сурово смотрит на него вся дюжина дюжин новых консервативных членов парламента.

Вернувшись на кухню, он обнаружил, что все уже разошлись принимать душ и переодеваться — пока его не было, жизнь шла своим чередом. Рэйчел за столом надписывала перьевой ручкой

маленькие карточки с указаниями имен гостей. Заметив Ника, она подняла голову. В ней чувствовалась легкая скованность, словно она не знала, как теперь себя с ним вести, и боялась задеть его каким-нибудь неловким словом.

— Все нормально? — спросила она.

— Да, спасибо, все прекрасно… — отвечал Ник.

А про себя добавил: «Не просто прекрасно — чудесно, удивительно, так, как я и мечтать не мог!»

— Как ты думаешь, написать «Бэджер» или «Дерек»? Напишу-ка, пожалуй, «Дерек», чтобы он не забывался.

— Какая разница? Всего-навсего столовые карточки, — ответил Ник.

— Верно, — отозвалась Рэйчел. Подула на ручку, бросила на Ника короткий осторожный взгляд. — Знаешь, дорогой, если хочешь, ты всегда можешь приглашать к нам своих друзей.

— Да… спасибо…

— Я хочу сказать, ты, может быть, считаешь, что это неудобно? Ничего подобного, дорогой! Пока ты с нами, это твой дом.

Последняя фраза и растрогала Ника, и расстроила напоминанием о том, что так будет продолжаться не вечно.

— Спасибо, вы очень добры. Да, конечно…

— Видишь ли… Кэтрин говорит, что у тебя… у тебя появился новый, особенно близкий друг. — На лице ее отразилась легкая неуверенность: как называть такого человека? — Так вот, мы всегда рады его видеть.

— Спасибо, — повторил Ник и покраснел.

Он был и смущен ее прямотой, и рад, что об этом наконец заговорили, и заранее стыдился своего малодушия, уже представляя, как вместо Лео приведет на чаепитие или на ужин какого-нибудь оксфордского приятеля, интеллигентного и белого.

— Теперь, когда Тоби переехал, — продолжала Рэйчел, — в доме остались одни старые ворчуны. Так что сделай это для нас. Пожалуйста.

Рэйчел было сорок семь, и менее всего к ней подходил эпитет «старая ворчунья», однако была в ее шутливых жалобах и своя правда. Конечно, Рэйчел не намекала, что относится к Нику по-матерински, это было бы уж слишком; но она привыкла видеть в доме молодого человека и его друзей, и теперь, когда сын отделился и зажил своей жизнью, ей порой бывало грустно и одиноко. Собрав карточки в стопку, она пошла в столовую; когда проходила мимо, Ник поднялся и поцеловал ее в щеку — и она благодарно улыб-

нулась в ответ.

Сегодня Тоби и Софи были здесь. Они пришли рано, и Ник выпил с ними в гостиной по джину с тоником. С появлением молодой пары в огромной помпезной гостиной Федденов воцарилась необычная атмосфера, царившая, должно быть, в их квартире в Челси, — атмосфера уютного маленького счастья. Софи, поджав ногу, устроилась на диване, Тоби непринужденно оперся на каминную полку. Он с удовольствием играл роль мужа; Софи разговаривала с ним капризным детским голоском, причем, как за ней водилось и на сцене, и в жизни, слегка переигрывала. Рассказывая о том, что у Тоби появилась привычка скрипеть зубами во сне, она изобразила, как он это делает. Нику поначалу не хотелось выслушивать подробности их семейной жизни, однако недостаток тонкости у Софи странным образом его подбодрил. Земной Тоби, сопя и похрапывая, спит с ней рядом, но мечты Ника о Тоби остаются нетронутыми. Сам Тоби тоже был с ним очень мил. Отойдя от камина, он разлегся на ковре перед креслом Ника, так, что тот мог бы наклониться и погладить его по щеке. Софи, кажется, на мгновение смутилась, но тут же овладела собой.

— Знаете, вам надо чаще встречаться, — с улыб-

кой сказала она. — Вы так здорово смотритесь вместе!

И минуту спустя Тоби, как бы в рассеянности, встал и принялся бесцельно перебирать книги на полке.

— А как поживает этот твой милый новый друг?.. — начала Софи.

— Ты о Лео?

— Ах да, Лео, — припомнила она.

— О, он… У него все нормально.

Снова разговор о Лео! Ник к этому еще не привык — трудно было смириться с тем, что предмет твоих надежд, мучений и страхов сделался всеобщим достоянием и посторонние из вежливости спрашивают тебя о нем. Тоби обернулся к Нику, ободряюще улыбнулся ему.

— Такой милый молодой человек! — повторила Софи.

Найдя предмет для беседы, она не спешила с ним расстаться, снова и снова разными словами повторяя одно и то же.

Ник был польщен похвалой, хотя и не вполне ей поверил.

— Он тоже был очень рад с тобой познакомиться, — пробормотал он.

— А-а! — протянула Софи, словно говоря: «Ну,

это для меня не новость!»

— Он твой фанат, Пипс, — сообщил Тоби.

— Знаю, — скромно опустив глаза, ответила Софи.

На ней было красное платье без бретелек, которое не слишком ей шло. Волосы, в Оксфорде длинные, Софи теперь подстригла в стиле принцессы Дианы, и, когда она отрицательно качала головой, русые пряди подпрыгивали вверх-вниз.

— Знаешь, Софи получила роль в пьесе, — сообщил Тоби.

— О, Тоби!.. — воскликнула Софи.

— Так что в планах у меня теперь поход в театр. Ник, пойдем вместе? На первый же спектакль, хочешь?

— Конечно, хочу, — ответил Ник. — А что за роль?

— Ну, ты наверняка знаешь, — торопливо, с радостным смущением, словно объявляя о помолвке, проговорила Софи. — Я играю в «Веере леди Уиндермир»…

— Фантастика! Не сомневаюсь, ты будешь блистать.

Ника немного удивило, что Софи поручили заглавную роль; впрочем, эта роль — милая молодая женушка, самодовольная и ограничен-

ная, — была как раз по ней.

— Право, не знаю, что из этого выйдет. Режиссер у нас такой, знаешь, из этих ультрасовременных… Кстати, он тоже гей. Хочет сделать деконструктивистское прочтение пьесы. Само по себе это не страшно, я уже занималась деконструкцией, только боюсь, что маме с папой не понравится.

— Не беспокойся о том, что скажут твои родители, — посоветовал Ник.

— Вот именно, — поддержал его Тоби. — И потом, мать у тебя вполне продвинутая. Она же ходит на все эти современные выставки и концерты.

— Да, мама, наверное, поймет.

— А твой отец… — Тоби хихикнул. — Ну что сказать о человеке, самая знаменитая реплика которого: «Лучше бы никогда на свет не родился этот Шекспир!»

— Вот уж не знала, что это самая знаменитая его реплика! — с легкой обидой возразила Софи.

В самом деле, подумал Ник, высказывания Мориса Типпера о выгодных вложениях, должно быть, куда более известны.

— Он это сказал только потому, что на представлении «Перикла» в саду Вустерского колледжа его до смерти закусали комары.

— А! — Нику вспомнился этот спектакль. Софи играла Марину, Тоби — царя Тирского, а Ник, сидя среди зрителей, не сводил с него глаз.

— Ты слишком жесток к моему бедному папе! — объявила Софи так театрально, словно воображала себя уже на сцене.

Вошла Кэтрин, одетая для выхода: на ней было крошечное платье, усыпанное блестками, поверх него — светло-серый плащ, на ногах — черные чулки и черные туфли на высоких каблуках.

— Я ослеплен! — прикрывая глаза рукой, проговорил Тоби.

— Привет, дорогая! — небрежно поздоровалась Кэтрин с Софи и, чуть пригнувшись, подставила ей щеку для поцелуя.

Софи определенно недолюбливала Кэтрин; та об этом знала и обращалась с ней с той ласково-равнодушной снисходительностью, которой логичнее было бы ожидать от самой Софи.

— Платье у тебя чудесное, — сообщила она.

— О… спасибо. — Софи улыбнулась и захлопала ресницами.

— Куда-то собралась, сестренка? — поинтересовался Тоби.

Кэтрин направилась к столу с напитками.

— Да, выхожу в свет, — ответила она. — Мы

с Расселом идем на вечеринку к его друзьям в Стоук-Ньюингтоне.

— Стоук-Ньюингтон… Где бы это могло быть? — проговорил Тоби.

— Известный лондонский район, — отчеканила Кэтрин. — И очень модный, правда, Соф?

— Конечно. Дорогой, ты не мог о нем не слышать! — торопливо поддержала ее Софи.

— Да я шучу, — объяснил Тоби.

Шутил он редко и так, что приходилось объяснять, что это шутка, — должно быть, потому, что никто от него этого не ожидал.

Нику представилась вечеринка — не чопорный прием у Федденов, а настоящая вечеринка, шумная, бестолковая, с банками пива и косячками, передающимися из рук в руки. Вечеринка, на которую он придет с любимым. Что-то вроде студенческих посиделок в Оксфорде, но с одним отличием — все вокруг чернокожие… Такие дома и такие компании Ник до сих пор видел только по телевизору. Отчего-то сжалось сердце, и он остро позавидовал Кэтрин.

— Кстати, о вечеринках, — заметил Тоби. — Надо бы пойти наверх, разыскать мои дискотечные штаны. Ник, ты идешь к Нату?

— А что у него? — спросил Ник.

Новый укол в сердце — еще одна вечеринка, куда он не приглашен, на сей раз у богатого натурала, еще одно место, где он не требуется.

— Да он устраивает дебош в стиле семидесятых… — упавшим голосом объяснил Тоби.

— Нет, меня не пригласили, — гордо ответил Ник.

Ему вспомнилось, как в Хоксвуде они с Натом, обкуренные, сидели рядом на полу, соприкасаясь бедрами.

— А где, в Лондоне?

— Да нет, в том-то и фигня. У него в замке, — ответил Тоби.

— А… Мне кажется, устраивать вечеринки в стиле семидесятых пока рановато, — проговорил Ник. — И вообще, семидесятые были кошмарным временем, не понимаю, кому и зачем хочется туда вернуться?

У него внутри что-то заныло — так хотелось хоть одним глазком увидеть замок Ната.

— Ну, парни из Оксбриджа обожают вспоминать детство, правда, Соф? — заметила Кэтрин, возвращаясь к ним с очень высоким и узким бокалом в руках.

— Я знаю, — мрачно ответила Софи.

— Некоторые всю жизнь так проводят, — про-

должала Кэтрин.

Она остановилась у камина, положив руку на бедро, словно готовая пуститься в пляс под звуки неслышимой музыки из далекого будущего, где всей этой ерунды не будет.

Тоби виновато пожал плечами и сказал:

— Будем надеяться, дискотечные штаны никто не выкинул.

Ник готов был воскликнуть: «Это те, пурпурные?» — но вовремя удержался. Он знал эти штаны, как знал все, что хранилось в старой комнате Тоби. Он бывал там тысячу раз, листал его школьный дневник, вдыхал чистый запах мальчишеских плавок, даже примерял те самые пурпурные штаны, которые на длинных ногах Тоби, должно быть, смотрелись очень нелепо. Но он промолчал и только кивнул, проглотив все, что мог бы сказать.

Вошел Джеральд — черная двойка, розовая рубашка, белый воротничок, синий галстук, — великодушной улыбкой показывая, что не ждет от гостей того же качества одежды. При виде Кэтрин — в макинтоше поверх микроскопического платья она выглядела почти голой — он не дрогнул. Вошедший следом Бэджер оказался не столь сдержан.

— Боже, девочка моя! — воскликнул он.

— Ваша крестная, дядя Бэджер, — с наигранной скромностью отвечала Кэтрин.

Бэджер нахмурился:

— Хм… в самом деле. Кажется, я обещал охранять твою нравственность или что-то в этом роде? — И, потирая руки, плотоядно на нее уставился.

— Ну, за охранителя нравственности вас принять сложно. — С этими словами Кэтрин присела на подлокотник и сделала большой глоток.

— Киска, не хватит ли с тебя? — спросил Джеральд.

— Папа, это первый бокал, — ответила Кэтрин.

Ник понимал, о чем беспокоится Джеральд. Чувствовалось, что Кэтрин сегодня настроена воинственно. Бэджер так и пожирал ее глазами, желто-седая прядь, из-за которой он получил свое прозвище, прилипла к потному лбу. Ник вспомнил, Тоби рассказывал ему, что в Африке, где Бэджер служил в молодости, его прозвали не барсуком, а гиеной. Вот и сейчас, подумалось Нику, он, словно пожиратель падали, кружит вокруг Федденов — а они относятся к этому как к милой шутке, ибо ниже их достоинства было бы принимать Бэджера Брогана всерьез.

Уже начали собираться гости, но Кэтрин все не уходила — должно быть, хотела убедиться сама и доказать отцу, что Барри Грум в самом деле не здоровается. Джеральд поспешил подать ему намек — громко сказал:

— Добрый вечер, Барри! — пожал руку и еще прикрыл ее другой рукой, словно опасаясь, что Барри снимется с места и улетит. В результате приветствие вышло чересчур долгим и теплым.

— Что это ты, Джеральд? — подозрительно оглядевшись кругом, поинтересовался Барри.

Джеральд повел его знакомиться с гостями; Барри смотрел кругом надменным и критическим взором — и не здоровался. Увидев Кэтрин, он проговорил:

— А-а, прелестное создание! — и сделал попытку очаровательно улыбнуться.

Кэтрин спросила, где его жена; Барри ответил: паркует машину.

Время от времени Джеральд как бы невзначай поглядывал на Кэтрин: чувствовалось, что его нервирует и присутствие дочери (быть может, в расчете на это Кэтрин и медлила с уходом), и особенно ее плащ. Впрочем, лучше уж плащ, чем неприлично открытое платье под ним… Мордену Липскомбу он представил Кэтрин с явной неохо-

той. Седовласый старик американец с тяжелым и хищным лицом подал ей руку и улыбнулся чуть насмешливо, словно при встрече с каким-то древним, давно побежденным соблазном.

— Боже мой, — проговорил Тоби, — сестренка сегодня одета, как эти девушки, ну, знаешь… в стриптиз-клубах, которые зазывают гостей…

— Как проститутка она одета, — уточнила Софи.

Вплыла леди Партридж, обуреваемая противоречивыми стремлениями: ей хотелось и вести себя как дома, и обратить на себя всеобщее внимание. Сложное положение ее усугублялось глухотой, из-за которой леди Партридж трудно было судить, как реагируют на нее зрители. Бэджер подбежал и принялся увиваться вокруг нее, и она приняла его ухаживания благосклонно. Бэджера она знала еще мальчиком, как-то раз даже его выхаживала, когда он, гостя на каникулах у Федденов, свалился со свинкой. Эта свинка была в семье предметом неисчерпаемых шуток, порой довольно рискованных (ибо свинка, как известно, иногда дает осложнение на яички). Слыша этот семейный обмен добродушными остротами, Ник вспоминал своих родителей и тосковал о далеких временах, когда у него не было от них секретов.

И сейчас он думал о Лео, представлял его рядом с собой, и воображаемое присутствие Лео бросало на дом, на прием, на гостей какой-то новый отблеск, тем более прекрасный, что ни хозяева, ни гости о нем не подозревали. Налив себе джину с тоником — можжевелового, любимый сорт Джеральда, — Ник отрешенно дрейфовал по комнате, ничуть не боясь, что за весь вечер с ним никто не заговорит. С новой остротой взгляда смотрел он на картины на стенах, мысленно объясняя их Лео, благодарному ученику. Под Гуарди с видом людей, не вполне понимающих, куда они попали, стояли второй член парламента Джон Тиммс и его жена Грета: он — в сером костюме, она — в синем платье для беременных и с белой косынкой на шее. Выглядело это удивительно и неуместно, все равно как беременная госпожа премьер-министр. Джон Тиммс возглавлял какое-то незначительное министерство, был несколькими годами моложе Джеральда, однако успел развить в себе невозмутимость и непоколебимое самодовольство. Если Барри Грум не здоровался, то Джон Тиммс, кажется, и не моргал. Взгляд У него был неизменно настойчивый, почти призывный, а голос, независимо от содержания разговора, звучал словно с трибуны. Впрочем, несмотря на все это, обаянием

он не отличался. Разговор шел о Фолклендской войне, о том, что ее непременно надо увековечить памятником (Тиммс говорил «мемориал») и ежегодно праздновать ее окончание.

— Что-то вроде Трафальгарского дня, — заключил Тиммс.

Его жена, игравшая в семейном дуэте вариации на темы мужа, тут же подхватила:

— А почему бы не возродить сам Трафальгарский день? В самом деле, обязательно нужно его возродить! Наши дети уже не помнят о войне с французами…

Джон Тиммс с победной улыбкой обвел взглядом комнату, словно говоря, что гордится женой, однако сам так далеко заходить не рискует. Взгляд его уперся в Ника (который Тиммсу представлен не был), и он громогласно поинтересовался:

— Вот вы — скажите, вам бы хотелось, чтобы фолклендская война была увековечена для потомства в мемориале?

— М-м… Мне кажется… — начал Ник, сам удивляясь тому, до какой степени лишен какого бы то ни было мнения по этому поводу.

И снова ему представилось, что рядом стоит Лео — уж он-то, наверное, нашел бы что сказать!

Рядом появилась Кэтрин — она обходила все

группки гостей.

— Мы говорим о Фолклендах, — объяснил ей Ник.

— Не сомневаюсь, премьер-министр одобрит идею ежегодного парада и мемориального комплекса, — сообщил Тиммс. — Ведь, говоря откровенно, честь этой победы принадлежит ей.

— И конечно, нашим войскам, — густо зардевшись, порывисто добавила Грета Тиммс. — Нашим храбрым воинам!

— Не просто храбрым, милая, — уточнил Джон Тиммс. — Неустрашимым!

Кэтрин, растянув губы в улыбке, театрально зажала уши:

— Как вы можете спокойно произносить такие словечки? «Неустрашимый», «непобедимый», «непоколебимый»... По-моему, звучит кошмарно!

— О... — откликнулась Грета Тиммс. — А мне всегда казалось, что это очень красиво...

— Ладно, я пошла! — Обернувшись к центру комнаты, Кэтрин озарила гостей широкой улыбкой — той самой, что делала ее лицо совсем юным и каким-то удивительно беззащитным.

В ответ послышался недружный хор: «До свиданья!», перебиваемый вопросами вполголоса: «А

что, она уже уходит?» Кэтрин улыбалась гостям, глядя на них с добродушным превосходством — словно взрослый, отправляющий ребенка в постель.

— Пока, бабуля! — объявила она и громко чмокнула леди Партридж в щеку. — Папа, до завтра! — И, подхватив сумочку, зацокала каблучками к дверям.

Леди Партридж покосилась на Мордена Липскомба, следя за его реакцией: если смелый наряд Кэтрин ему понравился, возможно, и у нее, как у бабушки этой бесстрашной девицы, есть кое-какие шансы на его внимание. Но Морден хмуро смотрел на Джеральда.

Однако именно Морден Липскомб повел ее к столу. Собственно, церемония «ведения к столу» у Федденов не соблюдалась. Но, когда все двинулись из гостиной вниз по лестнице в освещенную свечами столовую, Липскомб с тяжеловесной американской галантностью предложил руку старейшей даме, и мать Джеральда, после двух джинов с тоником заметно повеселевшая, охотно прижалась к нему. В столовой, пока все рассаживались, Липскомб с осторожным любопытством оглядывался кругом.

— Великолепная комната, не правда ли? — про-

ворковала леди Партридж.

— А это, на стенах, ваши предки, леди Партридж? — поинтересовался Липскомб.

— Да… да… — мечтательно откликнулась она.

— Нет, это не ваши предки, — негромко, но твердо возразила Рэйчел. — Это мой дедушка и двоюродная бабушка.

Нику досталось место посреди стола, между Пенни Кент и Дженни Грум — место очень неудачное, но он не жаловался, ибо сейчас ему вполне хватало собственного общества.

— А вы как сюда попали? — поинтересовалась Дженни Грум с таким видом, словно была готова к любым неприятным сюрпризам.

— Просто зашел на огонек, — улыбнулся Ник и, почувствовав, что ей это не понравилось, добавил: — Нет, на самом деле я старый друг Тоби.

— А-а, вы имеете в виду сына Джеральда… Я слышала, что он работает в «Гардиан»!

Стажировка Тоби в оппозиционной газете для нее, как видно, имела скандальный привкус.

— Спросите его самого. Вон он сидит, — посоветовал Ник достаточно громко, чтобы сам Тоби, сидящий рядом с Гретой Тиммс, его услышал.

Тоби поднял голову, кивнул, давая понять, что слышит, и сказал Грете:

— Да-да, я с вами согласен.

И удовлетворенная Грета продолжила восхвалять добродетели королевской семьи.

— А-а, ну конечно. Он похож на отца, — нахмурившись, заметила Дженни. — А вы чем занимаетесь?

— Я сейчас в аспирантуре в университете, пишу диссертацию по… о Генри Джеймсе. — Он уже понял, что вопросов литературного стиля с этой женщиной лучше не касаться.

— А-а… — осторожно отозвалась Дженни. — Понятно. А я, знаете, до Генри Джеймса почему-то так и не добралась.

Ник пожал плечами: ему было совершенно все равно, читала она Джеймса или нет.

— Или подождите-ка, кажется, я что-то читала. Как же это… «Доктор Джонсон»?

— Нет, не думаю, это…

— Нет-нет, не «Доктор Джонсон», а…

— «Доктор Джонсон» — это Босуэлл.

— Там еще действие происходило в Африке… А, вспомнила: «Мистер Джонсон»!

— «Мистер Джонсон» — это роман Джойса Кэри.

— Нет-нет, я точно что-то его читала!

В это время внесли оленя и начали расставлять

чистые тарелки.

— Не трогайте тарелки! Не трогайте! — вскричал Джеральд таким голосом, что немало гостей, отдернув руки от тарелок, воззрились на него с испугом. — Оленя традиционно подают на блюдах, раскаленных добела!

Правда состояла в том, что на не подогретых тарелках олений жир застывал неопрятными хлопьями.

— Да, у моего шурина есть олений парк, — объяснял Джеральд Мордену Липскомбу. — Редкое удовольствие в наши дни… Нет-нет, — продолжал он в своей обычной манере, отвечая на вопросы, которых никто ему не задавал, — самец, олень молодой, годовалый, самый лучший… — Налив себе бургундского, повернулся к Барри Груму: — Не сомневаюсь, вам понравится!

Барри закивал и начал старательно принюхиваться к оленю, словно говоря: «Вы не думайте, я не простой денежный мешок, у меня и вкус имеется!»

Ник и Рэйчел обменялись через стол мимолетными улыбками. Улыбались они не только по поводу Барри, но и по поводу Джеральда, и Ник почувствовал себя польщенным, словно ребенок, которого мать посвящает в свои секреты, скры-

тые от отца. На миг он задумался о том, случалось ли Джеральду и Рэйчел когда-нибудь ссориться. Если что-то такое и бывало, то, должно быть, в спальне, огражденной от чужих ушей тяжелыми двойными дверьми…

Мысль о спальне напомнила ему о Лео — и снова, стоило о нем вспомнить, в голове у Ника загремел мощный симфонический аккорд. Сегодня он смотрел, как Лео лежит на земле, на расстеленном плаще, рубашка и свитер задраны до лопаток, джинсы и трусы приспущены до колен, — и в первый раз услышал этот торжествующий аккорд, взятый всем оркестром разом. Он был сразу и высок, и низок, темная басовая медь сливалась в нем с пронзительным хором скрипок, от которого мурашки пробегали по коже; он поражал, словно удар в висок, и в то же время словно дарил крылья. Второй раз этот аккорд прозвучал, когда Лео поднялся, чтобы его поцеловать. И сейчас, пока Пенни Кент рассказывала, как увлекательно ей работается с Джеральдом, Ник вдруг услышал тот же победный гром в третий раз — и чуть не подпрыгнул, и заулыбался, смутив бедняжку Пенни, решившую, что он смеется над ней. Откуда этот аккорд? Может быть, Ник сам его придумал? Конечно, это не «Тристан

и Изольда» — в «Тристане» звучит не торжество, а катастрофа. Явилась ужасная мысль: возможно, это Рихард Штраус, и изображает этот аккорд какую-нибудь мерзость, вроде обезглавливания или убийства топором. Но для Ника в нем заключалось лишь неописуемое — и от этого пугающее — счастье.

— Как тебе в аспирантуре? — мягко поинтересовалась Пенни, словно сочувствуя бывшему оксфордцу, которому приходится продолжать учебу в заведении рангом пониже.

В студенческие годы Ник и Пенни никогда не встречались, и слово «Оксфорд» обозначало для них разные вещи, однако сейчас Пенни обращалась к нему как к товарищу.

— О, отлично! — ответил Ник и тут же, из той же оксфордской солидарности, добавил: — Конечно, это совсем не Оксфорд. Ничего похожего. Само здание очень мрачное. Я недавно узнал, что факультет английской литературы расположен в помещении бывшей матрасной фабрики.

— Да что ты?! — воскликнула Пенни.

— Да, там довольно уныло. Неудивительно, что половина преподавателей пьют.

Пенни звонко рассмеялась, и Ник почувствовал себя предателем. На самом деле он питал глубокое

уважение к профессору Эттрику, обнаружившему в его диссертационных тезисах такие глубины, которых сам Ник и не подозревал. Однако работа продвигалась туго: в библиотеке, над книгами, он в основном мечтал о Лео, и длинные сложные фразы Мередита и Джеймса замедлялись и распадались в его мозгу на бессвязные воспоминания о прошедших свиданиях. Ник чувствовал себя виноватым: ему хотелось оправдать доверие профессора, хотелось быть таким, каким тот его видит — глубокомысленным и преданным своему делу молодым ученым.

— Значит, ты работаешь над Генри Джеймсом? — спросила Пенни.

— Да, — ответил Ник.

Кажется, эта тема не была для нее темным лесом, однако она заметила только:

— У моего отца несколько полок Генри Джеймса. Он считает его гением.

— Не он один, — скромно ответил Ник и отрезал себе бурого оленьего мяса.

— «Искусство творит жизнь» — это он сказал? Отец часто это цитирует.

— «Искусство творит жизнь: только благодаря ему мы смотрим на жизнь с интересом и видим в ней нечто важное; и я не знаю ничего, что

обладало бы такой же силой и красотой», — продекламировал Ник.

— Да, как-то так, — сказала Пенни. Она мечтательно улыбалась в свете свечей. — Интересно, а что бы Генри Джеймс написал о нас?

— Ну…

Ник задумался. Пенни напомнила ему восторженную тетушку, из тех старых дев, что в своей невинности порой задают удивительно острые и неприятные вопросы. На мгновение он задумался о том, какая судьба ее ждет. Белокурые волосы, нежная кожа, пухлые щеки, легко заливающиеся румянцем… Такие девушки многим нравятся.

— Мне кажется, — заговорил он, — он был бы к нам добр. Рассказал бы о том, какие мы все прекрасные, удивительные люди, вложил бы нам в уста невероятно тонкие замечания, и мы до самого конца так и не поняли бы, что он видит нас насквозь.

— Потому что он писал о высшем обществе? — уточнила Пенни.

Она явно полагала, что сейчас находится именно в высшем обществе.

— Да, и поэтому тоже. — Вспомнив летний разговор с лордом Кесслером, Ник ответил Пенни так, как тогда не сообразил ответить ему: — Мно-

гие говорят, что он не умел писать о деньгах. Но он прекрасно знал, как действуют на людей деньги. Человек, у которого они есть, и мыслит, и чувствует иначе. — И он бросил через стол нежный взгляд на Тоби — тот, добрая душа, временами честно старался не думать как богатый, только ничего у него не выходило. — Он ненавидел вульгарность, — добавил Ник. — Но еще говорил, что назвать что-то вульгарным — значит не понять его истинного значения.

Пенни, казалось, над этим задумалась, но на самом деле она прислушивалась к тому, что вещал ей в другое ухо Бэджер. Судя по ее внезапному румянцу и смущенному хихиканью, тот к ней подъезжал — нахально, демонстративно, словно говоря Нику: «А ты, педик, и этого не можешь!»

Тоби слушал Грету Тиммс, украдкой косясь на Софи, которую допрашивал Морден Липскомб.

— Нет, — неохотно говорила она, — серьезная работа в кино у меня пока была только одна.

— А на сцене? — не отставал Липскомб.

Настойчивость в его тоне странным образом сочеталась с безразличием.

— Вот как раз сейчас репетирую роль. Это… Боюсь, это будет спектакль с направлением. Ну, знаете… это «Веер леди Уиндермир».

Дженни Грум начала спрашивать что-то про Кэтрин — правда ли, мол, что она сумасшедшая, — и Ник, отвлекшись на нее, только краем уха слышал, как Липскомб вытягивает из Софи правду: нет, она играет не саму леди Уиндермир, а…

— Ну, роль скорее второстепенная… Нет, много текста учить не пришлось… Нет-нет, это чудесная роль, но другая… Честно говоря, я опасаюсь, что режиссура все погубит…

В конце концов выяснилось, что играет Софи леди Агату, чье участие в действии, как известно, ограничивается двумя словами: «Да, мама». Нику даже жалко ее стало.

— Дорогая моя, — сказала Рэйчел, — как замечательно, мы все обязательно придем на первое представление!

Сказала почти искренне, как видно, в убеждении, что будущая свекровь и будущая невестка должны друг дружку поддерживать.

Леди Партридж, огорченная тем, что Липскомб больше не проявляет к ней интереса, вдруг начала рассказывать о том, как сломала себе шейку бедра.

— Лечилась я, конечно, в Дорсете. Всегда — только там, это замечательная клиника… оча-

ровательные девушки… Да, медсестры… Правда, среди врачей есть один или два цветных, но нет никакой необходимости иметь дело именно с ними… Я-то редко болею, — заверила она его, — а вот мой покойный муж немало времени провел в больницах.

— А-а… — отозвался Липскомб, раздумывая, стоит ли выражать соболезнование.

Леди Партридж подняла бокал и шумно вздохнула.

— Что ж, двоих мужей я пережила. Пожалуй, с меня достаточно, — объявила она так, словно все же не отметала с порога возможность дальнейших предложений. Бросила взгляд на Липскомба, подождала, не скажет ли он чего-нибудь, но он промолчал. — И так интересно совпало, — продолжала она, — что их обоих звали Джеками! Хотя люди были совершенно разные… Просто, как говорится, лед и пламя! Случись им встретиться, я уверена, они бы и секунды мирно не проговорили!

Нику пришло в голову, что она как будто разговаривает по невидимому телефону, отвечает на неслышные прочим реплики.

— Джек Федден, отец Джеральда, был мужчина очень интересный — по-своему, конечно… Он

был адвокат, настоящий законник… очень, очень красивый… А второй — Джек Партридж, сэр Джек, разумеется… Нет, в этом от законника ничего не было! Он был человек очень практичный, строитель, построил несколько новых шоссе, вот этих, вы, наверное, знаете… на букву «М»… «М» и номер. Вот номеров я не припомню… но работа была отличная…

Джеральд во главе стола повернул голову к матери. Ник знал, что вскоре после обретения рыцарского звания Джек Партридж разорился. Скандал был довольно громкий, и Джеральд опасался, что тень его по ассоциации может затронуть и пасынка. Поэтому он решительно вмешался:

— Морден, должен вам сказать, я в восторге от вашей статьи о СОИ.

— А-а… — отозвался Липскомб с улыбкой, показывающей, что не так-то легко клюет на лесть. — Я не знал, согласитесь ли вы с моими заключениями.

— О, разумеется! — с жаром отвечал Джеральд; промелькнувшая и пропавшая на его губах усмешка утвердила Ника в мысли, что статьи Липскомба он не читал. — И как можно с вами не согласиться!

— А знаете ли, многие не соглашаются, — флегматично заметил Липскомб.

— Это вы о диетах? — спросила вдруг леди Партридж.

— О противоракетной обороне, мама, — громко ответил Джеральд.

— Ну знаешь, бабушка, «звездные войны», — добавил Тоби.

— Джуди, не соя, а СОИ, — подсказал Барсук.

— А-а, понятно, — отозвалась леди Партридж и хихикнула — не от смущения, а радуясь тому, что привлекла к себе всеобщее внимание.

— Шесть месяцев назад президент объявил о принятии Стратегической оборонной инициативы, — медленно и важно, но с нотками нетерпения в голосе пояснил Липскомб. — Задача этой программы — защитить Соединенные Штаты от ракетных атак. Для этого необходимо создать оборонную систему, способную перехватывать и уничтожать ядерные ракеты противника до того, как они достигнут цели.

— Что за прекрасная мысль! — радостно объявила леди Партридж. На миг Нику показалось, что она издевается — но нет, старая леди была вполне серьезна. Ей нравилась армия, оружие и особенно увеличение военного бюджета.

— И, полагаю, неопровержимая, — заключил Липскомб, начальственным жестом опустив левую руку на стол.

На среднем пальце у него блестело кольцо с печаткой; обручального кольца не было. Впрочем, это ничего не значило: отец Ника и его друзья тоже не носили обручальных колец, полагая, что мужчине кольца вообще не к лицу. Нику вспомнилась странная надпись на карточке: «Со стола Мордена Липскомба» — интересно, откуда еще могут исходить бумаги? «Из мусорной корзины Мордена Липскомба», «из туалета Мордена Липскомба», «из спальни Мордена Липскомба»... Нет, что бы ни представлял из себя этот человек — одно несомненно: у него есть собственные «оборонные системы».

После десерта дамы удалились. Ник остановился в нерешительности, опершись о кресло; ему очень хотелось уйти следом.

— Присоединяйся, Ник, — подозвал его Джеральд.

Мужчины сгрудились вокруг Джеральда, занимая опустевшие дамские места, передвигали поближе к себе бутылки и бокалы. Елена ходила вокруг стола, собирая пустые бокалы, и Ник подал ей измазанную алой помадой салфетку леди

Партридж. Мужские сборища ему обыкновенно нравились, но сейчас он предпочел бы общество женщин — даже Дженни Грум, за истерической торопливостью которой он угадывал тихую ненависть к мужу. Барри Грум сидел сейчас напротив него, с хмурой миной, словно все, что сейчас будет, знал наизусть и все эти сборища смертельно ему надоели. В поисках поддержки Ник оглянулся на Тоби — но тот возился с коробкой сигар и сигарным ножом. Ник представил себе Лео, как видел его сегодня, в последний миг свидания — Лео, на своем мотоцикле уносящийся от него прочь — и вновь в голове прозвучал знакомый аккорд, на этот раз приглушенно, чтобы не услышали остальные. Как описать — даже самому себе — пританцовывающую походку Лео, его улыбку, небрежную, насмешливую и ласковую, его невинное кокетство, полное знания и в то же время неведения о силе его красоты?

— Я вам дам совет, — проговорил вдруг Барри Грум.

— Да? — откликнулся Ник, чувствуя, как стремительно покидает его эрекция.

— Никогда не спекулируйте больше чем двадцатью процентами вашего капитала.

Ник хотел было улыбнуться, но вовремя по-

нял, что Барри Грум абсолютно, до свирепости, серьезен.

— Двадцать процентов… Хорошо. Спасибо, я запомню. Вы правы, очень хороший совет.

— Двадцать процентов, — повторил Барри Грум. — Самый лучший совет, какой я могу вам дать.

Начали разливать портвейн и кларет. Морден Липскомб неуклюже обрезал сигару: тонкие губы его были неодобрительно сжаты, и лицо выражало брезгливое недовольство — не сигарой, а тем, что он оказался в такой компании. Нику стало жаль Джеральда, но он не знал, что тут можно сделать. Сам он, когда стремился сойтись с человеком, начинал разговор об искусстве или о музыке; однако ясно было, что Липскомба этим не пронять. Интересно, что бы сказал — или сделал — Лео?

— А вы, Дерек, — обратился Барри к Бэджеру, — надолго здесь остановились?

Несколько мгновений Бэджер пыхтел сигарой, обдумывая ответ.

— Пока старина Боевой Кобель меня не выгонит, — ответил он наконец, мотнув головой в сторону Джеральда.

— Это вы его так называете? — ревниво поин-

тересовался Барри.

Бэджер затянулся сигарой и ответил, с явным желанием позлить собеседника:

— Старое прозвище, еще с оксфордских деньков. Собственно говоря, у меня дома сейчас ремонт, поэтому я сюда и переселился.

— Вот как? А где ваш дом? — подозрительно спросил Барри.

Этого вопроса Бэджер словно не заметил, и Барри пришлось его повторить. Только тогда Бэджер соизволил ответить:

— Да это недалеко от вашей работы. Ничего особенного, такая, знаете ли, уютная маленькая квартирка…

— Иначе говоря, в самый раз б…дей туда водить, — подытожил Барри, вперившись Бэджеру в лицо, словно желая удостовериться, что оскорбление достигло цели.

Даже Бэджер несколько смутился. Джеральд тихо ахнул и поспешно заговорил с Джоном Тиммсом и со своим бывшим преподавателем о несравненном уме госпожи премьер-министра. Ник бросил взгляд на Тоби — тот молча прикрыл глаза, показывая, что вполне с ним согласен.

— Я предполагал, что сегодня увижусь с премьер-министром, — проговорил Липскомб. — Но

теперь понимаю, что это вечер не того сорта.

— О… — виновато отозвался Джеральд. — Мне так жаль! К сожалению, она сегодня занята. Но, если вы хотите, чтобы я вас познакомил…

Нечастая улыбка появилась на губах Липскомба.

— Мы с ней обедаем во вторник, так что это совершенно не нужно.

— Ах, вот как? — мужественно улыбаясь, ответствовал Джеральд.

Так продолжалось еще минут десять-пятнадцать. Ник сидел на углу между двумя беседующими компаниями, передавал бутылки, улыбался тому, как играет свет свечей на полированной поверхности стола, одобрительно бормотал что-то в ответ на шутки Бэджера, который на фоне остальных гостей уже казался ему почти родным. Несколько раз, когда прочие уважительно замолкали после замечаний Липскомба, задумчиво кивал вместе со всеми. Вся столовая пропиталась сигарной вонью, однако спиртное несколько скрашивало ощущения. На Барри Грума Ник взирал почти с благоговением: не часто встречаются люди, вызывающие такое отвращение. Ему казалось, что сам Барри понимает, какое производит впечатление, что ему это даже нравится.

И однако Джеральд продолжает с ним общаться, потому что Барри — его деловой партнер, потому что они друг другу полезны. Вот что значит быть взрослым, сказал себе Ник: иметь дело не с теми, кто приятен, а с теми, кто полезен.

— Не понимаю, — говорил Барри, — чего эти расфуфыренные оксфордские умники так носятся со своим Клубом мучеников. — Он глотнул кларета. — Что это вообще значит? От чего вы там мучаетесь, хотелось бы мне знать?

— От похмелья, — немедленно подал голос Бэджер.

— Точно, от выпивки, — с безмятежной улыбкой согласился Тоби.

— От превышения кредита и классовых барьеров, — попытался присоединиться к общим шуткам Ник.

Барри уставился на него.

— А вы что, тоже член клуба?

— Нет, я… — начал Ник.

— Я так и думал.

А потом из холла послышался шум. Отдаленный грохот, словно что-то с размаху ударилось о дверь. Затем звонок — три резких, нетерпеливых звонка сразу. Дверь распахнулась, послышался торопливый, взволнованный женский голос,

видимо, Кэтрин — слов было не разобрать. Ник скользнул взглядом по лицам гостей: на них отражалось удивление, недовольство, кое у кого — любопытство. Джон Тиммс немигающим взглядом уставился на закрытую дверь. Бэджер устроился поудобнее и выпустил клуб дыма.

— Да хватит уже, хватит! — послышалось снизу.

Точно, Кэтрин.

— Этот ребенок и устрицу выведет из терпения, — проговорил Джеральд и обвел взглядом гостей, желая знать, все ли узнали цитату.

Входная дверь закрылась — на сей раз аккуратно, без хлопка — и раздался мужской голос:

— Девочка, надо быть поосторожнее…

Ник нахмурился: с образом Рассела этот голос не складывался.

Джеральд встал, отложил сигару, проговорил: «Прошу прощения» — и с неловкой улыбкой направился к дверям.

— Это моя сестра, — объяснил Тоби.

— Так вот, как я уже говорил… — начал Морден Липскомб.

Джеральд открыл дверь. Из холла слышалось:

— Ну успокойся, Кэти, успокойся, что ты, в самом деле, разве ж так можно…

Теперь Ник явственно различил в этом голосе карибский акцент. Голос был смутно знакомым, хоть Ник и не мог сообразить, кому он принадлежит — но сердце его рванулось навстречу этому голосу, прочь от сигарного дыма, болтовни старых оксфордцев и жирной скотины Барри Грума.

— А вы кто такой? — спрашивал внизу Джеральд.

— Боже мой, папа! — вскричала Кэтрин. Теперь стало ясно, что она плачет — на последнем слове голос ее дрогнул и сломался.

— Ну, ежели вы — Кэтин папаша, то…

Ник встал и вышел в холл. Он не знал, что происходит, понятия не имел, сможет ли помочь, но понимал, что в любом случае будет полезнее Джеральда.

Кэтрин стояла у лестницы, обеими руками сжимая золотую цепочку сумочки: на высоких каблуках она казалась совсем маленькой, губы у нее дрожали, словно у обиженного ребенка. Несмотря на свою тревогу, Ник едва не рассмеялся — так взрослый улыбается упавшему ребенку, желая его приободрить и убедить, что ничего страшного в падении нет. А падение, очевидно, произошло, и серьезное, — Кэтрин собиралась веселиться всю ночь, а вернулась через два часа.

Человека рядом с ней Ник узнал сразу — таксист, с которым она подружилась и как-то раз, пока Джеральд и Рэйчел отдыхали во Франции, привела его в дом: лет пятидесяти, крепкий, с седыми висками и легким запахом ганджи — в «Орбисе» все таксисты приторговывали травкой. В этом доме он выглядел абсолютно неуместно.

— Привет! — сказал Ник и положил руку ему на плечо. — Что случилось?

— Кто он такой? — продолжал вопрошать Джеральд.

— Меня Брентфордом кличут, раз уж вы спрашиваете, — неторопливо отвечал таксист. — Вот, привез вашу Кэти домой.

— Большое спасибо, — поспешно вставил Ник.

— А откуда вы знаете мою дочь? — поинтересовался Джеральд.

— Вы уж о ней позаботьтесь, — продолжал Брентфорд. — Я-то не могу, мне сегодня еще работать.

— Он таксист, — полушепотом пояснил Ник.

— И что, мы должны ему заплатить?

— Я счетчик не включал, — объяснил Брентфорд. — Парень ее послал куда подальше, вот она мне и позвонила.

— Это правда?

— Мы вам очень благодарны, — сказал Ник.

Кэтрин с всхлипом втянула в себя воздух, шагнула к Брентфорду и схватила его за руку. Тот, понимая свое место, осторожно отстранил ее в сторону Ника; тогда она бросилась к нему и зарыдала у него на плече, однако не пытаясь его обнять. В своем горе она не искала у Ника утешения — ей просто надо было куда-то прислониться, поэтому Ник обнял ее осторожной, несмелой рукой.

— Рассел? — спросил он.

Но она рыдала отчаянно, не в силах вымолвить ни слова.

— Милая, что случилось? — воскликнула, сбегая по лестнице, Рэйчел.

— Этот чертов ублюдок ее бросил, — объяснил Джеральд, с негодованием явно неискренним — случилось то, на что он давно втайне надеялся. — Бедная наша киска!

Рэйчел перевела взгляд на Брентфорда, и на лице ее отразилась тень страха, словно таксист принес с собой в дом угрозу куда большую, чем драматическое появление Кэтрин.

— Милая, иди наверх, — сказала она.

В этот момент в холле появился Барри Грум. Жирная рожа его была свирепа и безумна. Ясно

было, что он в стельку пьян.

— Эй ты! — заорал он на Брентфорда. — Ты кто такой, а? Отвечай, засранец!

Джеральд положил руку ему на запястье.

— Все в порядке, Барри.

— Если ты ее хоть пальцем тронул, я тебя…

— Да заткнитесь, вы, идиот! — совершенно неожиданно для себя завопил Ник. Звук собственного крика потряс его.

— Заткнись, горилла! — закричала сквозь слезы и Кэтрин.

— Так-так… — протянул Барри, пьяно качая головой. — Так-так… — И на лице его проступила безобразная злобная ухмылка.

— Ради бога, извините… — сказал Ник Брентфорду.

— А почему, собственно, мы все здесь столпились? — как ни в чем не бывало вопросил вдруг Джеральд.

— Милая, пойдем наверх, — позвала Рэйчел.

— Идемте, нас ждут портвейн и сигары, — предложил Джеральд, поворачиваясь к Брентфорду спиной. И добавил: — Дорогая, ты отведешь ее наверх? — с таким видом, словно и вправду вполне готов был сделать это сам.

Кэтрин повернулась и двинулась вверх по лест-

нице. Рэйчел попыталась ее обнять, но Кэтрин сбросила ее руку. Ник повел Брентфорда к дверям.

— Вы уверены, что мы ничего вам не должны? — спросил он, хотя его наличности едва ли хватило бы на оплату дороги из Стоук-Ньюингтона.

— Вот ведь подонок, — проговорил уже на пороге Брентфорд.

— Да… — ответил Ник, не совсем поняв, кого таксист имеет в виду. Но тот движением головы и руки заверил его, что это все не важно.

Такси исчезло, а Ник еще некоторое время стоял на тротуаре перед домом. Сверху, из открытого окна, доносился женский смех. Ник с наслаждением вдыхал ночной воздух, еще чуть дрожа от волнения — кажется, впервые в жизни он осмелился накричать на неприятного ему человека. Вспомнив о Лео, он улыбнулся и обхватил себя руками. Интересно, что он сейчас делает? Снова вспыхнуло и согрело его воспоминание о сегодняшнем свидании; легким облачком проплыла и растворилась во тьме неприятная мысль о Пите.

Ник вошел в дом и, проходя мимо приоткрытой двери в столовую, услышал голос Джеральда: «…в

каких-то отрепьях, и воняет марихуаной!» — и злой смех. Пора наверх, сказал себе Ник, настало время свободы. Ни среди мужчин, ни среди женщин он не нужен. Конечно, невежливо уходить не попрощавшись (поэтому он и не сбежал до сих пор) — но заставить себя вернуться и сесть за стол с Барри Грумом он не мог. Джеральд, наверное, тоже на меня сердится, подумал Ник, но сейчас эта мысль совершенно его не тронула. Он защищал Кэтрин — а значит, безответственным его поведение никак не назовешь. Поднимаясь по лестнице, Ник поймал себя на том, что вполголоса мычит себе под нос яркие, радостные трели из Четвертой симфонии Шумана.

6

— Блин, какой же ты все-таки цыпленок! — сказал Лео.

Что значит в его устах слово «цыпленок», Ник не совсем понимал, догадывался лишь, что это ласковый упрек, непосредственно связанный с его происхождением, воспитанием, неведением множества самых обыденных вещей. Нику это не нравилось — он предпочел бы ласку безо всяких упреков, — однако не сердился на Лео, понимая, что тот сегодня и сам нервничает. Они были в

Уиллсдене, ярдах в десяти от дома, где жил Лео с матерью и сестрой.

— Совсем желторотый! — сказал Лео.

— Не понимаю, о чем ты.

Лео потряс головой.

— Ну и что мне с тобой делать?

Они встретились после работы, через улицу от здания городского совета. Лео был в темно-сером костюме с прямыми плечами, белой рубашке и широком, но строгом галстуке. Ник впервые видел его в официальном наряде и не мог сдержать улыбки. Его обожание Лео дошло уже до степени идолопоклонства, однако он знал, что улыбки и восхищенные взгляды Лео воспринимает болезненно: ему кажется, что над ним смеются.

— Ты такой красивый! — сказал он.

— Ага, ты тоже, — ответил Лео. — Ладно, пошли. И запомни: не упоминать имя Господа всуе. Не говори ни «боже мой», ни «о господи». — Эти слова Лео произнес тоненьким манерным голоском — так, как, по его мнению, произносят их ребята вроде Ника. — И главное, боже тебя упаси сказать «гребаный Иисус»!

— Ладно, постараюсь.

Ник всегда нравился матерям — он воплощал собой архетип «милого молодого человека». И сам

он любил компанию пожилых, где не чувствовал для себя никакой угрозы. Он с удовольствием очаровывал чужих родителей, порой не замечая границы, за которой желание понравиться переходит в неискренность. Однако знаком был ему и неприятный холодок под ложечкой: как бы приятель не сказал что-нибудь лишнее! — и торопливое стремление перевести разговор на другое прежде, чем он достигнет опасной черты.

— Сестра про меня догадывается, — сказал Лео. — Кстати, она, наверное, тебе понравится.

— Розмари?

— Она хорошенькая.

Они шли по бетонной дорожке; догнав Лео, Ник прошептал ему на ухо:

— Спорим, не такая хорошенькая, как ты!

Миссис Чарльз с сыном и дочерью обитали на первом этаже маленького кирпичного домика. В углублении подъезда располагались рядом две двери: Лео взялся за правую. Долго возился с ключом: как видно, замок у Чарльзов был не из сговорчивых. Оглядываясь кругом, Ник заметил цветное стекло в окне и над дверным звонком — крест из вербных веточек. Надо же, Лео живет в этом доме, ходит по этой улице каждый день — подумал он с легким потрясением, все-таки и

дом, и улица слишком отличались от всего, что он до сих пор знал; и тут же сокрушенно сказал себе, что Лео прав, он безнадежный «цыпленок». Дверь отворилась, и на Ника пахнуло острым запахом кухни: вместе с ним пришло столь же острое воспоминание о школьных благотворительных посещениях стариков и инвалидов. Каждый такой визит становился для школьников уроком жизни, а для Ника — еще и уроком тонкого эстетического снобизма.

Они оказались в крохотной кухоньке с застекленной раздвижной дверью и оранжевыми занавесками. Со стены, с церковного календаря, простирал руки парящий в облаках Иисус. Пирамиды тарелок и кастрюль, потрескавшийся линолеум. Почти половину кухни занимала огромная плита: на ней что-то шипело и булькало. И посреди всего этого — мать Лео, сухонькая женщина лет пятидесяти, с искусственно распрямленными волосами и благожелательной улыбкой.

— Добро пожаловать! — обратилась она к Нику с тем теплым вест-индским выговором, который Лео использовал лишь изредка, по собственному желанию.

— Спасибо, — ответил Ник. — Очень рад с вами

познакомиться.

Он привык жить аллюзиями и метафорами, и в знакомстве с семьей любимого для него скрывался некий эротический подтекст — он наслаждался, выискивая черты родственного сходства и различия, обнаруживая общее в форме носа или в походке. Жизнь в Кенсингтон-Парк-Гарденс, среди Федденов, давала ему ощущение постоянного размытого присутствия Тоби: это чувство и мучило, и утешало. Но Тоби он лишь пару раз обнимал да однажды поцеловал в щеку, да еще два раза в туалете Вустерского колледжа украдкой видел его пенис. А здесь, в крошечной квартирке в Уиллсдене, он знакомится с матерью человека, от которого не раз слышал: «Ты чертовски здорово трахаешься!» И еще: «Боже, до чего же ты классно сосешь!» И даже: «Мать твою, никогда еще мне так не лизали задницу!» Да, это уже не пресные объятия, поцелуйчики и подглядывание в общественном туалете!

Появилась сестра, Розмари, — как понял Ник, ушла с работы пораньше, чтобы помочь матери принять гостя. Она работала в приемной у врача, и под плащом на ней были блузка и строгая юбка. С ней Ник поздоровался в прихожей, протиснувшись туда боком — большую часть места занимал

серебристый мотоцикл. Розмари оказалась очень похожа на Лео — только более миниатюрная, тоненькая, женственная и, разумеется, без бороды. Нику показалось, что он ей не понравился. Потом брат и сестра ушли переодеться, а Ник остался в прихожей, зажатый мотоциклом в дальний угол.

— Ох уж этот мотоцикл! — поджав губы, сказала миссис Чарльз. — Говорила я ему, говорила…

Они вошли в общую комнату, где вокруг дубового обеденного стола теснились стулья в стиле Жакоб, с резными ножками, а дальше, у стены, блестел искусственной кожей раскладной диван. Полку фальшивого камина украшали религиозные сувениры. Вообще о религиозности миссис Чарльз трудно было забыть: кроме сувениров, о ней здесь напоминали картины на стенах и толстые стопки брошюр по краям стола и на подлокотниках дивана. Нику бросился в глаза заголовок: «Приветствуем Иисуса сегодня». Ник присел на краешек дивана и начал вежливо разглядывать картины: между изображением пляжа с пальмами и репродукцией «Тени смертной» Холмана Ханта обнаружил большую фотографию Лео и Розмари в детстве — и уставился на нее с почти педофилическим интересом.

— Я вам откровенно признаюсь, молодой чело-

век, — церемонно начала миссис Чарльз, — уж такой сын у меня уродился, что совсем ничегошеньки мне не рассказывает, каждое слово из него клещами тянуть приходится. Но я так поняла, что живете вы в большом белом доме, у члена парламента?

— Верно, — ответил Ник с невольной усмешкой, которая, должно быть, ее озадачила. Наедине с ним Лео отзывался о Федденах и их доме с насмешливым пренебрежением; но здесь, как понял Ник, упомянул об этом, чтобы произвести впечатление на мать.

— И как вам там нравится? — поинтересовалась миссис Чарльз.

— Ну, думаю, мне очень повезло, — ответил Ник. — Дело в том, что я учился вместе с его сыном.

— А с ней вы знакомы?

Ник неуверенно улыбнулся.

— Вы имеете в виду миссис Федден?

— Да нет! С миссис Федден — я фамилию-то правильно выговариваю? — вы, уж конечно, знакомы. Нет, я о ней. — По благоговейным ноткам в ее голосе Ник начал понимать, о ком речь. — О самой леди. Миссис Тэтчер.

— А-а… Нет. Нет, пока как-то… — Он почувство-

вал, что должен дать какое-то объяснение. — Джеральд Федден очень хочет залучить ее к себе, несколько раз пытался, но все не получалось.

— Ну, я уверена, вы с ней непременно познакомитесь!

— Если познакомлюсь, обязательно вам расскажу.

Вошел Лео, и Ник благодарно обернулся к нему.

Лео переоделся в свитер и джинсы, и при виде этих знакомых джинсов Ник вдруг с необычайной ясностью представил, как Лео кончает прямо здесь, посреди комнаты, как содрогается его напряженный член и тяжелая струя падает и рассыпается жемчужными хлопьями на искусственной рыжей коже дивана. В последнее время Ник был просто одержим сексом: стоило ему закрыть глаза — и фаллос за фаллосом проплывал перед ним, словно узор на обоях, и порой посреди улицы, в столовой или в аудитории он на миг застывал, пораженный наплывом картин и образов эротического свойства.

— А скажите мне еще, молодой человек, уж порадуйте старуху, вы в церковь-то ходите?

Ник закинул ногу на ногу, чтобы скрыть возбуждение, и ответил:

— Боюсь, что нет. По крайней мере, сейчас.

Миссис Чарльз, похоже, привыкла к подобным разочарованиям и восприняла его ответ философски.

— А родители ваши?

— О, они очень религиозны. Мой отец — церковный староста, а мама часто украшает церковь цветами… — Он надеялся, что эти сведения не подчеркнут, а компенсируют его собственное небрежение религией.

— Очень, очень рада это слышать. А отец ваш чем занимается?

«Прямо собеседование какое-то», — подумал Ник. Быть может, на каком-то подсознательном уровне она почувствовала, что он пытается связать свою жизнь с ее сыном? Впрочем, такие «собеседования» Нику устраивали часто и самые разные собеседники: должно быть, было в нем что-то загадочное, побуждающее к попыткам «встроить» его в соответствующий контекст.

— Он антиквар, — ответил он. — Продает старинную мебель, часы и фарфор. В основном часы.

Миссис Чарльз взглянула на Лео.

— Смотри-ка, совсем как твой старина Пит!

— Да, — рассеянно откликнулся Лео. Он сидел

за столом, молчал, смотрел в сторону и, судя по всему, помогать Нику не собирался. — Антикваров вообще много.

— Да-да, то же самое! — радостно продолжала миссис Чарльз. — Ну, у меня в доме тоже кое-что антикварное найдется. Можете походить да посмотреть. Старину Пита вы, наверное, не знаете?

— Знаю, — ответил Ник и украдкой покосился на Лео; ему было любопытно, как тот представил матери старину Пита и что о нем рассказал.

— Надо же, как мир тесен! — просияла она.

— Меня Лео с ним познакомил…

— До чего же он славный человек, этот старина Пит! Знаете, вслед за Лео мы все его зовем «стариной», так уж повелось, хотя ему еще и пятидесяти нет.

— Ему сорок четыре, — уточнил Лео.

— Если бы не он, уж не знаю, что бы мы делали! Он помог Лео кончить колледж, а потом устроил его на работу в городской совет. И ничегошеньки за это не взял! Так и говорит: «Обижаете, говорит, мне никакой благодарности не требуется!» Прямо как фея-крестная в сказках!

— Да, что-то в этом роде, — подтвердил Лео с тем скучающим видом, с каким ребенок слушает высокопарные излияния родителей — быть

может, шестым чувством ощущая в них ложь, которой сами они не замечают.

— Он Лео отца заменил, — заключила миссис Чарльз. — Я всегда говорю: Господь своих детей в беде не бросает. Видите, каков молодец вырос? Что скажете, хороший у меня сын?

— Да, он… просто замечательный! — откликнулся Ник.

— А как насчет чая? — предложил Лео.

— Надеюсь, твоя сестра его уже заварила, — сказала миссис Чарльз. — Мы для нашего гостя приготовили острую свинину с рисом. Вы, англичане, — добавила она, обращаясь к Нику, — кажется, свинину чаще готовите в духовке?

— М-м… я не уверен… — пробормотал Ник, пытаясь припомнить, как готовит свинину его мать — живое воплощение всех существующих традиций. — Но в любом случае, — продолжал он, широко улыбнувшись, — не сомневаюсь, что ваш рецепт достоин войти в анналы английской кухни!

Миссис Чарльз вежливо улыбнулась в ответ: что такое «анналы», она явно не поняла.

За столом Ника посадили справа от грозной башни брошюрок «Приветствуем Иисуса сегодня», и он боялся рассыпать ее, нечаянно задев

локтем. Острая свинина оказалась и вправду неимоверно острой: Ник даже заподозрил, что в его тарелку Розмари переложила специй. Но больше всего — неожиданно для него самого — его поразило, что в этом семействе ужинают без четверти шесть. Какой-то нелепый социальный рефлекс, острое чувство классового различия, детская боязнь перемен в установленном режиме — все слилось в единое и необычное ощущение: сам себе он казался исследователем в чуждом и неизвестном мире. На Кенсингтон-Парк-Гарденс ужинали на три часа позже, и вкушение пищи предварялось множеством разнообразных развлечений: болтовней, игрой в теннис, работой в саду, виски и джином. Но в доме у Чарльзов развлечений было куда меньше, вместо сада — чахлая клумба перед подъездом, спиртного здесь не держали, а Лео и Розмари возвращались с работы усталыми и голодными. Интересно, чем они занимаются после ужина? Кое о каких привычках этого семейства Ник догадывался, сравнивая ее с собственной, занимавшей среднее положение между Федденами и Чарльзами, но многое оставалось для него совершенной загадкой. Никогда прежде он не бывал в гостях у семьи чернокожих. Как видно, впервые полюбив, при-

обретаешь новый опыт и в других областях.

После довольно продолжительного молчания Лео спросил — так, словно они едва знали друг друга:

— Ну как дела в университете?

— Все в порядке, — ответил Ник, немного расстроенный, но и тронутый напускной холодностью Лео.

Он боготворил своего друга, но видел его насквозь и давно уже понял, что за его внезапной холодностью и даже грубостью всегда скрывается смущение, а за смущением — любовь; и всякий раз, когда такое происходило, чувствовал, что любит Лео все сильнее и сильнее.

— Пока что ничего особенно интересного. Совсем не то, к чему я привык.

Из сумрачного здания английского факультета он всегда уходил с двумя-тремя свежими анекдотами, которые приятно было вспомнить и много дней спустя; но Лео не особенно интересовался студенческими историями, и часто они пропадали впустую — или оседали под невидимой тяжестью непонимания и отторжения.

— Ник прежде учился в Оксфорде, — объяснил Лео.

— А теперь где? — спросила миссис Чарльз.

— В аспирантуре в Лондонском университете, — ответил Ник. — Пишу диссертацию.

Лео проглотил кусок свинины и, хмурясь, спросил:

— Повтори еще раз, о чем?

— Ну… — ответил Ник задумавшись над формулировкой. — Это работа о стиле… о стиле английского романа.

— А-а, понятно! — с блаженным кивком отозвалась миссис Чарльз.

Очевидно, литературоведческие вопросы настолько превосходили ее понимание, что она могла себе позволить отнестись к ним снисходительно.

Ник хотел заговорить, но она его прервала:

— Как же это хорошо, когда молодой человек так любит учиться! Лет-то вам сколько?

— Двадцать один, — осторожно ответил Ник.

— Смотри-ка ты! А с виду — совсем мальчуган, правда, Розмари?

Розмари промолчала — только иронически приподняла бровь, продолжая резать свинину. Ник, покраснев, украдкой взглянул на Лео: тот нахмурился, к щекам его прихлынула кровь, на лице было написано смущение. Уже не в первый раз Ник предположил, что его возраст имеет для

Лео какое-то особое значение, так что даже самое невинное упоминание о нем запускает механизм интимных фантазий.

— Конечно, скучно без старых друзей, — поспешно продолжал Ник, хоть и чувствовал, что выпал из нужного тона. — Нужно время, чтобы освоиться… уверен, в конце концов мне там понравится! — Слова его были встречены молчанием, и он торопливо продолжил: — Кстати, в здании английского факультета прежде размещалась матрасная фабрика. И половина преподавателей у нас — алкоголики!

Обе фразы, явившиеся прямиком из-за стола на Кенсингтон-Парк-Гарденс, были столь неуместны, что Ник едва удержался от улыбки над собственной глупостью. Теперь молчание сделалось неодобрительным, даже негодующим. Лео тщательно прожевал свинину, бросил на Ника старательно-безразличный взгляд и проговорил:

— Матрасная фабрика, говоришь?

— Алкоголизм — это болезнь, — твердо глядя в тарелку, сказала Розмари, — а больные люди нуждаются в помощи.

Ник выдавил виноватый смешок.

— Э-э… конечно, согласен. Вы совершенно правы. Именно в помощи.

— А все проблемы у людей из-за одного, — помолчав, веско изрекла миссис Чарльз. — Из-за того, что у каждого прямо в середине души есть большая-пребольшая черная дыра!

Ник издал неопределенный вопросительный звук, не без страха ожидая, что за этим последует.

— И заполнить эту дыру ничем нельзя — ничем и никем, кроме Господа нашего Иисуса! Вот о чем мы молимся, теперь и всегда: чтобы Господь Иисус снизошел на нас и заполнил пустоту в наших душах! Так, Розмари?

— Именно так, — торжественно кивнув, подтвердила Розмари.

— А как твои оценки? — с почти нескрываемым сарказмом в голосе поинтересовался у Ника Лео.

Но миссис Чарльз было уже не остановить.

— Я молюсь о том, чтобы все, кто блуждает во тьме, обрели Иисуса. И еще молюсь об этих двух детях, которых я привела в сей мир. Молюсь, чтобы они были счастливы, пристроены, чтобы, как говорится, дошли до алтаря. — Последнюю фразу она произнесла тоном ниже и с добродушной улыбкой, показывая, что готова обратить последние слова в шутку.

Лео вздрогнул и судорожно поскреб голову;

однако Ник почувствовал, что он не сердится на мать — скорее, ее жалеет.

Розмари, явно правая рука матери, кротко возразила, что готова выйти замуж, как только встретит подходящего мужчину.

— Кроме этого, меня ничто от замужества не удерживает, — добавила она, скромно прикрыв глаза, а затем метнула на Лео быстрый острый взгляд, по которому Ник сразу уверился: она знает.

Когда на столе появились фрукты и мороженое, миссис Чарльз сказала Нику:

— Вижу, вы смотрите на ту картину, на Господа Иисуса за плотницкой работой.

— А… да, — откликнулся Ник.

Собственно говоря, он предпочел бы на нее не смотреть, но это было невозможно — картина располагалась прямо напротив него, над плечом Лео.

— Знаете, это ведь картина старая и очень знаменитая.

— Да. Я видел оригинал — недавно, в Манчестере.

— Ну да, конечно. Я сразу поняла, что это копия, когда у нас в церкви увидела такую же.

Ник улыбнулся и моргнул, не вполне уверен-

ный, что над ним не издеваются.

— Оригинал гораздо больше, — сказал он. — В натуральную величину. Собственно, это работа Холмана Ханта, и…

— А-а! — удовлетворенно протянула миссис Чарльз, словно это сообщение представило ей любимую картину в новом свете.

Ник терпеть не мог искусство такого сорта — грубобуквальное и тяжеловесно-символистическое; в натуральную величину этот навязчивый буквализм смотрелся еще отвратительнее.

— Я слышала, тот же самый художник нарисовал «Свет миру», это та, где Господь Иисус стучится в дверь.

— Да, верно, — благожелательно отозвался Ник, словно учитель, давно махнувший рукой на познания ученика и поощряющий в нем хотя бы интерес к предмету: — Она находится в соборе Святого Павла, можете туда сходить и посмотреть.

Миссис Чарльз восприняла эту идею с энтузиазмом.

— Розмари, ты слышишь? В эту же субботу поедем в собор Святого Павла и посмотрим своими глазами!

Нику представилось, как миссис Чарльз — в на-

чищенных до блеска туфлях и крошечной, словно у стюардессы, черной шляпке — отправляется в свое паломничество: как нервничает в ожидании автобусов, путается в пересадках, и наконец, преодолев все препятствия, поднимается по высоким ступеням в прохладную громаду церкви, которую он, по иронии судьбы, привык считать своим владением — владением эстета и искусствоведа, а не каких-то там простецов верующих…

— Или, может быть, вместе с вами съездим… а? — обратилась она к Нику, почему-то робея назвать его по имени.

— С большим удовольствием, — быстро ответил Ник.

— Вместе поедем и осмотрим там все вдоль и поперек, — заключила миссис Чарльз.

— Замечательно! — откликнулся Ник — и прочел во взгляде Лео нескрываемую иронию.

— Знаете, — заговорила миссис Чарльз, склонив голову набок, — говорят, во всех старинных картинах, если присмотреться, есть что-то такое особенное, вроде ребуса, что ли.

— Да, часто такое бывает, — ответил Ник.

— А знаете, что особенного в этой? — В голосе миссис Чарльз слышалось: «Ни за что не догадаешься!»

Ник задумался. На его взгляд, некоторую загадку на полотне представляла фигура коленопреклоненной Девы Марии: судя по повороту головы, она смотрела на тень, предвосхищающую распятие, однако лицо ее оставалось невидимым для зрителя. Интересно, что сказал бы об этом Генри Джеймс?

— Ну, детали прорисованы потрясающе — посмотрите на эти деревянные козлы, они как настоящие, все так точно…

— Нет-нет! — торжествующе покачала головой миссис Чарльз. — Посмотрите, как стоит Господь Иисус! Его тень на стене — это же точь-в-точь образ его самого на кресте!

— Э-э… — сказал Ник, — да, в самом деле… но ведь и картина называется…

— И знаете, о чем это нам говорит? О том, что распятие и воскресение Господа Иисуса были заранее предсказаны!

— Да, пожалуй, картина в самом деле иллюстрирует эту мысль, — совершенно убитым голосом пробормотал Ник.

Лео, подмигнув, сменил тему.

— А мне нравится, как он на картине потягивается, — сказал он и, поднявшись из-за стола, раскинул руки и склонил голову набок, точь-в-

точь как Господь Иисус на картине — с той лишь разницей, что у Иисуса не было в руке чайной ложки.

Розмари наблюдала за ним с тем тайным удовлетворением, с каким примерные дети любуются шалостями озорных братьев. Однако вслух сказала:

— Бр-р, у меня мурашки по коже, когда ты так делаешь.

Лео широко улыбнулся в ответ, и тень его на стене, изображавшая в сгущающихся сумерках знак креста, растянулась, задрожала и распалась на множество мелких теней.

После ужина Лео проверил мотоцикл, и почти сразу они оказались на улице. Ник покинул дом Чарльзов с облегчением, хоть и немного смущенный, — он вылетел вслед за Лео, словно за собакой на поводке. Но миссис Чарльз, кажется, не возражала. «А, уже уходите!» — сказала она так, словно для нее самой это было в радость. Или, быть может, думал Ник, спеша следом за Лео, она почувствовала, что ему с ней неудобно и неловко, и ее безмятежное прощание — лишь удачная попытка замаскировать недовольство… Право, в голосе у нее прозвучало что-то такое, как будто она на него обижена… А ведь он и в самом деле

разговаривал с ней снисходительно, и она, должно быть, это заметила… Все эти мысли мгновенно пронеслись у него в голове, и Ник почувствовал, что миссис Чарльз становится ему неприятна.

Лео шагал быстро и целеустремленно, словно уже выбрал, куда идти, и молчал. Ник не понимал, что с ним — огорчен он, раздражен, обижен, готов защищаться… однако ясно было, что все эти эмоции, поочередно или вместе, могут вспыхнуть от одного неловкого слова и лучше помолчать и дать Лео успокоиться, чем сердить его неуклюжими попытками угадать его чувства. Впрочем, собственная мудрость Ника не слишком успокаивала. Солнце уже село, и в тонком холодном ветерке, и в темном кобальте высокого неба — везде чувствовалось неопровержимое присутствие осени. За этот месяц совместные вечерние прогулки, втроем с мотоциклом, приобрели для Ника особый романтический колорит.

Опасаясь, что Лео воспримет его молчание как неодобрение, он догнал его, обнял сзади и сказал:

— Спасибо тебе, милый.

— За что это? — фыркнул Лео.

— За то, что пригласил меня к себе домой. Познакомил со своей семьей. Для меня это важ-

но. — Произнеся эти слова, он в самом деле ощутил, что очень тронут.

— Ну вот ты и узнал, как я живу, — неопределенно проговорил Лео.

Он остановился у перехода и, прищурившись, совсем как миссис Чарльз, взглянул на дорогу. Мимо пронесся автомобиль, затем другой — и снова все стихло.

— Они… замечательные, — сказал Ник.

Сказал из одной любезности — но тут же почувствовал, что слово это в тишине, под размытым мокрым светом уличных фонарей, прозвучало куда осмысленнее, чем предполагалось. Да, Чарльзы замечательны — особенно для него и особенно по сравнению с Федденами.

Лео удивленно моргнул, затем, усмехнувшись, ответил:

— Ну, если ты так говоришь… милый. — В первый раз он назвал Ника «милым», но сейчас в этом слове чувствовался двусмысленный привкус.

У Ника были на этот вечер собственные большие планы, но сейчас он решил, что лучше предоставить выбор Лео: в результате они отправились обратно в Ноттинг-Хилл, в кинотеатр «Гейт» на сеанс семь пятнадцать, «Лицо со шрамом». Фильм только что вышел на экраны, но

Лео знал о нем все, не исключая и необычайной продолжительности — сто семьдесят минут! Три часа близости в темном кинозале, мысленно добавлял Ник. Три часа — прильнув друг к другу распаленными телами. А Лео все болтал о том, какой замечательный актер Аль Пачино, говорил о нем почти со страстью — Ник этого не понимал, Пачино определенно не принадлежал к числу его кумиров. В последнем номере «Тайм аут» было интервью с ним, которое Лео, очевидно, внимательно прочел. Вообще все, что он говорил сейчас о фильме, было почти буквально почерпнуто из журнальных обзоров. Но Ник понимал, что к своему увлечению кино Лео относится серьезно и ревниво — особенно на фоне познаний самого Ника в литературе, музыке и живописи — поэтому не стал спорить и ответил:

— Нет, он, конечно, гений, — сознательно подобрав слово, несущее для них обоих равно огромный и расплывчатый смысл.

Подъехал автобус. Ник вошел, сел и стал смотреть в окно, в спину Лео: тот целую вечность возился со своим мотоциклом, наконец запрыгнул в седло и помчался по залитой вечерним светом улице. Когда автобус остановился на следующей остановке и мотоцикл стал его обгонять,

Лео приподнялся на сиденье и обернулся, чтобы взглянуть на Ника: секунду он, казалось, парил в воздухе, затем подмигнул, снова согнулся в седле и пронесся мимо. Ник в ярко освещенном салоне улыбнулся в ответ, поднял руку, хотел ему помахать — и тут же опустил, спиной ощутив любопытные и, быть может, подозрительные взгляды других пассажиров.

Наконец автобус пересек Хэрроу-роуд и начал долгий путь вниз по Ледброук-Гроув. Ник представил себе, как впереди мчится, визжа шинами и взревывая мотором, Лео. Вгляделся — но ничего не разглядел в путанице фар и фонарей. Где они сейчас? В этой части улицы, между каналом и административными зданиями, Ник еще не бывал — и тосковал по уютной безопасности знакомого квартала, беленых стен и частных садов. Но слишком многое отделяет его сейчас от Ноттинг-Хилла: рынок, вокзал, стальные мосты, толпы праздных и громогласных прохожих… Как-то прокладывает себе там путь Лео?

Наконец спуск сменился подъемом: чем выше над уровнем моря, тем выше благосостояние жителей. Теперь в самом названии улицы — «роща Ледброук» — чувствовалось что-то тонкое и невыразимо грустное, намек на летний день,

вишневый сад и изгородь из прутьев. Ник не обманывал себя мыслью, что Лео способен понимать такие вещи: быть может, он и являет собой достойный предмет для поэзии, но поэтического склада ума ему недостает, и в эстетических впечатлениях Ника, вздумай тот ими поделиться, Лео, пожалуй, увидит лишь праздную игру ума или, как он выражается, «выпендреж». Порой Нику казалось, что его друг вообще не способен на сильные чувства — но стоило ему так подумать, как Лео вдруг проявлял страсть или нежность, потрясение или негодование с такой силой, что Ник начинал стыдиться своих подозрений. Снова перелистывая в памяти страницы сегодняшнего вечера, Ник понимал, что этот визит много значил и для самого Лео. Но все испортила необходимость скрываться и секретничать. Будь Ник женщиной, знакомство превратилось бы в ритуал: миссис Чарльз, должно быть, обняла бы его, расцеловала и со слезами на глазах сказала, что наконец-то Господь Иисус решил исполнить ее заветное желание — привести Лео к алтарю. Миссис Чарльз просто одержима любовью к Иисусу, думал Ник, не меньше, чем он сам — любовью к Лео; но она не только вправе, но и обязана свободно говорить о своей любви — а он о своей

может, краснея и бросая украдкой взгляды, лишь молчать.

Войдя в кинотеатр, он обнаружил Лео в длиннейшей очереди, уже ближе к кассе.

— О, добрался все-таки! — сказал Лео, а потом, оглянувшись и кивнув на толпу жаждущих зрителей, добавил: — Сам видишь, премьера… — с таким видом, словно на премьеры ходил каждый день и они смертельно ему надоели.

Добравшись до окошечка кассы, они обнаружили, что кинотеатр уже почти полон и взять два билета рядом не получится.

— Ну ладно, — сказал Ник, пожав плечами и чуть понизив голос, ибо пара сзади косилась на них с нескрываемым любопытством. — Сходим в выходные.

Но Лео ответил:

— Слушай, мы такую очередь отстояли — неужели теперь уйдем?

— Я просто подумал, — тихо сказал Ник, — если мы не сможем сесть вместе…

Единственной причиной похода на трехчасовую гангстерскую сагу была для него возможность сесть рядом с Лео, ощутить тяжесть и тепло его тела и его руку у себя в расстегнутой ширинке. Им уже случалось ласкать друг друга в кино,

чудесными, осторожными, медленными движениями, на боевиках, которые выбирал Лео, и на феллиниевском «И корабль плывет» — злосчастном выборе Ника, на котором им так не удалось достигнуть оргазма. Кроме кино, они занимались любовью в парках, в общественных банях, да еще однажды — в подсобке магазинчика Пита, от которой у Лео был ключ; но это, на вкус Ника, было еще экстремальнее обжиманий в кино. Кинозал особенно привлекал его тем, что задние ряды, как правило, оккупировали шумно вздыхающие и сопящие парочки, и в темноте Ник мог вообразить, что ничем от них не отличается.

Но теперь, получив «лучший» билет в середине заднего ряда и снова оставшись один, он с особенной остротой ощутил свое одиночество. Когда они вошли в зал, уже началась реклама: в ее неверном свете Ник пробирался к своему месту, спотыкаясь, извиняясь, неуклюже вторгаясь в мир распаленных страстью пар. Поперек его кресла лежали чьи-то пальто и сумка, их пришлось отодвинуть; слева его беспрестанно задевал локтем какой-то энергичный любовник. Ник предчувствовал, что сто семьдесят минут растянутся до бесконечности — какое-то чудовищное испытание на выносливость. Так оно и

случилось: Ник не хотел смотреть этот фильм, не хотел настолько, что в какой-то момент поймал себя на поразительном и стыдном желании по-детски захныкать. Может быть, уйти и вернуться к концу? — подумал он. Но что скажет Лео? Нет, не стоит так рисковать. Публика в зале бурно реагировала на сверкание тропического моря, сияние белоснежного песка и скрытую рекламу «Баккарди». Ник попытался высмотреть Лео — тот сидел слева, перед самым экраном — однако поначалу не смог его найти, и лишь несколько минут спустя в глаза ему бросилась угловатая голова, повернутая в профиль, освещенная мерцающим и странно привлекательным светом. Лео не отводил глаз от экрана: роскошный пляж с пальмами, по которому шли красивые и надменные натуралы, был для него, как видно, чем-то вроде «Тени смертной» — для его матери.

Критики уже назвали «Лицо со шрамом» «яркой лентой» — на взгляд Ника, фильм был скорее шумным и напыщенным, на латиноамериканский манер. Действие происходило в Майами, и город этот изображался столь роскошным, жестоким, блистательным и бездушным, что Ник удивлялся, как там вообще живут люди. Сам он в таком месте жить бы не смог. Сюжет вызывал

в нем самые мрачные мысли и нелепые подозрения: Ник сознавал, что реагирует точь-в-точь как мать, тяжело пугающаяся любых телепередач, в которых встречаются эротические сцены или звучит слово «дерьмо», но ничего не мог с собой поделать. История о торговцах кокаином его пугала. С неприятным чувством он вспоминал Хоксвуд, где Тоби нюхал порошок вместе с Уани Уради. Фильм подтверждал худшие его ожидания: в нем не говорилось ни слова о тонком наслаждении, о котором рассказывал Тоби, но очень много — о деньгах, о власти, о болезненном пристрастии, падении и гибели.

Парочка слева от Ника обжималась вовсю. Боковым зрением Ник заметил, как задирается короткая юбка, обнажая бедро его соседки, и виновато отвел взгляд. Он остро сознавал, что находится в длинном узком помещении с беленными стенами, среди множества незнакомых людей, о которых кинозритель, поглощенный фильмом, обычно забывает. Когда экран просветлел, Ник снова начал искать взглядом Лео, но на этот раз его не нашел. Что он сейчас чувствует? Должно быть, фильм ему очень нравится: Лео не сводит глаз с экрана, жадно впивая в себя новые стандарты «крутизны». Будь Ник с ним рядом, в

сценах драк и перестрелок он бы смеялся — или постанывал от желания. Но сейчас они сидели в разных концах зала, словно два незнакомца, и обилие экранной крови раздражало натянутые нервы Ника. Нереальность фильма странным образом создавала ощущение нереальности жизни, и Нику уже казалось, что весь его роман с Лео — фантазия, выдумка, мечта.

Наконец по экрану поплыли титры. Лео вышел в фойе, моргая и довольно кивая сам себе: выражение лица Ника, кажется, его удивило.

— Классная вещь, малыш, — сказал он и, взяв Ника за руку, повел к выходу. — Вот это я называю нюхнуть кокса! — продолжал он, имея в виду сцену ближе к финалу, когда Пачино, уже превратившийся в раба собственного товара, бросает на стол большой пакет с кокаином, разрывает и зарывается в него носом. Ника эта сцена поразила своей нелепостью. — А тебе понравилось?

Ник кашлянул, прочищая горло.

— Честно говоря, не очень, — с натянутой улыбкой проговорил он.

— Да ты что?! — воскликнул Лео. — Мировой фильм! Финал — просто чума!

— Да… да, пожалуй, — промямлил Ник, с омерзением припоминая кровавую баню в конце. Его

не оставляло предчувствие, что пустяковый спор о фильме может перерасти между ними во что-то серьезное и страшное.

Но тут Лео сказал:

— Жалко, не удалось сесть рядом. Так и не полизались, верно?

— Верно, — ответил Ник — и в следующий миг, от облегчения не глядя, куда идет, врезался лбом в запертую стеклянную дверь.

Вместе они вышли на задворки, где Лео припарковал свой мотоцикл, и здесь он вдруг обернулся к Нику, обнял его, целомудренно и нежно поцеловал в лоб, а затем взглянул на него с добродушным упреком.

— Николас Гест!

— М-м? — откликнулся Ник, заливаясь краской и покорно глядя Лео в глаза.

— Ты очень любишь беспокоиться по пустякам. Сам знаешь, верно?

— Знаю…

— Так что, доверяешь дядюшке Лео?

— Конечно, доверяю! — выпалил Ник, словно троечник, довольный, что учитель задал простой вопрос.

— Тогда кончай переживать. Ради меня, договорились? — И снова эта усмешка, скрывающая

нежность.

— Договорились, — ответил Ник и тревожно оглянулся кругом: Лео прижимал его к стене, и со стороны эта сцена, должно быть, напоминала не столько любовное объяснение, сколько ограбление. Но вокруг никого не было.

— И не забывай об этом.

— Не буду, — пробормотал Ник, хоть и не совсем понял, о чем не должен забывать.

Этот разговор ободрил его, и еще больше ободрило то, что Лео догадался о его чувствах: и, хоть «дядюшкин» тон Лео оставлял впечатление какой-то фальши, Ник не стал поддаваться своим вечным сомнениям и, набравшись духу, с сильно бьющимся сердцем заговорил о своем плане.

— Уверен, что их не будет?

— Совершенно уверен. Правда, Кэтрин может быть дома.

— Кэтрин?.. А, сестренка! — подмигнул Лео.

Тяжелый, с острыми ребрами ключ уже прорвал в брючном кармане дыру: теперь он висел на какой-то ниточке и больно царапал Ника по бедру. Когда Ник полез за ключом, несколько новых фунтовых монет щекотно соскользнули по его ноге и рассыпались по крыльцу.

— Вот так так, деньгами швыряешься! — заме-

тил на это Лео.

В холле всегда горел свет: Ник всегда знал об этом, не забыл и сейчас, но все же вздрогнул, словно застигнутый на месте преступления. Ключи он снова положил в карман, однако не успел сделать и двух шагов, как они со звоном упали на мраморный пол. Лео, видевший это в зеркале, поднял бровь, но промолчал. На столике в холле лежали в беспорядке ключи от машины, театральный бинокль, серая шляпа Джеральда, письмо, адресованное «лично в руки глубокоуважаемому мистеру и глубокоуважаемой миссис Джеральд Федден» — на все эти предметы Ник смотрел сейчас по-новому, словно в них таилась какая-то загадка. Посреди холла он замер, прислушиваясь. Достопочтенные мистер и миссис сейчас в Барвике, на встрече с избирателями: убеждая себя в этом, Ник одновременно соображал, как представить им Лео, если они вдруг возьмут да и появятся из темной столовой. Сейчас он остро ощущал, что хозяин в доме — не он.

Ник поцеловал Лео в щеку, повел на кухню, включил свет.

— Виски хочешь?

— Не возражаю, — ответил Лео. — В самом деле, было бы очень кстати. Спасибо, Ник.

Подойдя к стене, он принялся рассматривать фотографии. На видном месте красовался снимок из «Татлера» со дня рождения Тоби, купленный, увеличенный и вставленный в рамку, с широкими улыбками на лицах гостей, среди которых министр внутренних дел смотрелся как-то совершенно не на месте. Над ним — старая фотография: Джеральд, еще студент, на встрече в Оксфорде пожимает руку Гарольду Макмиллану. Лео молчал, но Ник, передавая ему запотевший бокал, взглянул в его лицо и понял, что Лео все вокруг подмечает и запоминает. Быть может, он сейчас высчитывал размер оскорбления, нанесенного его присутствием этому богатому и консервативному дому. Глядя на него, Ник с особенной остротой почувствовал собственное положение в этом доме, невнятное и неопределенное.

— Пойдем наверх, — сказал он.

И сам бросился по лестнице почти бегом, перескакивая через две ступеньки. Взбежав наверх, Ник зажег лампы на столах и над картинами, чтобы Лео, войдя, впервые увидел гостиную так же, как сам Ник два года назад — в тенях, отражениях и мерцании позолоты. Сам он остановился у камина, предвкушая свое торжество и в то же время с тайным страхом вглядываясь в лицо Лео.

— Я к такому не привык, — сказал Лео.

— А…

— Я ведь не пью виски.

— Ах да…

— Кто знает, что со мной теперь будет? Вдруг начну на людей кидаться?

— Это угроза или обещание? — натянуто улыбнувшись, спросил Ник.

Он потянулся к Лео, положил руку ему на бедро и, подержав так секунду или две, смущенно отстранился. В иной обстановке, оказавшись наедине, они бы уже целовались, сплетясь руками и тесно прильнув друг к другу — хоть Лео порой и посмеивался над нетерпеливостью Ника, говоря: «Без паники, малыш! Я здесь, с тобой, никуда не денусь!» Но сейчас, поставив бокал на каминную полку, Лео разглядывал «Каприччо Сан-Джорджио Маджоре» Гуарди — по сравнению с «Тенью смертной» это полотно, должно быть, казалось ему на редкость бессмысленным. Едва ли Рэйчел стала бы спрашивать гостей, какой ребус они в нем видят. На столике под картиной возвышалась стопка приглашений — нескончаемый круговорот светского общения: мистер и миссис Джеффри, графиня Хексхэм, леди Карбери, Майкл и Джин, министр по делам… а рядом — другие,

на плотной бумаге, со срезанными уголками: по поручению Ее Величества лорд-гофмейстер имеет честь пригласить… Эти хранились подолгу, и Ник, проходя мимо, посматривал на них с тайной гордостью. Вот и сейчас бросил на них довольный взгляд — но тут же, сообразив, что эта деталь говорит о Джеральде, поспешно отвернулся и сделал вид, что никаких приглашений здесь нет — в тот самый момент, когда Лео фыркнул и сказал презрительно:

— Боже ты мой, ну и снобы!

Ник рассмеялся.

— На самом деле они вовсе не снобы, — сказал он. — Ну, разве что Джеральд немножко. Они…

Трудно было объяснить — да и понять — кто за что отвечает в семействе Федденов. Джеральд и Рэйчел обеспечивали друг другу алиби. Кроме того, Ник понимал, что Лео называет их «снобами» в том смысле, в каком это слово употребляется в низах — денег куры не клюют, живут в шикарном доме, словом, большие шишки. Его вдруг поразила мысль, что Лео, возможно, воспринимает это приключение — поход в Кенсингтон-Парк-Гарденс в отсутствие хозяев, возможность заняться любовью в постели — как изощренную месть богачам. Лео отхлебнул из бокала и подошел к окну.

Я должен ему доверять, говорил себе Ник, я ведь всего четверть часа назад обещал ему доверять. Звенящая тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов, в этой огромной и роскошной зале казалась какой-то неестественной, и на миг — словно приотворилась и вновь захлопнулась тяжелая дверь — Ник почти услышал гул голосов и смех, донесшийся сюда из прошлого или из будущего.

— Недурная вещь, — заметил Лео, указывая на антикварный комод. — И фарфор у них… если не ошибаюсь, это севрский.

— Да, кажется, севрский, — ответил Ник, мгновенно вспомнив старину Пита. Вот кто не молчал бы сейчас! Старина Пит наверняка нашел бы что сказать!

— Нет, тут очень недурно, — раздумчиво заключил Лео и, повернувшись к Нику, кивнул: — Неплохо ты устроился.

— Милый, ведь это все не мое…

— Знаю, знаю. — Лео присел за фортепьяно, подумав, поставил бокал на стопку нот. — Так, что это у нас… ага, Моцарт, неплохо. — Пролистал ноты, поставил назад, снова распахнув на вечно открытом «анданте». — А что за тональность? — пробормотал он себе под нос так, словно игра в различных тональностях, как удары в гольфе, тре-

бует от пианиста особых приемов. — Фа-мажор…

— Рояль совсем расстроен, — сказал Ник. Он боялся, что, если Лео начнет играть (хуже того — играть плохо), демоны дома пробудятся и потребуют жертв.

— Да ладно! — пробормотал Лео и, вглядываясь в ноты, начал играть с листа.

Это была вторая часть, то самое анданте — медленное, задумчивое и горько-печальное, то, что играл Ник в вечер их первого несостоявшегося свидания — играл, пока Кэтрин не заявила, что не желает это слушать, и он, извинившись, не соскользнул в бравурную и пустую импровизацию. Извиняться за то, к чему тебя больше всего влечет, скрепя сердце признавать это глупым, скучным, «вульгарным и небезопасным» — нет на свете ничего хуже. И Моцарт, кажется, говорит как раз об этом — о том, как полет надежды обрывается на взлете, ибо крылья ее подрезаны незримыми ножницами. Лео играл довольно уверенно: Ник стоял у него за спиной, мысленно предвосхищая каждую ноту, морщился, когда Лео ошибался или запинался, улыбался, когда тот играл гладко, и мечтал только об одном — чтобы это продолжалось вечно. Но вот Лео сильно сбился, сердито хмыкнув, взял несколько случайных

аккордов и потянулся за бокалом.

— Среди всего этого антиквариата и играть страшно, — сказал он, быть может, не совсем в шутку.

Ник хихикнул, а потом серьезно сказал:

— Ты отлично играешь. Правда. Лучше меня.

Он был очень тронут и отчего-то пристыжен — должно быть, потому, что не предполагал в Лео таких талантов. Лео, в свитере, джинсах и бейсболке, играющий Моцарта с листа — это что-то совершенно новое. И сам Лео, кажется, после этого расслабился и вздохнул свободнее, словно робкий гость, на приеме неожиданно для себя отпустивший удачную шутку. Ник обнял его сзади, клюнул губами в щеку.

Лео хихикнул и сказал:

— Да ладно тебе, малыш…

— Я тебя люблю, — сказал Ник и крепко его обнял, ощутив под руками крепкое, жаркое, бугрящееся мышцами тело.

Лео сжал его плечо свободной правой рукой. Немного помолчали. Потом Лео сказал:

— Что за мазня!

Это был портрет шестнадцатилетнего Тоби, написанный Норманом Кентом в какой-то болезненно-зеленоватой гамме: именно на нем (да

еще на бюстике Листа) с наибольшей вероятностью останавливались поднятые от нот глаза пианиста.

— Знаю… Бедняга Тоби.

— На мой вкус, аппетитный парнишка.

— Да.

— Ты мне никогда не говорил — у вас с ним в Оксфорде что-нибудь было?

Ник так и не признался Лео, что до их свидания в парке у него ничего и ни с кем не было.

— Нет, нет, — торопливо ответил он, — Тоби — чистый натурал.

— Правда? — недоверчиво откликнулся Лео. — А ты пробовал?

— Да, в общем, нет, — ответил Ник.

Он шагнул назад, не снимая рук с плеч Лео, устремил взгляд на дурно нарисованного розовощекого мальчика в школьном пиджачке — и на миг даже Лео, живой и теплый Лео у него в руках, показался ему дешевой заменой совершенного и недостижимого Тоби.

— Мне просто показалось… ну, он тебя поцеловал, да и смотрел на тебя как педик…

— Перестань! — Ник привлек Лео к себе, заставив встать, и прильнул к его губам по-настоящему — так, как никогда не осмелился бы с Тоби.

Но несколько секунд спустя Лео отстранился.

— Так что же, их светлости не возражают, что у них в доме живет голубой?

— Конечно, нет, — ответил Ник. — Они к этому совершенно нормально относятся.

И тут же ему представился ехидный голосок Кэтрин: «Да, просто стараются об этом не упоминать».

— У них множество друзей-геев, — энергично продолжал Ник. — Знаешь, милый, они меня даже просили как-нибудь привести тебя сюда!

— О-о, — только и ответил Лео, и богатство интонаций в его голосе сделало бы честь самой Рэйчел.

Ник лежал на кровати обнаженный, и сердце его сильно, часто билось. Лео уже позвонил матери, сказал, что остается ночевать у приятеля: в этом был риск, вызов — и что-то очень интимное. В ванной через коридор шумела вода. Заметив свое отражение в зеркале, Ник поспешно спрятался под одеяло. Он лежал, закинув руку за голову, и чувствовал, что сердце у него вот-вот разорвется от счастья и тревоги. Входная дверь далеко внизу заперта на все три замка, погашен свет на кухне и в кабинете, и лишь от уличного фонаря лился в холл холодный свет. Дверь спаль-

ни Кэтрин плотно закрыта, но Ник знал: ее нет. Весь дом в их распоряжении. Он приоткрыл окно, и вместе со свежим ночным воздухом оттуда сейчас неслись самозабвенные трели малиновки. Эта малиновка пела в саду всю ночь напролет: Ник, редко слышавший пение птиц, думал, что это соловей, пока соседка не объяснила ему его ошибку. Но соловья он никогда не слыхал — и полагал, что ни один соловей на свете не сможет петь лучше его малиновки.

Когда вернутся Джеральд и Рэйчел? О нет, они вернутся не скоро.

Шум воды затих, а малиновка все пела, прерываясь лишь, чтобы вздохнуть. Лучше бы Лео не мылся, подумал Ник; ему нравилась влажность его потной шоколадной кожи, шероховатость ладоней и сладковатый интимный межбедренный запах. Он любил узнавать этот запах, снова и снова убеждаясь, что перед ним — все тот же, ничуть не изменившийся Лео. Но сам Лео стеснялся своего запаха, возможно, даже стыдился. Обоняние у него было очень острое: порой в толпе или в переполненном баре Ник замечал, как Лео подергивает верхней губой и аристократически морщит нос. Запах Ника, уверял он, ему нравится — и Ник, никогда прежде не задумывавшийся о

том, чем пахнет, никак не мог понять, правда это или лесть, или, возможно, и то и другое, слитое воедино любовью.

Было в этом что-то волшебное: лежать в кровати (кровати, рассчитанной на одного — со всем, что из этого следует) и рассеянно поглаживать себя в ожидании, когда твой любовник выйдет из ванной. Победа над жизнью, обрекающей тебя на вечное одиночество. Мечта, которая стала реальностью. Вот открывается дверь ванной, вот щелкает выключатель, вот слышатся шаги по коридору — еще три секунды, и откроется дверь, и Лео войдет…

В белом полотенце, туго обернутом вокруг ягодиц и набухшего члена, он казался таким черным, как никогда. Аккуратно сложенную одежду он держал в руках, словно призывник; войдя, огляделся вокруг и положил ее на стол, возле стопки голубых библиотечных книг. Подмигнул Нику — однако в нем чувствовалась скованность, видно было, что он смущен новизной и необычайностью обстановки. Ника вдруг охватил страх: что, если сбывается один из его кошмаров — двое любовников, сняв на ночь номер в отеле, вдруг понимают, что они друг другу чужие? Но нет, это же смешно — они всего-навсего поднялись

наверх. И как хорошо, что ему хватило смелости привести Лео сюда!

— Извини за кровать, — проговорил он и, откинув одеяло, подвинулся, чтобы дать ему место.

— А? — переспросил Лео.

— Боюсь, спать нам тут будет неудобно.

Лео сбросил одеяло и серьезно, без улыбки взглянул на Ника.

— А я сегодня спать и не собираюсь, — ответил он.

Ник застонал и протянул к нему руки. В первый раз он видел обнаженное тело Лео; и в первый раз видел на его лице, то бесстрастно-внимательном, то циничном, то беззаботном — обнаженное чувство. Не страсть, нет, не только страсть — в лице его Ник прочитал укор самому себе и сожаление о своей прежней медлительности, тщеславии и слепоте.

«Кому ты так прекрасно служишь?» (1986 год)

7

Ник, шедший первым, открыл калитку и придержал ее для Уани, чтобы внешний мир всего на несколько мгновений — пока не захлопнулась дверь с табличкой «Только для мужчин» — узрел ослепительное видение обнаженной плоти. Внутри под узким навесом располагался залитый бетоном двор, огороженный со всех сторон, со скамьями вдоль стен. Было бы в нем что-то от классического дворика, если бы не трубы и рифленое железо. Впрочем, от непринужденно выставленной напоказ наготы так и так попахивало классикой, а бетон, железо и запах стоялой воды напоминали об английской школе, где тоже презирается комфорт. По дороге через двор Ник кивнул двоим-троим знакомым, загоравшим во дворе с книжками и полотенцами. Его появление не осталось незамеченным: замерли или замедлились кое-какие разговоры, кое-какие взгляды поднялись, любопытно его обшарили, словно касаясь невидимыми пальцами, и переместились

— с куда большим и нетерпеливым любопытством — на Уани, шедшего сзади. Его красота, отражающаяся в ледяно-голубых зеркалах, была здесь в новинку, и, когда они сели, лишь Ник заметил в его полуулыбке напряжение.

— Очень уж здесь примитивно, — заметил Уани так, словно это место подтвердило какие-то его подозрения насчет Ника.

— Знаю, — ответил Ник и улыбнулся. Это его и привлекало.

— А куда класть вещи?

— Просто оставь тут. Ничего с ними не случится.

Но Уани поморщился. В кармане джинсов у него лежали ключи от «Мерседеса», а часы, как он уже неоднократно сообщал Нику, стоили тысячу фунтов.

— Может быть, мне лучше не ходить внутрь? — проговорил он.

Похоже, Ник, никогда в жизни не владевший никакими материальными ценностями, совершил промашку — не учел потребностей миллионера.

— Правда, никто их не тронет. Оставь здесь. — И он протянул ему рюкзак с полотенцами и плавками.

— У меня часы стоят тысячу фунтов, — сказал Уани.

— Просто никому об этом не говори, — улыбнулся Ник.

Неподалеку от них обсыхал после купания приземистый кривоногий старик, покрытый коричневым загаром. В последний год Ник постоянно его здесь видел, то во дворе, то на бортике, то в самом пруду, но чаще всего — во внутреннем дворике, где люди в жаркие дни загорают обнаженными, лежа бедром к бедру. Морщинистое лицо его было все еще красиво: Нику казалось, что этот четкий профиль, приглаженный, в маршальской или адмиральской фуражке, так и просится на надгробный памятник. Он дружески кивнул старику, словно облеченному плотью духу-хранителю этого места, и старик сказал:

— Знаете, Джордж нас покинул. Стив мне сказал вчера вечером.

— Ох, — сказал Ник. — Очень жаль. Хотя я не знал Джорджа.

Он сразу сообразил, что «покинул» не значит «уехал на выходные», что это Джорджу понадобился надгробный памятник.

— Вы должны были знать Джорджа. — Он перевел взгляд на Уани: тот раздевался медленно,

рассеянно, с паузами после каждой пуговицы, каждого носка. — Он часто здесь бывал. Всего тридцать один ему было.

— Я здесь в первый раз, — вежливо и холодно ответил Уани.

Старик кивнул, признавая свою ошибку; Нику показалось, они оба лопали в его глазах оттого, что не знали Джорджа.

Помолчав, Ник спросил:

— Как сегодня вода? — и, снимая рубашку, втянул живот, чтобы старик восхитился его фигурой. Но тот не ответил, да, похоже, и не расслышал вопроса.

На берегу Ник снова вырвался вперед и раскинул руки, как будто желая охватить весь пейзаж: зеленовато-серебристую водную гладь, вокруг — молодые ивы и боярышники, а дальше — залитый солнцем Хит. Нику нравилось собственное тело, и сейчас, легко отталкиваясь ногами от земли, он ощущал простительное самодовольство. На поверхности воды виднелись головы пловцов, и Нику казалось, что все они с любопытством на него смотрят. Посреди пруда плавал старый деревянный плот: здесь завязывались знакомства, эта плавучая платформа фигурировала в некоторых ночных фантазиях Ника. Сейчас там сидели и

лежали с полдюжины мужчин, скоро он к ним присоединится. Он повернулся и широко улыбнулся, желая ободрить Уани: тот замешкался в конце крутой уступчатой лестницы, разглядывая головы пловцов, словно не мог сообразить, как же они туда попали. В длинный список того, что он умел делать красиво, плавание явно не входило. Ник, притащивший его сюда, вдруг почувствовал себя садистом. Ощущение было новое и интересное.

— Просто прыгай, — посоветовал он. — Это проще, чем входить медленно.

На Уани были тугие черные плавки, оттенявшие бледно-смуглую кожу, нежную и гладкую, и нахальный пенис сейчас торчал вверх смелым восклицательным знаком. Ник прыгнул сам, чтобы показать, как это легко, и на миг у него перехватило дыхание: под тонкой поверхностью нагретой воды скрывался холод. Он обернулся в воде, работая ногами, и кивнул Уани: тот присел в позе лыжника перед спуском, помедлил и наконец, решившись, полетел в пруд. Вынырнул он, отплевываясь и отчаянно колотя руками по воде, и секунду-две на лице его отражался неприкрытый страх. Черные кудри, отяжелевшие и развившиеся от воды, лезли ему в глаза и в уши.

Ник подплыл к нему, и Уани схватил его за плечо: Ник позволил своим ногам легко, успокаивающе скользнуть меж его ногами, а свободной рукой откинул с его лица намокшие волосы — и это помогло, Уани встряхнулся и, словно ничего и не случилось, торопливо, по-собачьи поплыл прочь.

Несколько минут они плавали вдоль белых веревок, натянутых между плавучими кругами и обозначавших границы участка, отведенного для плавания. За веревками, как догадывался Ник, было мелко, и дно покрывала илистая грязь. Уани, оказалось, недурно плавает — высоко задрав голову, с тем решительно-веселым выражением лица, которое почему-то считается типичным для хороших спортсменов; остановившись отдохнуть у круга, он обернулся к Нику с улыбкой, которая могла означать и «Вот видишь, я могу!», и «Ну погоди, я тебе за это отплачу!», и то и другое вместе. Ник натянул очки, которые до сих пор болтались у него на шее, и нырнул. Под желтоватым блеском поверхности вода была грязно-зеленой, а ближе ко дну — коричневой, цвета бутылочного стекла. Он повернулся в воде, размышляя, какую бы шутку сыграть с Уани. Пузыри, блики солнца, черные тени листьев кружатся у ног Уани, по ленивым

движениям которых ясно, что он не ожидает — или прикидывается, что не ожидает — нападения снизу. Вдруг Нику подумалось, что это очень уж по-детски, и вместо того, чтобы схватить Уани за ногу или пощекотать, он просто вынырнул, рассмеявшись ему в лицо. Пожалуй, он бы его поцеловал, если бы какой-то проплывавший мимо старикан не сверлил их любопытным взглядом.

Когда они снова двинулись вперед, Ник решил показать свое искусство: он уплывал вперед и, торжествуя, возвращался обратно к Уани, описывал вокруг него причудливые фигуры и все бросал взгляды по сторонам, пытаясь разглядеть, кто здесь есть. Трудно было что-то сказать по одинаковым мокрым головам; но мутные очки для плавания любой фигуре, застывшей на берегу или на плоту, придавали приятную недосказанность. Доплыв до плота, Ник перевернулся на спину и описал круг, пытаясь понять, знает ли ту пару, что сейчас там расположилась.

Сделав почти полный круг по пруду, Уани устал: некоторое время они просто болтались в воде, и Ник, сдвинув очки на лоб, осматривался кругом. Ему здесь нравилось, но сегодня, сравнивая нынешнюю тишину и малолюдность с прошлогодней толкучкой, он был разочарован.

Должно быть, еще слишком рано: для купаний не сезон.

С плота донеслись крики и плеск воды: туда взбиралась новая компания. Ник ощутил укол любопытства, и ему захотелось показать людям Уани и покрасоваться перед ними самому — приятное двойное тщеславие. Уани как раз вздрогнул.

— Двигайся, а то замерзнешь! — посоветовал ему Ник и сам двинулся к середине пруда.

На плоту тем временем разворачивалась шутливая борьба: мускулистый блондин карабкался по приставной лесенке, а двое негров в черных плавках старались сбросить его в воду. Еще двое, мирно отдыхавшие на другом краю плота, поспешили присоединиться к отражающим нападение, и началась общая возня с хохотом и брызгами — возня, в которой одни беззаботно веселились, а другие старались показать себя. Ник поплыл быстрее: ему тоже захотелось поучаствовать.

Однако, когда он взобрался на плот, дело уже кончилось миром, и глазам его предстали бывшие противники, мирно раскинувшиеся рядышком — распростертые ноги, прижатые плавками под странными углами члены, мокрые

волосы, блестящие капельки на коже. Мужчины под солнцем. Они напоминали бы отдыхающую команду пловцов, если бы иные уже не сплели руки и не дышали жарко друг другу в лицо, как бы невзначай соприкасаясь ногами в воде. Один, лежавший у самого борта, протянул Нику руку и помог залезть на плот, и еще двое подвинулись, чтобы дать ему место. Широко улыбаясь и дыша чуть тяжелее обычного, Ник занял место между двумя в середине. Была какая-то тонкая, летучая гармоничность во всем этом — склоненные ивы, и серебристая вода, и краткое воспоминание об одиноком детстве, и сильная рука, вытягивающая его из одиночества в сплоченный мужской круг.

— Это не тебя я видел в «Бэнге» на прошлой неделе? — спросил тот, что помог ему выбраться. Рука его так и осталась у Ника на плече.

— Наверное, нет, — ответил Ник, который, честно говоря, никогда там не бывал.

Однако человек этот и в самом деле показался ему смутно знакомым. Подумав, он припомнил, что видел его в «Y», в душевых, наверное, в прошлом году — и, приглядевшись к нему повнимательнее, заметил, что за прошедший год, пока сам Ник немного (чуть-чуть, совсем несерьезно) раздался вширь, этот парень, гибкий,

черноволосый, с маленькими розовыми сосками — испанец, должно быть, — заметно похудел, отчего сделался красив какой-то неземной, почти пугающей красотой. Он чуть придвинулся к Нику, и по его лицу, по ищущему и испуганному взгляду Ник догадался: испанец знает, что означает его худоба, и боится, что это поймут и другие. Ник как бы невзначай отодвинулся от него: ему припомнились округлый зад и черные курчавые волоски, которые становились видны, когда испанец нагибался, и это воспоминание, в свою очередь, напомнило об Уани. Он огляделся вокруг. Уани видно не было — может быть, вернулся на берег? И тут снова началось веселье: испанец, резко поднявшись, прыгнул в воду, так, что весь плот зашатался и заскрипел. Послышались поощрительные крики, вслед за ним прыгнул один, потом другой… Скоро в воде у плота началась настоящая куча-мала. Ник и сам прыгал на плоту и что-то кричал — и вдруг заметил в воде, у самых своих ног, Уани. Тот, плотно сжав губы, чуть ли не со слезами на глазах, пытался пробраться сквозь мешанину рук и ног и влезть на плот.

— Привет, милый! — окликнул его Ник и опустился на одно колено, чтобы помочь ему взобраться. Уани не ответил и не улыбнулся.

Несколько минут спустя все снова успокоилось. Они сидели на плоту рядом с человеком лет пятидесяти с густой седоватой шерстью на груди и неистребимой тягой к общению. Его юный приятель, на вид похожий на малайца, плавал поодаль от плота, описывал круги вокруг других мужчин и старался нырнуть так, чтобы сползли плавки.

— Вы только на него посмотрите! — проворчал старик. — Ох, доведет он меня до беды!

Уани вежливо улыбнулся и обернулся к Нику: он не привык знакомиться вот так, голышом и в общественном месте.

— Не подумайте чего такого, мне это нравится. — Старик помахал парню (который, кажется, этого вовсе не заметил) и продолжал: — Знаете, он меня обожает. Уж не знаю почему, но так оно и есть.

— А как его зовут? — хрипло поинтересовался другой мужчина, присевший на корточки позади них.

— Энди.

— Энди? — переспросил тот. И, встав на ноги, закричал: — Эй, Энди, покажи-ка нам задницу!

— И покажет! — с блаженной гордостью отозвался покровитель Энди. — И покажет!

Плот закачался: на него с другой стороны забирался новый персонаж, стройный и мускулистый. Ник заметил, как Уани бросил в ту сторону взгляд из-под густых ресниц, словно оценивая новую возможность — или новую проблему. Новичок был темноглазый, с легкой залысиной на лбу, с круглым лицом, красивым орлиным носом и ленивым взглядом человека, думающего только о сексе. Когда он сел, живот его мягко выдался вперед: похоже, ему на роду было написано растолстеть, но пока что он держался в форме.

Уани сидел, поджав колени: волосы его, лежащие на спине темной сияющей волной, подсыхали и сворачивались в кудри. К нему уже вернулся светский лоск, он оглядывался кругом надменно и осторожно, словно опасаясь, что его узнают или высмеют. Старик тронул Ника за руку.

— Нравится мне этот ваш приятель, — проговорил он.

— Ага, — ответил Ник.

— Знаете, говорят, «Ки-ай» больше не помогает. Мы перешли на другую мазь, под названием «Мелизма», вы, может, слышали. Но и от нее, говорят, толку немного. Вот теперь пробуем «Крэст», так ведь и он… Боюсь, придется переходить на гондоны. Так ведь и с ними надо быть поосторожнее,

верно? Что за времена настали, прежде никогда бы не подумать… А вы чем пользуетесь?

— Просто мыться надо почаще, — заметил мужчина с хриплым голосом, не сводивший глаз с Энди. — А от «Крэста», дружище, толку не больше, чем от зубной пасты. — С этими словами он спрыгнул с плота и размашисто поплыл в сторону малайца.

— Кстати, меня зовут Лесли, — сказал старик.

Уани повернул голову и ответил:

— Привет. Я Антуан.

— И откуда же вы такой приехали, а?

— Я родом из Ливана, — сухо улыбнувшись, с безупречным оксфордским выговором ответил Уани.

Ник лукаво улыбался, глядя на его орлиный профиль. Ему нравилось, когда другие восхищаются Уани — это напоминало о жгучей ревнивой страсти к нему, пережитой Ником в студенческие годы, когда его желание распалялось и обострялось от недоступности желанного. Уани снова смотрел себе под ноги, опустив невероятные ресницы. Нику вспомнилось, как порой после занятий, когда дела не призывали его в иные миры, Уани заходил в комнату к какому-нибудь бедному студенту и там, среди разбросанных

тетрадей и плакатов с Диланом, удостаивал его участием в разговоре о «Культуре и анархии» или о «Севере и Юге» — так принц посещает простых горожан, проявляя вежливое уважение к их повседневным заботам и по-королевски не замечая их неуклюжего, суетливого желания угодить высокому гостю. Он даже пил «Нескафе» — это Уани-то, способный выносить только свежий кофе с кружечкой молока. Некоторые снобы, вроде Полли Томпкинса, посмеивались над его утонченностью — да кто он такой, говорили они, всего-навсего сын ливанского бакалейщика, в юности торговавшего лимонами и апельсинами вразнос, «левантийской портовой шлюхи», как говаривал Полли — хорошенький арабский мальчик, отправленный родителями в Хэрроу и вышедший оттуда безупречным английским джентльменом. Иные еще тогда поговаривали, что он сделался и педиком, хотя не имели для этого никаких оснований, кроме его облегающих брюк и поразительной красоты.

— А чем занимаетесь? — поинтересовался Лесли.

— У меня собственная кинокомпания, — ответил Уани.

— О-о! — пораженно и заинтригованно про-

тянул Лесли. И, поразмыслив несколько секунд над подходящей темой для разговора, спросил:
— Смотрели «Комнату с видом»? Хотелось бы мне знать, что об этом фильме думают профессионалы?

— Боюсь, не смотрел, — холодно улыбнувшись, ответил Уани.

— А это не вас я видел в «Волонтере» на прошлой неделе? — помолчав, осведомился Лесли.

Уани почти побледнел — но вопрос был обращен не к нему, а к темноглазому парню, что лежал, опершись на локоть, подняв одно колено, и внимательно к ним присматривался. Трудно было сказать, оттого ли он улыбается, что слышит разговор, или только оттого, что ему нравится на них смотреть. Черные глаза его взирали на мир с бесконечной благосклонностью, словно сам он был надежно отгорожен от этого мира каким-то невидимым экраном. Он не спешил, не торопил события — просто ждал в спокойной уверенности, что ему предназначенное от него не уйдет. Заговорить с ним было легко, и, хоть Ник не перекинулся с ним еще ни одним словом, ему казалось, что этого человека он знает уже целую вечность. Ник посмотрел прямо на него, чувствуя, что такие взгляды ему приятны, потом перевел

взгляд на сверкающую воду и с легкой грустью подумал, что им с Уани пора покинуть плавучее прибежище и возвращаться на твердую землю. Уани, как и он, перевел взгляд с темноглазого на далекий берег: сейчас он напоминал узника, прикидывающего шансы на удачный побег.

Когда они обсохли и оделись во дворе, Уани кивнул и сказал:

— Смотри-ка, вон опять наш друг Рики.

Ник, оглянувшись, увидел, как сексуальный темноглазый парень перемахивает через изгородь нудистского пляжа и идет прочь, на ходу беззаботно дергая за резинку плавок.

— Точно. А я и не знал, что его зовут Рики, — сказал Ник.

— Он похож на Рики, — уточнил Уани. Плавки он снял и теперь сидел, обернув вокруг бедер полотенце.

— Что такое? У тебя эрекция? — улыбнулся Ник.

— Не говори глупостей, — отрезал Уани. Он бросил на Ника капризный и вызывающий взгляд. — Лучше пойди спроси, не хочет ли он поехать с нами?

— Кто, Рики?

— Разве в таких местах не так делается? Мы

ведь не просто поплавать сюда пришли.

Ник фыркнул:

— Не сходи с ума, мы здесь не в последний раз!

Уани порозовел, но не опускал глаз.

— Я думаю, нам будет очень весело, — твердо ответил он.

Ник перевел взгляд на Рики — тот шагал по направлению к туалету. Он ощутил легкое возбуждение, окрашенное таким же невесомым, почти неощутимым беспокойством. Откуда ему — или тем более Уани — знать, во что они ввязываются? Оглянувшись, увидел, что Уани стоит уже в трусах и целится ногой в штанину джинсов.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал Ник.

Уани натянул штаны и, обиженно поджав губы, достал из кармана часы.

— Решай скорее, а то он уйдет, — сказал он. — Прости, я думал, тебе он тоже понравился.

— Да, похоже, он парень темпераментный, — ответил Ник — и вдруг с удивлением понял, что говорит о самом себе.

При виде обиженного лица Уани его охватила тревога, почти паника. Забавно смотреть, как Уани сердится на других — но, когда в изгибе этих по-детски скривленных губ оказывается виноват

сам Ник… Ему не нужно, чтобы Уани на него сердился. От Уани ему нужна только любовь. И, может быть, чуть-чуть покорности.

— Ладно, пойду приведу его, — ответил он, как будто это было самое обыкновенное дело, хоть и знал, что никогда не позволит Уани самому гоняться за красавчиком Рики.

— Конечно, он не похож на этих твоих интеллектуалов…

— Иди на фиг, — сказал Ник и, как был, в джинсах и без рубашки, отправился вслед за Рики.

Проходя по пляжу, он — одетый среди голых — чувствовал себя неловко, и скользкий кафельный пол уборной неприятно холодил его босые ноги.

Дверь в одну из кабинок была закрыта. Перед жестяным писсуаром, повернувшись мускулистой спиной к выходу, спуская воду, стоял Рики. Он обернулся, чтобы посмотреть, кто вошел. Лицо его было странно бесстрастным: и этот равнодушный взгляд, и запах уборной, запах мочи и дезинфекции, и ощущение заповедника свободы, в котором властвуют иные законы и иные, чем снаружи, правила — все это навалилось на Ника и властно повлекло за собой. Он подошел к мужчине вплотную, погладил по спине, заглянул через плечо — там, между ног, покачивалась

напряженная, вздутая, красная головка стоящего члена. Ник взглянул в его темные, с проблесками, глаза и на миг, как показалось ему, утонул в них. Все было ясно без слов — как там, на плоту. Мужчина кивнул в сторону открытой кабинки, и на миг Ник задумался о том, чтобы сделать это — полностью или хотя бы отчасти — до того, как… но в эту секунду открылась вторая кабинка, и смуглый мальчишка Энди, пройдя мимо них, подошел к умывальникам и начал мыть руки. В зеркале Ник заметил, как догорает и гаснет в его глазах смешливая искорка. Затем послышался звук спускаемой воды, из той же кабинки вышел седовласый мужчина — однако не Лесли и не тот, хриплый — вышел и с чрезвычайно деловым видом поспешил прочь.

Они снова остались одни. Мужчина неторопливо повернулся, положил руку Нику на ширинку; Ник обнял его за пояс, рука его скользнула по ягодицам. Было что-то романтическое в их неторопливых движениях.

— Подожди… — пробормотал Ник, чувствуя у себя на лице горячее дыхание незнакомца, — подожди… как тебя зовут?

— Рики, — ответил тот и снова попытался его поцеловать.

Ник рассмеялся и отдернул голову.

— Я просто хотел спросить, не хочешь ли ты поехать ко мне и моему другу? Ну, знаешь, повеселимся…

— Хм… — Рики явно раздумывал: к чему куда-то ехать, если можно заполучить Ника прямо сейчас? — Это далеко?

— Не очень… в Кенсингтоне.

— Кенсингтон? Черт! Не знаю, дружище.

И, снова прижавшись к Нику, нетерпеливо кивнул в сторону открытой кабинки. Неуклюже обняв его, Ник пробормотал, что рад бы отыметь его прямо здесь и сейчас, да Уани ждет за углом. И добавил:

— Машина у нас фантастическая.

— Да? — переспросил Рики. — А твой друг — это который? Такой темненький, кудрявый?

С этими словами он легонько ущипнул Ника за сосок.

— Да, ты его видел… — тяжело дыша, ответил Ник.

Подумав, Рики кивнул и отпустил Ника. Несколько секунд оба приводили себя в порядок.

— Он, кажется, робеет, твой дружок. Что, еще масло в заднице не растаяло?

— Да я бы не сказал… Просто он по натуре за-

стенчивый, — ответил Ник.

— Ну ладно, посмотрим, — сказал Рики.

Когда они вышли, Ник спросил:

— Сделаешь мне одолжение?

— Ну?

Ник, поморщившись, продолжал:

— Сделай вид, что ты женат. Или хотя бы, что у тебя есть девушка.

Рики пожал плечами и тряхнул головой.

— Кстати, она у меня действительно есть.

— Правда? — остановился Ник.

С полсекунды Рики смотрел на него совершенно серьезно, затем подмигнул:

— Что, поверил? Быстро я соображаю, что скажешь?

— Охрененно быстро, — ответил Ник почти таким же голосом, как у Рики, и покраснел.

Выйдя на улицу, Уани с деловым видом знаменитости устремился вперед. Ник и Рики едва за ним поспевали. Впрочем, Рики, кажется, вообще никогда никуда не спешил. Он не сводил глаз с Уани: Ника это наполняло гордостью и в то же время чуть тревожило. Он не совсем понимал, что им сейчас предстоит, и дрожь возбуждения смешивалась в нем с легким, почти неощутимым содроганием неприятия. Уани тоже нервничал

— это чувствовалось по его отстраненности. Они молча шли по пляжу: один из загорающих что-то крикнул Рики, и тот кивнул и улыбнулся быстрой порочной улыбкой — улыбнулся и Ник, как будто понимал, что происходило между ними.

Уани ждал их, поигрывая ключами от машины. Когда Ник подошел ближе, Уани бросил ему ключи в кожаном футляре и сказал:

— Можешь вести, Ник.

Типичный для Уани приказ, замаскированный под разрешение. Ник часто ездил в автомобиле с загадочным номером «КТО 6», но вел его лишь однажды, как-то раз, когда возвращался в Кенсингтон один сияющим летним вечером — по Бромптон-роуд, по Квинс-Гейт, мимо Парка, поворот, еще поворот — крыша опущена, кондиционеры включены на полную мощность — и его не оставляло занятное чувство, что он выдает себя за Уани, что КТО — это он. Все это вспомнилось Нику, едва он сел за руль. Машина была припаркована у самого забора, под липами, и на ветровом стекле уже проступал абстрактный рисунок из клейкого липового сока. Ник нажал на кнопку, поднимающую крышу, и смотрел в зеркало, как она складывается и уходит куда-то назад, уступая место сочащемуся сквозь листву

солнечному свету. Лучи солнца заиграли на кнопках, рукоятках, на янтарной ореховой панели и хромированном руле. Те двое молча стояли рядом в ожидании. Затем Уани жестом пригласил Рики на заднее сиденье, и тот сел, широко расставив ноги, хотя места там было маловато.

— Тебе там удобно? — спросил Ник, чувствуя себя почти виноватым из-за того, что роскошный автомобиль на поверку оказался не слишком удобным для троих.

— Нормально, — ответил Рики так, словно каждый божий день катался на таких машинах.

Они двинулись по крутому склону к Хайгейту, и Ник в который раз поразился тому, что сила, заключенная в моторе этого автомобиля, готова вырваться наружу по одному сигналу педали. Казалось, «Мерседес» преодолел аллею в четыре прыжка. Ник поймал в зеркале взгляд Рики и спросил:

— А когда возвращается твоя девушка?

— Не волнуйся, ее долго не будет, — вполне искренне ответил Рики и, видимо почувствовав необходимость добавить капельку лжи, прибавил: — Она поехала навестить дядюшку Найджела.

На Уани это известие явно подействовало: он

кашлянул, полуобернулся на сиденье и сказал:

— Это хорошо.

Нику вдруг стало тяжело и неловко, и, доехав до конца аллеи, он свернул не направо, к городу, а налево, вверх по холму, к Хайгейту. Объясняться, по всей видимости, нужды не было — Уани не следил за дорогой, а Рики с его терпеливой полуулыбкой было все равно, куда его везут — но Ник сказал:

— Хочу кое на что взглянуть.

Взлетев на вершину холма, он повернул налево, и автомобиль помчался по дороге, по обе стороны затененной деревьями. Ник точно помнил, что никогда прежде здесь не бывал — только мечтал побывать, взглянуть на дом, где жил и умер Кольридж… но сейчас, глядя сквозь зелень листвы, как проносятся мимо аккуратные кирпичные домики за высокими заборами, и дальше — георгианские здания с каретными дворами и высокими лестницами, он чувствовал, как будто уже был здесь, приезжал сюда в какой-то забытый вечер, испытывал здесь что-то навек утраченное, невосстановимое.

— Здесь жил Кольридж, — объяснил он с подчеркнутым пиететом, предназначенным для Уани, чтобы поразить его и пристыдить.

— А-а, — ответил тот.

— Хочу взглянуть на старый дом Федденов. Это мои друзья, — объяснил он Рики. — Кажется, номер тридцать восемь…

— Это шестнадцатый, — сказал Уани.

Феддены любили с ностальгией вспоминать о «хайгейтских деньках», и когда Джеральд описывал их старый дом, в голосе его слышалась добродушная мечтательность, с какой принято вспоминать молодость.

«Милый дом», добавляла Рэйчел: там она вырастила детей, и фото Тоби и Кэтрин, десяти и восьми лет, на ступеньках крыльца, и сейчас стояло в серебряной рамке у нее на туалетном столике. Для Ника этот неведомый дом — первый дом его второй семьи — был окружен смутной романтической дымкой. Теперь перед домом номер тридцать восемь лежали сложенные огромной грудой стройматериалы, а в садике расположился переносной туалет.

— М-да… — сказал Уани. — Ладно… — И, обернувшись к Рики и послав ему ободряющий взгляд, на случай если ему стало скучно, добавил: — Не много же от него осталось.

Перестройка дома больше напоминала разрушение. Побелка со стен была почти сбита,

сквозь нее жалко проглядывал обнаженный кирпич. Парадная дверь распахнута. У калитки, на чудом сохранившемся островке побелки, намалеван черный указующий перст и слова: «ДЛЯ РАБОЧИХ», а ниже какой-то остроумец пририсовал красной краской стрелку, указывающую в другую сторону, и надписал: «ДЛЯ Б…ДЕЙ».

— М-да, — снова сказал Уани.

Из парадной двери вышел рабочий в комбинезоне и голубом шлеме, уставился на них оценивающим взглядом, словно сторож, решающий, впустить этих или лучше не пускать. На лице его читалось: много, мол, вас таких вокруг Лондона шляется на шикарных тачках, как деньги достаются, не знаете, только и умеете, что швырять их на ветер… это выражение лица могло бы обернуться и завистью, и презрением, но так и осталось скукой. Ник приветливо кивнул рабочему; тот повернулся и растворился в доме. Нику было тяжело и печально, и вдруг почему-то показалось, что рабочий знает, чем они займутся всего каких-нибудь полчаса спустя.

Полчаса спустя они еще ползли по Парк-лейн. Дорога, шедшая круто под гору, здесь, у подножия холма, была перегорожена: шли ремонтные работы, и приходилось двигаться в объезд по шоссе.

Грохочущие грузовики теснили «Мерседес» к обочине, обгоняли, презрительно обдавая беззащитных пассажиров вонючим дымом, и мчались вперед, к отелю «Хилтон», где четыре дороги сливались в одну. Ник однажды был вместе с Уани в «Хилтоне», в баре на последнем этаже: отец Уани любил водить туда гостей, явно не догадываясь о кричащей вульгарности этого места, и было что-то трогательное в том, как Уани гордо платил за коктейли и с видом юного короля оглядывал из окна парки, дворцы, меха и бриллианты лондонской ночи. А теперь они оказались напротив этого отеля в пробке, потные, полузадохшиеся, не в силах двинуться с места. От вони Ника начало подташнивать: он злился и в то же время чувствовал себя виноватым — ведь это он вел машину. Лицо Уани напряглось, он плотно сжал губы. Даже Рики начал шумно вздыхать. Уани перегнулся назад и положил руку ему на колено; Ник видел это в зеркале. Он попробовал завести разговор: однако Рики оказался молчалив, лишен собственного мнения едва ли не по всем актуальным темам и на удивление нелюбопытен. Сам он работал на складе, бросил, сейчас не занимается ничем и вряд ли найдет работу, даже если захочет — три с четвертью миллиона безработных, это

ведь не шутка (тут он улыбнулся). Он не пил, не курил и никогда ничего не читал.

— Хочешь, сходим в кино, — лукаво предложил Уани, и Рики ответил:

— Ладно.

О девушке Рики Ник больше не спрашивал, и Рики, казалось, сам о ней забыл. Когда они ехали по Найтс-бриджу, Уани спросил:

— Как зовут твою девушку?

— Фелисити, — ответил Рики. Они как раз проезжали мимо цветочного магазина с вывеской: «Цветы Фелисити».

Уани повернулся и заметил с улыбкой, от которой у Ника что-то сжалось внутри:

— Повезло твоей Фелисити.

— Это уж точно, — ответил Рики.

Когда они добрались до Уани, в офисе уже никого не было, все разошлись, и они сразу поднялись наверх, в квартиру: Уани — впереди, Рики — за ним, а Ник, снедаемый внезапной ревностью, замыкал процессию. Он словно снова оказался на первом свидании — только теперь в игре участвовал третий, соперник и критик. Противно было думать, что этот незнакомец узнает все о склонностях и пристрастиях Уани, и особенно злило то, что раскрывать эти тайны придется

ему самому. В другое время, в другом месте он с удовольствием потрахался бы с Рики, но мысль о том, что Рики станет свидетелем и участником их любовной игры с Уани, казалась невыносимой. Или, может, ничего такого и не будет? Может, они просто немного подурачатся втроем? Он прошел через комнату и положил ключи от машины на стол — а когда обернулся, Рики и Уани уже целовались взасос, без единого слова, жарко и влажно, не обращая внимания на ниточки слюны изо рта. Ник судорожно рассмеялся и отвернулся: ему стало так горько, как, кажется, не бывало с детства.

Он достал с полки «Стихотворения и пьесы Аддисона» в кожаном переплете и извлек припрятанный грамм кокса — все, что осталось от четверти унции, купленной на прошлой неделе. Присел за кофейный столик, смахнул пылинки с его гладкой поверхности. Новый номер «Харпера» был открыт на «Хронике Дженнифер», и Нику бросилась в глаза фотография: мистер Антуан Уради и мисс Мартина Дюкро на майском балу у герцогини Флинтшир. В блестящей глянцевой странице отражались две бледные целующиеся тени. Совсем как в фильмах Уани — не в тех, которые снимал он сам, а в тех, которые любил смотреть. Лучше к ним присоединиться, подумал

Ник. Самому ему зрелище мужчины, стоящего на коленях и поочередно сосущего то один, то другой член или пытающегося взять в рот оба сразу, казалось невыносимо вульгарным, однако он чувствовал, что Уани это нужно. Втянув в себя тонкую белую дорожку наслаждения, он повернулся к Рики, который уже расстегивал на своем любовнике тяжелую пряжку ремня.

8

Новое жилище Уани располагалось в доме 1830-х годов на Эбингдон-роуд: на первом этаже — стальной и сверкающий офис «Линии S», на втором и третьем — эклектическая квартира, полная разных вычур и причуд: готическая спальня соседствовала здесь с древнеегипетской ванной. И высокотехнологичный стиль офиса тоже казался не столько данью новому веку, сколько еще одной игрой из постмодернистского репертуара дизайнеров. Квартиру Уани снимали для «Мира интерьеров»: оператор передвинул всю мебель, повесил на стену в гостиной большую абстрактную картину и повсюду расставил огромные, похожие на тыквы керамические лампы. Уани сказал, что и так хорошо. Сам он, кажется, одинаково легко и уверенно себя чувствовал и среди

стекла и стали офиса, и в бессвязных культурных аллюзиях квартиры. Об архитектуре, да и вообще об искусстве он почти ничего не знал и просто наслаждался тем, что живет в таком дорогом и шикарном месте.

Сам Ник в душе посмеивался над этой претенциозной квартирой, однако уже успел ее полюбить — так же, как любил дом Федденов, за мечту о богатстве, которую разделял и сам, и за то, что здесь жил его любимый. Ему нравились комфорт и удобство, свойственные богатым домам, нравилось, что все в этом доме призвано успокаивать, ласкать и тонко льстить. Нравилась всепонимающая глубина диванов, а в ванной комнате — скользящий свет, играющий бликами огромной ванны: никогда и нигде Ник не выглядел так хорошо, как здесь, когда брился или чистил зубы. Разумеется, дом вульгарен, как почти все постмодернистское, — и тем не менее жить здесь очень приятно. Не смущало Ника даже то, что холл, с туманными отражениями серых колпаков-абажуров в мраморных стенах цвета бычьей крови, очень напоминал уборную в ресторане — пусть и очень шикарном и дорогом.

Время от времени Ник спал здесь, на фантастической кровати под балдахином, меж

бесчисленных подушек. Двойной змеевидный изгиб повторялся здесь в очертаниях зеркал, и ламп, и шкафов, похожих на готические исповедальни, но громче всего заявлял о себе на балдахине: здесь две змеевидные линии скрещивались и переплетались, поддерживая корону, похожую на большую деревянную капусту. Это Ник, лежа на этой самой кровати и мучаясь той неловкостью, что обычно ощущали они оба после занятий любовью, предложил Уани назвать свою киностудию «Линия S»: звучит красиво, сказал он, одновременно и экзотично, и очень по-английски — так, как тебе нравится. После секса Уани как-то грустнел и отстранялся, словно ему делалось вдруг неловко. Вот и сейчас он лежал отвернувшись. Чувствуя необходимость подбодрить себя, Ник вспоминал свои светские успехи, остроумные замечания, вовремя рассказанные анекдоты. Мысленно он объяснял идею «линии S» какому-нибудь доброму другу — герцогине, или Кэтрин, или воображаемому любовнику. Двойной змеевидный изгиб буквы S, говорил он, — это то самое, что Хогарт называл «линией красоты»: проблеск инстинкта, два напряжения, сплетенные в одно текучее и неразрывное движение. Он протянул руку и погладил Уани по

спине, подумав при этом, что Хогарт приводил в пример арфы, ветви, кости, но промолчал о самом прекрасном образчике — человеческой плоти. Не настало ли время для нового «Анализа красоты»?

На втором этаже располагалась «библиотека», дань неогеоргианскому стилю, с одной стеной, окрашенной в черное, и массивными книжными полками. Кроме книг, которых здесь было немного, полки украшали несколько фотографий в рамках, большой стеклянный графин и модель автомобиля. Здесь можно было найти книги по садоводству, альбомы фотографий кинозвезд, популярные биографии и сочинения, попавшие сюда по знакомству Уани с авторами — например, «Плавание» Теда Хита или первый, «в самом деле, довольно неплохой» роман Ната Хэнмера «Свинарник». Еще был в этой комнате настоящий георгианский письменный стол, диван, телевизор во всю стену и видеомагнитофон с быстрой перемоткой. Именно здесь, через несколько дней после случая с Рики — случая, заставившего Ника о многом задуматься, — Уани, присев за георгианский стол, выписал чек на пять тысяч фунтов на имя Николаса Геста.

Ник смотрел на чек с восторгом и подозрением. Протянул руку, небрежно взял, уже зная, что

скорее умрет, чем позволит отнять у себя это сокровище. Сказал:

— Ради бога, Уани, к чему это?

— Что? — переспросил Уани, как будто уже об этом забыл — однако по голосу его чувствовалось, что он тоже взволнован. — Да просто обрыдло постоянно за тебя платить.

Он явно тщательно выбирал слова, и Ник почувствовал, что за его грубостью скрывается нежность. Однако не оставляло его смутное неприятное чувство, словно он спьяну или под кайфом заключил какую-то сделку, а теперь о ней позабыл.

— Знаешь, это неправильно… — проговорил он, уже представляя, как ведет Тоби, или Ната, или еще кого-нибудь из приятелей в «Бетти» или в «Ла Ступенду», достает кредитную карточку и расплачивается за всех…

— Правда? Ну, тогда никому не говори, — легко ответил Уани. Он вставил в разъем видеомагнитофона кассету и, подобрав с дивана пульт дистанционного управления, защелкал кнопками. — Только смотри, не промотай все за неделю на порошок.

— Конечно, нет, — ответил Ник, мгновенно подсчитав, что, если ему придется платить за

это удовольствие самому, пять тысяч кончатся очень быстро. Но он понимал, что Уани просто его поддразнивает. — Я их куда-нибудь вложу, — пообещал он.

— Вот и отлично, — ответил Уани. — Отдашь, когда получишь прибыль.

Ник фыркнул, показывая, что само такое предположение необыкновенно его смешит.

— Спасибо, мой милый, — сказал он, убрал чек в карман и подошел к Уани, чтобы его поцеловать.

Тот подставил щеку, словно любящий, но занятой родитель. Ник коснулся губами его щеки и тихо пошел прочь из комнаты. На экране уже разворачивалась любимая сцена Уани из «Большого члена»: мужчина в черном проводит жестокий эксперимент на возбужденном маленьком блондине.

— О, бэби! — тихонько простонал Уани; но Ник знал, что он здесь не нужен.

Пару раз в неделю Уани ночевал у своих родителей на Лаундс-сквер. Поначалу Ник над этим иронизировал, задетый тем, что Уани, кажется, вовсе не сожалеет об упущенной возможности провести ночь вместе. В нем самом семейный инстинкт был развит слабо и, если и существовал, направлялся не на собственную семью. Но

скоро Ник понял, что для Уани семейные узы так же естественны, как секс, и требования их так же неопровержимы. В другие вечера тот нюхал кокс в уборных шикарных ресторанов, а потом мчался домой на ревущем «КТО 6» навстречу новым сексуальным экспериментам, но в «родительские» вечера послушно, даже с каким-то облегчением отправлялся в Найтс-бридж — ужинать с отцом, матерью, теми или иными приезжими родственниками и, как правило, со своей невестой. А снедаемый ревностью Ник возвращался в Кенсингтон-Парк-Гарденс, к гостеприимным Федденам, кажется и вправду верившим, что он ездит к Уани писать диссертацию на его компьютере, а спит у него в гостиной, на диване. На Лаундс-сквер Ника никогда не приглашали, и в его сознании этот дом, и безжалостная фигура Бертрана Уради, и экзотическое происхождение семьи, и само тяжелое слово «Лаундс» — все сливалось в единый образ чего-то карающего и запретного.

В один из таких одиноких вечеров Ник отправился на «Тангейзера» и в антракте встретил Сэма Зимана. Они поболтали о постановке — странной помеси парижской и дрезденской версии; а потом Ник сказал, что хотел бы кое-что с ним обсудить,

и предложил пообедать вместе на той неделе.

— Приходи пораньше, — сказал ему Сэм, — я тебе покажу наш новый тренажерный зал.

Кесслеры только что перестроили свой офис в Сити, и теперь за фасадом старого палаццо модно блестели все те же стекло и сталь.

В назначенный день Ник пришел в банк пораньше и устроился ждать в просторном холле, под пальмой. Банковские служащие сновали мимо него, спешили вверх и вниз на эскалаторах: вид у них у всех был невероятно деловой и сосредоточенный, и Нику пришло в голову странное определение — «высокопоставленные рабы». Его поразило и приятно взволновало зрелище такого количества занятых людей: все в костюмах, все при деле, каждый точно знает, что от него требуется.

Да и в самом здании, и в неумолчном шуме вентиляторов, гуле голосов и в безличном движении эскалаторов, чувствовалась непоколебимая уверенность в себе. Где-то наверху, там, куда бежали эскалаторы, располагался кабинет самого лорда Кесслера: должно быть, думал Ник, на этом уровне управление осуществляется без слов, одними кивками и намеками, чистой телепатией. Он знал, что кабинет не переделывали — деревян-

ная обшивка осталась, как была — и что в этом кабинете хранятся несколько интереснейших полотен. Лайонел даже как-то приглашал Ника зайти к нему, взглянуть на Кандинского…

Появился Сэм и повел его в пахнущий хлоркой подвал, где располагались тренажерный зал и бассейн.

— Ты посмотри, какая прелесть! — сказал он.

Нику подумалось, что зал очень маленький, с «Y» его и сравнивать нельзя: не сразу он сообразил, что оценивает его по привычным критериям — а ведь это место совсем другого сорта, не для геев. Старик в белой куртке устало и равнодушно выдал им полотенца. Сэм сел на «велосипед»: крутя педали, он одновременно решал кроссворд в «Таймс». Ник прошелся по тренажерам, больше для того, чтобы оказать Сэму любезность. Он чувствовал, что очень мало его знает, и еще чувствовал, что Сэм держится с ним покровительственно. Оксфордское дружелюбие Сэма не ушло, но к нему добавилась жесткость, усмешка какого-то тайного знания, как у человека, который точно знает, куда идет и чего собирается достичь. Банковские служащие вокруг них поднимали и опускали вес резко, почти со злостью, и Ник задумался о том, пытаются ли они сбросить агрессию

или, наоборот, ее накапливают и разжигают.

Ник предполагал, что они пообедают в одном из старинных ресторанчиков Сити, с дубовыми стойками и официантами во фраках. Однако Сэм повел его в какое-то новомодное заведение, огромное, сверкающее и такое шумное, что за столом им приходилось кричать. Ник поведал Сэму, что стал обладателем пяти тысяч фунтов; тот чуть поморщился, словно говоря: «И только-то? Я думал, что-то серьезное...», но вслух сказал только:

— Что ж, забавно.

В ресторане обедали почти исключительно мужчины. Ник радовался, что надел свой лучший костюм, и в глубине души жалел, что на нем нет галстука. Посетители постарше, с острыми проницательными взглядами, казалось, были недовольны ресторанной суетой и гамом — или, может быть, тем, что чувствовали, как наступает им на пятки молодежь. Из тех, что помоложе, некоторые были красивы той бездушной и безжалостной красотой, которая в сознании Ника связывалась с деньгами и властью. Другие — настоящие уроды, школьные неудачники: глядя на них, нетрудно было понять, почему они посвятили жизнь сколачиванию капитала. Все здесь

говорили громко, стараясь перекричать шум, и от этого казалось, что в воздухе висит один громкий и грубый слог, то ли «вау», то ли «йау». Сэм держался с некоторым высокомерием, однако видно было, что здесь он чувствует себя как дома.

— Кстати, — сказал он, — я во Франкфурте видел отличную постановку «Frau ohne Schatten»[5].

— А-а… ну, что я думаю о Штраусе, ты знаешь, — ответил Ник.

Сэм бросил на негр разочарованный взгляд.

— Штраус очень хорош, — сказал он. — Как он изображает женщин!

— Боюсь, этим меня трудно привлечь, — ответил Ник.

Сэм хохотнул, показывая, что понял шутку, и продолжал:

— Оркестровая музыка у него вся о мужчинах, а оперы — о женщинах. Интересных мужских партий всего две: Октавиан, конечно, и Композитор в «Ариадне».

— Да, пожалуй, — чуть принужденно согласился Ник. — Он не универсален. Не то, что Вагнер, который понимал все.

— Да, на Вагнера он совсем не похож, — ответил

---

[5] Примечания: 5
«Женщина без тени», опера Рихарда Штрауса.

Сэм. — Но все равно гений.

К деньгам Ника разговор вернулся только в самом конце обеда.

— Получил небольшое наследство, — объяснил Ник. — Вот и подумал, интересно, что можно с ним сделать?

— М-м… — раздумчиво промычал Сэм. — Больше всего сейчас вкладывают в недвижимость.

— На пять тысяч много не купишь, — возразил Ник.

Сэм согласно усмехнулся.

— Я бы на твоем месте приобрел акции «Исто». Они сейчас в ходу. Цена растет, как на дрожжах. Или, конечно, «Федрэй».

— Компания Джеральда?

— Да, их акции в этом квартале быстро идут в гору.

Эта мысль заинтересовала, но и смутила Ника.

— Как это вообще делается? у спросил он, уже не стыдясь демонстрировать свое невежество — четыре бокала шабли придали ему смелости. — Может быть, ты сам ими распорядишься для меня?

Сэм отложил салфетку и подозвал официанта.

— Договорились, — сказал он, широко улыбнувшись, словно желая показать, что все это не

стоит воспринимать слишком серьезно. — Будем искать максимальную прибыль. И посмотрим, что из этого выйдет.

Ник полез за кошельком, но Сэм отмахнулся, сказав, что они обедают за счет банка.

— Важный инвестор из другого города, — объяснил он.

Он расплатился платиновой карточкой «Мастеркард»; Ник наблюдал за этим с интересом и легкой завистью.

Уже на улице Сэм сказал:

— Ладно, дорогой, пришлешь мне чек. Мне сюда, — как будто точно знал, что самому Нику в другую сторону.

Они пожали друг другу руки, и только тут Сэм добавил:

— И комиссионные — три процента, согласен? — как будто желая подтвердить уже заключенное соглашение.

Ник широко улыбнулся и покраснел: он об этом совершенно не подумал, и в первый миг эта мысль ему не понравилась. Но, поразмыслив, он понял, что так даже лучше: какой же серьезный бизнес без комиссионных за услугу?

Уани в «Линии S» все еще «подбирал персонал»: Ник поражался его самоуверенности и твердой

убежденности, что спешить ему некуда. Секретарша с глубочайшим декольте, по имени Мелани, виртуозно растягивала на весь день несколько телефонных звонков и печать двух-трех документов. Всякий раз, как звонила ее мать, Мелани сообщала, что «у меня тут завал работы, даже в туалет сходить некогда». Уани ходил с потрясающим переносным телефоном «Talkman», который можно было брать с собой в машину или в ресторан, и поощрял Мелани звонить ему во время встреч и сообщать какие-нибудь бизнес-новости, желательно с цифрами. Были еще двое, неразлучные Ховард и Саймон: парой они, собственно, не были, однако трудно было представить одного без другого. Ховард — очень высокий, с квадратной челюстью, Саймон — маленький, толстый, похожий на сову (он притворялся, что собственная полнота его совершенно не волнует). Когда кто-нибудь принимал их за любовников, Саймон разражался визгливым хохотом, а Ховард терпеливо объяснял, что нет, они просто очень хорошие друзья. Ник любил поболтать с ними, когда заглядывал в офис, пошутить, обменяться намеками и понимающими взглядами.

— Я плаваю в бассейне и раза два в неделю хожу в тренажерный зал, — говорил он, непринуж-

денно откинувшись в кресле, все еще немного стыдясь своего хвастовства; и Саймон со вздохом отвечал:

— Эх, надо бы и мне как-нибудь попробовать!

Все они вели себя так, словно не замечали красоты Уани, словно принимали его всерьез. Но, когда на страницах светской хроники «Татлера» или «Харпере энд Квин» появлялась его фотография, Мелани бегала с журналом по офису, как будто это подтверждало серьезность всего их предприятия.

Ник не сомневался: никто из них не подозревает, что он спит с боссом. За десять лет тренировок он научился виртуозно обходить острые углы беседы, способные привести к предательскому румянцу на щеках. Порой ему хотелось сделать скандальное признание и посмотреть, что из этого выйдет; но Уани настаивал на полной секретности, а Нику нравилось хранить тайны. Как прикрытие он использовал свои прежние приключения: вот и сейчас он рассказывал Ховарду и Саймону о случае с Рики, заменив Уани одним французом, с которым встречался на пруду прошлым летом.

— И что же, он красавчик, этот Рики? — поинтересовался Саймон.

Красавчик? Вот уж нет. Понятие «красота» к нему вообще не подходило. Тут было другое: непоколебимая самоуверенность, ровное спокойное тепло, от которого при первом же поцелуе возникало чувство, что знаешь этого человека уже тысячу лет, что это — лишь последний из тысячи прежних поцелуев…

— Он великолепен, — ответил Ник. — Круглое лицо, темные глаза, нос орлиный…

— О-о! — сказал Саймон.

— Правда, начинает лысеть, но это лишь добавляет ему обаяния.

Подумав немного, Саймон сказал:

— Опять ты цитируешь этого… своего…

— В смысле? — чуть обиженно уточнил Ник.

— Ну вот… лысеет, но это… как бишь ты сказал?

— Я не помню, что я сказал. «Начинает лысеть, но это лишь добавляет ему обаяния».

Ховард откинулся на стуле, понимающе кивнул и спросил:

— А борода есть?

— Никакой бороды, — ответил Ник. — Щеки и подбородок явно знакомы с тонким холодком утренней стали.

Все довольно засмеялись. Ник любил вставлять

в свои рассказы в самых неожиданных местах цитаты из Генри Джеймса: парни очень радовались, тщетно старались их запомнить, просили Ника повторять снова и снова — им всем нравилась эта игра.

— А это откуда?

— Про утреннюю сталь? Из «Крика отчаяния», романа Генри Джеймса, о котором никто не слышал.

Парни приняли эту информацию философски: вряд ли они что-то слышали хоть об одном из романов Генри Джеймса. Ник чувствовал, что профанирует Мастера, но не мог удержаться: он был влюблен в своего писателя, влюблен в его ритмы, иронию, во все его особенности и даже промахи — быть может, в промахи более всего.

— У этого твоего Генри Джеймса, похоже, за что ни возьмись, все прекрасное и замечательное, — нахмурившись, заметил Саймон.

— Прекрасное, великолепное… удивительное. Нет, скорее, так говорят друг о друге его персонажи, особенно дурные люди. Знаете, в последних его книгах герои становятся все более отвратительны — в моральном плане — и в то же время все больше рассуждают о красоте.

— Ясно… — сказал Саймон.

— Чем они порочнее, тем больше красоты видят друг в друге.

— Интересно, — сухо сказал Ховард.

— В его пьесе «Высокая цена», — продолжал Ник, победно оглядывая свою маленькую аудиторию, — есть удивительный момент, когда один из героев спрашивает дворецкого в деревенском доме: «Кому вы так прекрасно служите?»

Саймон кашлянул, оглянулся, проверяя, не слышит ли Мелани, и сказал:

— Ну ладно, а теперь расскажи, какой у этого Рики был хрен?

Да, этот предмет, несомненно, заслуживал подробного описания, и на миг Ник задумался: что сказал бы о нем Генри Джеймс? Какие же страницы комплиментов этот человек, умевший находить красоту даже в самых ничтожных и безобразных предметах, посвятил бы мощным восьми дюймам Рики?

— Ну… — сказал Ник. — Должен вам сказать, размер у него был не маленький.

Саймон задрал голову и выразительно закатил глаза: воображение его работало на полном ходу. А Ник продолжал болтать, мешая секс с литературными цитатами, ловко уходя от правды и наслаждаясь этим. В этом, пожалуй, и была

главная прелесть таких разговоров — да и сам воздух в «Линии S», казалось, был пропитан ароматом незаданных вопросов и искусного ухода от ответов.

Свою официальную роль в жизни Уани сам Ник в точности определить не мог и понял ее, лишь неожиданно получив приглашение на воскресный обед на Лаундс-сквер. Накануне он до трех ночи протанцевал в «Хевен» и еще боролся с резиновой маской на лице, дрожащими ногами и прочими симптомами тяжелого похмелья, когда Бертран Уради крепко пожал ему руку и сказал:

— А, так это вы — тот самый приятель-эстет!

— Да, это я! — ответил Ник, как можно тверже сжимая его руку в ответ и соображая про себя, что, наверное, и эстетом быть в глазах Бертрана не так уж плохо, если этот эстет — приятель его обожаемого сына.

Бертран басовито хохотнул.

— Что ж, эстету в нашем доме самое место! — проговорил он и, повернувшись на шахматном мраморном полу, широким жестом обвел сияющие полотна и торшеры в стиле ампир, напоминающие какие-то сложные капканы — видимо, желая показать, что и ему, простому торговцу, тоже не чужд хороший вкус.

Ник последовал за ним, морщась от вездесущего блеска полировки. В этом доме ему не хотелось смотреть ни на что… кроме одного.

— Одну минуточку, сейчас я к вам присоединюсь, — объявил Бертран.

Ник так плохо соображал, что пошел было за ним в уборную — но маленькая смуглая служанка, открывшая ему дверь, с легким поклоном повела его наверх, и Ник, досадуя на собственную глупость, последовал за ней. Значит, думал он, Уани называет его эстетом. Значит, вот как он объяснил родителям…

Служанка провела его в розово-золотую мешанину кабинета.

— А, Ник… — сказал Уани, словно старик, припоминающий старого знакомого, и подошел, чтобы пожать ему руку. — Мартина давно о тебе спрашивала… — (Мартина сидела на диване: Ник подошел, поклонился, пожал руку и ей), — и познакомься, это моя мать.

Комната отражалась в огромном зеркале над камином: зеркало висело чуть под углом, отчего кабинет виделся в нем словно издалека. Чувствуя, что улыбка словно приклеилась к лицу, Ник неосторожно покосился на свое отражение — и тут же отвернулся. Моник Уради сообщила

ему, что была на мессе в Вестминстерском соборе и только что вернулась, но, кажется, не расположена была поддерживать дальнейшую беседу.

— А это дядя Эмиль и мой кузен, малыш Антуан, — представил Уани, и только тут Ник заметил, что за спиной у него стоят еще двое.

Ник пожал руку дяде Эмилю: тот кашлянул и сказал: «Enchante»[6], и Ник тоже сказал: «Enchante». Обменялся он рукопожатием и с маленьким кузеном Уани; тот стоял, положив руку на голову малыша, а мальчик смотрел на него с нескрываемым обожанием. Какой милый мальчик, подумал Ник; и ведь знать не знает, что такое похмелье… от этой мысли у него даже слезы на глаза навернулись.

Еще в такси он принял решение пить только воду, однако, когда вошел Бертран и объявил: «А вот и напитки!» — взгляд Ника сам собой приклеился к «кровавой Мэри». Бертран величественным жестом указал на поднос с напитками на столике в дальнем конце кабинета, и тут же явился пожилой человек в черном костюме и с серебряным подносом и взялся за дело. Ник, еле живой от слабости, наблюдал за ними с полу-

---

[6] Примечания: 6
Очень рад (фр.).

бредовым изумлением. Вот оно как, тупо думал он, стоит Бертрану махнуть рукой — и все, чего он хочет, исполняется, словно по волшебству… вот оно как.

А ему, пожалуй, лучше всего пристроиться вон в том уютном уголке дивана и подремать под плавные волны семейной беседы… У открытых окон колыхались легкие белые занавески. На балконе стояли два кипариса в огромных вазонах, а за ними открывался необъятный пейзаж. Туда, за окно, и уплыли сонные мысли Ника.

У малыша Антуана был автомобильчик с дистанционным пультом управления, красный «Феррари» с торчащей вверх антенной, и Уани подначивал мальчика направлять автомобиль в ножки столов и кресел в стиле Людовика Пятнадцатого. Ник наклонился вперед, смотрел, как беспорядочно носится по комнате маленький «Феррари», и даже поощрял его притворным оханьем, когда тот стукался о ножку стола или застревал под бюро. Он делал вид, что тоже увлечен игрой, но двое мальчишек — большой и маленький — его не замечали. Вот Уани выхватил у кузена пульт управления и сам начал устраивать столкновения на полной скорости. Бертран, стоя у окна, разговаривал с дядей Эмилем, и по тому,

как пару раз твердело его лицо, Ник догадался, что дяде Эмилю этот разговор не совсем приятен. В зеркале над камином он видел их всех с удобного угла, словно актеров на сцене.

Родители Уани оба были люди примечательные. Бертран — невысокий, энергичный, очень хорош собой, похож на кинозвезду из старинных фильмов, Моник — породистая красавица с высоким черным шиньоном и бриллиантовой брошью на груди; обаяние иностранности сочеталось в ней с шиком шестидесятых. На Бертране был черный пиджак, двубортный, с квадратными плечами, с малиновым платочком, выглядывающим из кармана: челюсть у него тоже была квадратная, тверже и тяжелее, чем у Уани, но такой же орлиный нос, и над полной верхней губой — тоненькие черные усики. На ногах у него были легкие туфли без задников, с низким вырезом, на восточный манер. У Уани Ник тоже видел несколько пар таких туфель, с ребристой подошвой — «чтобы ходить по мрамору», объяснял Уани. Говорил Бертран веско, уверенно, с заметным акцентом, и его голос перекрывал все другие голоса в комнате.

Мартина сидела на другом конце дивана, рядом с Моник; у Ника создалось впечатление, что

это ее привычное место. Пока мужчины вокруг хмурились, гремели и водили «Феррари», женщины приглушенно, словно две заговорщицы, беседовали по-французски. Ник слабо улыбнулся в их сторону. Мартина, снова в чем-то длинном и тяжелом, напоминала бедную родственницу, приживалку, много лет ожидающую наследства. Казалось, она робеет заговорить с Ником — о причинах этого он мог только догадываться. Уани уверял, что она давно о нем спрашивала, но, возможно, это была с его стороны лишь вежливость или благое пожелание — ему частенько случалось путать свои желания с действительностью. Однако Ник чувствовал, что Мартина не так уж проста. Минуту или две спустя она передвинула к нему на низком столике тарелку с оливками и спросила:

— А вы как поживаете?

— О, отлично! — ответил Ник и тут же, заморгав, поморщился. — Честно говоря, я сейчас чувствую себя немного… э-э… деликатно… — Он потянулся к своему бокалу. — Но, знаете, это помогает. «Кровавая Мэри» просто чудеса творит. — И подумал: о господи, что же это я такое болтаю?

Мартина поняла его деликатное состояние, и, тоже проявив деликатность, не стала развивать

эту тему.

— А как ваша работа? — поинтересовалась она.

— Э… спасибо, все в порядке. Хочу этим летом закончить диссертацию. Я и так уже сильно выбился из графика. — И, широко улыбнувшись, добавил: — Я ведь ужасно неорганизованный, и к тому же страшный лентяй.

— Надеюсь, что нет, — с милой улыбкой ответила Мартина. — А о чем ваша диссертация?

— О… она… о Генри Джеймсе… — Всякий раз, когда его об этом спрашивали, Ник чувствовал странное, вполне джеймсианское нежелание называть точную тему. В этом было что-то от скрытой сексуальности, от вопросов, которые лучше обходить молчанием.

— Антуан рассказывал, что вы работаете вместе с ним в «Линии S»?

— Да честно говоря, я там почти ничего не делаю.

— Разве вы не пишете сценарий? Он мне так рассказывал.

— Да, есть такая мысль. Честно говоря… Ну, у нас есть некоторые идеи. — И он улыбнулся поверх ее головы, желая вовлечь в беседу и мать Уани. — На самом деле очень хотелось бы

снять фильм по «Трофеям Пойнтона»… — Моник поощрительно кивнула, и обрадованный Ник продолжал: — Мне кажется, из этого можно сделать что-то замечательное. Знаете, Эзра Паунд назвал эту книгу «романом о мебели»: для него это, конечно, был отнюдь не комплимент, но мне это даже нравится!

Моник задумчиво смотрела на него, попивая джин с тоником: при словах «роман о мебели» она обвела взглядом столы и кресла вокруг. Видно было, что она ничего не понимает.

— И что же, — спросила Мартина, — вы хотите снять фильм о мебели?

Мимо с рычанием промчался «Феррари», и Моник сказала, повысив голос:

— Мы видели этот последний фильм, «Комната с видом» — очень мило.

— В самом деле, — сказал Ник.

— Там большая часть действия происходит в Италии. Очень мило. Мы обожаем Италию, там так хорошо!

Мартина слегка удивила его, заметив:

— Мне кажется, сейчас в Италии очень скучно. Они там живут только прошлым.

— Хм… пожалуй. Знаете, все эти костюмированные драмы…

— Да. Костюмированные драмы, музеи. Жизнь в прошлом. Неужели английским актерам это не надоело? Все время ходить в вечерних костюмах?

— Вы правы, — сказал Ник. — Хотя, по-моему, в наше время и так все ходят в вечерних костюмах.

Ему вспомнился Уани, который имел три вечерних костюма и являлся на благотворительный бал к герцогине в белом галстуке и перчатках — и тут же он подумал, что сарказм Мартины направлен, пожалуй, и против него самого, потому что «Пойнтон» тоже предполагает вечерние костюмы и уход в прошлое.

— Не сомневаюсь, — сказала Моник Уради, — с вашей помощью мой сын снимет прекрасный фильм!

Ник почувствовал, что она его по-матерински подбадривает.

— Вы его мало знаете, — добавила Мартина. — Его надо постоянно тянуть и толкать.

— Я запомню, — со смешком пообещал Ник, стараясь изгнать из мыслей неуместные эротические картины.

«Феррари» в очередной раз врезался в восточную туфлю Бертрана. Малыш Антуан переключил

пульт на третью скорость, заставляя свой автомобиль преодолеть препятствие; Бертран нагнулся, поднял жужжащую игрушку и поднес ее к глазам, словно какое-то настырное насекомое. На миг Антуан замер, заметив, что дядя сердится, но тут же с облегчением рассмеялся, когда нешуточный гнев Бертрана обернулся шутливой свирепостью.

— На сегодня хватит, — приказал Бертран и отдал игрушку мальчику, не сомневаясь, что его распоряжение будет выполнено.

В этот миг Ник особенно ясно ощутил, что Бертрану не стоит переходить дорогу, и видения его сына в постели малодушно растаяли где-то в дальнем уголке сознания.

— Тебе, наверное, не терпится посмотреть дом, — сказал Уани.

— Да, конечно, — ответил Ник, с улыбкой вставая.

В своем стремлении продемонстрировать холодность и безразличие к Нику Уани, пожалуй, переигрывал — он уж совсем не обращал на него внимания, что выглядело неестественно. Вот и сейчас, хотя Ник догадывался о его тайных намерениях, лицо Уани не выражало ничего, даже того тепла, которое естественно в отношениях между двумя старыми приятелями.

— Да, проведи его по дому, — сказал Бертран. — Покажи ему наши картины и весь этот чертов антиквариат.

— С большим удовольствием, — ответил Ник, не предполагавший увидеть здесь ничего, кроме подделок и репродукций.

— А можно, я тоже пойду? — вызвался малыш Антуан, кажется не меньше Ника обожавший улыбку и прикосновения своего кузена; но Эмиль, нахмурившись, приказал ему остаться.

— Начнем с верхнего этажа, — объявил Уани, когда они вышли из комнаты и начали подниматься по лестнице. На втором пролете он тихо сказал: — Ты где был прошлой ночью?

— В «Хевене», — ответил Ник, слегка недовольный тем, что говорит чистую и невинную правду.

— Так я и думал, — проговорил Уани. — И что же, трахался с кем-нибудь?

— Разумеется, нет. Я был с Ховардом и Саймоном.

— Что ж, у тебя все впереди. — И Уани улыбнулся. — А чем же ты там занимался?

— Можно подумать, милый, ты ни разу в жизни не был в ночном клубе, — с почти нарочитым сарказмом ответил Ник. — Удивительно, особенно

если вспомнить, где ты постоянно фотографируешься с невестой. Мы танцевали, пили, снова пили и снова танцевали.

— Хм. А рубашку ты снимал?

— Пусть твое ревнивое воображение подскажет ответ, — ответил Ник.

Они поднялись в спальню Уани (тут на лице Уани отразилось легкое беспокойство, словно он надеялся, что Ник не станет особенно приглядываться к обстановке) и вошли в белую кафельную ванную. По дороге Ник замедлил шаг. Ему хотелось получше разглядеть спальню — фотографии из Харроу и из Оксфорда, члены Клуба мучеников в розовых пиджаках, Тоби, Родди Шептон и все прочие, книги — Шекспир издания Арнольда и Ардена, «Миддлмарч» и «Том Джонс» в потрепанных оранжевых обложках «Пингвина», знакомые заголовки, знакомые авторы — книги из библиотеки школьника, которые давным-давно никто не открывал; и огромную, почти двойную кровать, и зеркало, в которое Ник взглянул с некоторым страхом, но, к собственному удивлению, обнаружил, что выглядит вполне прилично… Наконец он вошел в ванную вслед за Уани.

Тот уже достал бумажник и сейчас выкладывал и подравнивал на широком бортике ванны щед-

рую порцию кокса.

— У меня еще много, — сказал он.

— Знаю, — ответил Ник. — А не рановато ли?

Совместный прием кокаина ему нравился, но не нравилось, что Уани относится к порошку как-то… чересчур серьезно, что ли.

— У тебя такой вид… мне показалось, что тебе это не помешает.

— Если только немножко, — сказал Ник.

Ему совершенно не хотелось спускаться к ужину под кайфом и строить из себя дурака, но соблазн был велик, и отказаться почти невозможно. В кокаине ему нравилось все — и как его подравнивают кредитной карточкой, и как вдыхают через свернутую денежную бумажку («Все делается через деньги», — замечал Уани). Осторожно, чтобы не толкнуть Уани под руку, Ник приобнял его сзади и сунул руку ему в левый брючный карман.

— О черт! — отрешенно произнес Уани.

У него сразу встал, и у Ника, прижавшегося к нему сзади — тоже. Все, что они делали, было запретно и потому как-то очень по-детски. Ник не знал, сколько у них времени, и помыслить не мог о том, чтобы остановиться, и в то же время понимал, что ведет себя глупо, непозволительно глупо

для своих двадцати трех лет. И именно в этой непозволительной глупости таилась какая-то особая красота. Во фланелевых глубинах кармана позвякивали несколько монеток: они приятно холодили руку Ника, когда он гладил член Уани.

Уани разложил порошок двумя длинными дорожками.

— Прикрой-ка дверь, — сказал он.

Ник неохотно отстранился.

— Хорошо, только на минуту. — Прикрыв дверь, он полез за двадцатифунтовой бумажкой.

— И запри, — сказал Уани. — Этот мальчишка всюду за мной бегает.

— И его трудно винить, — с улыбкой заметил Ник.

Уани бросил на него недовольный косой взгляд — Ник не раз замечал, что он не любит комплиментов. Они по очереди присели и втянули в себя порошок, а потом поднялись, втягивая носом воздух, кивая и вглядываясь друг другу в лицо для подтверждения собственных ощущений. Черты Уани смягчились, на губах появилась невольная улыбка, которую так любил Ник, — улыбка, в которой победа сочеталась с поражением. Ник улыбнулся в ответ и одной рукой погладил его по щеке, а другой, сквозь брюки — по напряженному

члену. Обоим было хорошо.

— Отличный порошок, — сказал Ник.

— Черт, это точно, — ответил Уани. — У Ронни всегда первый сорт.

— Надеюсь, ты мне не слишком много насыпал, — сказал Ник; а в следующий миг, обняв и страстно целуя Уани, он уже знал, что возможно все, что долгий томительный ужин превратится в тур вальса, что он очарует всех, начиная с всесильного Бертрана. Он вздохнул и перевернул руку Уани, чтобы взглянуть на его знаменитые часы. — Нам пора вниз, — со вздохом сказал он.

— Ладно. — Уани отступил и быстро расстегнул ширинку.

— Милый, нас же ждут…

Но Уани так на него смотрел, требование в его взгляде так слилось с мольбой и подчинением, и сама мысль, что этот надменный красавец нуждается в нем, что Ник посвящен в его любовные секреты, так возбуждала, что Ник опустился на колени, взял его в руки и, расстегнув, спустил на нем до колен строгие, старомодного покроя, брюки…

На пути вниз им повстречался маленький Антуан, которому не терпелось их увидеть — он уже все комнаты обшарил, ища брата. Они еще

улыбались, вспоминая, как у них все никак не получалось смыть резинку в унитаз, и мальчик поинтересовался, что это их так развеселило.

— Я показал дяде Нику свои старые фотографии, — объяснил Уани.

— Ага, очень забавные, — подтвердил Ник, тронутый искусной ложью Уани и в глубине души жалея, что в самом деле их не посмотрел.

— А-а, — ответил малыш Антуан. Он, возможно, сожалел о том же.

— Ты лучше сюда взгляни, — сказал Уани и толкнул дверь в комнату над кабинетом.

Это оказалась спальня его родителей. Уани протянул руку к выключателям — и одна за другой вспыхнули лампы, начали автоматически сдвигаться занавески, и откуда-то издалека послышалась «Весна» из «Времен года». Малыш Антуан явно обожал это представление: ему разрешили повторить все сначала, пока Ник с насмешливым любопытством оглядывался кругом. Все вокруг дышало такой роскошью, что он с шутливым неодобрением покачал головой на собственные глубокие следы на ковре. Сияние полировки, блеск позолоты и огромные зеркала на стенах разбавляла примесь вещей постарше, погрубее и получше, быть может привезенных

из Бейрута — персидских ковров и обломков римских статуй. На вершине гардероба стояла белая мраморная голова Уани, должно быть, в том же возрасте, в каком сейчас малыш Антуан, с широким и пухлым детским личиком. Она была очаровательна, и Ник подумал: если бы ему предложили в подарок любой предмет в этом доме, он выбрал бы ее. Гардеробные у Бертрана и Моник были разные, и каждая напоминала соответствующий отдел большого универмага.

— Лучше на это посмотри, — сказал Уани и подвел его к большой желтой картине на лестничной площадке, изображающей Букингемский дворец.

— Это Зитт, как я вижу, — сказал Ник, увидев подпись в правом нижнем углу.

— Скорее подделка под него, — ответил Уани.

— Абсолютный кошмар, — сказал Ник.

— Правда? — ответил Уани. — Слушай, может, тебе удастся донести это до отца?

Они спустились в столовую: малыш Антуан бежал впереди, мотая головой и повторяя себе под нос: «Оба-са-лютный кошмар!» — ему очень нравилось, как это звучит. Уани поймал его сзади и по-родственному встряхнул.

Ника усадили между Моник и малышом Антуа-

ном, напротив дяди Эмиля. Поначалу Ник решил, что дядя Эмиль — классический «брат-неудачник», мешковатый и угрюмый: однако выяснилось, что он — зять Моник и, хотя уже несколько месяцев живет здесь, вообще-то проживает в Лионе, где у него какой-то бизнес, связанный с металлоломом. Выслушав эту историю, Ник заулыбался, словно ему рассказали остроумный анекдот: только легкая нахмуренность Уани заставила его заподозрить, что, возможно, после их совместного путешествия по дому он выглядит слишком уж веселым. Мрачного бесцветного похмелья как не бывало — на смену ему, словно по волшебству, пришло нечто противоположное. Вокруг и в голове все сияло и мерцало. Уани сидел бесстрастный, как сфинкс: Ник подивился его самоконтролю и подумал, стоило ли тогда вообще принимать наркотик. Его отец и мать изящно кушали полупрозрачные ломтики лимонов и дольки апельсинов. К цитрусовым в этом доме явно относились по-особому: в кабинете, на столике у стены, Ник уже заметил роскошную горку искусственных лимонов и апельсинов в каменной вазе. Между окон в столовой висел еще один Зитт, изображающий какой-то елизаветинский особняк.

— Вижу, вы восхищаетесь новым Зиттом моего мужа, — заметила Моник с усмешкой, словно у нее самой было об этой картине другое мнение.

— Э-э… да!

— Настоящий импрессионист, правда?

— М-м… да, иногда даже скорее экспрессионист, — ответил Ник.

— Необыкновенно современный, — сказала Моник.

— Смелый колорист, — ответил Ник. — Даже очень смелый…

— А скажите-ка нам, Ник, — заговорил Бертран, расправляя на коленях салфетку и подравнивая лежащие перед ним в ряд ножи, — как поживает наш друг Джеральд Федден?

«Наш» могло относиться равно и к ним двоим, и ко всему семейству, и просто обозначать, что Джеральд и Бертран — на одной стороне.

— О, у него все отлично, — отвечал Ник. — Он в прекрасной форме. Ужасно занят, как всегда…

Бертран не отрывал от него добродушного, но настойчивого взгляда, словно говоря: «Да ладно, мальчик, мне-то можешь говорить все, как есть!» Чувствовалось, что первые полчаса Бертран великодушно позволял гостям забыть о своей персоне, но теперь намерен восстановить свои права.

— Вы ведь у него живете?

— Да. Приехал погостить на несколько недель, а в результате живу у них уже почти три года!

Бертран кивнул и пожал плечами: видимо, для него это было вполне нормально. Возможно, примерно так прижился в доме дядя Эмиль.

— Я знаю, где это. Мы на следующей неделе туда приглашены. На концерт, кажется, или что там будет. С радостью, с радостью придем.

— Замечательно, — сказал Ник. — Я уверен, будет очень весело. Пианистка — настоящий талант, восходящая звезда, из Чехословакии.

Бертран нахмурился.

— Мне говорили, человек хороший.

— Ну, я не знаю… ах, вы имеете в виду, Джеральд — да, конечно!

— Быстро он идет в гору. Пожалуй, и года не пройдет, как поднимется на самый верх. Как вы полагаете?

— Я… честно говоря, не знаю, — промямлил Ник. — В политике я совсем не разбираюсь.

— Да-да, — добродушно пробасил Бертран, — вы же у нас этот… как его, черт… эстет…

Ника часто расспрашивали о положении и перспективах Джеральда, и, как правило, он старался сохранять лояльность. Но сейчас он сказал:

— Я знаю, что он страстно предан госпоже премьер-министру, но сомневаюсь, что эта страсть взаимна. Кажется, она играет в недотрогу.

Малыш Антуан навострил уши, сообразив, что слышит что-то такое, чего ему слушать не полагается, а Бертран нахмурился над своим ломтиком дыни. Нику подумалось, что в этом доме, должно быть, к сексу — даже в шутках — отношение очень серьезное. Первой заговорила Моник:

— Ах, ее все обожают. Она всех просто гипнотизирует своими голубыми глазами. — И ее собственные, карие, скользнули от мужа к сыну.

— Я бы сказал, это не столько любовь, сколько галантность, — заметил Ник.

— Точно, — проговорил Уани и усмехнулся.

— А вы, как я понимаю, с ней встречались, — уточнил Бертран.

— Пока не случалось, — скромно ответил Ник.

Бертран значительно сжал губы и секунду-две глядел куда-то в пространство, прежде чем сказать:

— Знаете, ведь мы с ней друзья.

— Да, Уани мне говорил, что вы с ней знакомы.

— Она, конечно, великая женщина. Но и с добрым сердцем. — Лицо у него при этом сделалось очень забавное: Нику представился людоед, хва-

лящий за добросердечие другого людоеда. — К нам она всегда была очень добра, правда, дорогая моя? И я, разумеется, намерен ответить тем же.

— А-а…

— Разумеется, на практике, финансовым путем. Когда мы в последний раз встречались, и… — тут он небрежно помахал рукой, показывая, что не собирается утомлять слушателей разными скучными подробностями, а сразу перейдет к главному, — так вот: я сделаю значительное пожертвование в партийные фонды, и еще… еще… кто знает, что еще! — Он отрезал себе и проглотил ломтик апельсина. — Я, друг мой, думаю так: если тебе делают одолжение — ответь тем же! — И решительно махнул вилкой.

— О, конечно, — ответил Ник. — Не сомневаюсь, так вы и поступаете. — Его не оставляло чувство, что Бертрану он не нравится.

— И никаких жалоб на леди вы в этом доме не услышите!

— И в моем тоже, уверяю вас!

Оглянувшись на покорные лица членов семьи, Ник подумал, что для Кенсингтон-Парк-Гарденс это не совсем верно: по крайней мере, двое там не разделяют всеобщей любви к госпоже премьер-министру. Кэтрин любит произносить страстные

монологи о бездомных, а Рэйчел все суше и язвительнее шутит на тему «другой женщины» в жизни мужа.

— Так, значит, наш друг Джеральд поднимается все выше и выше, — уже спокойнее произнес Бертран. — А чем он сейчас занимается?

— Он министр, — ответил Ник.

— Хорошо, хорошо. Чертовски быстро идет в гору.

— Да, он человек с амбициями. И… э-э… леди к нему благосклонна.

— Когда мы пойдем к нему, я непременно с ним поболтаю. Правда, мы уже как-то встречались, но вы нас познакомите заново.

— Буду счастлив, — ответил Ник.

Человек в черном пиджаке начал убирать тарелки, и в это время Ник ощутил, что наркотическая легкость и веселье стали как-то выцветать, из них уходит что-то главное, душевный подъем словно надламывается изнутри. Пройдет четыре-пять минут — и подъем сменится плоским, бесцветным упадком сил. Однако вскоре подали вино, и Ник понадеялся возместить спиртным то, чего не добрал кокаином. Он заметил, что сам Бертран пьет только воду «Мальверн».

Некоторое время Ник пробовал разговаривать

с дядей Эмилем о металлоломе (на французском времен Корнеля и Расина), но Бертран, немного послушав их с натянутой улыбкой, не перенес, что на него перестали обращать внимание, и вмешался:

— Ник, объясните мне только одно. Видит бог, я не знаю, что вас связывает с моим сыном. Не хочу лезть в ваши дела, не хочу задавать слишком много вопросов…

— А…

— Скажите мне только одно: деньги-то это дело принесет?

— Конечно, папа, — быстро ответил Уани.

Ник покраснел, с ужасом понимая, через какую пропасть только что перепрыгнул, и добавил:

— Я же эстет, помните? И в деньгах и тому подобном совершенно не разбираюсь. — И растянул губы в улыбку.

— Знаю, знаю, вы человек пишущий… — проговорил Бертран, и снова Нику показалось, что он старается его унизить.

Но Ник знал, что сценарист — важная персона на киностудии, и, хоть ему самому пока похвастаться было нечем, гордо ответил:

— Да, я пишу.

Слишком поздно он сообразил, что следова-

ло бы поимпровизировать, под держать Уани, облечь в плоть и кровь то, что его отец считал пустыми фантазиями.

— Ты знаешь, папа, я хочу издавать журнал, — сказал Уани.

— Да-да, — отдуваясь, проговорил Бертран. — Что ж, журнал — дело хорошее. Но пойми, сынок, красоваться на страницах какого-нибудь чертова журнальчика — одно, а вот самому этот чертов журнал издавать — совсем другое!

— У меня будет не такой журнал, — вежливо, но твердо ответил Уани.

— Хорошо, хорошо, но ведь он тогда не будет продаваться!

— Я собираюсь делать журнал об искусстве. Высококлассные фотографии, на лучшей бумаге, прекрасная печать. Всякие экзотические вещички, здания, индийские скульптуры, в таком роде… — Ник догадался, что Уани мучительно вспоминает разговоры с ним. — Миниатюры… Ну, и так далее.

Сам Ник, даже в похмелье, мог бы рассказать об этом в тысячу раз лучше — но было что-то трогательное в том, как неуклюже излагает Уани свою мечту.

— И кто же, по-твоему, будет все это покупать?

Уани пожал плечами и развел руки.

— Это будет очень красиво.

Ник почувствовал, что пора вмешаться.

— Люди будут покупать этот журнал по тем же причинам, по которым коллекционируют вещи, о которых он будет писать.

Бертран задумался, склонив голову набок, пытаясь понять, чепуха это или нет. Потом сказал:

— Высокое качество и все такое требует кучу денег. Журнал твой будет стоить десять, может, даже пятнадцать фунтов за номер. — И сердито отпил из бокала.

— Реклама у нас тоже будет высококлассная, — сказал Уани. — Ну, знаешь, Гуччи, Картье… «Мерседес». — Эти имена явно говорили его отцу — да и ему самому — больше, чем Ватто или Боромини. — Сейчас людям нужна роскошь. Вот на чем можно хорошо заработать.

— А название-то ты этому чертову журналу придумал?

— Да, мы его назовем «Линия S», как кинокомпанию, — как ни в чем не бывало ответил Уани.

Бертран поджал пухлые губы.

— Как-как? Не понял. Какая еще линия? Что это за название, которого понять нельзя?

— Мне показалось, что он сказал «Линия

секс», — вставила Мартина.

— Секс?! — взревел Бертран.

Идея названия принадлежала Нику, и он почувствовал, что должен объясниться.

— Линия S — это двойной изгиб, как, например, у луковичной главки или у песочных часов…

Он прочертил в воздухе линию, и Моник, покровительственно улыбаясь, повторила его жест.

— Сначала так, а потом вот так, — сказала она.

— Вот именно. Она впервые возникает на… ну, на Ближнем Востоке, а в английской архитектуре встречается начиная с четырнадцатого века. Это то, что Хогарт назвал «линией красоты». Хотя, правда, у него этот термин имеет двойной смысл, — продолжал он, все яснее чувствуя, что говорит совсем не то, что нужно, — у него имеется в виду одушевляющий принцип как таковой… — Тут он умолк и помахал рукой в воздухе, понимая, что на этом лучше остановиться.

Бертран отложил нож и вилку, значительно улыбнулся, подождал, пока все замолчат и повернутся к нему.

— Знаете ли… э-э… Ник, — неторопливо начал он, — я в эту страну приехал уже почти двадцать лет назад, в шестьдесят седьмом. Не лучшее было время для Ливана, да, черт побери, не лучшее

— вот я и решил попытать счастья в Лондоне. Смотрю я вокруг и вижу, что у вас тут полным ходом развиваются супермаркеты — ну, знаете, самообслуживание, то, се, для вас-то это дело привычное, вы, может быть, каждый день туда ходите, но тогда!..

Ник кивнул, пытаясь сообразить, окончен ли разговор о «Линии S».

— Нет, я понимаю, — холодно ответил он, — какая тогда произошла… революция.

Как все эгоцентрики, Бертран не мог даже предположить, что над ним иронизируют.

— Вот именно, черт побери! Именно революция! — Жестом он пригласил человека в черном пиджаке подлить гостям вина и с выработанной годами благосклонностью смотрел, как бургундское льется в резные бокалы. — Начал я, знаете ли, с фруктового магазинчика в Финчли. — Он махнул рукой, жестом показывая, что это было очень-очень давно, почти в иной жизни. — Купил его и стал там торговать цитрусовыми — наш продукт, кстати говоря, мы сами его выращивали, ни у кого покупать не приходилось. Ливан — идеальное место для фруктов. Был. За последние двадцать лет оттуда, конечно, все ушло. Фрукты, мозги, таланты… Теперь ни один человек с мозга-

ми и талантом не захочет жить в этом чертовом месте!

— Понимаю, гражданская война…

Ник пытался расспрашивать Уани о Ливане, но всякий раз, как заходил разговор на эту тему, тот становился молчалив и уклончив, и Ник бросил расспросы. И вот, пожалуйста! Теперь он чувствовал, что идет по минному полю.

— Знаете, наш дом разрушило бомбой, — сказала Моник так, словно не ждала, что ее кто-нибудь услышит.

— Какой ужас! — поспешил ответить Ник.

— Да, это было ужасно.

— Вот именно, — загремел с другого конца стола Бертран. — Как только что заметила мать Антуана, наш семейный особняк буквально сровняли с землей.

— Это был старый дом? — спросил у нее Ник.

— Да, довольно старый. Не такой, как этот, конечно… — И она вздрогнула, словно теперь ей приходилось жить в средневековом замке. — У нас остались фотографии, много…

— Я бы очень хотел посмотреть, — сказал Ник.

— Так вот, — продолжал Бертран, — в шестьдесят девятом году я открыл там, в Финчли, первый «Майра-март». Да, «Майра-март» в Финчли, он и

сейчас там стоит, можете сходить и убедиться. И знаете, в чем его секрет?

— М-м…

— Знаете, как обстояли дела в Лондоне двадцать лет назад? Я вам объясню. Были большие супермаркеты, и были маленькие магазинчики на углу, такие, что уже несколько сот лет стоят на одних и тех же местах и торгуют одним и тем же. И что же я делаю? Беру то и другое, складываю вместе — и получаю мини-маркет, магазин, в котором можно купить любую чертову хрень из тех, что продаются в «Теско» и прочих подобных местах, но дух — старый дух, дух магазинчика на углу, понимаете? — остался прежним. — Он поднял бокал, салютуя собственной изобретательности. — И знаете, что еще?

— Э-э…

— Часы работы!

— Часы работы?

— Мы открываемся рано, а закрываемся поздно. К нам можно забежать и по дороге на работу, и после работы, вот и получается, что ходят к нам все, а не одни только чертовы домохозяйки!

Интересно, подумал Ник, почему он со мной разговаривает как с идиотом? Думает, что я не пойму? Или это его обычный стиль изложения?

А вслух он сказал:

— Но ведь, кажется, не все ваши магазины такие? Например, тот, что в Ноттинг-Хилле, куда мы всегда ходим. Он такой огромный… — и слегка развел руками, демонстрируя свое удивление перед размерами магазина в Ноттинг-Хилл.

— Так вы говорите о «торговом зале»! Черт побери, это же совершенно разные вещи: «Майра-март» — одно дело, «Торговый зал Майра» — совсем другое. Торговые залы — это для шикарных, чертовски богатых районов. Это мы не сами придумали. Вы, наверное, знаете, откуда это пошло.

— От «Хэрродса», — сказал Ник.

Бертран сдвинул брови.

— Вот именно. От «Хэрродса» пошли все чертовы торговые залы в мире!

— А мне нравится «Хэрродс», — вдруг сказала Моник. — У них такие большие… homards…

— Лобстеры, — поправил Уани, даже не взглянув на нее, словно служил при своей матери переводчиком.

— Знаю, знаю, — проговорила Мартина, и в ее восклицании послышался слабый отзвук мятежа. Возможно, подумал Ник, обе женщины часто бывают в «Хэрродсе» — и всякий раз чувствуют

себя предательницами семейного дела.

Бертран, словно благожелательный учитель, дал им пять секунд, а затем продолжал:

— Так вот, Ник, сейчас у меня по всей стране тридцать восемь «Торговых залов Майра», один «Харрогит», только что открылся один «Олтрингем» и более восьмисот этих чертовых «Майрамартов». Отлично, что скажете? — заключил он, кажется, сам поражаясь собственному богатству и могуществу.

— Потрясающе, — серьезно и торжественно ответил Ник. — И как мило с вашей стороны, что вы потратили время, чтобы все это мне рассказать.

Ему вспомнилась ярко-оранжевая вывеска «Майры» в Ноттинг-Хилле, куда Джеральд порой заскакивал вечером за пирожными и швейцарским шоколадом, заранее скромно опуская глаза на случай, если его кто-нибудь узнает. А в Барвике был «Майра-март» — россыпь скудных товаров на покосившихся прилавках, неистребимый застоялый запах магазинчика с низким потолком, где все продается вместе, и над дверьми — апельсин в обрамлении двух зеленых листьев, эмблема фирмы. Ник перевел взгляд на Уани: тот едва ковырял еду (кокаин убивает аппетит), не поднимая взгляда от тарелки, и лицо его ровно

ничего не выражало. Можно было подумать, что он внимательно слушает отца; но Ник знал, Уани сейчас ускользнул в мир, который его отец и вообразить себе не может. Молчанием и покорностью в родительском доме он платил за свою свободу. Опустил глаза и дядя Эмиль, словно пораженный энергией и успехом родственника. Ник все лучше понимал здешних дам, которые ходят в «Хэрродс».

— И все это, — снова заговорил Бертран, — все это, сынок, когда-нибудь станет твоим.

— Ах, не говори так! — вскричала Моник.

— Знаю, знаю, — проворчал Бертран и усмехнулся. Нику его усмешка показалась почти страшной. — До этого еще далеко. А пока пусть возится с журналами и фильмами. Пусть учится делать бизнес.

— Спасибо, папа, — ответил Уани, однако улыбнулся матери, а на Ника бросил быстрый, но красноречивый взгляд.

От этого взгляда у Ника потеплело на сердце. Ник понял его: сам Уани здесь чувствует себя как дома, и необузданное хвастовство отца его не смущает, но, чтобы привести сюда друга, он должен быть уверен в друге, как в самом себе. Уани редко краснел и почти никогда не смущался — кроме

тех случаев, когда ему приходилось уступать место даме или признавать свое невежество в какой-либо области; но сейчас Ник чувствовал, что он смущен.

— Нет, нет! — продолжал Бертран, вздергивая подбородок, как будто услышал в свой адрес несправедливую критику. — Уани — сам себе хозяин. Его пока что не интересуют фрукты-овощи? Отлично. — Он широко развел руками. — Да что там, даже невеста, чертовски красивая девушка, его, кажется, не слишком интересует. Но мы подождем, подождем, пока придет время и все наладится, верно, Уани? — И рассмеялся, словно желая смягчить свою откровенность, но на самом деле лишь подчеркивая ее и заостряя.

— Сначала я хочу сколотить собственное состояние, — ответил Уани. — И я этого добьюсь, вот увидишь.

Бертран бросил на Ника заговорщический взгляд.

— А знаете ли вы, Ник, главный секрет бизнеса? Я вам объясню. Это очень просто, только мало кто догадывается. Если вы делаете деньги, то главное, что вам нужно помнить — это…

Но тут Ник осторожно положил салфетку, пробормотал:

— Прошу прощения… мне так неловко… — отодвинул кресло и бросился вон из столовой.

— Что такое? Ах, мочевой пузырь слабоват! — проговорил Бертран так, словно этого и ожидал. — Совсем как у моего сына!

Ник готов был согласиться с любым предположением, лишь бы ему дали отсюда смыться; и Уани, с нетерпением, почти со скукой на лице, тоже поднялся и сказал:

— Я покажу тебе, где у нас туалет.

9

День выдался утомительный. С утра приходил настройщик, а с двух до пяти репетировала пианистка — Нина Как-ее-там, как именовал ее Джеральд. Настройщик оказался настоящим садистом: хмурился и неодобрительно качал головой на глубокий колокольный призвук, придававший роялю Федденов особое очарование («Во всяком случае, Листу на нем играть нравилось», — заметила Рэйчел), и время от времени, оторвавшись от трудов, с видом недовольного пианиста перед концертом безжалостно выжимал из инструмента смачные аккорды и арпеджио — последнее, право, было еще хуже настройки. Сухонькая Нина тоже сводила Ника с ума: снова

и снова она проигрывала одни и те же фрагменты из Шопена и Шуберта, и всякий раз, стоило музыке зацепиться за сердце и найти в нем отклик, пианистка прерывалась и начинала тот же пассаж сначала. Темпераменту нее был завидный, а левая рука просто необыкновенная. Начало шопеновского Скерцо № 2 она играла так, как курьер заводит мотоцикл. Когда она закончила, Ник помог Елене принести из залы старинные позолоченные бальные кресла. Диван застелили новым покрывалом, на лестнице Елена расставила высокие вазы с цветами, и в доме воцарилась тревожная атмосфера готовности к важному событию. Была у Ника и собственная, личная задача — позвонить Ронни; время подходило к шести, и он поглядывал на часы с таким нетерпением и ужасом, словно сам должен был выступать перед гостями.

Первую телефонную будку он нашел на Ледброук-Гроув: но она стояла бок о бок с другой, и Нику подумалось, что мужчина в той, другой будке может услышать разговор. Тем более он, кажется, и звонить не собирается — просто стоит там, как будто его поджидает. И потом, эта будка слишком близко от дома. Он не имеет права бросать подозрение на Джеральда. Ник двинулся вниз по

холму и вышел на улицу, на его взгляд куда больше подходящую для незаконных операций. Здесь был телефон — один, на углу, и, когда Ник подходил к нему, из будки как раз вышел человек, с виду вполне похожий на наркомана. Ник вошел в будку, судорожно вдохнул затхлый воздух, достал бумажник и дрожащими пальцами начал рыться в нем в поисках клочка бумаги с телефоном, от души жалея, что не может сейчас ни нюхнуть порошка, ни хотя бы глотнуть джина с тоником. Ах, если бы звонил Уани — как всегда, из машины, с переносного телефона! Подарив Нику деньги, Уани завел привычку перекладывать на него дела, которые прежде спокойно делал сам. Уани говорил ему, что никогда в жизни не звонил с телефона-автомата, да и на автобусе никогда не ездил — должно быть, это ужасно, добавлял он. Он никогда не вдыхал этот кошмарный воздух, с запахом черной пластмассы, протухшей мочи, застарелого сигаретного дыма, эту сложную вонь, от которой внутренности…

— Але?

— Э-э… здравствуйте, это Ронни?

— Угу.

— О, привет! Это Ник, — начал Ник, решительно улыбаясь черному пятну на стене. Все это

очень напоминало звонок интересному парню, с которым познакомился где-нибудь на вечеринке — только, конечно, было куда опаснее. — Ты меня помнишь? Я друг… э-э… Энтони…

Наступило молчание. Ронни думал; Ник тяжело дышал в трубку.

— Не-а. Не знаю никакого Энтони. Может, Энди?

Ник деревянно хихикнул.

— Ну, тот парень из Ливана, на белом «Мерседесе»… он еще себя называет Уани…

— А, ну да, ну да! Ронни… — проговорил Ронни и засмеялся. Ник на мгновение задумался о том, как выглядит Уани в его глазах. — Тот, с переносным телефоном. А он из Ливана? Я и не знал.

— Уани? Да, он родился в Бейруте, но учиться приехал сюда и, собственно говоря, с десяти лет живет в Англии, — объяснил Ник, по своему обыкновению самое главное запихнув в середину предложения.

— Ну ладно… — помолчав, проговорил Ронни. — Так что, ты, наверно, со мной встретиться хочешь? Потолковать кое о чем?

В Ронни, говорил Уани, хорошо то, что на него можно положиться. Он работает с серьезными людьми, и товар у него всегда первоклассный.

Конечно, за грамм у него цена немаленькая, но за четверть унции он дает скидку. (Четверть унции составляет семь граммов — единственный метрический эквивалент, который Нику удалось запомнить.)

Недостатком Ронни была странная манера вечно тянуть и опаздывать, манера, за которой стояла не лень и безразличие, а скорее, напротив, постоянная настороженность. Он никогда никуда не спешил, никуда не приезжал вовремя, и память, особенно на имена, у него была совершенно дырявая. Ник его видел только один раз: они сели в красную «Тойоту» Ронни, отъехали за угол, и Ник своими глазами увидел, как наркотик переходит из рук в руки. Ронни был родом с Ямайки, в Лондоне обжился и стал настоящим кокни: он брился наголо, череп у него был вытянутый, а глаза скорбные. Он вечно жаловался на свою девушку — возможно, думалось Нику, чтобы дать понять, что он не того сорта человек. Но в голосе у него всегда звучало какое-то интимное придыхание, и потом, он давал Нику и Уани наслаждение — и потому в глазах Ника был окружен каким-то смутным соблазнительным ореолом.

Но сегодня все шло наперекосяк. Ронни велел перезвонить через десять минут: первый разго-

вор повторился почти дословно, и в заключение Ронни попросил Ника позвонить еще через десять минут, напомнить ему, что пора выходить. Между звонками Ник бродил по окрестным улицам, чувствуя, что выглядит матерым преступником: карман ему оттягивали туго свернутые триста пятьдесят фунтов. В районе вдруг обнаружилось необыкновенно много полицейских машин. На несколько минут завис над головой патрульный вертолет. Ник стискивал зубы и размышлял о том, как объяснит полиции наличие денег. Потом ему пришло в голову, что они не станут хватать его, пока нет доказательств — дождутся, пока он сядет к Ронни в машину, и тогда уж возьмут обоих. Интересно, сумеет Джеральд договориться, чтобы эта история не попала в газеты? Вряд ли. Скорее уж, в газеты попадет он сам. И это будет конец. Это ведь не просто «вульгарно и небезопасно» — если узнают, что у него в доме хранились наркотики, это точно будет стоить ему кресла. Хотелось бы знать, сколько могут за это дать? Лет десять, наверное? Первая судимость… Боже, что же будет делать в тюрьме молоденький хорошенький педик с оксфордским произношением? Да ему там просто не выжить. Ник ясно представил, как рыдает в тюремной уборной.

Но, может быть, поможет положительный отзыв от профессора Эттрика или даже от кого-нибудь из правительства — ведь Джеральд не бросит его в беде!.. Он уже стоял на указанном месте, в Чепстоу-Касл — пришел на одну-две минуты раньше. Остановился у дверей паба, облокотился о столик под окнами. Сам паб был уже закрыт, но сквозь щели в плотно занавешенных окнах сочился блеклый свет — там работали сверхурочно, может быть, готовили пиво на завтрашний день или ломали перегородки, превращая старинный, разделенный на клетушки бар в одно помещение, просторное и гостеприимное. Прошло двадцать минут. Что это вон тот человек на автобусной остановке так на него смотрит? Вот и автобус подъехал — а он не сел… Очень подозрительно. Ронни — человек безалаберный, совсем не бережет себя, телефон у него наверняка прослушивается. Может быть, это то, что в гангстерских фильмах называется «подстава», и все вокруг — и слепой, и разносчик пиццы, и дама с собачкой — на самом деле переодетые полицейские? Наконец подъехала красная «Тойота»: Ник с облегчением залез внутрь, и Ронни сорвался с места.

— Ну как житуха, Рик? — поинтересовался он.

Он не двигал головой, но скорбные глаза так и

шныряли то вправо, то влево, то к зеркалу заднего вида. Ник кашлянул, постарался улыбнуться.

— Спасибо, хорошо, — ответил он.

Ронни сидел, уйдя глубоко в кресло и вытянув ноги, словно автогонщик: длинные пальцы его вертели руль, держась не за колесо, а за перекрестье.

— Да? — сказал он. — Ну ладно. А как этот, Ронни?

Ник нервно рассмеялся.

— Все нормально, только очень занят.

Ронни жил в приблизительном мире, полном прозвищ и ослышек — и, наверное, это было и к лучшему. Тактично и безопасно. Вот он снова глянул в зеркало — и в ту же секунду левая рука его нырнула в карман пальто, а затем — к Нику, невидимо передав ему нечто маленькое, тугое, увесистое. Ник был к этому готов, однако замешкался, доставая из кармана деньги. Ронни тронул машину на желтый свет, и вдруг Ник сообразил, что не пристегнулся. Ронни тоже был не пристегнут — видимо, в его мире это не принято, и если Ник начнет пристегивать ремень сейчас, может этим его оскорбить. Путешествие было почти окончено, и опасность таяла с каждой минутой. И все же — что, если их остановят за отсутствие

ремней безопасности, начнут допрашивать, а потом обыщут… Он подтолкнул Ронни локтем; тот, не глядя, взял деньги и сунул их в карман.

Они остановились за церковью в начале Ледброук-Гроув, в кружевной тени деревьев.

— Большое спасибо, — сказал Ник. Ему хотелось распрощаться с Ронни как можно скорее, но в то же время не хотелось казаться невежливым.

Ронни задумчиво смотрел в окно.

— Какая старая церковь, Рик, — сказал он. — Она ведь старинная, правда?

— Э-э… да, викторианская… мне кажется, — добавил Ник, который это прекрасно знал.

— Да-а? — протянул Ронни, затем кивнул. — Ужас, сколько здесь всякой старины.

К чему это он? — подумал Ник.

— В этой части города постройки не очень старые, — проговорил он вслух, — самые старшие относятся, пожалуй, к восемьсот сороковым годам.

Мысленно он пытался припомнить все, что знал об этой церкви, странным готическим островком возвышающейся посреди аккуратных беленых домиков.

— Просто классно, что я сюда переехал, а? — проговорил Ронни. — Я тебе говорю, парень, это

просто офигительно!

— М-м… да, конечно, — пробормотал Ник, не вполне понимая, смеется ли Ронни над ним или приглашает разделить шутку. Его приятно возбуждала мысль, что Ронни теперь — его сосед. Было что-то сексуальное в его долговязой худобе и скорбных темных глазах…

— Говорю тебе, драпал от этой девки, как от чумы! — Ронни покачал головой и горько рассмеялся. — Вот у тебя, Рик, небось проблем с девчонками нет, а?

— А… а… нет, у меня нет, — ответил Ник. — И что же, вы так и не помирились?

— Я тебе говорю! — отвечал Ронни.

Ник этому не удивлялся: должно быть, девушке нелегко примириться с профессией Ронни. Самому ему сейчас хотелось перегнуться на сиденье, обнажить член Ронни (должно быть, красивый и длинный) и подарить ему утешение, которое ведомо лишь мужчинам — прямо здесь, в машине, под сенью кружевных ветвей. Но Ронни уже протягивал ему руку, прощаясь.

Ник вышел из машины и отправился домой — отсюда до дома Федденов было всего ярдов двести. На улице его снова охватила тревога: казалось, люди, спешащие домой с работы, косятся

на него насмешливо или неодобрительно, как будто знают, что за крохотный сверток, что за роковую ошибку, что за преступление сжимает он в кармане, готовый при малейшей опасности выбросить его в канализацию. Лишь взбежав на крыльцо и оглядевшись, он вздохнул с облегчением, и на смену страху пришло пьянящее возбуждение: его не поймали! Никто ничего не видел, никто ничего не знает — все совершенно безопасно. А впереди его ждет неисчерпаемое наслаждение. Он пробежал через холл, взбежал по лестнице, прыгая через две ступеньки. Из кабинета уже доносился гул голосов — прибыли первые гости. Все выше, выше, под знакомый скрип чердачных ступенек — в жаркую и душную комнату, где ждут его птичьи трели за окном и отражается в зеркале кровать. Он закрыл дверь, запер ее на задвижку, и пять счастливых минут менял рубашку, застегивал запонки, повязывал галстук и натягивал брюки от костюма — и вместе с тем высыпал, разровнял, втянул в себя, спрятал остаток в ящик письменного стола, развернул и убрал банкноту, протер стол пальцем, поднес палец к ноздрям и вдохнул все, что там оставалось. Потом надел пиджак, зашнуровал ботинки и двинулся вниз, готовый к светской

беседе с сэром Морисом Типпером.

Ник сидел в конце ряда, словно капельдинер. Пианистка Нина Глазерова, маленькая, с длинной рыжей косой, стояла и смотрела куда-то в пространство, не в комнату, полную людей, а на темное дубовое дерево порога — быть может, туда, где обитали Шопен, Бетховен и Шуберт, над которыми она должна сейчас свершить справедливый суд. Собственную историю, рассказываемую Джеральдом — отец-диссидент, тюрьма, бегство из страны, — она слушала бесстрастно, как нечто постороннее, к ней не относящееся; быть может, понимала, что в устах Джеральда «диссидент» — далеко не комплимент и что разговоры о творческой свободе и о призвании артиста большинство гостей воспринимает как изящную шутку. Они смеялись, эти неизвестные ей люди, которых ей следовало очаровать, — а она смотрела сквозь них спокойно и отрешенно. Начали хлопать; сам Ник ободрительно кивнул. Мгновение выждав, пианистка двинулась к инструменту. Толпа расступалась перед ней. Коротко, резко поклонившись, она села за рояль и сразу начала играть — с тех самых мощных, мотоциклетных вступительных аккордов Второго скерцо Шопена.

В комнате было человек пятьдесят — пестрое собрание родных, коллег и друзей. Нина Глазерова была пока что неизвестной величиной: Джеральд видел в ней фигуру не только артистическую, но и политическую, однако пока остерегался возлагать на нее особые надежды. Рядом с Ником сидел тонкогубый человек из правительства: он читал какие-то документы, и музыка застала его врасплох — он сжал губы еще плотнее и недовольно заерзал на стуле, шурша бумагами. Еще один или двое вежливо щелкнули замками портфелей и выпрямились на стульях. Музыка гремела и ревела, сотрясая рояль, мощным эхом отражаясь от стен, и на некоторых лицах Ник заметил намек на осуждение, словно в глубине души они полагали, что неприлично устраивать в помещении такой шум.

Нику был виден дальний край первого ряда: там сидела леди Партридж, рядом с ней — Бертран Уради и его жена, а дальше виднелся строгий профиль Уани. Кэтрин, сидевшая за ними, прильнула к своему приятелю Джасперу, а с другой стороны как бы невзначай притулился к нему Полли Томпкинс. Дальше сидела Морган, девушка из правительственного офиса, которую Полли, видимо из соображений приличия, привел с

собой. Чтобы взглянуть на саму Нину, Нику приходилось выворачивать голову и выглядывать из-за лысины Нормана Кента, который, по-видимому, к музыке относился не лучше, чем к тори, и потому беспрерывно ерзал на стуле. Он пришел в потрепанной джинсовой куртке — среди пиджаков и галстуков это смотрелось очень свежо. Пенни, сидящая рядом, то и дело прижималась к нему, то ли прося успокоиться, то ли в благодарность за то, что он согласился прийти. Интересно, подумал Ник, как ему нравится Нина; потом спросил себя, нравится ли Нина ему самому, и понял, что ответить пока не может — слишком оглушает и ошеломляет его музыка. Ясно, что выучка у нее великолепная — однако в игре было что-то бездушное, как у многих музыкантов из-за Железного Занавеса, безупречная техника которых сродни скорее гимнастике, чем искусству. Во второй части, печальной и вопрошающей, она не сбавила скорость, а эффекты так подчеркивала, что Ник задался вопросом, понимает ли она их смысл. Он заранее просмотрел ноты и кое-какую литературу, чтобы профессионально оценить игру Нины, и теперь ему вспомнилось описание этой части скерцо у Шумана: он говорил, что «оно полно нежности, отваги, презрения и любви».

Эти слова снова и снова звучали у него в голове, когда он смотрел на точеный профиль своего любовника.

Окончив Шопена, Нина поклонилась и вышла, чтобы вернуться через пару минут. Юная и надменная, она не придавала значения аплодисментам и, быть может, не знала, что с ними делать. Джеральд хлопал так, как делал все остальное — шумно, уверенно и плоско. Один или двое встали, человек из правительства перевернул страницу и снова углубился в чтение, а дама позади Ника сказала: «Нет, к ужасному сожалению, на эти выходные мы едем в Бэдминтон».

Далее последовала пара «Неоконченных» Шуберта, до-минор и бурное ми-бемоль-мажор, требующее безупречной точности в исполнении. Эту вещь Нина днем сыграла раз десять и совершенно вывела Ника из терпения: но теперь ее руки порхали над клавишами, как автоматы, выверенными до миллисекунды движениями извлекая из инструмента серебристый гармонический поток. Пожалуй, она играла эту вещь как упражнение — и все же чувствовалось, что ее головокружительные пассажи живут какой-то тайной, ускользающей от слуха жизнью. В некоторых местах Ника охватывало легкое голо-

вокружение. Однако срединную часть, си-минор, она начала чересчур отрывисто, и впечатление было испорчено.

Ник поймал себя на том, что смотрит на мать Джеральда и отца Уани. Забавная пара: Бертран в прекрасной тройке сидит очень прямо и совершенно неподвижно, из уважения к правилам, принятым в высшем свете — о его нетерпении сообщают лишь подергивающиеся усики и губы, которыми он беспрестанно шевелит, словно посылая кому-то воздушные поцелуи. А рядом с ним склонила голову леди Партридж, вся в румянах и густо-коричневой пудре, словно только что вернулась с какого-нибудь горнолыжного курорта. Музыка ее явно не интересует. Время от времени она бросает осторожные взгляды на своего соседа и его пестро разодетую жену. Видно, что ей неприятно сидеть рядом с каким-то арабом (леди Партридж произносит «а-раб»), и в то же время греет мысль, что она оказалась рядом с миллионером.

Решено было, что концерт пройдет без перерыва, так что после Шуберта Джеральд встал и объявил своим обычным веселым и дружески-покровительственным тоном, тоном «первого среди равных», что сейчас будет исполнен последний

номер программы — соната Бетховена «Прощание», а затем всех ждет выпивка и отличный лосось. Последняя фраза была встречена бурными аплодисментами. Снова появилась Нина, собранная и решительная, и Ник энергично ей захлопал. Когда она начала с первых трех нисходящих нот — «Le-be-vohl» — мурашки пробежали у него по позвоночнику. Человек из правительства поднял голову и покосился на него подозрительно. Но Ник уже забыл обо всем: звучало мощное аллегро, гудели стены, рояль содрогался на своих блокированных колесиках, Ник растворялся в музыке, плавал в ней, и тонул, и верил, что нет на свете жизни, кроме музыки — вот единственное, во что стоит верить. Не все, разумеется, разделяли его чувства: леди Кимболтон, неутомимая собирательница партийных средств, осторожно хмурясь, просматривала свою записную книжку и не сразу отложила ее и обратила на пианистку благодушный и покровительственный взор. С таким же непроницаемо-благодушным выражением лица могла бы она сидеть в церкви, на панихиде по какой-нибудь отдаленной и нелюбимой родственнице. Джеральд, сидевший на другом конце ряда, музыку любил: то и дело он кивал — не всегда в такт, словно вдруг озаренный

какой-то мыслью, — но Ник понимал, что, когда все кончится, он встанет и скажет: «Великолепно, великолепно!» или даже «Славно, славно!». Даже «Парсифаль» у него оказался «славным», хотя, казалось бы, ради Вагнера стоило расщедриться хотя бы на «великолепного». Другие слушали внимательно и с чувством: в конце концов, это же Бетховен, да к тому же музыка с сюжетом, она рассказывает об отъезде, расставании и новой встрече, и просто невозможно не уследить за этой историей или ею не растрогаться.

Лучше всего была разлука — и маленькая Нина (трудно было думать о ней, не называя ее мысленно «маленькой»), исполняя эту часть, как будто мгновенно выросла. Да, это было настоящее andante espressivo: пианистка не спешила, не комкала музыкальные фразы, не подавляла эмоции. Чувствовалось, что она добавляет к мудрости Бетховена что-то свое — и отупелая тоска бесконечной разлуки, и невыносимость одиночества, и кратковременные всплески отчаянной жажды под ее пальцами обретали плоть и кровь. Ник снова нашел взглядом Уани — тонкий профиль, черные кудри, огибающие изящное ухо — и спросил себя, тронут ли его возлюбленный музыкой, и если да, какие именно чувства она

в нем вызывает. Ухо Уани он видит, но что он слышит — Нику неведомо. У Уани напряженное внимание трудно отличить от блуждания мыслями в каких-то иных мирах. Ник сосредоточился на нем, и все вокруг расплылось и ушло — остался только Уани, и блестящий двойной изгиб крышки рояля, и, конечно, музыка. Она создавала и открывала иной мир, прекрасный и тревожный, похожий на сны, в которых ничего нельзя знать наверняка, а когда проснешься, почти ничего не остается в памяти. В самом ли деле он понимает Уани? Их связь была окружена такой тайной, что порой казалась вовсе несуществующей. Неужели и вправду никто ничего не замечает? — думал Ник. Неужели ни у кого не мелькают смутные догадки — мелькают и тут же отбрасываются, как совершенно невозможные? Ведь тайная связь всегда должна каким-то образом проявляться — теплотой голоса, нежностью взгляда, даже тем, как тайные любовники по-особому не замечают друг друга… Узнает ли мир об этом когда-нибудь или они оба унесут свой секрет с собой в могилу? С минуту он не мог шевельнуться, словно загипнотизированный образом Уани — но наконец, вздрогнув, сбросил с себя наваждение.

Со стороны Нормана Кента послышались

частые, неровные вздохи. Обернувшись, Ник увидел, что Норман плачет — не скрываясь, даже демонстративно, сняв очки и утирая слезы рукой. Ник восхитился им и тут же почувствовал легкий укол стыда: сам он часто плакал, слушая музыку, а вот сейчас не удосужился. Пенни положила руку на плечо отцу. Ник заметил, что она покраснела — впрочем, это часто с ней случалось.

Тем временем начался финал, Vivacissimamente — радостная встреча. Ник представил себе, как Нина — или, может быть, сам Бетховен — меряет шагами комнату со звучным деревянным полом в нетерпеливом ожидании воссоединения. Норман Кент что-то довольно проворчал, и Пенни, словно обрадованная тем, что история, рассказанная Ниной, хорошо кончается, все еще краснея, с улыбкой обернулась к Джеральду; тот встретил ее взгляд и, тоже слегка покраснев, наклонил голову. Эти двое, Джеральд и Норман, все эти годы прожили, в сущности, врагами; только упорство Рэйчел заставляло их из года в год встречаться, и кивать друг другу, и сохранять добродушную шутливость в перепалках. Пенни это, разумеется, неприятно; и сейчас, подумалось Нику, она молчаливо просит Джеральда примириться с ее отцом. За то время, что они работают вместе, она,

должно быть, завоевала его доверие и дружбу.

Соната закончилась, и в кабинете загремели звучные аплодисменты. Хлопали охотно и радостно, главным образом потому, что на этом концерт закончился. Дотерпев до конца, гости теперь видели свое испытание в розовом свете: все прошло очень прилично, все было сделано как полагается, а теперь пора и к столу. Норман Кент хлопал с энтузиазмом, подняв руки над головой. Кэтрин громко крикнула: «Браво!» Вслед за ней то же выкрикнул и Джаспер — и глупо ухмыльнулся, словно отмочил удачную шутку. Нина встала, секунду или две стояла неподвижно — а потом вдруг, не говоря ни слова, села и заиграла рахманиновскую прелюдию до-диез минор. Старшие хорошо помнили эту вещь, и, хотя не горели особым желанием ее слушать, знакомые сочетания звуков развлекли их и вызвали несколько рассеянных улыбок. После прелюдии раздались решительные аплодисменты, несколько человек уже заговорили и начали оглядываться в поисках столика с напитками — но Нина снова села за рояль и заиграла Токкату и фугу ре-минор Баха, в знаменитой транскрипции Бузони. Теперь леди Кимболтон посмотрела на часы открыто, поднеся циферблат к свету, словно слабовидящая,

и многие начали обмахиваться программками, причем у женщин позвякивали браслеты. Когда закончилась фуга, Джеральд поднялся с места и начал обычным дружелюбным тоном: «Э-э… гм…» — но Нину этим было не пронять, она заиграла «Танец с саблями» Хачатуряна. Нику все это казалось вполне естественным, он не отказался бы вызвать Нину на бис и в четвертый раз — но, когда Джеральд громко вздохнул, Ник угадал его мысли, подошел к Нине, шепотом поздравил ее, поблагодарил и попросил остановиться. Она застыла на табурете, невидящим взором глядя на череду клавиш — а за ее спиной уже стихали аплодисменты и начиналось обычное гудение голосов.

— Здравствуйте, Джуди!

— Дорогой мой!

И леди Партридж подставила ему розовую напудренную щеку. Ник ее поцеловал — он до сих пор не мог понять, рассматривала ли она поцелуи с его стороны как привилегию или как знак подчинения — и широко улыбнулся, на миг забыв о том, что она вовсе не наслаждалась музыкой, как он.

— Что-то ты выглядишь очень веселым, — заметила леди Партридж.

Ник покосился на себя в зеркало. В самом деле: глаза у него блестели, в них отражался его счастливый секрет.

— Ну… думаю, это оттого, что концерт прошел успешно.

— Правда? — спросила леди Партридж, а затем, явно из чистой любезности, добавила: — Мне понравилась последняя вещь. Кажется, я где-то уже ее слышала.

— А, Хачатурян!

— Что-то в ней есть от свинга, — сухо проговорила леди.

— Хм… а вы, пожалуй, правы. — Ник рассмеялся негромким счастливым смехом, и леди, подумав, торжествующе улыбнулась, словно неожиданно для себя оказалась умнее, чем думала.

Подошла официантка и вручила им обоим по новому бокалу шампанского.

— Столько необыкновенных людей… — проговорила леди Партридж, обводя взглядом толпу.

Как правило, она обожала приемы у Джеральда и держалась с его коллегами особенно любезно. После бесконечных разговоров о нарядах и магазинах ей нравилось для разнообразия окунуться в политику, послушать, как видные деятели репетируют речи, которые им придется произ-

носить по телевизору. На репетициях, как часто случается, они звучали еще убедительнее, чем на представлениях, и благодаря им леди Партридж усвоила себе несокрушимые мнения по всем социальным вопросам — и как сократить число рабочих мест, и что делать с иммигрантами, и как вернуть нации «душевное здоровье», и почему необходимо передать общественные службы в частные руки.

— Да… вон, смотрите, лорд Тофт, шоссейный магнат.

— Ну, как раз в Берни Тофте я ничего особенного не вижу, — сказала леди Партридж. Ник с запозданием вспомнил, что ее покойный муж, сэр Джек, тоже строил шоссе. — Одного не понимаю: зачем Джеральд пригласил этого ужасного художника?

— Вы о Нормане? По-моему, он очень милый.

— Он же красный! — с отвращением сказала леди Партридж.

И оба обернулись в сторону Нормана Кента. Он стоял у рояля, символически опираясь на него, как будто позировал на фоне портрета Тоби собственного изготовления. Большинство гостей огибали его, по-деловому улыбаясь и всем своим видом показывая, что ищут кого-то другого. Раз-

говаривали с ним только Кэтрин и Джаспер. Ник услышал, как Норман, повысив голос, убежденно говорит:

— Разумеется, дорогая моя девочка, тебе надо писать, писать и писать! — и увидел, как он дружески хлопает Кэтрин по плечу.

— Ты случайно не знаешь, что это за молодой человек рядом с моей внучкой? — поинтересовалась леди Партридж.

— Это Джаспер, ее новый приятель.

— А… — Леди Партридж понимающе кивнула, потом заметила: — Ну что ж, этот, кажется, получше предыдущего.

— Да, он симпатичный…

— По крайней мере, на босяка не похож.

— Он агент по продаже недвижимости, — сообщил Ник. У него самого Джаспер вызывал только одно желание: связать его и уложить на постель лицом вниз. На часок-другой.

— В самом деле, очень красивый молодой человек, — плотоядно улыбаясь, проговорила леди Партридж. — И, значит, он продает дома?

Подошла Труди Титчфилд, заранее состроив унылую гримасу на случай, если ее не узнают.

— Отличный вечер, — сказала она. — И какой у вас чудесный зал — в таком только и проводить

приемы! А вот у нас только садик за домом. Конечно, комнаты тоже есть, но такие простенькие — с вашими не сравнить.

— Да, — сказала леди Партридж.

Труди понизила голос:

— А я правильно понимаю, что скоро состоится особенный праздник? Ну, серебряная свадьба, понимаете? Я слышала, будет леди!

— Нет, не думаю. Королевы, скорее всего, не будет, — ответила леди Партридж.

— Нет-нет, не королева — госпожа премьер-министр! — заговорщическим шепотом повторила Труди. — Королевы не будет, да, я понимаю…

— Пока что мы ничего точно не знаем, — величественно объявила леди Партридж.

Мимо прошел Сэм Зиман и радостно сказал Нику:

— Привет, дорогой, как поживаешь? — но не остановился. Ник понимал, что тот совместный обед и осмотр тренажерного зала исчерпал возможности их дружбы и вряд ли они снова смогут сблизиться.

В толпе, сгрудившейся вокруг шведского стола, он заметил и маленькую Нину. Гости были с ней любезны: каждый считал своим долгом сказать: «Отлично, отлично!» — и поинтересоваться, где

же это, ради всего святого, она выучилась так играть. По-английски Нина говорила по-школьному, самыми простыми фразами и словами — и гости начинали отвечать ей так же, только громче, словно глухой: «Отец в тюрьме? Очень жаль!» Прямо перед Ником леди Кимболтон здоровалась с Типперами. Имя леди Кимболтон было Долли, и при приветствиях ее знакомые очень старались избегать слова «хелло».

— Добрый вечер, Долли, — сказал сэр Морис Тип-пер, отвесив короткий, почти карикатурный поклон.

— Здравствуйте, — сказала Салли Типпер. — Прекрасный концерт, правда?

— Что вы, просто потрясающий, — отвечала леди Кимболтон. — А вы видели сегодняшнюю «Телеграф»?

— Разумеется, — ответил сэр Морис. — Мои поздравления.

— Мне нравятся домашние концерты, — заметила Салли. — Совсем как во времена самих Бетховена и Шуберта.

— Да, да… — отвечала леди Кимболтон, вглядываясь куда-то поверх ее плеча. Кажется, ей хотелось понять, что стоит на столе.

— Мы с Морисом в последнее время постоян-

но бываем на домашних концертах. По-моему, прекрасно, что эта мода возрождается, — сказала Салли, известная как дама артистическая.

— В самом деле, сейчас просто все подряд устраивают концерты, — с жаром подтвердила леди Кимболтон. — Я в этом году побывала уже на втором!

— Я слышала, Лайонел Кесслер — вы его, конечно, знаете? — когда устраивал у себя в Хоксвуде прием для Жискара д'Эстена, пригласил «Квартет Медичи».

— Возможно, он и подал идею Джеральду, — вставил Ник, ловко вклиниваясь между ними.

— О, здравствуйте…

— Здравствуйте, Долли, — ответил Ник.

Он мог бы занимательно и с юмором рассказать о том, как Джеральд увлекся идеей домашнего концерта, как мечтал при этом перещеголять старика Денниса Беквита, который на свой восемьдесят пятый день рождения нанял Кири те Канауа с репертуаром из Моцарта и Штрауса — однако вместо этого сказал только:

— Вы же знаете Джеральда, он не любит отставать от других.

— А кто из нас любит? — торжествующе вопросила Долли Кимболтон и приняла от официанта

тарелку с лососем.

— Прекрасно, прекрасно… — послышался голос Джеральда; он протискивался к ним.

— Как мило с вашей стороны представить нам молодую артистку! — заметила Салли Типпер.

— Вот эта последняя вещь мне очень понравилась, — пропыхтел сэр Морис.

Джеральд огляделся в поисках Нины.

— Не сомневаюсь, она прославится…

К столу подкатилась та дама, что на выходные ездит в Бэдминтон.

— Вы правы, вы совершенно правы! — с жаром проговорила она. — А я слышала, что Майкл приглашает к себе на вечер весь Королевский филармонический оркестр!

— Майкл? — переспросил Джеральд.

— Ну… как его… Хезелтайн? Да, да… Но целый симфонический оркестр — вы представляете, сколько это стоит? Целое состояние! Впрочем, у Хезелтайнов был хороший год, — добавила она, словно защищаясь.

— Год у нас у всех был недурной, — пробормотал Джеральд.

Бертрана Уради Ник старался избегать, однако столкнулся с ним у стола, куда подошел с тарелкой.

— А, мой друг эстет! — громогласно воскликнул Бертран.

В этот момент он напомнил Нику иностранного официанта или таксиста. Но вслух Ник сказал с восторгом в голосе:

— Боже мой! Как вы поживаете?

Бертран не ответил — возможно, вопрос показался ему чересчур личным или чересчур тривиальным. Он окидывал зал, где официанты уже расставляли по углам и накрывали маленькие столики, гордым и подозрительным взглядом, прикидывая, куда сесть — повсюду эти английские снобы!

— Чертовски жарко сегодня, а? — обратился он к Нику. — Пойдемте сядем куда-нибудь, поговорим.

И с этими словами, снова как официант, повел его — не на балкон, где было просторно и прохладно, а к фасадному, выходящему на улицу, окну. Здесь они и сели, соприкасаясь коленями, полускрытые шторами, придававшими всему происходящему оттенок тревожной интимности.

— Чертовская жара, — повторил Бертран. — Хорошо, что, по крайней мере, в салоне у моего зверюги стоит этот чертов кондиционер.

Он кивнул в сторону окна, где, выглянув, Ник увидел огромный темно-бордовый «Роллсройс».

— А-а! — сказал Ник, не в силах поддерживать такое беспардонное хвастовство.

Номера машины он не видел, но сильно подозревал, что начинается он на БУ. Ник невольно усмехнулся — и тут же сверхъестественным усилием воли преобразовал усмешку в омерзительную улыбку восхищения. Ему вспомнилось, что у Кэтрин в детстве была фобия темно-бордового цвета. Еще она боялась долгого «о-о» и уверяла, что этот цвет и этот звук — одно и то же. Кажется, Ник понимал, что она имела в виду.

Бертран задал ему несколько вопросов о концерте. Ответы выслушивал серьезно и внимательно, словно на профессиональном совещании.

— Техника удивительная… — повторил он серьезно. — И ведь так молода… — и отправил в рот еще ломтик лосося.

Ник не совсем понимал, как отвечать: быть эстетом — то есть самим собой — и раскрывать перед Бертраном душу ему не хотелось. Кокаиновый кайф начал рассеиваться, и Ник поймал себя на том, что отвечает Бертрану нехотя и ворчливо. Он и сам еще не понял, хорошо играет Нина или нет. Наконец решил притвориться Долли Ким-

болтон и сказал:

— Бетховен — это потрясающе!

Но эту фразу Бертран, кажется, счел бесполезной. Сощурил глаза и ответил:

— Чертовски хорошо она сыграла вот эту, последнюю вещь.

Ник оглянулся, ища глазами Уани. Тот сидел за столом рядом с матерью и какой-то дамой средних лет, рассеянно глядя на нее сквозь длинные ресницы. Дама жеманно улыбалась под его взглядом: Нику не раз случалось видеть, как Уани пробует на женщинах этот фокус. С самого приезда Уради они с Уани не обменялись ни словом — и сейчас он взглянул на Ника, слегка кивнул и отвернулся, словно говоря: «Сам видишь, обязанности, толпа…» Если его и смутило, что его отец и любовник беседуют наедине, он ничем этого не выказал.

— С кем это там флиртует мой сын? — поинтересовался Бертран.

Ник рассмеялся и ответил:

— Не знаю. Должно быть, какая-нибудь министерская жена.

— Черт возьми, он у меня только и делает, что заигрывает с женщинами! — проворчал Бертран и, пародируя Уани, помахал ресницами.

Нику вдруг представилось, как он каждое утро подбривает сверху и снизу свои тоненькие усики. В гардеробной, похожей на отдел мужской одежды в универмаге. Холодок утренней стали, подумал он.

— Вы же знаете, флиртовать он может с кем угодно, но никогда всерьез не посмотрит ни на одну другую женщину, — ответил он вслух, сам поражаясь собственному бесстыдству.

— Знаю, знаю, — проворчал Бертран, словно раздраженный, но и подбодренный тем, что его приняли всерьез. — А как у вас дела в офисе?

— О… отлично.

— А эти педики у вас там все еще работают?

— М-м…

— Право, не могу понять, какого дьявола Уани набрал целый офис этих чертовых педиков!

— Думаю, они просто хороши в своем деле, — ответил Ник. Он был в таком ужасе, что голос его звучал почти виновато. — Саймон Джонс — прекрасный художник, а Ховард Вассерстайн — замечательный сценарист.

— Ну и когда же, черт возьми, вы начнете снимать фильм?

— М-м… об этом лучше спросите у Уани.

Бертран отправил в рот картофелину и сказал:

— Уже спрашивал. Но он же мне никогда ничего не рассказывает! — Он промокнул губы салфеткой. — А о чем он будет, этот чертов фильм?

— Ну, мы хотели бы экранизировать «Трофеи Пойнтона»…

— В кино главное — побольше девок и стрельбы, — сказал Бертран.

Ник кое-как улыбнулся, с ужасом понимая, что как раз этих двух элементов в романе явно недостает. Вслух он сказал:

— Уани надеется, что нам удастся пригласить на главную роль Джеймса Сталларда.

— Еще один хорошенький мальчик? — подозрительно поинтересовался Бертран.

— Да, его многие считают красавцем. Он — восходящая звезда.

— Я о нем что-то читал…

— Он недавно женился на Софи Типпер, — подсказал Ник. — На дочери сэра Мориса Типпера. Это было в газетах. Вы, может быть, знаете, она прежде встречалась с Тоби, сыном Джеральда и Рэйчел. — Он спешил вывалить все эти гетеросексуальные романы, словно отвлекающую завесу.

Бертран улыбнулся так, словно его уже ничто не способно удивить.

— Да, я слышал, что он упустил крупную рыбу.

Ник почему-то покраснел и перевел разговор на журнал. О журнале он говорил с энтузиазмом новичка-продавца, еще не успевшего узнать истинную цену своему товару; упомянул, в частности, что они с Уани хотят отправиться в путешествие на поиск подходящих тем — это было почти признание. На секунду он вообразил, как сообщает Бертрану правду во всей ее прекрасной наготе, как рассказывает — между прочим, словно о многообещающем бизнес-проекте — о бритоголовом парне-проститутке, которого они с Уани на прошлой неделе сняли на двоих. Но в следующий миг внутреннее сияние померкло, сменившись грустью и особым серым беспокойством, в котором Ник винил присутствие Бертрана. Так же было и на Лаундс-сквер: и получаса не прошло, как уверенность в себе канула в лету, сменившись удвоенными сомнениями. Из удачной шутки разговор с Бертраном обернулся наказанием. Рядом с этим человеком, полной своей противоположностью, Ник чувствовал себя беспомощным и бессильным.

А потом произошло нечто ужасное. К ним подошла официантка, разносившая вино: она была негритянкой, и Ник заметил на лицах гостей, к которым она подходила с подносом, то чересчур

широкие улыбки, то мимолетные, тщательно скрываемые гримасы отвращения. Бертран протянул бокал, и девушка наполнила его шабли — он смотрел, как струя льется в бокал, а когда она уже с вопросительной улыбкой повернулась к Нику, Бертран сказал:

— Ты, кретинка чертова, думаешь, я стану это пить? Принеси минеральной воды.

Девушка вздрогнула, словно получила пощечину, и напряженным голосом произнесла извинение.

— О, разумеется, у нас есть вода, у нас масса воды! — торопливо воскликнул Ник, надеясь сгладить неприятную сцену.

Бертран молча, с каменным лицом протянул бокал. Ник судорожно улыбался, глазами умоляя ее — не сердиться, а его — успокоиться.

— Ничего не умеешь, дуреха. Унеси, — сказал Бертран и перевел взгляд на Ника — так, словно готов был выместить свой гнев и на нем.

Девушка молча отошла, а Бертран посмотрел в пол, затем на Ника — и грустно улыбнулся, словно выражал сожаление, что вынужден был подвергнуть его такому испытанию.

Ник понимал, что должен встать и уйти. Однако в руках у него была тарелка с недоеденным

лососем, и с этим малодушным извинением он остался на месте. Если он уйдет, не доев, получится еще одна сцена. Другие гости, наверное, тоже слышали. Наполовину отгороженные от залы шторами, они сидели в оконной нише, как два заговорщика. Бертран заговорил о недвижимости, и Ник понял, что он, кажется, собирается переезжать в этот район. Вот и к этой комнате он приглядывался, словно примерял, каково ему будет жить в таком доме.

— Да, здесь очень мило, — грустно сказал Ник и выглянул из окна на знакомую улицу, на кошмарный бордовый автомобиль Бертрана, на смутно угадывающуюся за чужими окнами вечернюю жизнь.

Крупный красивый блондин вышел из дома напротив, отстегнул от крыльца огромный черный мотоцикл, вскочил в седло и с ревом умчался прочь: мотор затихал вдалеке, словно аккорды из первой части Второго скерцо Шопена.

— А-а, вы здесь! — проговорил, появляясь в нише, Джеральд — лучший на свете официант-любитель. — Надеюсь, у вас тут все в порядке? — В одной руке он держал бутылку воды, в другой — только открытый «Тейттингер», словно взвешивал их на невидимых весах.

— О, все замечательно! — ответил, словно ничего не заметив, Бертран, и лишь затем сделал широкий галльский жест удивления: — Как мило с вашей стороны, что вы решили сами принести нам напитки!

— Молодые и неопытные вечно все делают не так, — заметил Джеральд.

Ник сказал:

— Джеральд, вы, наверное, уже знакомы… Мистер Уради.

— Верно, мы еще не встречались, — проговорил Джеральд, отвешивая поклон и заговорщически улыбаясь, — но я чрезвычайно рад, что вы здесь.

— Замечательный концерт, просто замечательный! — сказал Бертран. — Техника у пианистки удивительная. И ведь она еще так молода…

— Да, удивительно, — ответил Джеральд. — И вы слышали ее первым!

В нишу вкатилась, словно на скрипучих колесиках, Долли Кимболтон, и Бертран встал, передав свою тарелку с вилкой и ножом Нику.

— Добрый вечер! — сказал он.

— Вы уже знакомы с леди Кимболтон? Мистер Бертрам Уради, один из усерднейших наших сторонников.

Они пожали друг другу руки, и Бертран сказал

по-детски самодовольно:

— Да, я сделал крупный вклад в партийную кассу. Очень, очень немалый вклад.

— Как чудесно! — проговорила Долли и послала ему очаровательную улыбку, в которой за политической ревностью почти скрылось предубеждение против торговцев с Ближнего Востока.

— Думаю, нам стоит кое-что обсудить, — проговорил Джеральд, поднимая бутылку шампанского.

Это предложение явно не включало в себя Ника — и он удалился, унося вместе со своим недоеденный ужин Бертрана.

Он закрыл дверь, запер ее и потянулся к Уани; тот похлопал его по плечу, поцеловал в нос и отвернулся.

— Где порошок? — спросил он.

Ник двинулся к столу. Вопрос о кокаине напомнил ему обо всех переживаниях сегодняшнего вечера; однако он терпел, помня, что скоро получит свою порцию счастья. Сверток с коксом лежал в нижнем ящике стола, в металлической шкатулке.

— Здесь его легко найти, — заметил Уани.

— Милый, никто и не подозревает, что мне

есть что прятать! — Он передал сверток Уани и улыбнулся укоризненно. — Совсем как наша с тобой тайная связь.

Уани отодвинул стул и сел за стол: по лицу как будто пробегали облачка и тени — предчувствия скорого наслаждения. Взгляд его упал на стопку библиотечных книг на столе: он выбрал «Генри Джеймс и проблема романа» Милдред Р. Пуллман, привлекшую его толщиной и суперобложкой с широкими клапанами. Никогда прежде Уани не был у Ника, но Ник понимал, что для него эта комната не обладает той магией, какую таила спальня Уани на Лаундс-сквер для него самого. Уани вообще о таких вещах не думает. И на то, что Ник сам встречался с Ронни, и на все пережитые им муки ему наплевать. Ник сказал, чтобы ему напомнить:

— Кстати, мы с Ронни очень мило поболтали. Он, кажется, собрался сюда переезжать.

Уани молчал, сосредоточенно высыпая на титульный лист книги дорожку кокаина.

— Он очень милый, правда? — продолжал Ник. — Но мне с ним пришлось намучиться — звонил три раза… А потом он, разумеется, опоздал на полчаса!

— Он тебе нравится, потому что черномазый, —

сказал Уани. — Скажи честно, ты его хочешь?

— Да нет, не особенно, — ответил Ник почти искренне; он сам понимал, что его влечение к Ронни было лишь плодом первого криминального опыта, странной смеси напряжения и облегчения. И, чтобы расставить все точки над i, добавил: — Мне не нравится, когда ты так говоришь. Хотелось бы думать, что ты все-таки не такой, как твой отец!

Уани ненадолго задумался.

— А о чем папа с тобой говорил? — поинтересовался он.

Ник вздохнул и прошелся по комнате, поймав взглядом собственное отражение в зеркале. Как часто он представлял, что Уани приходит сюда — тайком, как вор, или открыто, как друг и любовник!

— Тоже сказал, что хочет переехать в этот район, — ответил он. — Надо бы свести его с Джаспером.

— Этот Джаспер — аппетитная штучка, — каким-то странным голосом проговорил Уани.

— Да? Знаешь, все то же самое говорят, — ответил Ник.

— Ха-ха. — Уани склонил голову, оценивая свою работу. — А что он еще сказал?

— Твой старик? Да опять меня допрашивал о

тебе и о нашем фильме. Он, разумеется, не представляет, что происходит, но, кажется, понял, что ключ к разгадке — у меня. Я, как мог, постарался его убедить, что никакой загадки нет и не было.

— Может быть, загадка для него — ты, — предположил Уани. — Он никак не может понять, что ты за человек.

Может, и так, подумал Ник, и его охватила досада. Он хотел открыться, хотел всему миру рассказать о Уани и о себе; кровь вдруг бросилась ему в горло, и, стоя у Уани за спиной, он сжал его плечи. Весь вечер Ник мечтал к нему прикоснуться, и теперь прикосновение вышло судорожным, почти жестоким. Уани сосредоточенно выравнивал своей золотой карточкой дорожку на лице Генри Джеймса — не прославленного Мастера с лысиной, а Генри Джеймса двадцатилетнего, красивого, быстроглазого, с забавным хохолком на темноволосой голове.

— Мне все это надоело, — приглушенно сказал Ник, сжимая плечи Уани. — Я так больше не могу. Хватит скрываться! Давай расскажем. Мне нужно хоть кому-нибудь рассказать!

— Скажешь одному — узнают все, — возразил Уани. — Это все равно что напечатать в «Телеграф».

— Да, я знаю, ты человек известный, но…

— Тебе не кажется, что, если о нас узнают, нас перестанут приглашать на такие вот вечеринки?

— Хм… а почему, собственно?

— Думаешь, Долли Кимболтон будет с тобой любезничать, если узнает, что ты «девочка»?

— Она знает… что за ерунду ты городишь!

— Думаешь, это ерунда?

— В любом случае любезничание, как ты выражаешься, с Долли Кимболтон не составляет смысла моей жизни. Я никогда не прикидывался натуралом — этим, мой милый, занимаешься только ты. Но на дворе восемьдесят шестой год. Многое изменилось.

— Да. На дворе восемьдесят шестой, и педики мрут от СПИДа. Как ты думаешь, отца и мать Антуана это не обеспокоит?

— Но не в этом же дело, правда?

Уани покачал головой.

— Отчасти и в этом, — ответил он. — Ты же знаешь, мне нужно быть очень осторожным. Знаешь, в каком я положении… Вот! — Он поднял руки, словно что-то удерживая на весу. — Вот тебе линия красоты!

И взглянул в зеркало, сперва на Ника, потом на себя.

— По-моему, нам и так неплохо, — заключил он, и в голосе его вдруг послышалась просьба, тронувшая Ника. И все же это был не тот ответ, о котором он мечтал.

Что-то странное происходит, когда люди смотрятся в зеркало вдвоем. Как всегда, ты задаешь зеркалу некий вопрос, и оно отвечает — но на сей раз отвечает не только тебе и за тебя: в темном пространстве стекла комната кажется глубже, воздух — насыщенным иронией и сентиментальными ассоциациями. По крайней мере, так казалось Нику. И сейчас зеркальный проем почудился ему дверью в прошлое, в тот оксфордский день, когда в аудиторию впервые вошел новый студент, поступивший посреди семестра — иностранец по имени Антуан Уради; и преподаватель дал ему перевод из короля Альфреда, и Уради перевел очень недурно. Поначалу Ник, тосковавший от одиночества среди безалаберных и грубых мальчишек-школяров, мечтал подружиться с этим новым одиночкой — но почти сразу понял, что это невозможно. С Уани нельзя дружить — им можно только восхищаться издали, как принцем, любуясь его прекрасным профилем и чуть выступающим под ширинкой пенисом. Ник, безнадежный одиночка, вечно

прячущийся за книгами и кружками пива, эстет и поэт, «тот самый парень, что любит Брукнера» и страшится самого себя, все четыре оксфордских года говорил Уани лишь «Привет» и «Пока». И сейчас, словно в те первые дни, его охватил страх, что его возлюбленный вдруг растворится и исчезнет в зеркальной полумгле.

— Ты когда-нибудь спал с Мартиной? — спросил он. Этот вопрос болью отозвался в сердце, и лицо Ника затвердело от ревности.

Уани оглянулся в поисках бумажника.

— Что за странный вопрос!

— Ты и сам странный человек, милый.

Но сам Ник с ужасом почувствовал, что слишком отрывист и груб — и, протянув руку, запустил пальцы в густые кудри Уани.

— Ладно, нюхни и заткнись, — проговорил Уани, погладив его между ног.

Неуклюже, словно дети на детской площадке, они обошли стул и подошли к столу. Ник не возражал: он вдохнул дорожку и отступил. За ним к кокаину пристроился Уани: заново свернул банкноту, наклонил голову и хотел было вдохнуть, как вдруг оба они услышали скрип ступенек, близко, совсем близко, уже на подходе к третьему этажу — и едва различимый голос. Уани, резко

развернувшись, уставился на замок на двери; Ник, с отчаянно бьющимся сердцем, торопливо припоминал, что да, в самом деле, запер дверь и два раза повернул ключ. Уани втянул кокс одной ноздрей, сунул банкноту и сверток в карман, захлопнул книгу — все это в одну-две секунды.

— Что мы делаем? — шепотом спросил он.

Ник затряс головой.

— Что мы делаем? Мы… обсуждаем сценарий…

Уани громко вздохнул, словно говоря: «И ты думаешь, кто-нибудь этому поверит?» Ник никогда еще не видел его в таком ужасе — и подозревал, что Уани ему этого не простит. Страшили его, кажется, не столько наркотики, сколько предосудительный тет-а-тет. Кроме того, он сообразил (как теперь сообразил и Ник), что запертая дверь сама по себе выглядит очень подозрительно.

— Да нет, детка, всего десять минут, — произнес за дверью тот же голос.

Ник улыбнулся и прикрыл глаза — он узнал тягучий голос Джаспера. Знакомо скрипнула половица перед дверью ванной, хлопнула дверь в комнате Кэтрин, и послышался щелчок замка. Ник и Уани медленно кивнули друг другу: лица их расплылись одинаковыми улыбками облегчения, иронии и предвкушения.

И Уани, и Нику первая порция кокаина давала эротический импульс. В первый раз понюхав порошка вместе, они в первый раз и поцеловались. И с тех пор каждый такой поцелуй воскрешал ту давнюю сцену — все становилось как в первый раз. Губы у Уани были кислые от вина: томно прикрыв глаза, он вовсю работал языком. Как обычно, Нику казалось, что возможно все, что мир лежит перед ним, как перед завоевателем, выставив напоказ все свои слабости, и только и ждет, чтобы Ник пришел и подчинил его себе, и в глазах мира отражается его собственное обаяние. Две или три минуты — тайная трещина в безупречно-гладком течении вечера — они целовались, стоя посреди комнаты, в вечерних костюмах: Уани — в легком итальянском «сером», который на самом деле был черным, Ник — в безупречной тройке в полоску, подарке Уани, в котором его было не отличить от высокооплачиваемого молодого служащего — банковского оператора, дилера или даже торговца недвижимостью…

В старых домах слышимость играет странные шутки: звуки из других комнат, доходящие до тебя по вентиляционным ходам и каминным трубам, порой не слышны совсем, а порой раздаются с удивительной отчетливостью. Бывает, глухой,

почти неощутимый, но четкий ритм доносится сверху, или снизу — или вот, как сейчас, из соседней спальни. Поглаживая сквозь расстегнутую ширинку пенис Уани, целуя его в шею и чувствуя, как она покрывается нежными мурашками, Ник смущенно улыбался: подобный ритмичный шум он слышал в первый раз, его это поразило, почти шокировало — тем более, что все произошло так скоро, так недвусмысленно! Никакой прелюдии — неужели Кэтрин так нравится? Может быть, Джаспер с ней груб? Ведь Кэтрин — девушка особенная, она требует особой заботы! Уани крепче сжал его плечи, надавил, заставляя его опуститься — и Ник упал на одно колено, без улыбки глядя ему в лицо, а затем опустился на оба колена и взял в рот его член, небольшой, но крепкий, ладный и удивительно красивый: когда он стоял, было в нем что-то трогательно мальчишеское.

Ник ласкал его легко и уверенно, собственный его член стоял жесткой диагональю, а из соседней комнаты все доносился уверенный, размеренный, сводящий с ума скрип. Ника он возбуждал почти до оргазма, но в то же время отвлекал, как голоса на лестнице, и тормозил финал. Что это так скрипит — кровать? Или, может, они занимаются любовью на полу? Ник вообразил себе два

сплетенных тела: Кэтрин — смутно, с опаской, и куда более живо — Джаспера.

Уани гладил, ласкал и сжимал голову Ника, тянул за волосы.

— Они там трахаются… — проговорил он. — А мы здесь…

Ник поднял голову — и увидел, что он улыбается, словно в эротическом трансе, невидящим взором глядя на их отражение в зеркале; ясно было, что возбуждает его не только и не столько зеркало, сколько то, что происходило за зеркалом, и за стеной, и за пространством коридора, и за второй дверью. Быть может, он воображал себя где-нибудь в мотеле, рядом с незнакомцами. «Они там трахаются… а мы здесь…» — эти слова музыкой звучали в голове Ника, мысленно он повторял их снова и снова, и движения его убыстрялись в такт с ритмом, доносящимся из соседней спальни. Собственные фантазии его смутили: Джаспер — пусть, о Джаспере ему уже случалось фантазировать, но Кэтрин… Кэтрин ему как сестра, она сейчас сидит на литии, и потом… она ведь женщина. Теперь он слышал и ее голос — негромкие, отрывистые полувскрики-полувсхлипы… и тяжелое дыхание Уани. В самый миг любви возлюбленный ускользал от него! Ну погоди же,

я тебе отплачу! — с усмешкой подумал Ник — и представил, что дарует Ронни то утешение, в котором отказала ему подруга. Это потребовало напрячь фантазию — воображенный Ником Ронни был больше раза в два. Но, когда Уани кончил, и Ник откинулся назад, зажмурившись, иллюзия почти стала реальностью — на миг ему показалось, что рядом с ним наркодилер с Ямайки.

Чуть позже они спустились в кабинет. Вечер был уже на исходе: Джеральд открывал последние бутылки шампанского и сам разносил их гостям. Были здесь и Тиммсы, и Барри Грум — после кокаина и секса они казались Нику еще более чужими, чем обычно. Рядом с ними, как с равными, сидел Полли Томпкинс, и в самой позе его чувствовалось отчаянное стремление забраться повыше. Удивительно: он кивал благосклонно и снисходительно, совсем как Джеральд, и воротничок у него был как у Джеральда. Подражая Джеральду, Полли становился почти соблазнителен. Должно быть, подумал Ник, все симпатичное, что в нем есть, у кого-то украдено.

Морган, девушка, которую привел с собой Полли, приблизилась к группе Джеральда, когда там обсуждался последний скандал: Оксфорд отказался дать госпоже премьер-министру почетную

степень. Джон Тиммс, свято веривший в ритуалы, полагал, что это возмутительно; но Барри Грум, которому на Оксфорд и всех его обитателей было наплевать, громко и отчетливо произнес: «Ну что тут сказать? Дол…бы!» Морган покраснела, а затем старательно засмеялась. Она, бедняжка, была новенькой в этом мире и еще не разобралась, что здесь считается смешным, а что нет.

— Они, похоже, считают, что ученых женщин не бывает! — проговорил Джеральд, и все захохотали, а Морган изумленно и сконфуженно вглядывалась в их смеющиеся лица.

На балконе чувствовался теплый июльский вечер, сады утопали в зелени. Удивительно, сколько зелени в летнем Лондоне. В нежном сумеречном воздухе она как будто светилась изнутри, озаряя мягким сиянием деревья, и траву, и пару, расположившуюся на траве. Солнце уже зашло: допевали свои песни и замолкали последние птицы, сумрачная темная синева поднималась вверх по небу на востоке, и зелень покорялась ей, претворяясь в тысячу оттенков серого и черного, а пара на траве все блекла и меркла, пока не растаяла тенью среди теней.

— Эй, привет!

— О, привет, Джаспер!

— Как жизнь, приятель? — и чувствительный дружеский тычок под ребра.

— Отлично. А у тебя как?

— Ну, неплохо. Устаю, правда…

— М-м… Ты где сейчас был?

Джаспер был, по-видимому, не моложе Ника, однако выглядел вчерашним школьником: быстрый в движениях и неторопливый в повадках, с открытой и теплой улыбкой. Он только что занимался сексом с Кэтрин, думал Ник, у нее на кровати или, может быть, даже на полу — странным образом казалось, что от этого Джаспер становится равен ему, старому и близкому другу Кэтрин, получает одинаковые с ним права. Джаспер, разумеется, не мог знать, что наверху их подслушивали, но усмехнулся так, словно намекал на что-то непристойное, и облокотился на балюстраду рядом с Ником. Судя по всему, он был сильно под хмельком.

— С Кэтрин все в порядке?

— Ага… Она устала и вырубилась. Такие вечеринки не для нее.

— У вас с ней все хорошо? — осторожно поинтересовался Ник.

— Ну да! — моментально нахмурившись, протянул Джаспер. — Она отличная девчонка, точно!

Ник покачал головой, подумал и наконец проговорил так мягко и осторожно, как только мог:

— Джаспер, ты понимаешь, что о ней нужно… заботиться?

— Дядюшка Ник дает советы, — насмешливо отмахнулся Джаспер.

— Я хочу сказать, сейчас с ней вроде бы все нормально, но, если она снова перестанет принимать лекарства, это будет катастрофа.

Джаспер помолчал и сказал уже совсем другим, куда более «взрослым» голосом:

— Я думаю, она сама с этим разберется.

Он провел рукой по перилам, затем сунул ее в карман, оставив снаружи большой палец: Нику подумалось, что это — профессиональные жесты торговца недвижимостью, призванные что-то внушить клиенту.

— Знаешь, Ник, — сказал он, — она только о тебе и говорит.

С балкона появился Полли Томпкинс и, приметив Ника рядом с красивым Джаспером, скорчил ревнивую гримасу. Ник представил их друг другу слегка ироничным тоном, как бы предупреждая, чтобы оба не строили особых иллюзий.

— Ты, кажется, нас избегаешь, — добавил он.

Джаспер спокойно и прямо смотрел на Полли,

должно быть стараясь определить, кто этот толстяк в огромном двубортном пиджаке, которому с равным успехом может быть двадцать пять и пятьдесят — нормальный парень или еще один участник гейского заговора.

— Ты так порхаешь по дому, что за тобой не угонишься, — ответил Полли. Он откровенно изучающе таращился на Джаспера, раздумывая, сможет ли найти ему применение.

— Наверстываю упущенное за студенческие годы, — улыбнулся Ник.

Полли тоже улыбнулся и вытащил пачку сигарет.

— Ты, кажется, очень сблизился с нашим другом мистером Уради. О чем ты с ним разговариваешь, хотел бы я знать?

— Ну, знаешь… о кино… о Бетховене… о Генри Джеймсе.

— М-м… — Полли задумчиво смотрел на пачку, не открывая ее. — Нам, должно быть, скоро придется называть его лордом Уради.

Ник, стараясь сохранять на лице бесстрастие, пытался понять, зачем Полли понадобилось его дразнить.

— Я бы не удивился, — ответил он. — В наше время прежние социальные условности потеря-

ли смысл. Теперь человек может достичь всего, чего захочет.

— Что ж, Бертран этого заслуживает больше, чем многие другие, — проговорил Полли и, так и не закурив, сунул сигареты обратно в карман.

— Но он ведь не англичанин? — возразил Ник, желая напомнить, что именно Полли в свое время именовал его «ливанским бакалейщиком».

— Думаю, это проблема решаемая, — с быстрой улыбочкой превосходства ответил Полли. — Ладно, нам пора. Я, собственно, хотел попрощаться. Морган завтра рано вставать, она летит в Эдинбург.

— Что ж, дорогой мой, — ответил Ник, — тебя в последнее время совсем не видно, но я продолжаю занимать для тебя местечко в «Шефтсбери». — Сентиментальный жест дружбы, которой между ними, собственно, никогда не было.

И тут Полли сделал нечто необычное — хотя, казалось бы, и пустяковое.

— Имей в виду, Ник, — сказал он, — с тем, что ты сейчас сказал — насчет получения титула — я категорически не согласен.

Он не подмигивал, не хмурился, не гримасничал, но круглое жирное лицо его на миг затвердело в отрицании и угрозе.

Он повернулся и пошел прочь — и Джаспер, словно завороженный его загадочным безобразным обаянием, сухо кивнул Нику и двинулся вслед за ним.

10

Черная лестница в доме у Гестов совсем рядом с парадной, отделена всего одной стеной — но какая между ними разница! На черной лестнице ступени узкие, крутые, без перил, на каждой — вытертая ногами за десятки лет серая выемка, из единственного окна наверху сочится на это убожество тусклый дневной свет; парадная — настоящее чудо, сад сходящихся и расходящихся кронштейнов, по стенам — портреты епископов, тяжелые медные шишечки налитых перилах вздрагивают, когда проходишь мимо. Такая лестница может вести только к утонченным наслаждениям; по такой лестнице нужно подниматься на высоких красных каблуках, чуть подрагивая завитым париком. Однако на каждой площадке имеется дверь, соединяющая это великолепие с предательским мраком черной лестницы; достаточно ее открыть — и нырнешь, как Белый Кролик, в иное, беспросветно мрачное измерение… На дворе стоял ясный летний день,

звонили колокола, горожане уже потихоньку подтягивались к парку, где сегодня открывалась ежегодная барвикская ярмарка; и Ник, проснувшись от света, бьющего в окно, повернулся на непривычно узкой кровати, протер глаза и с умиротворенной улыбкой вспомнил, что он дома.

Лежа на спине и щуря глаза на льющиеся сквозь занавеску солнечные лучи, он невольно предался старой домашней привычке. Уани, конечно… да, Уани… в машине… на этот раз — с Рики, бурно, яростно… прежде постель в отцовском доме была для него святилищем Тоби, но теперь эти фантазии почти померкли, возвращаясь лишь в минуты эротической ностальгии… и все же, может быть… Тоби три года назад… в Хоксвуде… наутро после… смятая простыня вокруг бедер, бледное с похмелья лицо… «Черт, ну и ночка!» — и вдруг стрелой в ванную… простыня спала, и в первый и последний раз Ник увидел его обнаженным… крепкая, тугая, девственная задница… только представить, что могло бы, если… если… и Уани… в ту ночь… на лестнице… в зеленом смокинге… если бы тогда… о боже, Уани у себя, распятый на королевской кровати… Уани! Уани! Уани!

Из сада доносились голоса — мать и с ней,

должно быть, миссис Крили. Говорят о машине, элегантной маленькой «Мазде» Ника — «недурной экипаж», назвал ее отец, пряча за шуткой очевидную обеспокоенность тем, как сыну досталась такая красавица. Номер «НГ 2485»: миссис Крили в восторге, но миссис Гест отвечает ей без особого энтузиазма. («Должно быть, ты очень хорошо зарабатываешь, милый», — проговорила она таким тоном, каким обычно говорит: «Что-то ты не очень хорошо выглядишь, милый».) Самозабвенно воркуют за окном голуби; в их перекличке слышится тревога и, быть может, упрек. Женщины идут по дорожке прочь, и птичье пение заглушает их голоса: кажется, речь идет о ценах на землю, но слова далеки и неразборчивы, они звучат, как музыка, в такт развевающему занавески легкому ветерку. Можно поваляться в постели — совсем как, бывало, в свободные от школы выходные, а затем — в редкие приезды домой из Оксфорда. Отец, должно быть, уже отправился в магазин. Миссис Крили зашла навестить маму и застала ее в саду: на маме рабочие брюки и старая блузка, какую не жалко. Сегодня приезжает Джеральд, и мама приводит в порядок весь дом, сверху донизу… Откуда-то издалека донесся неторопливый ритм лошадиных копыт,

абстрактный и успокаивающий, словно стук ракеток по теннисному мячу дома… в другом доме Ника. Странно, думал он, но, кажется, так и есть — все четыре копыта у лошади стучат по-разному, и бег ее звучит странным синкопированным ритмом. Стук затих вдали — лишь одно, самое громкое копыто еще некоторое время доносилось до Ника.

Жили Гесты на самом краю города, в любовно выбранном местечке на Вишневой улице, среди аккуратных послевоенных домиков, окруженных цветущими садами. За домами расстилалось поле: оттуда порой забредали в сады лошади, топтали и объедали клумбы. Несколько месяцев назад случилось страшное: дом по соседству купил Сидни Хейес и объявил, что собирается построить в поле пять домов и отдавать их внаем. Соседи решительно возражали, и Нику было поручено поговорить об этом с депутатом от Барвика, что он с некоторым смущением и исполнил. Джеральд поначалу заинтересовался, но, выяснив, что Хейес не нарушает никаких законов, к этому делу остыл: в конце концов, сказал он, сейчас строительный бум, не Хейес — так кто-нибудь другой, и Линнелс, коттедж Гестов, рано или поздно неизбежно упадет в цене. С тех пор Дон

и Дот Гест жили как бы в какой-то смутной тревожной тени. Жизнь их была комфортабельна, как никогда, бизнес Дона процветал, и все же не оставляло беспокойство, в любой момент готовое материализоваться в кирпиче и черепице.

Дом с розоватыми стенами и стальными оконными рамами был Нику родным, но едва ли любимым — для этого ему не хватало поэтичности. Для Линнелса было верно то, что Джеральд говорил о Хоксвуде — собственно «дом» здесь составляла обстановка: безумные нагромождения антикварной мебели, толпы хрупких фарфоровых фигурок из Стаффордшира и Челси, трое настенных часов, наперебой тикающих в гостиной, где сиживали по вечерам супруги, кажется сами смущенные и подавленные своими сокровищами. Обстановка менялась часто и непредсказуемо: то Дон привозил из магазина какую-нибудь понравившуюся вещицу, то что-то из дома отправлялось к покупателю. Рынок диктовал свою волю, и порой из дома исчезал какой-нибудь шкаф или старинные часы, которые Ник уже привык считать своим наследством. Многие годы он спал на прекрасной ореховой кровати — на ней грезил, на ней подолгу валялся воскресными утрами, на ней переживал пробуждение эротических фантазий.

Но однажды, под Рождество — сразу после того, как он «открылся», — приехав домой, Ник узнал, что кровать продана, продана буквально из-под него, и заменена чем-то современным, узким, жестким и невообразимо скрипучим. В прошлом году, с началом бума, Дон принялся обиняками выспрашивать сына о «лондонских ценах», которые в семье всегда были синонимом грабежа средь бела дня. Но лондонские цены росли, и магазин Геста по сравнению с ними оставался недорогим — ради разницы стоило потратить день на поездку в Барвик. Вчера, сильно и неприятно поразив родителей собственной машиной, Ник и сам получил сюрприз — в доме недоставало бюро. «Ни за что не догадаешься, сколько я за него выручил!» — проговорил отец с неловкой гордостью, за которой угадывалась непривычка к наживе.

Ник вышел на крыльцо и как бы между прочим взглянул на свою машину. Он радовался ей, как ребенок радуется подарку: она скрашивала серость и пустоту самых тусклых дней, ради нее стоило даже часами задыхаться в лондонских пробках. Сказать по совести, она поразила не только родителей — ее контуры, цвет, вычурная номерная табличка поражали и его самого, ибо

выбраны были не им. Ник был благодарен Уани за то, что тот снял с него ношу выбора, сделал то, на что он сам никогда бы не решился — как будто преподнес Нику в подарочной упаковке низменную часть его натуры. И Ник удивительно быстро с нею сжился и сейчас находил, что она не так уж и низменна и, в сущности, вовсе не дурна. Отправляясь домой, он радовался, как ребенок, и чистосердечно надеялся, что родители порадуются вместе с ним. Но вышло иначе. Натянуто улыбаясь, Ник объяснил, что машина куплена на его имя кинокомпанией, это как-то связано с уходом от налогов, ерунда какая-то, он все равно в этом не разбирается. Поскорее уйдя от этой темы, показал, как поднимается и опускается крыша, открыл капот, чтобы папа полюбовался на свечи, цилиндры и все прочее. Отец кивнул и что-то промычал: его в жизни интересовали часы, а не моторы. Ник не понимал, почему родители не восхищаются машиной с ним вместе, но, подумав немного, осознал: в глубине души он с самого начала знал, что так будет — лишь обманывал себя ложными надеждами. Припомнился случай из детства, когда он стащил десять шиллингов, чтобы купить фарфоровую курочку в подарок маме. Кражу заметили, началось выяснение. Ник

так яростно, с такими горькими рыданиями отрицал свою вину, что в конце концов и сам почти себе поверил, так что теперь, много лет спустя, не был уверен, в самом ли деле украл деньги. Этот случай — наивное желание порадовать маму, обернувшееся кошмаром и долгим стыдом — и сейчас занозой сидел у него в памяти. То же вышло и с машиной: откуда она взялась, родители не знали, но чувствовали — сын скрывает от них что-то важное. Выражаясь словами Рэйчел, «Мазда» была определенно вульгарна и, возможно, небезопасна; а Дона и Дот ее сверкающий алый корпус наводил на нелегкие мысли о том, что за человек стал их сын.

Джеральд приехал в Барвик с несколькими целями: во-первых, открыть в два часа ежегодную летнюю ярмарку, во-вторых, отметить ужином в «Короне» уход на пенсию своего представителя, а между первым и вторым заехать на рюмочку вина в дом на Вишневой улице. Был последний уикенд перед отъездом во Францию, и обычная неприязнь Джеральда к Барвику смягчалась возможностью произнести по меньшей мере две речи. Рэйчел осталась дома: с Джеральдом поехала Пенни, в задачу которой входило вовремя подсовывать ему бумажные клочки с именами и

фамилиями — во избежание неприятных инцидентов, какие уже случались прежде.

Летняя ярмарка, на которой Ник не бывал со школьных лет, проводилась в парке Эбботс-Филд, почти в центре города. По обычным субботним дням парк мог похвастаться лишь двумя скромными аттракционами — развалинами августинианского аббатства и мужским туалетом с исписанными и изрисованными вдоль и поперек стенами, куда мальчишку-Ника влекло еще сильнее, чем на романтические развалины монашеской обители. Сам он никогда ничего не писал на стенах и, разумеется, не пытался заигрывать с парнями в туалете — но всякий раз, проходя мимо с матерью и слыша изнутри шум спускаемой воды, напрягался, ощущая какое-то смутное родство с незнакомцем в кабинке. Но сегодня весь парк был уставлен разноцветными ларьками и палатками, на центральной аллее красовался кегельбан под соломенным навесом, и со скрипом крутилась под вязами старенькая карусель. Ник бродил по ярмарке, чувствуя себя невидимкой — и в то же время особенным, отделенным от всех. Время от времени останавливался поговорить с друзьями родителей: они встречали его радостно, но в долгие разговоры не

вступали, и Ник спрашивал себя, что они о нем знают — или о чем догадываются. Их энергичное дружелюбие, с нотками замаскированного сочувствия, адресовалось, в сущности, не ему, а родителям. Интересно, подумалось ему, что родители о нем говорят? Не так-то просто для мамы хвастаться сыном. Художественный консультант в несуществующем журнале — должность странная и сомнительная; конечно, это не совсем «Мой сын — гомосексуалист», но что-то вроде. За обычной вежливостью чуялось фальшивое уважение и напряженное нежелание вступать в откровенный разговор. В парке он встретил и мистера Левертона, своего учителя по английской литературе, который рассказывал ему о «Повороте винта», а потом послал его в Оксфорд, и они поговорили о диссертации Ника. Ник теперь называл его Стенли, немного при этом конфузясь. За темными очками мистера Левертона он угадал сдержанное любопытство, но не спешил его удовлетворять. К прежнему восторженному тону их литературных бесед теперь прибавились новые нотки, натянутые и тревожные.

— Право, Ник, возвращайся! — говорил мистер Левертон. — Ну, хотя бы почаще приезжай в гости. Прочтешь у нас в школе лекцию по Джеймсу.

У меня в этом году отличный класс!

Поздоровался Ник и с мисс Эйвисон, которая давным-давно учила его бальным танцам: мама уверяла, что за это он вечно будет ей благодарен. Мисс Эйвисон помнила всех своих учеников и, кажется, не замечала, что они выросли и переменились с тех пор, как лет двадцать назад танцевали у нее на уроках вальс и тустеп. Рядом с ней Ник на мгновение снова почувствовал себя маленьким мальчиком, нежным, воспитанным и послушным.

Скрипела и визжала карусель. Ник стоял в дальнем конце поля, пристроившись позади компании местных парней, и делал вид, что восхищается примитивной керамикой местного изготовления. С невысокой платформы произносила речь госпожа мэр: Ник видел ее ярко-синее платье с белым поясом, в стиле премьер-министра. Речь была на редкость скучная, но публика внимала благосклонно, ожидая, что из уважения к приезжему депутату леди мэр закруглится быстрее обычного. Сам Джеральд стоял рядом; поза и улыбка его излучали благодушное нетерпение. Под конец леди мэр допустила оплошность: сказала, что, мол, знаменитостей, как в прошлом году, у нас не будет — но зато мы пригласили

человека, который сумел явиться вовремя, «не то что эти прошлогодние телезвезды!». Тут Джеральд подскочил к ней и выхватил микрофон, словно руль у пьяного водителя.

Раздались и тут же растаяли в летнем воздухе неопределенные аплодисменты; пара выкриков и свистков напомнила Джеральду, что, хоть за него и голосовало большинство, далеко не все в городе разделяют его взгляды на продажу загородной недвижимости и повышение налогов.

— Лучше бы пригласили Дерека Ниммо, — проговорила какая-то женщина рядом с Ником.

Ник понимал ее чувства и не возражал, однако испытывал тайную гордость при мысли, что знаком с Джеральдом. Во время речи он глазел по сторонам, пару раз задерживался взглядом на крепкой круглой заднице сына Картеров, почтительно улыбался шуткам Джеральда, однако в глубине души чувствовал себя униженным и жалким. Можно ли ожидать, что Джеральд, любимец госпожи премьер-министра, Джеральд, который вот-вот войдет в Кабинет, Джеральд, срывающий аплодисменты в Палате общин, станет выкладываться перед визжащими детишками и глухими пенсионерами? Кэтрин говорит, что Джеральд своих избирателей презирает. «Единственное,

что омрачает его жизнь, — говорит она, — необходимость защищать интересы избирателей. Ты же знаешь, он терпеть не может Барвик». Ник тогда рассмеялся, но сам задумался: интересно, а его маму и папу Джеральд тоже «терпеть не может»?

— В этот классический английский день, — говорил Джеральд, — передо мной разворачивается классическая английская сцена…

Нет, сказал себе Ник, Кэтрин ошибается. Конечно, за этой улыбчивой маской скрывается что-то другое, и, произнося все эти банальности, Джеральд, конечно, все-таки вкладывает в них какой-то смысл, одушевляет их какими-то чувствами — пусть лишь на миг, захваченный волной самозабвенного и самодовольного красноречия. Он рассказал анекдот про француза-велосипедиста — публика приняла анекдот на ура, и именно здесь, поймав нужный момент, Джеральд в самых простодушных выражениях заверил слушателей, что он — вовсе не богатый лондонский бизнесмен, невесть зачем притащившийся в какую-то провинциальную дыру, вовсе нет, скорее уж он — дух Барвика, местный Пиквик, для которого этот город — его второй дом: вот почему он с особенным удовольствием

открывает городскую ярмарку. Тут он решительно перерезал ленточку, которая ровно ничего не отгораживала, и щелчок его ножниц, многократно усиленный микрофоном, пронесся над затихшей толпой.

Затем Джеральд пустился в квази-королевскую экскурсию по ярмарке; рядом в роли принца-консорта семенила леди мэр. Ник хотел остаться и посмотреть, кто зайдет в мужской туалет, но притяжение лондонских гостей оказалось сильнее, и он подошел к Пенни.

— Мне понравилось, — сказал он.

— Да, Джеральд отлично выступил, — ответила Пенни. — А вот госпожа мэр себя показала не с лучшей стороны.

Госпожа мэр стояла у палатки с вареньями и соленьями, неодобрительно косясь на цены — явно подозревала, что продавец взвинтил их ради лондонского гостя. Джеральд, в жизни не знавший цен ни на что, кроме стрижки и шампанского, купил за пятерку две банки домашнего джема и попозировал с ними для местной газеты. «Подержите вот так, сэр!» — и Джеральд, всегда приободряющийся от присутствия фотографов, замер в картинной позе с банками в руках. Подошла Пенни, молчаливая фея, и забрала банки;

передавая их, Джеральд пробормотал: «Je dois me séparer de cette femme commune»[7].

Дойдя до лотереи, он купил десять билетов и встал рядом в ожидании розыгрыша. Разыгрывались бутылки всевозможных сортов, от соуса карри до «Джонни Уокера». Оделся Джеральд совсем не по-деревенски: в синей рубашке с белым воротником и красным галстуком и строгом костюме в полоску он смотрелся среди джинсов и клетчатых рубах так, словно прибыл прямиком из Вестминстера. Рядом стояла женщина, Джеральд кивнул ей и с улыбкой спросил:

— Нравится ярмарка?

— Да уж, пожаловаться не на что, — отвечала она. — Хотелось бы мне выиграть бутылочку шерри-бренди!

— Отлично, отлично, отличный выбор. Что ж, удачи. А я вряд ли что-нибудь выиграю.

— Прошу сюда, мистер Федден, сэр! — подозвал его лотерейщик.

— Добрый день! Рад вас видеть, — проговорил Джеральд в предположении, что уже мог с ним встречаться.

— Что хотите выиграть? Бутылку карри?

---

[7] Примечания: 7
Мне надо отделаться от этой общественной работницы (фр.).

— Никогда не знаешь, что тебе выпадет, — усмехнулся Джеральд, глядя на вертящийся восьмигранный барабан. — Призы для всех — никто не уходит обиженным!

— Это мы уже слышали, — язвительно проговорил человек в темных очках; для Джеральда он, по-видимому, подпадал под разряд «умников-социалистов», из тех, что на встречах с избирателями атаковали его неудобоваримыми вопросами с кучей статистических данных.

— И вас тоже очень рад видеть, — проговорил Джеральд, поворачиваясь к барабану.

Социалист ядовито хмыкнул.

Женщина, что мечтала выиграть шерри-бренди, получила бутылку джина из «Майра-март», при этом так порозовев и захихикав, словно уже ее выпила и отмочила что-нибудь неприличное на глазах у публики. Следующими ушли лимонад и «Гиннесс». Джеральду досталась бутылка «Ламбруско».

— О, великолепно… — проговорил он и игриво рассмеялся.

— Вы, кажется, от рюмочки вина не отказываетесь, сэр, — проговорил, подавая ему бутылку, лотерейщик.

— Это уж точно! — ответил Джеральд.

— Не оставляйте себе, — прошептала у него за спиной верная Пенни.

— М-м?..

— Нельзя оставлять себе приз. Выглядит некрасиво…

— В самом деле, чертовски скверно смотрится… — пробормотал Джеральд и задумался, взвешивая бутылку в руке. — Вот что: мне не хотелось бы уводить победу из-под носа у своих избирателей! — Послышались робкие одобрительные возгласы. — Барбара, могу я вам предложить…

Леди мэр испытала, кажется, три оскорбления разом: Джеральд презрел и ее положение, и тонкий вкус, и то, что она была (как известно всему городу) строжайшей трезвенницей. Кроме того, Ника не оставляло подозрение, что зовут ее не Барбара. Разве она не Бренда Нельсон? Некоторое время Джеральд держал бутылку в руках, словно сомелье, затем она перекочевала на соседний столик.

— Пусть кто-нибудь порадуется, — великодушно предложил он.

Однако им явно овладевало чувство, что он обязан что-нибудь выиграть. Беспокойно оглядываясь вокруг, словно что-то ища, Джеральд протискивался сквозь гуляющую толпу. За ним,

придерживая банки с джемом, торопилась Пенни, а за ней, чуть поотстав от шума и смеха, сопровождающего знаменитую персону, — Ник.

Искусство метания веллингтонов в Суррее, где рос Джеральд — а тем более в Ноттинг-Хилле — было неизвестно. Однако в Барвике, где до сих пор шла оживленная торговля скотом и по улицам летала солома, пастуший веллингтон — черный, тяжелый, подбитый свинцом — был неоспоримым жизненным фактом, а его метание — популярным времяпрепровождением. Джеральд приблизился к старту, отмеченному белой лентой, натянутой между двумя шестами.

— Ну-ка, дайте и мне попробовать! — проговорил он, добродушно улыбаясь, словно предвкушая ни к чему не обязывающее развлечение — только взгляд оставался холодным и целеустремленным.

— Двадцать пять пенсов за бросок, сэр, а пять бросков — за фунт!

— Тогда давайте на фунтец! — проговорил Джеральд особым сочным голосом, каким всегда произносил жаргонные словечки.

Пошарив в карманах, он обнаружил, что истратил уже всю мелочь, и полез было в карман за двадцатифунтовой банкнотой, когда Пенни, шаг-

нув вперед, положила на стол фунтовую монету.

— О, великолепно… — проговорил Джеральд, вглядываясь в парочку подростков, которым никак не удавалось сделать приличный бросок — сапог падал наземь в каких-нибудь нескольких футах. — Ладно, попробуем!

Он поднял сапог и взвесил его в руке. Вокруг собирался любопытный народ: не каждый день можно посмотреть, как член парламента, в безупречном мелко-полосатом костюме и красном галстуке, держит в руках старый веллингтоновский сапог, готовясь запустить его в воздух.

— Джеральд, а вы кидать-то умеете? — поинтересовался, возможно с самыми добрыми намерениями, какой-то местный.

Джеральд нахмурился, давая понять, что инструкции ему не требуются. Понаблюдав за безуспешной возней мальчишек, он сделал первый бросок от груди, подошвой вперед, имитируя то ли метание дротика, то ли стрельбу из пистолета. Однако он недооценил вес сапога — тот приземлился между двумя первыми линиями.

— Надо его по-настоящему метнуть, — пояснила грузная женщина рядом, — ну, знаете, вот так… — И описала рукой широкую дугу.

Мальчик принес Джеральду сапог, и тот попро-

бовал еще раз, с улыбкой, словно говорящей, что для него, члена парламента, принимать советы от женщин из простонародья, с перманентом и косынкой на голове — дело привычное. Он отвел руку далеко за голову, точно воспроизведя ее жест — однако, должно быть, ладно пригнанный пиджак стеснил его движения, сапог неуклюже вырвался из руки, закрутился в воздухе и, перевернувшись два-три раза, шлепнулся на траву.

— Ну вот, уже лучше, — проговорил кто-то в толпе. — Попробуйте еще!

А кто-то другой выкрикнул с энтузиазмом:

— Вперед, консерваторы!

Ник с немалым удивлением осознал, что Джеральда в этой толпе и вправду любят — по крайней мере, искренне желают ему успеха и благожелательно радуются, глядя, как столичная знаменитость неумело швыряет сапог.

С третьей попытки дело пошло лучше: Джеральд расстегнул пиджак (чем вызвал новые одобрительные возгласы) и швырнул сапог от плеча так, что тот перелетел — хоть и ненамного — за двадцатиярдовую отметку. Толпа радостно захлопала: теперь советы давали все наперебой. Одни советовали держать сапог за голенище, другие — за подметку; Джеральд попробовал и так,

и так. Четвертый бросок ему совсем не удался. В толпе зрителей уже чувствовалось утомление, и чей-то голос, в котором Ник заподозрил умника-социалиста в золотых очках, проговорил ехидно:

— Вот так большие шишки и выставляют себя на посмешище.

Презрительно фыркнув, Джеральд занес руку для пятой попытки — и на этот раз сапог, описав ровную невысокую дугу, упал наземь далеко за последней отметкой, обозначавшей двадцать пять ярдов. Мальчишка побежал туда и отметил удачу Джеральда, воткнув рядом с сапогом голубую мету для гольфа. Послышались аплодисменты, защелкали фотокамеры.

— Надеюсь, я что-нибудь выиграл? — поинтересовался Джеральд.

— Пока еще рано об этом говорить, Джеральд, — откликнулся тот самый местный, что спрашивал, умеет ли он метать сапог. Должно быть, этот человек наслаждался тем, что может как ни в чем не бывало называть парламентария по имени, а тот только благодушно улыбается в ответ, памятуя, что сегодня он — общественная собственность, друг народа.

— Мистер Тревор, — прошептала ему в ухо Пенни. — Городская канализация.

— Доброго здоровьичка, Тревор! — радостно поздоровался Джеральд таким простонародным говорком, какой и среди простонародья не часто встречается.

— Игра идет до пяти часов, — объяснил мистер Тревор. — Вот тогда и узнаем, кто победил. Кто бросит дальше всех, получит кабанчика.

И указал на клетушку, до сих пор скрывавшуюся за толпой, где хрумкал капустными листьями упитанный хряк глостерской породы.

— Боже ты мой… — проговорил Джеральд и неуверенно засмеялся, как будто ему показали змею.

— Тут вам и завтрак, и обед, и ужин! — сияя, пояснил мистер Тревор.

— Да, в самом деле… Честно говоря, мы свинины не едим, — проговорил Джеральд и уже хотел идти прочь, как вдруг увидел, что к стартовой черте приближается, уверенно сжимая в руке сапог, человек в золотых очках.

— Ну, сейчас Сесил всем покажет! — воскликнула женщина в перманенте; возможно, она все-таки не так уж симпатизировала Джеральду — с этими людьми никогда ничего не разберешь.

Сесил был маленький, но жилистый и решительный, и все, что делал, делал с тонкой

улыбочкой. Джеральд остановился, ожидая, что будет; Ник и Пенни с двух сторон тщетно пытались отвлечь его посторонним разговором.

— Держу пари, у него в запасе какой-то трюк, — проговорил Джеральд, — но какой…

Сесил и в самом деле не обошелся без трюка — он начал с короткого разбега, а затем швырнул сапог с разворота, словно мяч в крикете. Снаряд упал далеко за отметкой Джеральда, и мальчишка отметил место его падения красной метой. Во второй раз Сесил продемонстрировал новую хитрость — запустил сапог из-под руки, так что тот полетел невысоко и упал немного ближе, чем в прошлый раз, но все равно далеко за голубой метой. Сесил не колебался, не медлил; у него имелась и меткость, и глазомер. С каждым разом он менял и улучшал свои методы, и в последнем броске сапог улетел едва ли не на три ярда дальше его собственного рекорда. Отряхнув руки и тонко улыбаясь, Сесил отошел от стартовой черты и встал не вплотную, но довольно близко к Джеральду.

— Вот ведь не повезло вам! — сокрушенно проговорил мистер Тревор. — Хотя, раз кабанчик вам все равно ни к чему…

— К черту кабанчика! — легко ответил Дже-

ральд.

Взглянул на Пенни, на Ника, затем перевел взгляд на сияющего Сесила — и с легкой улыбкой, словно удивляясь собственному темпераменту, начал стягивать пиджак.

— Этому парню надо преподать урок, — проговорил он знакомым Нику сердито-насмешливым тоном.

Послышались хлопки в ладоши и несколько свистков. Пиджак повис на изгороди, и взглядам публики открылась голубая рубашечная спина Джеральда с пятнами пота. Ник попытался понять, как выглядит Джеральд — величественно и благородно, или же, как предсказывал Сесил, выставляет себя на посмешище — и решил, что все зависит от того, как на это смотреть. Верная Пенни подхватила пиджак: она солнечно улыбалась, поддерживая Джеральда, но в глазах ее читалось беспокойство. Перекинув пиджак через плечо, она полезла в сумочку в поисках еще одного фунта.

— Значит, вы выиграли кабанчика! — проговорила мать Ника, вводя Джеральда в гостиную Линнелса. — Боже мой…

— Знаю, знаю… — отвечал Джеральд. От усилий он раскраснелся и вспотел, и, пожалуй, ему не

мешало бы принять душ. — Мы пять раундов прошли, но в конце концов я его сделал! Да, это была убедительная победа!

Дот Гест растерянно оглядывала плотно заставленную мебелью комнату, прикидывая, какое место подойдет для гостя: должно быть, она чувствовала, что для неукротимого Джеральда их домик маловат.

— Что за чудесный вид! — заметил Джеральд, подойдя к окну. — Вы здесь, можно сказать, уже за городом.

— Да… конечно… мы… — робко пробормотала Дот, расчищая место у стола, и с благодарностью подняла взгляд на Дона, входившего в комнату с джином и тоником на серебряном подносе.

Но Джеральд уже совершенно забыл о прекрасном виде.

— Ну и денек, — проговорил он, крутя головой. — Кто б мог подумать: одержать победу в метании сапога! — И опустился в любимое кресло Дона с такой непринужденностью, словно он здесь был хозяином, а Гесты — гостями. — Огромное вам спасибо, Дон, — продолжал он, потянувшись к бокалу. — Думаю, я это заслужил!

— А где свинья? — спросил отец Ника.

— Свинья отправилась в местную больницу.

Знаете, как-то некрасиво забирать приз себе. Ваше здоровье!

Ник следил за тем, как все трое ищут себе прибежища в первом тосте. Ему было стыдно — и за скромность напитков, и за то, что отец готовил их на кухне, а потом сам принес сюда. Родители смотрели на Джеральда с гордостью, но немного нервно: рядом с его крупной и энергичной фигурой они казались детьми — маленькими, чистенькими и безнадежно провинциальными. Дон повязал ярко-красный галстук. В детстве Ник обожал перебирать галстуки отца, снова и снова учился их завязывать, наслаждался разнообразием цветов и рисунков — были у него и свои любимцы, и уроды, приводившие его в ужас, и на сверстников, чьи отцы изо дня в день носили одни и те же скучные галстуки, он поглядывал с чувством превосходства. Но теперь, когда Ник увидел аккуратно подстриженную седую бородку, и под ней — ярко-красное пятно, ему стало неловко и показалось, что отец выглядит по-дурацки.

— До чего же мы рады, — заговорила Дот, — что вы выбрали время нас навестить! Я ведь знаю, вы ужасно заняты. К тому же вы, кажется, скоро уезжаете?

Один из вечных вопросов Дот о Лондоне — наряду с вопросом о том, что будет, если часовому у Букингемского дворца станет нехорошо — был: «Как парламентарии справляются с такой массой работы?» Ника она много раз об этом спрашивала, а его заверения, что Джеральду работать не приходится вовсе — за него работают помощники и секретари, — отвергала как циничные и, следовательно, не соответствующие истине.

— Да, в понедельник выезжаем, — ответил Джеральд. Ник видел, что он уже предвкушает отдых в «мануаре».

— Просто не понимаю, как вы все успеваете, — продолжала Дот. — Вам же столько приходится читать! Ник говорит, глупо об этом волноваться, а я все-таки беспокоюсь… Когда же вы спите? Может быть, вообще не спите, как говорят о… ну, вы знаете, о леди?

Ник предполагал, что родители называют премьер-министра «леди», однако, услыхав это название, смутился. Но Джеральд, кажется, воспринял это как знак уважения к ней и к нему самому.

— Спит четыре часа? — переспросил он, басовито похохатывая. — Да, но наша премьер-министр — феноменальная женщина: такая энергия! А я

— простой смертный и не стыжусь признаться: мне, чтобы хорошо выглядеть, нужно спать не меньше восьми часов.

— А она и так настоящая красавица, — мечтательно проговорила Дот, и Дон серьезно кивнул.

Оба желали и не решались задать главный, давно мучающий их вопрос: что она за человек, эта госпожа премьер-министр? Джеральд наверняка догадывался об их мучениях, однако не желал упускать из виду главную тему — себя.

— Но вы, конечно, правы, — доверительно продолжал он. — Эта работа с бумагами иногда просто с ума сводит. Мне повезло — я умею читать по диагонали. И память у меня, как у устрицы. «Телеграф» глотаю за десять минут, а «Мейл» — за пять.

— А-а, — сказала Дот и кивнула. — А как ваша дочка? — Похоже, она решила перебрать все, что заставляло ее беспокоиться о Джеральде. — Я слышала, с ней не все ладно?

— О, она в полном порядке, — небрежно ответил Джеральд, а затем, подумав и поняв, что все-таки должен проявить отцовское беспокойство, добавил: — Конечно, у нашей киски есть свои сложности, верно, Ник? Ей нелегко приходится. Но эта штука, которую она сейчас

принимает, либрий — это просто чудо! Настоящее благословение божие!

— Литий, — тихо подсказал Ник.

— Правда? — переспросила Дот, переводя тревожный взгляд с одного на другого.

— Да, теперь наш котенок просто счастлив! Думаю, все худшее у нас позади.

— Хорошо, что она начала делать большой проект в Сент-Мартинз, — вставил Ник.

— Да, делает великолепные коллажи! — подтвердил Джеральд.

— А, современное искусство, — проговорил Дон, бросив на Ника мрачно-иронический взгляд.

— Ну, папа, не прикидывайся филистером! — ответил Ник, сам не понимая, чего больше в его словах — упрека или похвалы; даже французское произношение слова «филистер» не проясняло дела.

— Во всяком случае, ей это, кажется, помогает, — заключил Джеральд, извинявший художественные упражнения Кэтрин терапевтическими целями. — Кроме того, у нее появился молодой человек, очень достойный, во всех отношениях отличный парень, и мы этому очень рады. Знаете, на этом фронте у нее тоже не всегда все бывало гладко.

— О… — произнесла Дот и уставилась в чашку. Возможно, ей хотелось ответить, что Нику «на этом фронте» тоже нечем похвастаться.

— В самом деле, мы ею просто гордимся! — торжественно заключил Джеральд; однако вид у него при этом был слегка пристыженный. — И в этом году едем во Францию вместе, к большой нашей с Рэйчел радости. В первый раз за несколько лет. И Ник тоже к нам присоединится… по крайней мере, на недельку… у него много работы… — Конец фразы утонул в бокале джина с тоником.

— Вот как? — сказала Дот. — Дорогой, а нам ты не говорил!

— Ах да, — ответил Ник. — Да, я еду с Уани Уради, ну, на которого я работаю, я вам рассказывал — мы проедемся по Италии и Германии, присмотрим вещи для журнала, а на обратном пути, надеюсь, удастся на несколько дней заскочить в… в мануар.

— Для тебя, старина, это будет очень полезный опыт, — проговорил Дон.

Нику было жаль родителей (бедняги, они стараются, как могут!), и в то же время он чувствовал раздражение из-за того, что не может сказать им всей правды, что вынужден делиться с ними своим планом, полным скрытого и непроизносимого

смысла. Разумеется, это не их вина — он просто не может им признаться, и от этого старается рассказывать о себе как можно меньше, а все, что рассказывает, несет неприятный привкус недоговоренности.

— Я ведь знаю, обычно Ник у вас следит за домом, когда вы в отъезде, — сказала Дот. За это она цеплялась так, словно старалась сама себя убедить, что ее сын — надежный человек, раз такие важные люди ему доверяют.

— Да, раньше старина Ник оказывался прикован к нашему дому на месяц, а иногда и больше. Но в этом году к нам переедут экономка и ее дочь и, пока нас не будет, устроят генеральную уборку. А заодно и отдохнут. — И Джеральд великодушно обвел комнату пустым бокалом.

— Вот и у меня каждое лето такой же отдых! — вздохнула Дот, которая мечтала побаловать себя номером в отеле, а вместо этого каждый сентябрь послушно отправлялась в Холкхэм, к золовке.

Дон налил Джеральду еще порцию, плеснул и себе, но совсем чуть-чуть — за Джеральдом ему было явно не угнаться.

— А что, — спросил он, — хороший малый этот Уради?

— Ах да, вы его не знаете… ну да… Абсолютно

очаровательный, знаете ли, просто абсолютно. Оксфордский друг моего сына Тобиаса. Вы ведь все трое дружили тогда, верно, Ник?

— Я в то время его как следует не знал. Мы подружились позже, — ответил Ник, и ему припомнился майский бал во Флинтшире и поцелуи онемевших от кокаина губ. От этого воспоминания по спине прошла дрожь, словно другой мир призывал его к себе.

— Молодой человек в его положении просто обязан быть очаровательным, — с улыбкой проговорил Дон.

— Мне кажется, — снисходительно начал Джеральд, — семья возлагает на него большие надежды. Отец его, знаете ли, человек с характером.

— У него сеть супермаркетов, верно?

— У Бертрана? Да, он великий человек! — ответствовал Джеральд, употреблявший это слово так легко, словно надеялся, что в конце концов оно пристанет к нему самому. — Я хочу сказать, конечно, выдающийся бизнесмен. К несчастью — до вчерашнего дня я этого не знал, — старший его сын, оказывается, погиб.

— Правда?

— Да, попал под грузовик, в Бейруте, разумеет-

ся. И ребенок, и его няня — или не знаю, кто там при нем был, — оба погибли. Бертран Уради мне только вчера об этом рассказал.

Нику пришлось притвориться, что он об этом прекрасно знает, и мрачно покивать в такт родительским вздохам, в которых, впрочем, особенной скорби не чувствовалось — мало ли людей, в конце концов, погибает в этом самом Бейруте? Он даже сам пробормотал что-то вроде: «Да, это было ужасно». На самом деле он был поражен. В свете этой скорбной семейной тайны их с Уани любовный секрет казался ребяческим и глупым, а сам Уани, несущий на себе эту ношу, вдруг сделался для Ника куда прекраснее и трогательнее — теперь Ник не сомневался, что многое, очень многое готов ему простить.

— Невеста у него очень милая девушка, — сказала Дот. — Я видела, как она укладывает волосы в парикмахерской.

— Э-э…

— В «Татлере», конечно!

— Ах, ну да…

— После того праздника, который вы устроили, Ник тоже появился в «Татлере». Мы потом несколько месяцев подряд созывали гостей и всем показывали фотографии. — Это было невинное

преувеличение: фотографии и вправду показывали всем, но гостей Гесты созывали лишь раза три в году. — Кто бишь еще там бывает? Вот тот толстяк, знакомый Ника, — лорд Шептон, кажется? — его снимки постоянно там печатают.

— А что скажете об автомобиле нашего сына? — с беспокойным энтузиазмом поинтересовался Дон.

— Чудесная малютка, — ответил Джеральд.

— Милый, ты вроде бы сказал, что тебе машину подарили, я не совсем поняла…

— Мама, я же объяснил, — сказал Ник. — Машина принадлежит компании. Я могу ею пользоваться, пока там работаю.

— Наверное, этот Уани тебя очень ценит, — с сомнением проговорила Дот. — Ну что ж, это другая жизнь, и мы все равно ничего в ней не понимаем. — С этим никто спорить не стал, и, помолчав секунду, она перешла к другой теме: — А как ваш сын?

— О, у него все отлично. Руководит собственной небольшой фирмой. Посмотрим, как у него пойдут дела.

— А раньше, помнится, его имя постоянно появлялось в газетах! — заметил Дон с таким восторгом, словно крохотные заметки за подпи-

сью Тоби были для него единственным светом в окошке.

— М-м… да, одно время он считал, что у него призвание к журналистике, но, видимо, ошибся. Он, знаете ли, человек очень непосредственный, и кабинетная работа его стесняет… Но это увлечение продолжалось каких-то несколько недель, и я рад, что с ним покончено.

— О, конечно…

— Немного дольше, — сказал Ник.

— Да? Пожалуй, Ник прав, — ответил Джеральд. — Сколько же он проработал… да, шесть месяцев в «Гардиан», где, сказать по правде, он никак не мог чувствовать себя как дома, потом около года в «Телеграф», в отделе городских новостей… да, где-то так.

— А некоторые друзья Ника, кажется, уже сколотили состояния, — заметила Дот. — Про кого это ты рассказывал, милый, что он купил себе замок или что-то в этом роде?

— Ну да… — пробормотал Ник, жалея, что об этом проболтался. — Да, один из наших… Впрочем, замок маленький, да и купил он его с вторичной страховкой.

— А-а, — сказала Дот. Ник надеялся, что она не станет спрашивать, что такое вторичная страхов-

ка. — Только подумать, как легко в наше время разбогатеть! — прибавила она, словно полагая, что у Джеральда от этой мысли тоже должно захватить дух.

— У лорда Эксмаута сын очень неплохо зарабатывает, — заметил Дон.

— А, это один из наших местных аристократов! — вставил Джеральд, при упоминании местного лорда мгновенно превратившийся в барвикца.

— Совершенно верно, — ответил Дон. — Я присматриваю за часами в Барвике, так что не раз видел лорда Дэвида, когда он был еще совсем малышом.

— Вот как? — И Джеральд прищурился на него из-за края бокала. — А в Ноузли вы не бывали?

— После смерти старой леди — нет, — ответил Дон. — А лет десять назад там было довольно много работы. В «Аббатстве Ноузли», знаете ли, все часы были поражены древоточцем. Пришлось потрудиться, чтобы от него избавиться!

Надеясь сбить отца с мысли, Ник промычал что-то нечленораздельное и пустил по кругу тарелку с фаршированными оливками.

— Большое спасибо, — сказал Джеральд.

— Поверьте, работать в старых особняках —

одно удовольствие, — продолжал Дон. — Даже если там малость запущено. — Обведя компанию потеплевшим взглядом, он продолжал: — У нас здесь таких домов много. Ник, должно быть, уже устал об этом слушать, но среди моих постоянных клиентов — два графа, один виконт, один барон и два баронета!

— Вот это список! — сказал Джеральд. — Может, нам удастся и герцога для вас подыскать?

— Антикварной мебели в этих домах множество, и прекрасной, — сгорая от стыда, быстро заговорил Ник. — Хозяева ее веками собирали.

— Понимаю, понимаю… — очень серьезно проговорил Джеральд и, значительно подняв брови, уставился в пустой бокал.

— Ник говорит, — сказал Дон, — что и у вас в лондонском доме есть премиленькие вещички.

— Гм…

— Французская работа, должно быть?

— Да, французской работы у нас в доме немало, — важно отвечал Джеральд, понятия не имевший, откуда происходила мебель в его лондонском особняке.

— И картины очень хороши.

Джеральд бросил на него взгляд, полный благоволения, смешанного с легким нетерпением

и даже презрением — последнее, быть может, только показалось Нику, который болел за обе стороны и чувствовал себя так, словно присутствовал при споре двух половин своего «я».

— Знаете, вам обязательно надо как-нибудь приехать к нам в гости — правда, Ник? Или, может быть, лучше просто пожить у нас, пока нас не будет? Приезжайте, пока мы во Франции, и будьте как дома. Сможете осмотреть весь дом — вы ведь в этом разбираетесь — и потом расскажете нам, где у нас что.

— Как мило с вашей стороны, — мечтательно улыбаясь, проговорил Дон.

— О, я, право, не знаю… — встрепенулась Дот: ее извечный страх перед нарушением заведенных порядков распространялся и на собственную жизнь. — Нет-нет, разумеется, мы очень благодарны, но…

И, прикусив губу, в замешательстве покосилась на Дона. Ник часто стыдился ее ограниченности, однако между ними существовала близость, возможная лишь между матерью и единственным ребенком, и он без труда угадывал ход ее мыслей. Поехать в Кенсингтон-Парк-Гарденс, жить в чужом богатом доме, гулять по Лондону — все это, конечно, очень любопытно; но от этого мир, в

котором живет Ник, щедрый, снисходительный мир винных погребов, экономок, едва говорящих по-английски, и случайных звонков министра внутренних дел (Ник рассказывал, иногда бывает и такое), приобретет четкие и незабываемые очертания. Поток новых знаний обрушится на нее — а Дот не лукавила, повторяя иногда, что предпочла бы ничего нового не узнавать.

— Ну, вы все же подумайте, — сказал Джеральд, и родители Ника заулыбались в ответ и забормотали слова благодарности; Ник понял, что ни тот, ни другие никогда больше об этом не заговорят.

Выехав на городскую площадь, он замедлил ход перед вывеской «АНТИКВАРИАТ Д. Н. ГЕСТА» и, протянув руку, сказал:

— Вот наш магазин! — как будто показывал Дворец дожей или еще какое-нибудь знаменитое строение.

— Великолепно! — откликнулся Джеральд.

Ник едва взглянул в сторону магазина, однако ясно ощущал его присутствие — словно сюрприз, подготовленный для человека, не способного оценить его так глубоко и тонко, как он сам. Эта сторона площади была уже в тени, но противоположная, с выбеленным фасадом отеля «Корона», еще ярко освещена солнцем. Над крышами

— безоблачное небо, все магазины закрыты: пустынность воскресного вечера в маленьком городке. Впрочем, не совсем пустынность: по площади прогуливаются отдыхающие, любопытно заглядывая в витрины опустевших магазинов, а под арками ратуши тусуются, как здесь говорят, «обалдуи», то бишь местная молодежь. Ратуша из стекла и камня, с высокой аркадой — жемчужина города, и до сих пор, против всякой очевидности, горожане приписывают ее создание Кристоферу Рену. Ник в детстве гордился ратушей, рисовал в тетрадках ее планы: в личном архитектурном раю двенадцатилетнего Ника она стояла рядом с Тадж-Махалом и зданием парламента в Оттаве. Узнав, что ее построил не Рен, Ник испытал разочарование, стыд и в то же время странное возбуждение — словно при прощании с детством и вступлении во взрослую жизнь. Теперь он мчался мимо ратуши, местные парни смотрели ему вслед, и Ник впивал сладость триумфального возвращения в родной город на шикарной алой «Мазде», за которой словно струились невидимым шлейфом видения секса, наркотиков, дружбы с сильными мира сего и отвязных лондонских развлечений. Местные «обалдуи» смотрели даже без зависти — с бес-

корыстным восхищением, настолько «Мазда» превосходила самые смелые их мечты. Перед входом в «Корону» Ник остановился, и Джеральд выпрыгнул из машины, приглаживая волосы, лощеный и самодовольный, но все же, кажется, самую чуточку смущенный оттого, что ехал на такой машине с молодым геем. У дверей уже ждала его Пенни, строгая и деловитая, с вечным румянцем и официальной улыбкой, и Джеральд поспешил ей навстречу.

— Приятного вам вечера! — крикнул Ник и двинулся в обратный путь, думая о том, с каким удовольствием остался бы с ними.

Он припарковался в середине стоянки, где по четвергам открывалась ярмарка, и заглушил мотор. Пора было ехать домой, на ужин — поминки по приему Джеральда. Начнутся новые расспросы, полные тревог и скрытых подозрений: теперь, когда Джеральда нет рядом, старики ощутят к нему недоверие — при всей их робости и благовоспитанности слух у них острый, и к неискренности они более чувствительны, чем признаются самим себе; они, конечно, заметили, что Джеральд не задал ни одного вопроса о них самих, и лондонская жизнь Ника сделалась в их глазах еще более шаткой и ненадежной.

Он обвел взглядом площадь — закрытые двери, темные провалы витрин, все пустынно и как-то драматично. Вывеска «Антиквариат Д. Н. Геста» напомнила о тех чувствах, которые он испытывал прежде при мысли о собственном имени над дверью магазина: гордился — в школьном детстве, стыдился — в Оксфорде. Сзади прошла компания молодых людей: Ник следил за ними в зеркало заднего обзора, в котором все виделось как будто из дальней дали. Где-то вдалеке прогрохотала по мостовой отфутболенная кем-то консервная банка. Что, если бы я остался здесь? — подумал он. И на миг вообразил себе возможную жизнь в Барвике. Конечно, и здесь есть культурные люди, люди с книгами и грампластинками: когда он старался себе их представить, все они оказывались похожи на мистера Левертона, учителя из барвикской начальной школы. Есть один-два школьных приятеля, с которыми он мог бы сохранить дружбу. Если верить статистике, за закрытыми дверями лавчонок и непроницаемыми окнами верхних этажей здесь должны скрываться пятьсот или шестьсот гомосексуалов. И, быть может, мужской туалет в Эбботс-Филде стал бы для него притягательным магнитом, безобразным и неотразимым символом…

Через дорогу, озаренные вечерним солнцем, горожане спешили в «Корону» на банкет, женщины — в длинных платьях, с тщательно уложенными прическами, мужчины в пиджаках: здоровались, осторожно хлопая друг друга по плечам и пропуская вперед, неуклюже чмокали друг друга в щечку (только женщины, разумеется); все с нетерпением ждали возможности послушать своего депутата, однако восторг их умерялся сознанием, что все они консерваторы и, следовательно, должны держаться с достоинством. Черт возьми, а это кто? Гэри Картер собственной персоной, в короткой джинсовой куртке и туго облегающих новеньких джинсах, с этой своей умопомрачительной стрижкой, торопится через площадь навстречу приятелю; кажется, он знает о своей красоте и гордится ею, кажется, даже немного выставляет себя напоказ — с той невинностью, какая возможна только у безнадежно гетеросексуального парня в маленьком провинциальном городке. Хотя девушкам тоже нравятся крепкие ягодицы парней — что, на взгляд Ника, свидетельствует об их хорошем вкусе, хоть он и никогда не мог понять, что нужно девушкам от мужских ягодиц. Гэри прошел мимо рыночного здания и завернул за угол. Пора домой: Ник

чувствовал, Линнелс ждет его, в своей сонной невинности даже не подозревая, от чего его отрывает… Но тут Ник встряхнулся, высвобождаясь из-под власти ребяческих провинциальных фантазий. Так или иначе, останься он здесь, вся его долгая юность, на площади перед ратушей, в янтарных лучах заходящего солнца, полная скуки и неудовлетворенной похоти, прошла бы в мечтах о чудесном Лондоне — и рано или поздно он бы покинул этот город. Еще Ник подумал, что можно поехать следом за Гэри, чтобы еще раз его увидеть — но лучше будет сохранить его образ в памяти и вернуться к нему позже. Он завел машину и, выбираясь задним ходом со стоянки, вдруг заметил на заднем сиденье папку с речью Джеральда.

Пенни, разумеется, заготовила для него второй экземпляр — но очень вероятно, что в этом экземпляре нет вписанных чернилами шуток и вставных замечаний (для уверенного в себе оратора Джеральд делал в текстах слишком уж много пометок), и на полях первой страницы едва ли написаны красными чернилами имена «Арчи» и «Вероника». Значит, надо найти Пенни и передать папку Джеральду. Гости, должно быть, уже сели за стол: Ник представил себе один из

старомодно-мрачных «номеров», где проходили бизнес-конференции средней руки и заседания местного Ротари-клуба. На Нике мятые льняные брюки и рубашка с коротким рукавом: но он может влететь в зал, прикинувшись «обслуживающим персоналом», сунуть Пенни в руки папку и быстро и незаметно смыться прежде, чем у барвикских консерваторов зародятся подозрения.

В переполненном холле он был еще водителем, гонцом, и если кто-то из присутствующих — члены самодеятельного театра, те, кто лечил ему зубы или шил школьный выходной костюм, — его и узнали, то виду не подали. Будь он снобом, испытал бы облегчение. Он спросил у портье, где Джеральд, и девушка за конторкой ответила, что он, кажется, на автостоянке на заднем дворе, вышел подышать воздухом. Ник выскользнул из холла и помчался по длинному коридору, ведущему через все здание и изгибавшемуся не только в стороны, но и вверх и вниз. По стенам на фоне кирпичных обоев красовались охотничьи сцены и старинные карты графства: пол был покрыт мрачного вида багрово-красным ковром. Навстречу Нику шли пары с натянутыми сияющими улыбками, шепотом подбадривая друг друга: все в порядке, машина заперта, волосы лежат как на-

до, таблетки — в кармане пиджака. Им, кажется, нравился унылый псевдоисторический вид этого коридора, доносящиеся из приоткрытых дверей запахи пива и жарящейся баранины. А вот и Джеральд — в самом конце коридора, оглядывается по сторонам, словно задумал побег. Истекают последние минуты его реальной жизни. Окликать его Ник не стал — между ними были люди, — просто ускорил шаг, однако Джеральда не догнал: тот отворил дверь и исчез.

Табличка на двери гласила «Только для персонала», так что Ник, прежде чем выйти, тоже воровато оглянулся — что, если это черный ход в номер люкс? За дверью оказался служебный коридор, гораздо хуже освещенный, в конце его — еще одна дверь с зарешеченным окошком, и в этом окошечке Ник разглядел голову Джеральда и услышал смех Пенни. Она смеется — значит, все хорошо, все идет как надо. Дверь, только что открытая, еще ритмично колебалась — возможно, из-за нее они не заметили Ника и не расслышали его шагов. Но, подойдя ближе и заглянув в щель, Ник понял: ничего не замечают они по иной причине. Развернувшись и громко затопав ногами, он уронил папку на пол, как будто только что пришел: пусть никто никогда не узнает, что он

видел, как Джеральд прижимает Пенни к себе, а она, словно игривая девчонка-школьница, сует руку в задний карман его брюк.

Он это видел и за ужином, во время ожидаемого окольного разговора о Джеральде, был угрюм и рассеян. Он кисло соглашался с шутливыми упреками в его адрес и говорил о нем так, словно никогда его особенно не любил. От этого ему становилось еще более стыдно и неловко. После ужина отец и мать обычным порядком уселись перед телевизором: по Ай-ти-ви повторяли «Седли». «Только подумать, — в который раз повторила Дот, — наш сын знаком с Патриком Грейсоном!» — а Ник подумал про себя: ты бы только знала, мама, что это за кошмарный старый пидор.

Спать легли удивительно рано, когда за окном еще вовсю цвели вечерние сумерки; Ник крикнул: «Спокойной ночи!» — и захлопнул дверь, оставшись наедине с нелепым чувством потери и предательства, словно настоящими его родителями были Джеральд и Рэйчел, а не почтенные старики, отходящие сейчас ко сну в соседней спальне. Несколько минут спустя через стену до него донесся храп отца и тихий скрип кровати матери — должно быть, Дот, по обыкновению, по-

ворачивалась набок и натягивала одеяло на уши. Рэйчел как-то раз шутливо пожаловалась Нику на то, что Джеральд храпит: «От него столько шума!» — сказала она. То, что он видел сегодня, не шло у него из головы; снова и снова с каким-то мазохистским удовольствием он рассматривал эту ситуацию с разных сторон. В конце концов, может быть, он просто ханжа? Ему вспомнились регулярные наезды Джеральда в Барвик — всегда с Пенни и почти всегда без Рэйчел. Значит, все его «отвращение» к Барвику, жалобы на необходимость встреч с Арчи Мэннингом — лишь ловкая маскировка… А как же в Лондоне? Нет, наверное, дома они этим не занимаются — слишком велик риск разоблачения. Да полно, в самом ли деле они любовники? Разве Пенни — из таких девушек? Может быть, тому, что он видел в отеле, можно найти какое-то иное объяснение? Но другого объяснения не находилось. Он задумался о том, храпит ли сейчас Джеральд — и при мысли о том, чем может сейчас заниматься парламентарий, мучительно покраснел. А если и храпит, должно быть, его любовница считает это вполне терпимой платой за недозволительную связь… Тут Ник остановился и приказал себе прекратить эти фантазии.

Немного позже он проснулся. Дом был погружен в тишину, и осознание происшедшего придавило Ника с новой силой: взрослая горечь от пошлости этой ситуации смешалась в нем с детским отчаянием. Теперь эта тайна стала и его тайной — секретом, который он обязан хранить, сам того не желая, предавая Рэйчел, чтобы сохранить верность Джеральду. Он долго лежал без сна, вслушиваясь в обманчивую тишину: если прислушаться, за ее покровом можно было различить звуки — вздыхал за окном старый тополь, грустно посвистывали водопроводные трубы, и еще доносился бог весть откуда едва слышный ритмичный стук, словно хлопали двери в несуществующих крыльях дома.

11

(1)

— Посмотрите налево, — сказал Тоби, — увидите château[8].

И притормозил, чтобы они могли разглядеть мелькнувшие в прогале между деревьями крутые черепичные крыши, пурпурно-черный кирпич,

---

[8] Примечания: 8
Замок (фр.).

застекленные окна, целеустремленность и жесткость девятнадцатого столетия.

— Точно, — сказал Уани. — Но он ведь больше не ваш?

— После войны дедушка его продал, — ответил Тоби.

— А кто теперь там живет? — спросил Ник, которому неоготика всегда казалась куда привлекательнее собственно готики. — Может быть, можно зайти внутрь?

— Теперь там дом престарелых для жандармов на пенсии, — ответил Тоби. — Я там был, там довольно мрачно.

— А-а, — с сомнением сказал Ник.

— Они не доставляют вам неприятностей? — поинтересовался Уани.

— Иногда, бывает, шумят, — ответил Тоби. — Пару раз нам даже приходилось вызывать полицию, — и, поймав взгляд Ника в зеркало заднего вида, улыбнулся той беззаботной и сонной улыбкой, от которой Нику всегда хотелось покрепче его обнять.

— А этот дом, куда мы едем… — спросил Уани.

— Manoir[9]… это дом прежних помещиков. До-

---

[9] Примечания: 9
Особняк (фр.).

вольно старый, шестнадцатого века, кажется. Ну, вы сами увидите. Не такой большой, как замок, но гораздо симпатичнее. По крайней мере, мы все так считаем.

— Да-а… — протянул Уани с таким видом, словно сам он предпочел бы замок, но готов был удовлетвориться и особняком. — Он сейчас принадлежит Лайонел)?

— Ну, в общем-то, да, — ответил Тоби.

Уани смотрел в окно, словно мысленно прикидывая стоимость поместья.

— И в один прекрасный день, старина, все это достанется тебе, — проговорил он с благодушной завистью.

— Да, мне и, конечно, сестренке.

Ник попытался представить мир, в котором нет Джеральда и Рэйчел, и не смог.

— А сейчас кто здесь живет? — спросил Уани.

— Прямо сейчас — мама, папа, я, Кэтрин… ну и Джаспер, конечно.

— А, этот ее приятель…

— Да. Ты с ним, кажется, знаком. Он продает недвижимость.

— Да, знаю, о ком ты говоришь, — ответил Уани.

— Джаспер с папой настоящими друзьями сде-

лались. Боюсь, как бы Джаспер не уговорил его выставить на продажу наш дом.

Ник на заднем сиденье хихикнул, подумав про себя, что этот Джаспер — настоящий гений общения: ловко ему удалось втереться в семью. Да и сам Уани — как легко и совершенно в обход старого друга Тоби он стал своим человеком в доме Джеральда! Перед собой он видел их затылки — черные кудри Уани, короткие волосы и загорелую шею Тоби, и на какой-то странный миг ему представилось, что вместе с ним в автомобиле едут двое незнакомцев. В сущности, оба они еще мальчишки, но высший свет и кабина «Рейнджровера» бросили их в мир мужчин: Тоби — типичный английский джентльмен, хороший спортсмен, добропорядочный и лишенный воображения, Уани — воплощение богатства, томный и вялый вид его говорит о том, что он купается в деньгах. И то, что они старые друзья, возможно, не имеет особого значения.

Уани сказал:

— Да, кстати, я тут купил участок под дом в Клерке-нуэлле.

— Вот как, — сказал Тоби. — Хорошо.

— За четыреста штук.

— Ага… — со скукой в голосе ответил Тоби.

В их немногословии чувствовалась какая-то скованность, должно быть, оттого, что оба бессознательно старались вести себя «как взрослые». Уани не говорил Нику о том, что купил участок; вообще после того, как Уани подарил ему пять тысяч, в их отношениях установилась странная недоговоренность; о деньгах Уани старался с ним не заговаривать, как будто для того, чтобы не напоминать лишний раз, как ничтожна для него эта сумма.

— Замечательно, — сказал Ник. — Не могу дождаться, когда же его увижу.

Сам он почувствовал, что старается попадать в тон, словно давая понять, что и у него есть деньги — однако само это сознание, как и само нахождение в машине рядом с Тоби и Уани, болезненно напоминало, что по сравнению с ними он бедняк, и Ник — владелец пяти тысяч чувствовал себя с друзьями менее уверенно, чем прежний Ник — без гроша в кармане.

— И что же, Мартина никак не сможет выбраться? — спросил Тони.

— Боюсь, мама не захочет с ней расстаться, — с какой-то неопределенной иронией ответил Уани.

— Ну, рано или поздно придется! — ответил

Тоби и громко расхохотался.

— Знаю… — ответил Уани. — Кстати, а как насчет тебя? Ну-ка, признавайся, старый ловелас, завел себе кого-нибудь?

— Не-а… — протянул Тоби с кислым видом (сам он, кажется, хотел придать себе вид независимый); и вдруг с облегчением воскликнул: — Смотри-ка, это наш старик сторож!

Навстречу им катил на велосипеде по заплатанному асфальту старик, медленно поднимая и опуская угловатые, торчащие в стороны колени. Заметив Тоби, он съехал на траву и остановился.

— Bonjour, Dédé… Et comment va Liliane aujourd'hui?[10]

Старик поднял на машину осторожный и вместе с тем плутоватый взгляд.

— Pas bien[11], — ответил он.

— Ah, je suis désolé[12], — ответил Тоби, как показалось Нику, неискренно; впрочем, у человека, говорящего на чужом языке, голос всегда звучит неестественно.

---

[10] Примечания: 10
Добрый день, Деде! Как сегодня Лилиан? (фр.)

[11] Примечания: 11
Не слишком хорошо (фр.).

[12] Примечания: 12
Очень жаль (фр.).

Начался разговор: Тоби говорил по-французски бегло, хотя и с заметным акцентом, обращался к старику с подчеркнутой простотой и благодушием; Ник больше вслушивался в лаконичные ответы старика, как будто понимание речи живого француза должно было стать для него верительной грамотой в чужой стране. К Уани это не относилось — для него французский был родным; но Ник чувствовал радость и гордость, когда ему удавалось понять, что говорит Деде. Шутки на иностранном языке казались особенно смешными, приобретали какую-то особую глубину, и Ник мысленно сохранял их в памяти. Он откинулся на спинку сиденья и блаженно улыбался, наслаждаясь жарой, солнечным светом, струящимся сквозь ветви огромных старых дубов и вязов на обочине, и чувством подготовленного сюрприза, ощущением, как будто его ведут с закрытыми глазами к какому-то удивительному зрелищу. В воздухе чувствовалась какая-то особая легкость, какая встречается лишь в горных странах — пусть горы и невысоки: ощущение пространства, открытого не только вширь, но и вверх и вглубь.

Наконец Тоби свернул разговор, все трое важно покивали Деде, и машина снова двинулась в

путь. Ник сказал:

— Надеюсь, твоей бабушки еще нет.

— Не беспокойся, — ответил Тоби, — она приезжает только во вторник. И Типперы приедут. Хотя, честно говоря, мне не слишком хочется их видеть.

— Да ладно, — сказал Уани.

— Знаете, ребята, я чертовски рад, что вы здесь, — сказал Тоби и снова тепло взглянул на Ника в зеркало заднего вида.

— Здесь просто сказочно, — ответил Ник.

Машина проехала сквозь широко распахнутые, увенчанные урнами створки ворот, и у него перехватило дух — как в первый день в Оксфорде, как в первое утро в Кенсингтон-Парк-Гарденс, он снова чувствовал себя юным и невинным и замирал от неясного, но сладостного предвкушения.

Перед ними открылся просторный двор, а за ним — мрачноватый фасад старинного дома, с маленькими оконцами, увитый плющом; слева располагалось одноэтажное крыло, справа — старый амбар и конюшня. Ник сам вытащил свои сумки и перенес на крыльцо, откуда и смотрел, как Уани лениво облокачивается о капот, а Тоби, взяв в одну руку свой чемодан, в другую — чемодан Уани, бодро идет к крыльцу, чмокая

подошвами сандалий по гравию, и на загорелых ногах его работают крепкие, натренированные мускулы. В дверях он остановился, словно заколебавшись, помедлил на миг, совсем как много лет назад в Вустерском колледже, в дверном проеме, выходившем в сад, — хотя, казалось бы, ему ли медлить в дверях, или в воротах, или у подножия лестниц? И снова, как в первый день в Кенсингтон-Парк-Гарденс, Нику пришло в голову, что, вселяя его к себе в дом, Тоби подсознательно искупает этим свою неспособность ответить на его чувства.

Из холла виднелась череда комнат, плотно занавешенных от яркого солнца: впрочем, тут и там солнечные лучи все же пробивались сквозь завесу. Там были китайские вазы, дубовые столы, книги и газеты, соломенные шляпы и еще — сложный и чуть тревожный дух отпуска, каникул, чужого досуга, игр, в которые ему только предстоит вступить, чуждого и не совсем понятного прошлого Федденов. Комнаты были высокие и просторные, с каменными стенами, в них чувствовалась высота и глубина, словно в замке или в старинных школьных классах. Но сейчас они были пустынны — их жители обитали где-то еще.

Тоби повел их наверх по широкой лестнице с невысокими ступенями. На верхнем этаже их встретил коридор, выкрашенный охрой, а по обеим сторонам его, словно монашеские кельи — аккуратные спаленки. Нику и Уани предстояло поселиться в дальнем конце.

— Мама отвела вам комнаты друг напротив друга, — сказал Тоби. — Надеюсь, вы еще не слишком друг другу надоели?

Уани поднял брови, фыркнул и неопределенно пожал плечами — совсем как француз. Трудно было поверить, что речь идет не об обычном пристойном размещении неженатой пары, что Тоби не посвящен в их секрет и даже ничего не подозревает. Обманывать взрослых Ник привык, но перед Тоби ему было стыдно. Но Уани, похоже, таких переживаний не понимал. Ник взглянул на него, на миг похолодев от внезапного и ясного осознания, что их радость по поводу комнат совершенно различна: его радует, что комнаты расположены близко, а Уани — что они отдельные. Комната Уани была в конце коридора; Нику — возможно, как члену семьи — досталась та, что поменьше и потемнее, с видом на огромное дерево, загораживающее окно.

— Фантастика! — сказал он.

Оставшись один, он принялся распаковывать вещи, развешивать в шкафу привезенную с собой одежду — он понимал, что одеваться здесь надо «неформально», но был не совсем уверен в том, что имеют в виду под «неформальностью» богачи. Все его вещи были в Мюнхене выстираны и завернуты в хрустящую оберточную бумагу. Кран в ванной, как обнаружилось, протекал, оставляя на раковине ржавый след. У кровати стояла книжная полка со старинными французскими романами: никакого Фредерика Форсайта, сплошные кожаные, исторические и мемуарные, тома. На стене — пара странноватых старинных акварелей в рамах с облезшей позолотой. Что ж, теперь эта комната — его, а на то, что ему здесь не по себе, Ник решил не обращать внимания.

Тоби в дверях все еще болтал с Уани, сунув руки в карманы шорт; над поясом у него уже заметно выдавалось брюшко, придававшее ему особенно уютный и безобидный вид. Ник любил его, как старого друга, с той привязчивой нежностью, которой не вредит, а напротив, поддерживает ее некоторая степень скуки. Он ничего не ждал от Тоби, ничего не требовал — просто его любил.

— Вот он нам скажет! — говорил в это время Тоби.

— Да, скажи-ка, как назывался тот бордель, куда мы с тобой ходили в Венеции? — подхватил Уани. Он тоже распаковывал вещи — так же лениво, словно нехотя, как раздевался в тот день на Хайгейтских прудах.

— А, ridotto? — ответил Ник. — Да, шикарное казино, подозреваю, что и бордель там тоже имелся. «Il ridotto della Procuratoressa Venier». Это прямо за Сан-Марко.

— Точно, — сказал Уани.

— Сейчас это что-то вроде музея. Для публики он закрыт, но, если позвонить, выходит смотрительница и все тебе показывает.

— Ясно, — сказал Тоби. — Значит, сейчас бордель не работает…

Уани сказал:

— Во всяком случае, эта смотрительница на мадам совершенно не похожа. Кстати, у меня в первом номере будут рассказы о лучших публичных домах мира.

— То-то рекламодатели будут довольны, — ответил Тоби.

— Думаешь? — сказал Уани. — А бордели и вправду классные. — Он покосился на Ника, автора этой идеи. — Как ты сказал, «ризотто»?

— Надо было тебе со мной поехать, — фыркнул

Тоби. — Не думаешь же ты, что бедняга Гест разбирается в шлюхах и их житье-бытье?

— Конечно, ты был бы мне куда полезнее, — ответил Уани и улыбнулся так открыто и тепло, что Ник на миг ощутил ревность и спросил себя — как спрашивал уже не раз, — не мечтает ли Уани переспать с Тоби. Пожалуй, решил он про себя, это возможно, но маловероятно — хотя бы потому, что Тоби не продается.

— Напитки подаются в шесть, — сказал Тоби. — Но сначала пойдемте поплаваем. Все уже там… — и зашлепал подошвами сандалий по гулкому коридору.

Ник пересек комнату Уани, открыл небрежно задвинутые ставни и в первый раз взглянул на вид из окна: деревянную изгородь, напоминающую сплетенные пальцы, а за ней — яркий блеск реки и ее скалистый берег, тоже сверкающий в ярком послеполуденном солнце. Перед ним расстилалась Франция в разгаре лета: все краски упростились, поблекли и выцвели, но были окрашены солнцем, а тени казались прозрачными, словно газовые кружева. От дома к реке вели три или четыре каменные террасы, соединенные лестницей.

— Я хочу переодеться, — сказал Уани.

— Хорошая мысль, — с улыбкой повернулся к нему Ник.

— Хм… Ну ладно… — в словах его послышалось упрямое мальчишеское недовольство.

— Милый, половину прошлой ночи я провел, засунув язык тебе в задницу, так что не буду слишком смущаться, если ты снимешь рубашку.

Уани издал сухой смешок и, наклонившись, принялся расставлять на нижней полке гардероба свои тапочки и мокасины.

— А что люди скажут? — пробормотал он.

— И что же они такое скажут? — вздернув брови, поинтересовался Ник. — В доме никого нет. И я на всякий случай буду поглядывать в окно. Голову высуну в окно, если хочешь.

Так он и сделал и поэтому первым увидел, как по лестнице, ведущей от бассейна, бесшумными босыми шагами, ступая на цыпочках и морщась от прикосновения раскаленных камней, поднимается Кэтрин: на плечах у нее синее полотенце, волосы еще мокры после купания, вид совсем девчоночий, и при взгляде на нее Ник ощущает неловкость, словно она по лондонской улице прогуливается в таком виде. Тоби выходит из дома ей навстречу, и она спрашивает: «А они здесь?» — в своей обычной манере, так, словно не

замечает его, даже обращаясь к нему с вопросом. «Спустятся через минуту», — отвечает Тоби и бежит к бассейну. Кэтрин присаживается на расстеленном полотенце, откидывает назад мокрые волосы; взгляд ее блуждает по окнам дома, пока наконец она не замечает Ника, широко улыбающегося ей из верхнего окна.

— Привет, дорогой!

— Привет, дорогая! — Ник раскрывает руки ей навстречу, а потом делает вид, что сбрасывает вниз букет невидимых цветов — Кэтрин любит такие представления. Та, просияв, поднимает руки в беззвучных аплодисментах.

— Спускайтесь сейчас же! — зовет она.

— Уже идем…

Из-под белых льняных брюк у Уани игриво просвечивали черные плавки. Ник не слишком разбирался в разных типах плавок — он вообще был непривычен к времяпрепровождению вокруг бассейна. Обтягивающие «Спидо», вполне подходящие для хайгейтских прудов, могут оказаться неуместны для коктейля или партии в пинг-понг — здесь, наверное, требуется что-нибудь более бесполое, мешковатое. А может быть, и нет: в конце концов, Франция — страна солнца, а Феддены вряд ли разделяют чувствительность

Ника к тому, что облегающие плавки обрисовывают контуры его пениса.

С молодыми людьми Кэтрин поцеловалась по-разному: с Уани — приложилась щекой к щеке и сказала: «Привет!» таким тоном, словно в первый раз его видела, Ника притянула к себе под полотенце и прижалась к нему всем телом в сыром купальнике, так что он, обнимая ее, со смехом отстранился.

— Слава богу, — сказала она, — наконец-то ты здесь!

— Как ты, дорогая?

— Прекрасно. Кстати, знаешь, что у Джеральда роман?

Ник вздрогнул и заморгал, пытаясь удержать на губах улыбку.

— У Джеральда?

Все эти десять дней он гадал, кто в доме знает об этом — и прежде всего сколько знает Кэтрин. Самого его жег стыд за то, что он знает и ничего не делает, и теперь ему захотелось как-то очиститься.

— Шутишь? — проговорил он, пытаясь хоть на секунду или две оттянуть неизбежный вопрос: с кем?

— Да нет, правда. У него роман с Джаспером.

Ник перевел дух.

— Да что ты говоришь! Ну и ну!

— Точно! Настоящий скандал, правда?

— И давно?

— Уже с неделю. Целыми днями сидят в этой ужасной комнате под названием fumoir[13], курят сигары и играют в шахматы. Ну, ты сам увидишь. Никто из нас туда даже войти не может, так что остается только гадать, чем они на самом деле там занимаются!

— Будем надеяться, что об этом не пронюхают журналисты, — сказал Ник. У него кружилась голова: вроде опасность миновала.

— Это все равно что целоваться с унитазом.

— Э-э… сигары?

— Кстати, у нас здесь все стерильно, — повернулась она к Уани.

— А… да… — протянул он, одновременно улыбаясь и хмурясь; в обоих, когда они смотрели друг на друга, чувствовалась какая-то неловкость, как будто Кэтрин знала, что Уани собирается нюхать у них в туалете кокаин.

Она повела их обоих вниз по лестнице, под сень разлапистого инжирного дерева, к расчерченной

---

[13] Примечания: 13
Курительная (фр.).

флажками поверхности бассейна.

Бассейн занимал одну из широких террас, открытую к югу, так что блеск воды был заметен издалека. У ближнего берега — домик для переодевания, маленький, с закрытыми ставнями: к нему и обратно вели мокрые следы ног. Вокруг бассейна там и сям стояли пухлые кушетки, развернутые к солнцу, а ближе, под огромным красным зонтиком, в черном купальнике со спущенными с плеч бретельками, растянулась с закрытыми глазами Рэйчел. Рот у нее был приоткрыт: должно быть, уснула — или просто на несколько секунд задремала под жарким солнцем. Ника поразила ее красота и беззащитность; никогда прежде он не видел ее полуобнаженной — и с некоторым неудовольствием вспомнил о том, что рядом с ним стоит Уани. В нескольких футах, под углом к ней, лежал, опершись на локоть, Джеральд в темных очках: рядом стоял бокал с растаявшим льдом, лежала раскрытая книга, но он спал — и, кажется, спал крепким сном. А в бассейне, на мелководье, лежал на животе Джаспер — смотрел вдаль и всем своим видом напоминал скучающего подростка. Ногами в мешковатых трусах всех цветов радуги он болтал в воде, и на виду появлялась то одна, розовая, ягодица, то

другая, лимонножелтая. Ник заметил, что Уани не сводит с него глаз.

Из домика для переодевания вышел Тоби, и Кэтрин, видно решив, что они достаточно налюбовались отдыхающим семейством, громко воскликнула:

— Смотрите, кто пришел!

И все проснулись.

— Ну вы тут и разлеглись! На кого вы похожи, развалины какие-то! — добавила Кэтрин и расхохоталась особым, «ненормальным» смехом, который в последнее время, как патентованная душевнобольная, себе усвоила.

Джеральд немедленно что-то заговорил, Рэйчел потянулась и села, и молодые люди бросились наперегонки, чтобы ее поцеловать. Громко шлепая по воде, выбрался из бассейна Джаспер. Всех их Ник довольно давно не видел, и теперь, застигнутые врасплох в полуобнаженности частной жизни, все они казались ему дивно прекрасными; и еще показалось вдруг — должно быть, блеск солнца на воде напомнил ему о давнем видении Кэтрин, — показалось, что на всех них лежит отблеск чего-то сверкающего и черного.

За ужином под навесом семейство утопило их в гостеприимстве высшей пробы: Феддены

наперебой жаловались, как скучно им было до сих пор, и восторгались тем, как теперь, когда Ник и Уани здесь, все пойдет иначе. Казалось, до сих пор семья томилась взаперти, и появление гостей освободило ее из темницы. Уани вежливо соглашался со всем, что ему предлагали, хотя при словах Тоби: «…а еще можно спуститься в пещеру и поплавать в подземном озере…» — заметно заерзал на стуле.

— А еще, — сказал Джеральд, — обязательно надо съездить на велосипедах в Отфор. Правда, это двадцать километров — но, слава богу, свободный денек у нас найдется!

Джаспер сжал под столом колено Ника и сообщил ему шепотом, что в Подьё есть уютный бар, «куда стоит сходить парню вроде тебя». Кэтрин с явственными сатирическими нотками в голосе предложила написать его портрет, но тут все запротестовали: что же, бедному Нику придется часами сидеть, ничего не делая? И Рэйчел с неизменной легкой улыбкой заключила: она надеется, что Нику и Уани будет позволено ничего не делать, если они того пожелают.

— Разумеется, разумеется, — неискренне ответил Джеральд.

Он был ленив, но пассивного отдыха не любил

— пассивность не оставляла места для самоутверждения. И ежегодное перечитывание у бассейна какого-нибудь классического романа потолще явно его не удовлетворяло, хоть он и твердил всем и каждому, что получает истинное, ни с чем не сравнимое наслаждение.

— По-моему, велосипедный поход вам понравится, — заявил он. — Мы с восемьдесят третьего года не ездили в Отфор! — И, налив себе вина, отставил бутылку в сторону, на край освещенного свечами стола.

— Как вам понравилось в Венеции? — поинтересовалась Рэйчел.

Обращалась она к Нику, но тот решительным взглядом переадресовал вопрос Уани.

— Потрясающе! — ответил тот. — Удивительное место!

— Да, знаю… потрясающее, в самом деле, — ответила Рэйчел. — Вы раньше там не были?

— Вы удивитесь, но не был ни разу. — Уани, едва знавший Джеральда и Рэйчел, без труда освоил и подхватил их стиль — стиль непринужденной дружеской болтовни.

— Где вы жили?

— В «Гритти», — ответил Уани, поморщившись и пожав плечами, словно желая сказать, что они

пошли по пути наименьшего сопротивления.

— Боже мой!.. Надо же!.. — проговорила Рэйчел с совершенно непередаваемым выражением: она и восхищалась великолепием «Гритти», и в глубине души соглашалась, что, будь они лучше осведомлены, могли бы выбрать место еще утонченнее.

— Вам обязательно надо там побывать, — сказал Уани.

Рэйчел покачала головой.

— Ну, может быть, когда-нибудь…

— Э-э… Киска, как называлось то место, где мы останавливались? — поинтересовался Джеральд.

— Не знаю, — ответила Кэтрин.

В прошлом году, по случаю своего «излечения», она ездила с родителями в Венецию, но теперь уверяла, что почти не помнит этой поездки.

— Должен сказать, мы там прекрасно провели время, — безмятежно продолжал Джеральд.

— Да, классное место, — улыбнувшись ему, ответил Джаспер: в глазах его плясали огоньки свечей, и казалось, что он наслаждается какими-то интимными воспоминаниями.

— Когда вы в последний раз там были? — поинтересовался у него Ник.

— Дайте-ка вспомнить… — Джаспер наклонил

голову, и прядь волос упала ему на глаза. — Два года назад… нет, три.

— И где вы жили? — в свою очередь, спросил Уани.

Ник догадался, что в голове у него тоже бродят мысли о смятых простынях и брошенных полотенцах. Джаспер, казалось, быстро перебрал в голове несколько вариантов возможных ответов, прежде чем сказать:

— Ну, собственно… у наших друзей там квартира, вот там и жил.

— Как же вам повезло! — мягко проговорила Рэйчел; трудно было сказать, поверила она или нет.

— Близко от Сан-Марко? — спросил Ник.

— Недалеко, — ответил Джаспер и потянулся за бутылкой, чтобы передать ее Джеральду, который заметил:

— А особенно нам понравился Караваджо!

Ник промолчал; ему было интересно, как отреагирует Уани. У того хватило ума осторожно протянуть:

— Я не совсем уверен…

— Да нет же, дорогой, не Караваджо… — моргнув, проговорила Рэйчел.

А Кэтрин, хлопнув ладонью по столу, подска-

зала:

— Карпаччо!

Джеральд выдавил улыбку и сказал:

— Как это вам удается все запоминать!

Смутить Уани было почти невозможно.

— Но самое большое впечатление, — проговорил он, улыбаясь с почти порочным обаянием, — произвела на меня архитектура рококо в Мюнхене!

Наступило молчание: несколько секунд все скребли вилками по тарелкам, переваривая это заявление. Уани молчал, скривив губы в легкой улыбке; в этот миг, освещенный таинственным желтым светом свечей, он был очень похож на своего отца. Ник любовался им — и наивным бесстыдством, с каким Уани прикарманивал его фразы, и простодушным удовольствием, с каким здесь, во Франции, на террасе прекрасного старинного дома, в «семье» Ника, он разыгрывал роль эстета с такой же самоуверенностью, как сам Ник — в доме на Лаундс-сквер. Правда об их европейском путешествии — ночные клубы, секс, кокаин — пусть останется между ними. Есть и еще один слой правды, но о ней Ник никому не расскажет.

— Да, помню, как тебе понравилось, — сказал

он.

— Ты ведь был в Мюнхене, милый… — повернулась Рэйчел к Джеральду.

— Да, да, — ответил Джеральд с тем благодушно-снисходительным видом, с каким обыкновенно предавался воспоминаниям о своей жизни до женитьбы. — Мы с Бэджером заезжали в Мюнхен по дороге в Грецию. Я ведь вам рассказывал о нашем знаменитом путешествии в Грецию? Так вот, Бэджер меня старался и близко не подпускать ко всяким этим рококо…

— Там есть одна церковь, особенно красивая, — сказал Ник.

Тут Тоби, весь ужин просидевший молча, вдруг спросил:

— А в чем разница между барокко и рококо?

— Ну, видишь ли, — терпеливо улыбаясь старому другу, проговорил Уани, — барокко более объемно и жизненно, рококо — легче и декоративнее. И, кроме того, оно асимметрично. — Тут он замысловато повел рукой в воздухе и взмахнул ресницами. Невероятно, думал Ник, просто невероятно; неужели они не видят, что он, как попугай, повторяет чужие слова? — Попросту говоря, рококо — это то, во что выродилось в конце концов барокко, — заключил он так, словно и в

самом деле не мог объяснить проще.

— М-да, удивительно, — рассеянно пробормотал Джеральд.

— Фу! Терпеть не могу все эти завитушки, — откликнулась Кэтрин.

— Разумеется, киска, когда это тебе нравилось то же, что и нам? — отозвался Джеральд.

— Все это игрушки для богачей, — объявила Кэтрин. — Вроде трусов с разрезом.

— Э-э… — протянул Тоби, будто не сразу понял, о чем это она, и покраснел.

Уани не хотел спорить; он сказал:

— Прекрасная тема для нашего журнала. Только подумайте: роскошь прошлого в современном мире! — И, немного подумав, добавил: — Вообще-то это идея Ника.

— А, тогда всё сразу становится понятно, — сказал Тоби.

— Надеюсь, все-таки не всё, — проворчал Ник, и вся компания дружно рассмеялась.

Он лежал во тьме, вдыхая запах горящей антикомариной спирали. Ночь была очень тихая, и Ник слышал, как в своей комнате напротив ходит, раздеваясь, Уани. Ник хотел бы сейчас быть с ним — как в прошедшие десять дней, в немыслимой роскоши первоклассных отелей;

однако и одиночество было ему приятно: к обычному облегчению гостя, наконец-то закрывшего за собой дверь, примешивалось нечто более глубокое — одиночество влюбленного, позволяющее измерить и подтвердить глубину чувств, приятное именно потому, что оно, как точно известно, скоро закончится. Из комнаты Уани донесся щелчок выключателя, погасла полоска света под дверью — темнота в спальне стала еще темнее. Ник задумался о том, чувствует ли Уани сейчас то же, что и он, думает ли о нем, прислушивается ли к тишине; быть может, так же, как Ник, лежит в темноте с открытыми глазами, рассеянно поглаживая свой пенис — не мастурбация, нет, скорее инстинкт, позволяющий хоть на миг создать иллюзию не-одиночества… Или, может быть, он сейчас взбивает подушку', со вздохом устраивается на ней головой и плечом, сворачивается в клубок — его любимая поза, при виде которой Нику всегда хотелось лечь рядом, обнять, защитить. Можно пойти к нему — кровати в обеих спальнях достаточно широкие; однако тихой ночью самые ничтожные звуки разносятся по всему дому, и для Уани, боязливо охраняющего их тайну, скрип отворяющейся двери прозвучит как тревожный щелчок курка.

Час спустя Ник проснулся — ему приснился сон о Венеции — и спросонья в ужасе уставился на серый квадрат окна и бесформенную глыбу гардероба. Потом к нему вернулись, словно поднялись по лестнице из глубин сознания, воспоминания о событиях последних суток. Стояла удушливая жара: Ник отшвырнул простыню и одним махом осушил стоящий на столике стакан с водой. Ему приснилось, что Уани утопился: встал на бортик канала, присел, словно пловец перед прыжком, бросил через плечо растерянно-обвиняющий взгляд и прыгнул в воду.

Все путешествие они не знали, куда спастись от жары. Над Венецией и всеми ее чудесами стоял удушливый запашок разложения, на сияющих улицах Мюнхена температура достигала тридцати градусов. Оба страдали от жары молча, не признаваясь друг другу. Они пошли в Азамкирхе: Ник сиял и вздыхал от восторга, Уани оглядывался вокруг с добродушно-благо-желательным видом, но словно ожидая, что ему сейчас что-то разъяснят. И Ник пытался объяснить, сгорая от желания разделить с ним эту красоту, но Уани, то ли из гордости, то ли из стыдливости, слушал его с насмешливой улыбкой. Краткие объяснения он выслушивал с благодарностью и старался

запомнить, но пространные неприятно задевали его, как будто умаляли его самооценку. Скоро он сказал, что подождет во дворе, и вышел — а Ник остался, наслаждаясь в одиночестве и втайне гордясь своей утонченностью. Еще прекраснее оказался дворец Нимфенбург — когда-то, возможно, и вправду игрушка для богачей, два века спустя он обрел свое истинное значение.

В первый же день в Мюнхене Ник отправился в гей-магазин под названием «Следуй за мной». Уани долго не соглашался идти с ним, но в конце концов, презрительно фыркнув, сдался. В магазине, среди кожаной сбруи и порножурналов с поразительно юными моделями, они приобрели большой запас презервативов (которыми Уани все равно старался не пользоваться) и мировой гей-путеводитель «Спартак» — огромный том в мягкой скользкой обложке из плотной бумаги, этакую еретическую библию. Потом отправились на такси в Английский парк и, пройдя немного между деревьями, вдруг поняли, что люди вокруг них раздеты. Голые немецкие семьи, сидя на траве, с истинно немецкой невозмутимостью угощались бутербродами и газировкой. А немного поодаль жарились на солнышке почти сплошь молодые мужчины, и молчаливое напряжение

между ними было ощутимо, как пыль и жужжащая мошкара в воздухе. Меж крутых берегов бежал чудный холодный поток — Айсбах: Ник разделся, зашел в воду, осторожно ступая по крупной гальке, оттолкнулся от дна — и поплыл, смеясь, задыхаясь от смеха, махая Уани рукой; течение несло его вдоль берега все дальше и дальше, мимо улыбающихся нагих мужчин, мимо парней с гитарами, мимо обнаженных волейболистов, к лесу, к дальней пагоде… пока он не заметил, что мальчишки — вполне одетые мальчишки — смеются с берега и показывают на него пальцами, а чуть подальше прогуливаются с собаками вполне одетые взрослые, такие нормальные на вид, словно никогда ничего не слыхали о нудистском рае чуть выше по течению, за излучиной реки. Ник развернулся и поплыл против течения; начав задевать ногами о камни, выпрямился и пошел по мелководью, кое-как выбрался на берег и бросился бежать стыдливыми рваными скачками, прикрывая рукой жалко съежившийся член…

Тут он снова проснулся и в следующий миг сообразил, что ничего этого не было. Они просто лежали на пляже, подставляя спины и бока яростному солнцу; Уани попробовал закадрить

мальчишку-разносчика пепси — и удивился, искренне и простодушно, обнаружив, что паренек не продается. Ник сел, прокашлялся, перевернул подушку и снова лег. Теперь он тонул в розово-серых тучах, которые видел сегодня утром, приземляясь в Бордо. Тучи были грозовые: но гроза ушла в сторону, и в облачном проеме перед ними внезапно открылись пруды, теплицы и каналы, сквозь пелену туч жадно ловящие блеск солнечных лучей.

(2)

Утром в понедельник Уани попросил разрешения сделать несколько телефонных звонков.

— Разумеется! — сказала Рэйчел.

А Джеральд добавил:

— Конечно, дорогой мой друг! — и указал широким жестом в сторону чуланчика, где располагались телефон и новенький факс.

— Просто деловые звонки, — словно извиняясь, пояснил Джеральду Уани.

Он вышел и осторожно, чувствуя, что все на него смотрят, прикрыл за собой дверь. Прошлым вечером Уани рассказывал Джеральду, что купил участок в Клеркенуэлле, и спрашивал его советов по постройке и продаже дома. Выйдя из комна-

ты с телефоном, он попросил разрешения взять «Рейнджровер» и съездить в Перигё, на этот раз не сказав, а лишь намекнув, что дело связано с «бизнесом», а именно с журналом. Эту его фальшиво-озабоченную мину Ник хорошо знал — и не без трепета подозревал, что будет дальше. Но Джеральд, явно умиляясь собственной доброте и сговорчивости, громко прокашлялся и сказал:

— Да-да, конечно… почему бы и нет? Чувствуй себя как дома… — И добавил: — Кому же, как не мне, знать, что такое бизнес!

— Дело в том, что здесь, оказывается, проездом будет один очень хороший фотограф, и после всех чудес, что вы мне наговорили о том соборе…

— А, Сен-Фрон! — проговорил Джеральд, явно польщенный. — Да-да, конечно…

Ник едва не ляпнул: «Но его же в девятнадцатом веке перестроили до неузнаваемости!» — но вовремя удержался.

— К обеду вернетесь? — спросила Рэйчел, и Уани пообещал, что вернется. Ника он с собой не взял, отчего тот ощутил сразу и ревность, и облегчение.

Автомобиль скрылся в клубах пыли, а они стояли на крыльце и смотрели ему вслед. Будь они в Лондоне, теперь начались бы оживленные

расспросы об отсутствующем; но здесь и сейчас это было как-то не к месту.

Все вышли на террасу, и Джеральд сказал:

— Что за чудный парень этот твой друг!

— Да, чудный, — согласился Ник, почувствовав, что Джеральд нуждается в этом подтверждении, и с гордостью напомнив себе, что теперь Уани — больше его друг, чем Тоби.

— Вот только не совсем понимаю, стоит ли упоминать о его невесте, — продолжал Джеральд.

— Я о ней уже спрашивала, — ответила Рэйчел. — Тут все в порядке. Он сам мне все рассказал. По всей видимости, они поженятся следующей весной.

Ник отвернулся и сделал вид, что любуется пейзажем, стараясь не замечать, как гулко и больно бьется сердце.

С утренней почтой явились несколько пухлых конвертов с бумагами — для Джеральда, и тот, тяжело вздыхая, удалился с ними в угловую комнату. Ясно было, что без Пенни ему с работой не справиться, и еще яснее, что приглашать Пенни сюда он не станет. Угловую Джеральд превратил в свой кабинет, Ник не совсем понимал, чем он там занимается, но выходил оттуда Джеральд, как правило, с торжествующей улыбкой на устах,

порой чуть ли не на цыпочках, словно человек, которого распирает от какой-то радостной новости. О Пенни Ник старался не думать — и более или менее в этом преуспел: порой ему даже казалось, что он сам все выдумал. С Рэйчел Джеральд был неизменно ласков и любезен, и, лежа бок о бок на пляже, они казались совсем юными, прекрасными и влюбленными. Однако чувствовалось в Джеральде какое-то внутреннее напряжение, какая-то неловкость, словно отдых стал для него сразу и наградой, и наказанием.

Ник отправился бродить по потаенным уголкам усадьбы. Утро без Уани казалось ему одиноким и бесцельным. Он спускался по раскрошившимся каменным ступеням с террасы на террасу, словно погружался в глубины собственной меланхолии. Чем ниже, тем круче становился спуск; самые нижние террасы, невидимые из окон дома, выглядели заброшенными; сквозь тонкий слой почвы здесь пробивалась травка. Деде и его сын, по всей видимости, сюда и не заглядывали — оно и понятно, здесь вряд ли бывал кто-нибудь, кроме любопытных гостей. По увядшим листьям тут и там шныряли ящерки, издали доносился рокот какой-то сельскохозяйственной машины, и, должно быть, от этого звука террасы казались

Нику не столько садом, сколько заброшенным полем. На них росли каштаны, тяжелые от избытка плодов. Добравшись до забора, Ник выглянул наружу — и увидел полуразвалившуюся каменную ограду, стог еще зеленой травы и проржавевший трактор. Он делал то же, что и всегда — изучал чужой дом и его окрестности лучше, чем знали его сами хозяева, создавая иллюзию владения этим местом. Теперь, если Рэйчел вдруг скажет: «Хорошо бы сейчас поваляться на сене!» — Ник, словно первый ученик в классе, без запинки ответит: «Да ведь у вас есть стог сена надо спуститься вниз, потом направо, выйти за ограду и…» Но тут же его поразила мысль, что истинные владельцы, как правило, не отличаются ни любовью, ни вниманием к своей собственности, и хозяину усадьбы более свойственно не знать, что где-то у него есть луг со стогом сена.

Потом он взял книгу и направился к бассейну. Становилось все жарче, и чистое небо заволакивалось легкой облачной дымкой. Джаспер и Кэтрин весело плескались в воде; Ник застал их в обнимку, в самой недвусмысленной позе, и Джасперу это, кажется, понравилось — он подмигнул Нику. Все еще думая об этом подмигивании, Ник зашел в домик переодеться. В домике всегда, даже

в самые жаркие солнечные дни, было прохладно и сумеречно: Нику подумалось, что это идеальное место для тайных свиданий. Если бы Джеральд не шлялся по дому до поздней ночи, быть может, они с Уани выскользнули бы сюда… Домик был из двух комнат: в первой — раковина, холодильник и разбросанные по полу надувные круги, вторая — раздевалка, со скамьей и крючками на стенах, и тут же, за голубой занавеской, душ. Запиралась только одна дверь, ведущая в довольно пахучую уборную.

Натянув новенькие плавки, Ник вышел к бассейну. В чистой прозрачной воде отражалось чистое прозрачное небо. На поверхности плавало несколько упавших листьев; еще несколько уже ушло под воду и покоилось на голубом бетонном дне. Над водой парили стрекозы. Ник присел и попробовал воду рукой. В дальнем конце бассейна Джаспер поднял Кэтрин и посадил на бортик; вода плескалась меж ее ног, и сам он прильнул к ней так, словно собирался забраться туда же. Она негромко что-то проговорила — кажется, про Ника — а потом крикнула:

— Привет, дорогой!

Джаспер повернулся и поплыл к Нику, молча, лениво загребая руками, улыбаясь обычной са-

моуверенной улыбкой и не сводя с него глаз. Он, как видно, был новичком в соблазнении парней, приемов у него в запасе было немного, и он с ребяческой гордостью выкладывал сразу их все, не слишком беспокоясь о результатах. Ника это смущало и казалось вульгарным, что, впрочем, не мешало Джасперу фигурировать в некоторых его фантазиях, по большей части садистского свойства: даже напротив, от этого фантазии становились острее. Джаспер плыл к нему, взбивая вод) — ногами, и в первые несколько мгновений Нику показалось, что он обнажен — лишь когда тот доплыл и выпрямился в воде, стало ясно, что на нем крошечные, телесного цвета, плавки.

— Как тебе трусики Джаса? — поинтересовалась Кэтрин, явно заметив, что Ник с интересом его разглядывает.

— При ее маме я стараюсь эти плавки не надевать, — откликнулся Джаспер. Он замер в картинной позе, втянув загорелый живот, и озарил Ника белозубой улыбкой.

— Ну-ка скажи, о чем ты сейчас думаешь? — вкрадчиво поинтересовалась Кэтрин.

— М-м… — неопределенно протянул Ник. — Я бы сказал, дорогая, здесь остается мало простора для воображения.

И, отвернувшись, поплыл к дальнему берегу, где оставил книгу.

Он читал воспоминания Генри Джеймса о своем детстве, «Малыш и другие», и безуспешно старался подавить возбуждение: уже три дня им с Уани даже в щечку поцеловаться не удавалось. Книга, написанная уже престарелым и умудренным автором, требовала полного внимания, едва ли возможного, когда страстно и безнадежно мечтаешь о своем любовнике и в то же время украдкой следишь из-за темных очков за другим парнем, выставляющим себя напоказ и явно старающимся тебя возбудить. Время от времени Ник закрывал книгу и ронял себе на колени, пытаясь хоть ее тяжестью подавить предательскую эрекцию под гладким черным нейлоном. Некоторые фразы он мысленно отмечал, чтобы потом использовать самому — например, «продолговатая мучнистая плитка» вместо «вафля». И, снова отложив книгу, задумывался: что-то поделывает сейчас Уани? Что, если кого-нибудь подцепил в Перигё? Ник недовольно поморщился, на его взгляд, Уани чересчур любил спать с проститутками, что Нику казалось вульгарным, да и опасным. Новая мысль пришла ему в голову, заставив поморщиться еще сильнее, — хорошо

бы сейчас нюхнуть. Едва ли не главная прелесть Уани, сердцевина его таинственного обаяния, состояла в том, что в любом европейском городе он мог без труда достать кокаин. В Мюнхене Ник десять минут ждал в такси перед банком, напряженно разглядывая мощные стены и кованые чугунные ворота, пока Уани внутри «встречался с приятелем». Фотограф в Перигё — это, возможно, еще один такой же «приятель». Из бассейна донесся пронзительный визг — Джаспер с Кэтрин гонялись друг за другом и плескались водой. Ник порадовался, что Уани пропустил демонстрацию плавок, и подумал, что позже непременно ему об этом расскажет — просто чтобы подразнить. Ему самому хотелось поплавать, но бассейн был занят: сейчас Джаспер с Кэтрин целовались прямо посредине водоема, и весь бассейн, словно ложе любви, принадлежал только им. Они подначивали друг друга, пьянея от собственной смелости; Ник чувствовал, что, если прыгнет в бассейн, Джаспер так или иначе убедит его к ним присоединиться. Он здесь играл роль Дядюшки Ника, взрослого и скептичного, и это, должно быть, больше всего заводило Джаспера. Пожалуй, он был бы не прочь отдаться Нику — вот только Ник не собирался доставлять ему такого

удовольствия. Минуту спустя они вылезли на берег (Джаспер — с красноречиво торчащим под плавками членом) и отправились в домик переодеваться. Эдгар Аллан По, пишет Джеймс, в его детстве «не присутствовал лично» — однако, когда он умер, мальчика «поразила глубина его отсутствия». Минута текла за минутой, из домика слышался шум душа; Ник читал, сгонял с ноги любопытную бабочку, и недовольство его перерастало в нетерпение и зависть. «Глубина отсутствия»: иногда Мастер в своей тактичности становится почти жестоким. Ему вспомнилось, что говорила Рэйчел о свадьбе Уани, представилось, как Уани делает с Мартиной то же, что Джаспер с Кэтрин, и, содрогнувшись от горькой ревности, Ник поспешно сказал себе: нет, это чепуха, этого быть не может. И продолжал читать, с усилием вглядываясь в слова на странице, ставшие вдруг чужими и бессмысленными.

(3)

На следующий день, на пыльной площадке во дворе, Тоби учил Ника и Уани играть в буле. Уани поначалу робел, но скоро обнаружил, что у него хорошо получается, и отдался игре с азартом, безо всякой иронии гоняя мяч и вопя от радости, когда

удавалось запустить его точно в ворота.

— Bien tiré![14] — улыбался Тоби; видно было, что ему приятно вновь сблизиться со старым другом, но и немного стыдно оттого, что он не привык проигрывать.

У Ника порой тоже случались удачи, и его награждали аплодисментами, но основная схватка шла между Тоби и Уани. Разжившись коксом, Уани стал куда более общителен и энергичен.

— Похоже, он наконец-то у нас освоился, — замечал Джеральд, словно управляющий прославленного отеля; он, разумеется, всю заслугу приписывал себе.

— Да, да, — поддерживала Рэйчел, — отвлекся от дел и начал по-настоящему отдыхать.

И все согласно закивали. Сейчас семье требовалась особая солидарность: вот-вот должны были приехать Типперы и леди Партридж. Типперов не хотел видеть никто, кроме Джеральда, и Ник, наскучив игрой, то и дело подходил к ограде и смотрел на дорогу, с тайным страхом ожидая увидеть там чужой автомобиль и в то же время с гордостью думая о том, что он, Ник Гест, отдыхает во французской глубинке, в прекрасном старом

---

[14] Примечания: 14
Хороший удар! (фр.)

особняке, рядом с тремя красивыми парнями.

Тоби как раз запустил мяч через все поле, когда в воротах показалась огромная белая «Ауди» сэра Мориса Типпера.

— Ну вот, блин, — сказал Тоби и, покорно улыбаясь, замахал рукой.

За спиной сэра Мориса виднелись леди Партридж и леди Типпер: вид у обеих был покорный, как у любых женщин (даже самых богатых и аристократичных), которых сажают на заднее сиденье и везут бог знает куда. Ник побежал открыть им дверь: запах кожи и спрея для волос моментально поведал ему всю повесть об их путешествии. Леди Партридж спустила обе ноги на землю, встала и величественно огляделась кругом: ей требовалась не помощь, а всеобщее внимание.

— В прежние времена, — проговорила она трубным голосом, — в прежние времена я сюда ездила на поезде.

— Бабушка, как прошел полет? — поцеловав ее в щеку, поинтересовался Тоби.

— Отлично, просто отлично, — отвечала леди Партридж; поцелуя она, как обычно, словно и не заметила. — И сюда из аэропорта мы отлично доехали. Салли мне столько интересного расска-

зала об опере… — И она одарила молодых людей острой, как бритва, улыбкой.

— В первом классе, — сказала Салли Типпер, — места точно такие же, как в туристическом. Обед подают на фарфоровой посуде, вот и вся разница. Морис хочет написать об этом Джону. — Перевела взгляд на своего мужа, пожимающего руку Тоби, и сказала тоном холодного, вымученного сострадания: — Ах, здравствуй, Тобиас!

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — с такой же вымученной улыбкой ответил Тоби, стараясь не смотреть в глаза человеку, который мог бы стать его тестем, и пошел к машине за чемоданами.

Ник коротко поздоровался со всеми: как и много раз в прошлом, он чувствовал себя здесь лишним. Из дома показалась Кэтрин.

— О, Кэти, а ты как поживаешь? — спросила Салли Типпер.

— Я все еще чокнутая, — сообщила Кэтрин.

На крыльце появились Джеральд и Рэйчел.

— Отлично, отлично… — проговорил Джеральд. — Вы нас нашли…

— Сначала мы были уверены, что вы живете в том великолепном шато выше по склону, — ответила леди Типпер.

— Да нет, — сообщил Джеральд, — шато нам больше не принадлежит, теперь мы, как простые смертные, обитаем здесь.

Начался сложный обмен поцелуями; наконец сэр Морис оказался щекой к щеке с Джеральдом и, отстранившись и сухо рассмеявшись, проговорил: «Нет-нет, особенно здесь, во Франции!»

Типперы не умели отдыхать. Приехали они с четырьмя огромными чемоданами и множеством сумок, которые требовалось носить осторожно, однако, как скоро выяснилось, о многом забыли. Они тихонько переговаривались между собой, и вид у них при этом был не то смущенный, не то рассерженный. В первый же день сэр Морис объявил, что ему будет приходить много факсов, и поинтересовался, хватит ли в доме бумаги. Была только половина пятого, но Джеральд решил отметить приезд гостей «Пиммзом», а леди Партридж присоединилась к сыну с джином и дюбонне. Типперы попросили чаю и устроились под навесом, недоверчиво взирая на окрестный пейзаж. Явилась с подносом Лилиана — медлительная, с застывшим страдальческим лицом, — и Салли Типпер принялась объяснять ей, какие особые подушки ей требуются. Сэр Морис и Джеральд заговорили о какой-то крупной

сделке: говорил в основном сэр Морис, а Джеральд слушал рассеянно, потягивая напиток из бокала. Леди Партридж жаловалась Рэйчел, что в Королевском фестивальном зале в этом году страшно воняло хот-догами. Рэйчел ответила: ну что ж, теперь, когда от Красного Кена избавились, наверняка все изменится к лучшему; но леди Партридж покачала головой, не желая слушать утешений. Ник наивно попробовал заинтересовать сэра Мориса местными красотами, которых сам еще не видел.

— Вы прекрасно рассказываете! — заметил сэр Морис и быстро улыбнулся Джеральду и Тоби, как бы говоря, что его так легко не проведешь.

Он привык никому не доверять, и все приятное возбуждало в нем подозрение. Особенно смущала и раздражала его демократичность жизни на отдыхе. Глядя в его постное, гладко выбритое лицо с золотыми очками на носу, Ник размышлял о том, что богатство, как видно, далеко не всегда связано с наслаждением — по крайней мере, наслаждением того сорта, которого ищет и к которому стремится большая часть человечества.

У Салли Типпер были длинные белокурые волосы, уложенные в искусном беспорядке, и множество болтающихся, блестящих и звякаю-

щих драгоценностей. Она все время то кивала, то мотала головой; улыбка ее появлялась и исчезала внезапно, и от этого казалась механической. Перед обедом Салли заявила, что хотела бы выпить аперитив в доме: дурной признак, если учесть, что на отдыхе Феддены старались за закрытыми дверями только спать. Все расселись в кабинете. Ник присматривался к гостям: он видел имена «Сэр Морис Типпер и леди Типпер», выведенные золотыми буквами на доске благотворителей в Ковент-Гарден, и несколько раз видел леди Типпер вместе с дочерью, но с сэром Морисом встретился впервые. Надо найти тему для разговора, подумал он и негромко сказал, что последняя постановка «Тангейзера» не очень хороша.

— Да, очень, очень хороша! — не расслышав, усердно закивала леди Типпер. — Джуди, вам обязательно нужно послушать! Знаете, этот хор пилигримов…

Леди Партридж, en famille[15] чувствовавшая себя свободнее обыкновенного, возразила:

— Ах нет, дорогая, меня в оперу приглашать бесполезно. Я там и не бывала никогда, кроме одного раза, лет тридцать назад… меня сын во-

---

[15] Примечания: 15
В кругу семьи (фр.).

дил, — и кивнула в сторону Джеральда.

— А что вы слушали, Джуди? — спросил Ник.

— Кажется, «Саломею», — подумав, ответила леди Партридж.

— Удивительно! — воскликнула леди Типпер.

— В самом деле, это был просто кошмар какой-то, — ответила леди Партридж.

— Ох, мама! — укоризненно воскликнул Джеральд; он прислушивался к разговору с рассеянной улыбкой, одновременно слушая рассуждения сэра Мориса об акциях.

— Я восхищен вашим вкусом, Джуди, — поспешил заметить Ник — и сам понял, что прозвучало это очень глупо.

— М-м… это ведь, кажется, Стравинский?

— Нет-нет, — ответил Ник, — гораздо хуже: Рихард Штраус. Кстати, Джеральд, я недавно нашел у Стравинского замечательное высказывание о вашем любимце.

— Прошу прощения, Морис… — пробормотал Джеральд.

— Роберт Крафт спросил его: «Как вы относитесь к операм Рихарда Штрауса?», и Стравинский ответил… — и Ник с наслаждением отчеканил: — «Эта квинтэссенция торжествующей пошлости годится лишь для наказания грешников в чисти-

лище. Музыка Штрауса так дешева и бедна, что едва ли способна заинтересовать современного музыканта».

— Что-о? — с негодованием протянул Джеральд.

— Не знаю, при чем тут «современность», но, по-моему, Штраус намного выше самого Стравинского! — объявила леди Типпер, а сэр Морис бросил на Ника сумрачный и недовольный взгляд из-под очков.

За ужином Джеральд довольно много выпил. Кажется, он хотел напоить и сэра Мориса, чтобы на следующее утро укрепить приятельство мучениями совместного похмелья; но сэр Морис пил, как и вел дела, осторожно и подозрительно, и когда Джеральд протягивал ему бутылку, чаще всего с улыбкой прикрывал ладонью свой бокал. Лицо Джеральда в мерцающем свете свечей приобрело оттенок какого-то почти непристойного веселья; во второй раз за вечер он принялся рассказывать, что департамент Перигор делится на области, называемые зеленой, белой, черной и пурпурной.

— И мы сейчас в белой, — сухо подытожил Морис Типпер.

Беседа, как часто случалось за столом у Федде-

нов, перешла к премьер-министру. Ник заметил, как поморщилась Кэтрин, когда ее бабушка воскликнула:

— Да, она поставит эту страну на ноги! — в своем верноподданическом жаре позабыв, в какой стране сейчас находится. — На Фолклендах она им показала, верно?

— Эта старая карга только и умеет что бряцать оружием, — пробормотала Кэтрин.

— О да, такого врага никому не пожелаешь, — провозгласил Джеральд. Сэр Морис его явно не понял, и Джеральд пояснил: — Плохо оказаться у нее на пути.

— Да, в самом деле, — сказал сэр Морис.

Уани подождал, пока все взгляды обратятся на него (это получалось как-то само собой), и сказал:

— Да, многие так говорят, но, знаете, я вижу в ней и нечто иное. Она ведь удивительно добра… — Помолчал, словно припоминая какую-нибудь трогательную историю, и, ничего не припомнив, добавил: — Готова на любые жертвы, чтобы помочь тем… тем, кто ей дорог.

Морис Типпер гулко прокашлялся, выразив этим звуком одновременно уважение к миссис Тэтчер и неодобрение ее доброте, а Джеральд

сказал:

— Разумеется, вы ведь с ней знакомы, — на случай, если из реплики Уани это было недостаточно ясно.

— Ну, собственно, да, — благодарно пробормотал Уани.

— Я ее обожаю! — воскликнула Салли Типпер, возможно надеясь, что после такого заявления в личном знакомстве с премьер-министром заподозрят и ее.

— Понимаю, — ответил Джеральд. — Эти ее голубые глаза — в них ведь можно утонуть, правда?

Сэр Морис так далеко заходить не собирался, а Рэйчел сказала, легко и со значением: «Моего мужа она просто обворожила» — и разговор перешел на другое.

Ник смотрел поверх их голов в окно, где в ночном просторе таинственно мерцали огоньки невидимых днем ферм и дорог. Он по большей части молчал, очарованный шепотом деревьев и мерцанием звезд среди сплетенных ветвей. Вечер спас Уани: он, похоже, искренне восхищался Морисом Типпером и поставил себе задачу — весьма, надо сказать, нелегкую в обоих пунктах — его развлечь и произвести на него впечатление.

Перед кофе он надолго удалился в туалет и вернулся заметно повеселевшим: когда он принялся изображать Майкла Фута, хохотала даже Кэтрин, и даже леди Партридж, задремавшая было за столом, проснулась и повеселилась от души.

Наутро, пока было еще не слишком жарко, Типперы отправились к бассейну: она — в огромной шляпе и с целым набором кремов от загара, он — с портфелем в одной руке и новым Диком Фрэнсисом в другой. Ник в это время занимался утренней зарядкой: как правило, он пренебрегал этой традицией, но сегодня решил ее возобновить, чтобы отдалить встречу с неприятными гостями. Когда он спустился вниз, леди Партридж, умевшая плавать, но очень медленно, бултыхалась уже почти посредине бассейна бок о бок с Салли Типпер, не обращая внимания на попытки последней завести беседу. Морис Типпер в облегающих шортах бисквитного цвета устроился за столиком под тентом, читал факсы и делал в них пометки. Судя по лицу, он был совершенно счастлив. Изгнанник Ник отправился в свой любимый дальний угол на нижней террасе и там, в обществе ящериц, раскрыл «Малыша и других».

В полдень сверху послышались голоса: гостей звали поехать пообедать в город. Ник пошел их

проводить. Тоби вытягивал дополнительные сиденья в задней части «Рейнджровера» и проверял, надежно ли они закреплены: его труды задерживали отъезд и помогали скрыть облегчение тех, кто оставался дома.

— Мы ведь не хотим, чтобы вы вылетели через ветровое стекло, — объяснил он леди Типпер.

— Надеюсь, этот ресторан вам понравится, — жизнерадостно проговорил Джеральд, жестом приглашая Мориса сесть с ним рядом на переднее сиденье.

— О, Морису нельзя ничего жирного и острого, — проговорила Салли. — Видите ли, у него печень… — И с жалобной миной добавила: — Боюсь, даже наш вчерашний ужин оказался для него чересчур тяжел.

— Не беспокойтесь, все будет хорошо, — не моргнув глазом, безмятежно отвечала Рэйчел.

Джеральд, огорченный невниманием гостей к красотам мануара, решил свозить их в Перигё, в ресторан «Chez Claude[16]» — удовольствие, которое обыкновенно приберегалось на последний день отдыха.

— Вот увидите, повар у них и вправду за-

---

[16] Примечания: 16
«У Клода» (фр.).

служивает третьей звезды по мишленовской шкале! — обещал он.

— Честно говоря, мы не такие уж большие гурманы, — с кислой улыбкой отвечала Салли Типпер.

Наконец появились Кэтрин и Джаспер, и Уани со смехом втиснулся вместе с ними в третий ряд. Тоби, словно привратник, захлопнул двери, и «Рейнджровер», мягко зарычав, унесся прочь на обед, который Нику представлялся адской мукой — не из-за города или ресторана, а из-за компании, которая там собралась. Тоби положил руку ему на плечо и повел его обратно в пустой молчаливый дом.

Он приготовил сандвичи на двоих — неторопливо и старательно, нарезая и укладывая на хлеб холодную курицу, салат, оливки, дольки помидоров, которые брызгаются соком, стоит их надкусить. Сандвичи получались неаккуратные, и Тоби с извиняющейся улыбкой заметил Нику (который когда-то подрабатывал в лавке сандвичей и всю эту премудрость изучил в совершенстве), что он, мол, не голубой, так что, не взыщи, с чувством стиля у него плоховато. Потом они отправились с сандвичами к бассейну’ и пообедали под тентом, брызгая соком помидоров

и роняя салат себе на колени.

— Хорошо, правда? — сказал, помолчав, Тоби. — Тихо так…

— Ага, — ответил Ник и улыбнулся. Оба они были в темных очках и не видели глаз друг друга.

— Пива хочешь? — спросил Тоби.

— Почему бы и нет, — ответил Ник.

Тоби отправился в домик и принес из холодильника пару бутылок «Стеллы». Пиво стало чем-то вроде сигнала к разговору, но ни один не знал, с чего начать. Наконец Ник спросил:

— А когда уезжают Морис и Салли? — хотя и сам знал ответ.

— Забавно, что ты спросил, — сказал Тоби. — Я как раз сам об этом думал.

— Не знаю, сколько еще я смогу ее вытерпеть.

— Да, ты у нас просто герой, — почти неодобрительно заметил Тоби. — Хотя она ведь знаток оперы, и все такое.

Ник пригляделся, пытаясь разобрать сквозь две пары солнечных очков, не шутит ли Тоби — но тот, кажется, вполне серьезно полагал Салли Типпер знатоком оперы.

— А он — просто классический филистер, — сказал он.

— Он просто ублюдок, — добавил Тоби, который,

в отличие от своего отца, почти не матерился.

Ник решил сделать это за него:

— Да, настоящий говнюк.

— Нет, в самом деле.

— Объясни, зачем они вообще сюда приехали?

— По делам, разумеется… — Помолчав — он не любил критиковать отца — Тоби договорил: — Знаешь, папа, кажется, всегда хотел, чтобы мы стали одной счастливой семьей, но потом… ну, после этой истории с Софи… теперь он ведет себя так, словно ничего не случилось.

— Значит, дела… — проговорил Ник; ему не хотелось заводить разговор об «истории с Софи». — Типпер ведь, кажется, очень богатый человек?

— Один из богатейших в стране.

— А что ему принадлежит?

— Ник, да ты что! Неужели не слышал о «Типпер компани»? Это же огромный конгломерат!

— А, ну да, конечно…

— Типпер создал его в семидесятых. История была не совсем красивая, после этого его многие возненавидели, зато он стал миллионером.

— Да-да…

— Слушай, где ты был все это время — Чосера читал?

Ник порозовел и охотно засмеялся в ответ. Ему нравилось, когда Тоби его поддразнивал — в этом было что-то очаровательно эротическое. И странно волновало то, что Тоби разбирается в миллионах и конгломератах. Как и то, что он работал в газете, а его отец имеет какое-то отношение к иммиграционной политике или к условиям содержания заключенных.

— Я заглядывал в его факсы, но они словно на иностранном языке написаны.

— Да, представляю.

— Ну, знаешь, сплошные цифры и все такое.

— Ха! Я тоже туда заглядывал. Там все больше о недвижимости, думаю, и папа этим интересуется.

— Сэм Зиман мне говорил, что у Джеральда дела идут отлично.

— Ага. И у него какие-то новые планы.

— У него всегда новые планы…

— Ну да. Знаешь, он в последнее время очень скучает.

— Верно, хотя…

— Я хочу сказать, скучает здесь, во Франции.

— Он ведь всегда говорит, что ему здесь нравится?

— Нет. Ему нравится сама идея. Ну, понима-

ешь… — Тоби частенько случалось высказывать умные мысли вот так, между делом и в нарочито неясной форме, словно он не сам до этого додумался, а от кого-то услышал.

— Наверное, скучает по Лондону, — заметил Ник, гадая про себя, понимает ли Тоби его намек.

— По работе он скучает, — ответил Тоби.

Ник неуверенно рассмеялся, но промолчал — вместо этого встал и стянул тенниску.

— Хорошая мысль, — сказал Тоби, поднялся и, без нужды потянувшись, сделал то же самое.

Ник не отрывал от него глаз. Тоби был по-прежнему очень хорош собой, правда, немного раздался вширь, но это лишь придавало ему привлекательности. Уани, наоборот, с возрастом становился только худее, поджаристее, и орлиный нос его, казалось, все круче загибался книзу. Тоби со вздохом оглядел свой чуть выпирающий животик, сел и сделал пару глотков пива, явно желая что-то сказать и не решаясь, и наконец проговорил:

— Знаешь, Ник, я еще и раньше заметил: ты сейчас в прекрасной форме.

Ник выпятил грудь и втянул живот.

— Спасибо, — ответил он и гордо отхлебнул пива.

— С кем-нибудь сейчас встречаешься?

Этот вопрос тронул Ника, главным образом потому, что он понимал, к чему клонит Тоби. Это напомнило ему оксфордские деньки и собственные неуклюжие попытки навести Тоби на серьезный разговор о себе и о своей семье. И было жаль, что приходится ответить — так беззаботно, как только возможно:

— Да, собственно говоря, нет. — И, помолчав, со вздохом: — А в самом деле, почему это у меня никого нет? Просто позор! — А затем, как бы невзначай: — Кстати, а ты как? Уже присмотрел себе какую-нибудь новенькую?

— Нет, — ответил Тоби, — пока нет. — И, невесело улыбнувшись, добавил: — Понимаешь, эта чертова история с Софи… — Медленно покачал головой, словно припоминая. — Честно, Ник, я так и не понял, что же случилось. Ведь мы собирались пожениться, и все такое.

— Понимаю… — ответил Ник, — понимаю…

— И главное, с моим другом!

— Мне иногда кажется, — проговорил Ник (он точно помнил, что говорил это Тоби уже раза четыре или пять), — мне иногда кажется, что ты дешево отделался.

— Черт бы побрал этого Джейми! — сказал

Тоби.

— Конечно, она просто дура, — с братской прямотой высказался Ник. — Но только представь себе: все летние отпуска проводить с Морисом и Салли!

— А он винит меня. Представляешь? Считает, что я не сумел ее удержать. Морис, то есть. Ему кажется, что из нас получилась бы хорошая пара.

— Конечно, хорошая — для нее. Отличная пара. Куда лучше, чем она заслуживает.

— Хм… спасибо, Ник.

Тоби потянулся за пивом, глядя в сторону. Похвала Ника, как видно, развязала ему язык и навела на новую мысль.

— Знаешь, у нас все было не так уж хорошо, — сказал он обиженно и виновато. — Я имею в виду, в постели.

— А…

— Представляешь, она это называла «побаловаться».

— Да, звучит не слишком многообещающе.

— Вообще в ней было много… ребяческого. Мне кажется, ей это не особенно нравилось.

— Правда? — не удержался Ник.

Тоби вздохнул.

— Говорила, что я ей делаю больно, ну и во-

обще…

Этому могли быть разные объяснения: возможно, Софи фригидна (глядя на ее родителей, этому легко поверить), возможно, член Тоби чересчур велик для нее, или Тоби слишком неуклюж, или просто сам он слишком массивен и тяжеловесен для хрупкой девушки. Ник сказал:

— Что ж, если и в постели у вас ничего хорошего не было, это еще один повод считать, что ты дешево отделался.

Его поразила мысль, что человек, три с лишним года игравший главную роль в его бесконечных фантазиях, на самом деле оказался бездарным — или, скорее, неуклюжим от недостатка опыта и неверного выбора партнера — любовником. Как же повезло ему самому, что в таинства любви его ввел человек опытный и ненасытный… И вдруг — на одну или две секунды — в полуденной жаре Ник содрогнулся от пронзительного ветра той далекой лондонской осени.

Тоби задумчиво допил пиво и отправился в домик за новой порцией.

Позже они немного поплавали, так и не поняв, соревновались друг с другом или нет. Ник перегнал Тоби и сначала этому обрадовался, а потом взгрустнул. Из-за своих тайн — Уани и

кокаина — он чувствовал себя с Тоби словно отец рядом со своим маленьким, ничего не ведающим ребенком: было и хорошо, и грустно, и отчего-то хотелось плакать. Особенно странно было то, что наконец-то сбылась давняя мечта о купании вместе с Тоби, наедине, когда никого нет рядом и никто не сможет им помешать; но сбылась слишком поздно, и это уже не радует.

Они выбрались на берег и выпили еще по баночке.

— Интересно, как они там, — сказал Тоби.

— Хорошо, что они там, а мы здесь, — ответил Ник. — Я хочу сказать, место это наверняка замечательное…

— Отличное место, старина, как-нибудь обязательно тебя туда свожу, — ответил Тоби. — Кстати, как ты ладишь с Уани?

— Нормально, — ответил Ник. — Он со мной очень щедр.

— Он мне говорил, что может во всем на тебя положиться.

— Правда? Гм… Знаешь, он особенный человек.

— Да, всегда такой был. Но со временем ты привыкнешь. Я-то его вдоль и поперек знаю.

— Вы ведь очень давно дружите, да?

— Ну да, очень, — ответил Тоби.

Ник выдавил себе на ладонь немного крема, и Тоби натер ему спину — осторожно, все время объясняя, что именно он делает. Потом Тоби лег лицом вниз, и Ник в первый раз коснулся его нагого тела, нежно и аккуратно втирая крем в загорелые лопатки. В висках у него уже покалывало от солнца и пива, голова отяжелела, глаза слипались, и неожиданно сильная эрекция на этом фоне была вовсе не к месту. Руки его плавно скользили по спине Тоби — совсем как в тысяче неосуществленных фантазий. Когда они скользнули ниже, сердце усиленно забилось, и Ник принялся массировать спину Тоби, подбираясь все ближе и ближе к соблазнительно свободной резинке плавок — а Тоби молчал и не шевелился, ни звуком, ни движением не давая понять, что об этом думает, словно старался помучить Ника неизвестностью… Наконец, закончив, Ник почти отпрыгнул в сторону и поспешно лег на живот. И несколько минут, пока не задремали, оба лежали рядом и, словно влюбленная пара в постели, лениво перебрасывались репликами, не требующими ответа.

Разбудили Ника странный механический шум и ритмичное пыхтение. Это Тоби вытащил из

домика гребной тренажер и теперь упражнялся, натягивая веревку обеими руками. Ник лежал на боку и удивлялся: намеренно, что ли, Тоби устраивает здесь демонстрацию силы? По золотистой от загара спине его струились капельки пота, мышцы на животе так и ходили от напряжения. Странно как-то: грести без весел, сидя над водой, под скрип и урчание механизма… И Нику вспомнилось, как однажды вечером в Оксфорде, когда усталые гребцы сушили весла, готовясь причалить к берегу, он все высматривал на реке Тоби — и наконец увидел его: мощно работая веслом, тот мчался по сонной воде, весь залитый лунным сияньем…

Ник читал под навесом, когда вдалеке послышалось хлопанье дверей и усталые, нелюбезные голоса. Секунд тридцать он заново осваивался с мыслью, что этот дом ему не принадлежит и сейчас вернулись настоящие хозяева. Треснул хрустальный графин, и чудный летний полдень неостановимо течет сквозь пальцы. Появилась, стуча каблучками, Кэтрин: вид у нее был такой, словно ее вот-вот вырвет.

— Хорошо пообедали? — спросил Ник.

— Ох, Ник! Господи… — Она пошатнулась, схватившись за угол стола.

— Присядь, дорогая, присядь.

— Эти Типперы!.. — Она плюхнулась в пластмассовое кресло. — Невежественные, как свиньи, и грубые, как… как…

— Свиньи?

— Точно, грубые, как свиньи! За обед пришлось платить Джеральду. Я посчитала — больше пятисот фунтов! И хоть бы спасибо сказали!

— Мне кажется, им самим не очень хотелось ехать.

— А потом мы поехали в Подьё, и, когда вошли в церковь, они…

— Добрый день, Салли! — проговорил Ник, поднимаясь навстречу леди Типпер, надеясь радостным тоном и любезной улыбкой свести на нет то, что она могла услышать. — Ну что, вам было весело?

Вопрос этот, кажется, застал ее врасплох и даже несколько оскорбил: она дернула головой, словно норовистая лошадь, и резко ответила:

— Да, повеселились, это уж точно!

— Отлично. Я слышал, ресторан в самом деле великолепный. И вернулись вы очень вовремя — мы как раз собирались выпить сока. Тоби пошел за «Пиммзом». Может быть, сегодня посидим на улице?

— М-м… Ну хорошо. А вы чем занимались весь день? — поинтересовалась она, оглядывая его критическим взором.

Ник сообразил, что, должно быть, на лице его отражается скрытое довольство человека, которому позволено было весь день заниматься сладчайшим из дел — ничегонеделанием.

— Боюсь, мы просто бездельничали, — проговорил он и взглянул в сторону Тоби — тот, раскрасневшийся после сна на солнце, появился на террасе с кувшином сока. По лицу Салли видно было, что она верно поняла тайный смысл его слов: он здесь — не чужой, а близкий друг сына хозяев.

Джеральд и Рэйчел довольно долго не появлялись, и Типперы присели за стол, чтобы выпить сока вместе с молодежью. Впрочем, сэр Морис к своему стакану не притронулся. Кэтрин часто моргала и клонила голову набок.

— Сэр Морис, — заговорила она, помолчав, — вы ведь очень богатый человек, правда?

— Ну, пожалуй, да, — ответил он, явно польщенный этим вопросом.

— А сколько у вас денег?

Лицо сэра Мориса затвердело, но, кажется, не от неудовольствия.

— Трудно точно сказать.

— Видишь ли, — заговорила Салли, — невозможно сказать точно, потому что состояние так быстро растет… особенно в наше время.

— Ну хоть примерно, — не отставала Кэтрин.

— Хотите знать, сколько я оставлю, если завтра умру?

— О, дорогой мой… — пробормотала Салли, явно заинтересованная такой перспективой.

— Примерно сто пятьдесят миллионов.

— Да, да… — покивала Салли; она, кажется, надеялась на большее.

— Сто пятьдесят миллионов фунтов стерлингов! — не скрывая изумления, протянула Кэтрин.

— Да уж не лир, могу вас заверить, юная леди. И конечно, не боливийских боливиано.

Наступило молчание. Кэтрин позволяла Типперам наслаждаться ее изумлением; Тоби проговорил что-то о нынешних рынках, но сэр Морис лишь пожал плечами, как бы говоря: «Не думаете же вы, молодой человек, что я стану с вами обсуждать свой бизнес!»

— Я видела, — снова заговорила Кэтрин, — как вы положили несколько монет в благотворительный ящик в церкви в Подьё.

— О да, мы многим помогаем, — ответила Сал-

ли.

— А сколько денег вы отдаете на благотворительность?

— Ну, я точно не помню…

— Зная Мориса, можно не сомневаться, что очень много! — При этих словах сэр Морис принял смиренно-недовольный вид, словно жена его упрекала.

— Вы дали пять франков, — сказала Кэтрин. — Это около пятидесяти пенсов по новому счету. А могли бы дать… — подняв стакан, она обвела широким жестом окрестный пейзаж, — миллион! И, даже этого не заметив, спасли бы бесценный романский нартекс!

Слова «романский» и «нартекс» сэр Морис Типпер едва ли когда-нибудь слыхал не только вместе, но даже и по отдельности.

— Ну уж, не знаю насчет «даже не заметив»… — неохотно протянул он.

— Всем помочь невозможно, — сказала Салли. — Но мы давали деньги Ковент-Гардену…

— Да, понимаю, — тактично отозвалась Кэтрин, словно признавая, что сказала ужасную глупость.

— О чем речь? — поинтересовался Джеральд; он вышел в шортах и шлепанцах, с полотенцем

через плечо.

— Молодая леди меня критикует. Боюсь, я был с ней недостаточно любезен.

— Да, в общем, нет, — отозвалась Кэтрин.

— На свете существуют богатые и бедные, так всегда было и всегда будет, — сказала Салли.

Джеральд, которому гости явно опротивели, не отрывая напряженного взгляда от бассейна, сказал:

— Моя дочь полагает, что мы должны все свое имущество раздать беднякам.

— Нет, конечно, не все. Но почему бы не помочь, если можешь помочь? — И она блеснула зубами в хищной улыбке.

— А вы что-нибудь положили в ящик? — перешел в наступление сэр Морис.

— У меня не было с собой денег, — ответила Кэтрин.

— Моя дочь, — продолжал Джеральд, — живет в странном заблуждении, что она — представительница бедных, угнетенных классов, а не… не та, кто она есть. Боюсь, спорить с ней невозможно, она просто повторяет одно и то же.

— Вовсе нет, — возразила Кэтрин; теперь она начала сердиться. — Просто не понимаю: если у тебя есть, скажем, сорок миллионов, зачем лезть

из кожи вон, чтобы их стало восемьдесят?

Сэр Морис только пожал плечами, и брови его полезли наверх, словно он никак не ожидал услышать подобную глупость.

— Для этого не нужно лезть из кожи вон. Большие состояния растут сами, — попытался объяснить Тоби.

— Но зачем человеку столько денег? Это как с властью: люди стремятся к ней, а вот объясните, зачем человеку власть? Какой в ней смысл?

— Смысл власти, — ответил Джеральд, — в том, чтобы изменить наш мир к лучшему.

— Вот именно, — подтвердил сэр Морис.

— Значит, ты добиваешься власти, чтобы что-то изменить к лучшему? Что-то конкретное? Или наоборот — тебе нравится сама власть, само чувство, что ты можешь что-то менять?

— По-моему, это все равно что спрашивать, что было раньше — курица или яйцо, — сказала Салли.

— А по-моему, хороший вопрос, — заметил Тоби и украдкой взглянул на красную, рассерженную физиономию Мориса.

— Будь у меня власть, от чего боже упаси… — начала Кэтрин.

— Аминь, — вставил Джеральд.

— Я бы запретила людям иметь сто пятьдесят миллионов фунтов.

— Ну вот и ответ на ваш вопрос, — проговорил сэр Морис. И, коротко рассмеявшись, добавил: — Должен вам заметить, не ожидал я здесь услышать подобные разговоры!

— Боюсь, Морис, это все художественная школа виновата, — пробормотал Джеральд; Нику, впрочем, показалось, что на сей раз поведение Кэтрин не слишком его расстроило.

(4)

В тот же вечер за ужином зазвонил телефон. Трубку взяла Лилиана, и все за столом прислушались, стараясь угадать, кого позовут. Ник не ждал звонков, но втайне надеялся, что какие-нибудь неотложные дела вызовут Типперов домой. Однако к телефону позвали «мадам». Застольная беседа продолжалась, но с паузами; все прислушивались к отрывочным репликам Рэйчел у телефона, затем Рэйчел прикрыла дверь в столовую, и прислушиваться стало не к чему. Несколько минут спустя Ник увидел, что в окне ее спальни зажегся свет. Ужин Рэйчел стоял недоеденным на столе, и воздух вокруг него, казалось, сгущался от смутной тревоги. Наконец она вер-

нулась на кухню, и, когда Джеральд спросил, не налить ли ей еще вина, ответила: «Да, пожалуйста» — и стало ясно, что ее можно расспрашивать, пусть и обиняками.

— Надеюсь, новости хорошие, — сказала Салли Типпер. — Нам, когда мы на отдыхе, вечно звонят с дурными новостями.

Рэйчел вздохнула, поколебалась, поймав тревожный взгляд Кэтрин.

— Мне очень жаль, милая, — сказала она. — Дядя Пэт. Он умер сегодня утром.

Нож и вилка Кэтрин застыли в воздухе, из глаз брызнули слезы.

— Боже мой, как жаль! — проговорил Ник, более тронутый горем Кэтрин, чем смертью Пэта.

Он понимал, что сейчас зайдет речь о СПИДе, и заранее готовился к тому, что на него, как на единственного за столом открытого гея, будут смотреть так, словно он каким-то образом виноват в смерти Пэта Грейсона. Угадывал он и то, что семья Федденов постарается как-нибудь завуалировать эту тему.

— Ужасно жаль, — сказал Джеральд и пояснил: — Пэт Грейсон, знаете, актер, на телевидении… — Нику вспомнилось, как три года назад, в Хоксвуде, когда Пэт был еще здоров и популярен, Джеральд

с гордостью именовал его «телезвездой». — А кто звонил, дорогая?

— Терри, — ответила Рэйчел так тактично, что голос ее был почти неслышен.

— Мы почти не смотрим телевизор, — сказала Салли Типпер. — Совершенно нет времени! Морис так много работает, и потом, мы путешествуем… Честно говоря, мы по нему и не скучаем. А где снимался этот ваш друг?

Тоби, тоже явно потрясенный, ответил:

— В «Седли», в главной роли. Он отлично играл, в самом деле.

— Это что, мыльная опера? — дернув головой, поинтересовалась Салли Типпер.

— Ник, скажи, пожалуйста, — начал Джеральд, — это ведь не совсем мыльная опера…

— Комедийный приключенческий сериал, — пояснил Ник, которому очень хотелось, чтобы Пэт понравился Типперам до того, как они узнают правду. — Седли — это обаятельный мошенник, который всегда выходит сухим из воды.

— И настоящий сердцеед, — добавил Джеральд.

Уани сказал:

— Мне он тоже показался обаятельным, когда мы виделись… в доме у Лайонела, помните…

интересно было бы посмотреть фильм…

— Да, — сказала Рэйчел и погладила Кэтрин по руке, словно говоря: всему свое время, погоревали и будет. Ник вдруг понял, что у себя в спальне она, должно быть, плакала — хотя по лицу этого ни за что нельзя было предположить.

Джеральд во главе стола нахмурился, прокашлялся, похмыкал. Со стороны можно было подумать, что он тоже огорчен и старается справиться со своими чувствами, но Ник понимал, что это далеко от истины: Пэт Грейсон был ему безразличен, и чужие эмоции не заражали его, а, скорее, смущали и отталкивали.

— Бедная наша киска, — сказал он. — Пэт был ее крестным. Он ей, конечно, не родной дядя…

— Ужасно левых взглядов, — проговорила леди Партридж — впрочем, добродушно, давая понять, что покойнику-то это можно простить. — У нее их двое: один — аристократ, а другой — социалист. Двое крестных, я хочу сказать.

— Ну, может, он и был красным, когда мама с ним только познакомилась, — ответил Тоби. — Но вы бы слышали, как он отзывался о премьер-министре!

— Что? — переспросил Джеральд.

— Он ее обожал!

— Ну разумеется, — согласился Джеральд; повторять известные шутки о «левых» друзьях студенческой юности Рэйчел перед Типперами он не решался. — А крестной матерью Кэтрин была, конечно, Шерон… э-э… Флинтшир, ну, вы знаете, герцогиня.

— Вы с Пэтом были старыми друзьями? — поинтересовался Уани, обладавший чутьем на социальные связи. — Вместе учились в Оксфорде?

— И играли в студенческом театре, — ответила Рэйчел, и лицо ее озарилось улыбкой. — Он был Бенедиктом, а я — Беатриче, он Гектором, а я — Гесионой Хэшебай.

— Замечательно, замечательно! — слегка смущенно пробормотал Джеральд.

Тут Морис Типпер решил, что с него хватит, и подозрительно, заранее давая понять, что ничему не удивится, поинтересовался:

— А отчего он умер?

Джеральд шумно вздохнул, и Рэйчел тихо ответила:

— Боюсь, от воспаления легких. Но бедный старина Пэт уже довольно долго был нездоров.

— А-а, — сказал Морис Типпер.

Рэйчел уставилась в пространство куда-то по-

верх салатницы.

— В прошлом году он был на Дальнем Востоке и подхватил какую-то редкую инфекцию. Очень редкую, врачи так толком и не определили, что это такое. Ему просто не повезло.

Ник вздохнул с облегчением и покосился на Джаспера. Тот вздыхал и морщился, не поднимая глаз на свою подругу — и, как тут же выяснилось, вздыхал не напрасно.

— Мама, ради бога! — едва сдерживая гнев, заговорила Кэтрин. — У него был СПИД! Он был геем, спал с кем попало, вот и…

— Милая, ты же не знаешь… — начала Рэйчел; трудно было понять, какую часть сообщения она хочет оспорить.

— Знаю! — отчеканила Кэтрин. — Так оно и было!

— В конце концов, не все ли равно теперь… — проговорил Джеральд и с глубоким вздохом протянул матери бутылку вина, надеясь этим закончить неприятный разговор.

— Что за мерзость! — со слезами в голосе воскликнула Кэтрин. — Даже теперь, когда он умер, вы не можете сделать для него такую малость — сказать правду!

Она стукнула кулаком по столу — смешной,

ребяческий жест, вызвавший пару нервных улыбок, — и, выскочив из-за стола, стрелой бросилась к дверям.

— Э-э… может быть, мне… — проговорил Джаспер и приготовился встать.

— Нет-нет, я пойду к ней, — ответила Рэйчел. — Через минуту или две.

— Надо подождать, пока она успокоится, — объяснил Джеральд гостям так, словно истерика Кэтрин была каким-то местным обычаем.

— Очень эмоциональная молодая леди, — с кислой улыбкой проговорил Морис Типпер.

— Да, она очень чувствительная, — согласился Джаспер, и по его тону трудно было сказать, гордится он подругой или не одобряет ее поведения.

— И неуравновешенная, — согласилась леди Партридж.

Джеральд поколебался, но решил вступиться за дочь.

— Мне думается, у нее просто очень доброе сердце, — сказал он.

«Вот уж чего нет, того нет!» — подумал Ник.

— Неужели Софи никогда не расстраивается? — нахмурилась Рэйчел.

Сэр Морис, кажется, оскорбился таким вопросом. Его жена ответила:

— Если и расстраивается, никогда этого не показывает. Если она не на сцене, конечно. На сцене она — вся страсть.

Нику вспомнился «Веер леди Уиндермир», где Софи произносила два слова: «Да, мама».

После ужина четверо молодых людей собрались в кабинете. Джасперу не сиделось на месте: скоро он встал и отправился наверх, к Кэтрин. Уани читал «Файнэншл Таймс» сэра Мориса, Тоби вертел в руке бокал коньяка и приговаривал, обращаясь к Нику:

— Боже, какой кошмар… бедняга Пэт… поверить не могу…

Ник опустил книгу, которую читал, улыбнулся, давая понять, что книга скучная и он не против того, чтобы прервать чтение.

— Понимаю, — ответил он. — Просто ужасно. Мне очень жаль.

Ему вспомнился сегодняшний день, совместная дрема у бассейна, и Ник ощутил к Тоби томительную нежность. Его возбуждало горе Тоби, возбуждало то, что тот по-детски ищет у Ника утешения. Ник и сам был потрясен смертью Пэта и чувствовал себя виноватым: он ведь ничего для него не сделал. Хотя, впрочем, и Пэт не сделал ему ничего хорошего — но, право, Ник мог бы

быть с ним поприветливее, мог не смотреть на него с плохо скрытой брезгливостью, а главное, услышав о его смерти, не чувствовать тайного облегчения от того, что теперь его вина забыта и похоронена.

— Как-то сейчас Терри, — проговорил он вслух — для Тоби.

— Да, бедняга. Ужас, просто чума какая-то.

— Да…

— Знаешь, ты лучше того… поосторожнее, — сказал Тоби.

— Со мной ничего не случится, — ответил Ник. — Я очень осторожен с того самого времени, как… ну, как мы все об этом узнали. — И покосился на Уани, который сидел, отгородившись от мира газетой, розовой и просвечивающей в электрическом свете. — Обо мне можешь не беспокоиться, — добавил он.

— Я и не знал, что Пэт… ну… жил беспорядочно, — смущенно проговорил Тоби.

— Хм… — протянул Ник. Сам он точно знал, что так оно и было; Пэт любил пооткровенничать с Кэтрин, а та не хранила его тайн. — Не верь всему, что говорит Кэтрин. Она живет в мире преувеличений.

— Да, но она ведь с ним дружила, Ник, они

часто ужинали вместе. Три или четыре раза она даже ночевала в Хэслмире. Раз она говорит, что он спал с кем попало…

В этот миг в дверях кабинета показались Типперы. Они поднимались к себе и теперь спустились оттуда, оба с поджатыми губами, держась очень близко друг к другу, словно готовые к какому-то неприятному испытанию. Молодые люди встали, и Ник положил раскрытую книгу обложкой вверх на подлокотник кресла. Салли Типпер уставилась на нее так, словно рада была выместить свое недовольство на неодушевленном предмете, и сказала:

— А, вижу, это книга Мориса.

— Э-э… гм… — промычал Ник, совершенно растерявшись; он читал монографию о поэзии Джона Берримана. — Мне кажется…

— Смотри, милый, это ведь твое?

Морис сдвинул очки на лоб и вгляделся.

— Что? Да, — ответил он и двинулся к Уани, торопливо складывающему «Файнэншл таймс».

— Читайте на здоровье, если хотите, — невольно рассмеявшись, ответил Ник, — но книга эта моя, я получил ее по почте сегодня утром. Я должен написать на нее рецензию в «Филологический вестник».

— Нет-нет, я не об этом, — с холодной и любезной улыбкой ответила Салли. — Книга выпущена в «Пегасе», а «Пегас» принадлежит Морису.

— Я не знал.

— Я его купил, — объяснил сэр Морис. — Купил всю издательскую группу. Об этом есть в газете. — И сел, уставившись стеклянным взглядом на цветы в вазе на столе.

— Пойду взгляну, как там сестренка, — решительно проговорил Тоби и поднялся с места.

Ник понимал, что выйти вслед за ним будет невежливо. Он сел напротив Салли, чувствуя себя неловко, словно со случайной знакомой где-нибудь в отеле, и сказал:

— Боюсь, эта новость испортила вам ужин.

— Да, — проговорила Салли, — очень неприятно получилось.

— Всегда ужасно терять старого друга, — сказал Ник.

— Хм… — протянула Салли и с сомнением покачала головой. — А вы тоже знали этого человека?

— Пэта? Да, немного, — ответил Ник. — Он был очень обаятельным. — И почувствовал, что это слово повисло в воздухе, словно требуя какого-то продолжения или разъяснения.

— Как я уже говорила, — сказала Салли, — мы его никогда не видели.

Она взяла с полки «Кантри лайф» и принялась просматривать объявления о продаже недвижимости с таким суровым видом, словно уже приготовилась торговаться. Ясно было, что для нее разговор не окончен.

— Что ж, — сказала она, помолчав, — они же не могли не понимать, что дело этим кончится.

— М-м… — сказал Ник. — Да. Не знаю. Может быть. Всегда ведь надеешься, что обойдется. И даже если знаешь, все равно очень тяжело, когда это все-таки случается.

Ему вдруг пришло в голову: ведь Салли, возможно, и не знает, что он гей. До сих пор это казалось ему как-то само собой разумеющимся, и именно этому он приписывал ее холодность и невнимание — но что, если она ничего не подозревает?

— Я слышал, — сказал он наконец, — ваша мать долго и тяжело болела перед кончиной.

— Это совсем другое дело, — резко ответил сэр Морис.

— Когда она наконец отошла, — сказала Салли, — это было такое облегчение!

— И она не была сама в этом виновата, — добавил сэр Морис.

— Да, в самом деле, — согласилась Салли. — Я хочу сказать, эти… гомосексуалисты получили хороший урок.

— Слишком суровый урок, — ответил Ник, — но вы правы, теперь мы учимся думать о своей безопасности.

Салли Типпер уставилась на него.

— Так вы… вы… — проговорила она.

Сэр Морис, казалось, ничего не заметил, но Салли разыграла целую пантомиму потрясения и неверия. Ник не знал, как объяснить ей, чтобы она поняла, но наконец решил попробовать.

— Видите ли, все достаточно просто, нужно только об этом не забывать. Прежде всего, мы научились использовать защиту… ну, когда мы, знаете ли… бываем вместе.

— Понятно, — проговорила Салли, встряхивая головой.

Ник подозревал, что ей ничего не понятно. Может быть, следовало выражаться пожестче? На лице ее жгучее любопытство смешивалось с испугом и готовностью оскорбиться.

— А этот ваш друг, актер, — он, значит, этого не делал? Не использовал защиту?

— По всей видимости, да, — ответил Ник.

Сэр Морис издал странный звук — то ли икнул,

то ли рыгнул.

— Однако, как нам всем известно, — продолжал Ник, будто бросаясь стремглав в ледяную воду, — существуют и другие способы защиты. Я имею в виду, есть ведь оральный секс: он, конечно, тоже опасен, но в гораздо меньшей степени.

Эти сведения Салли восприняла стоически.

— Вы имеете в виду поцелуи?

Сэр Морис скривил губы и проговорил:

— Боюсь, то, что вы говорите, вызывает у меня физическое отвращение. — И усмехнулся, видимо желая сгладить впечатление от своих слов. — Честно говоря, не понимаю, чему тут удивляться. Рано или поздно что-то подобное должно было случиться. Они это заслужили.

— У Мориса на этот счет взгляды совершенно средневековые, просто как у королевы Виктории, — прощебетала осмелевшая от этого фривольного разговора Салли.

— Я своих убеждений не стыжусь, — отчеканил сэр Морис.

— Разумеется, милый, — подхватила Салли.

— Я, кстати, тоже, — вставил Ник.

— Уани, — повернулась к нему Салли, — вот вы — человек молодой и находитесь, так сказать, по другую сторону баррикад. А вы что об этом

думаете?

Уани бросил на Ника быстрый лукавый взгляд.

— Думаю, Ник прав, — начал он, — в наше время всем надо соблюдать осторожность. Сейчас для беззаботности не может быть никаких оправданий. — Он грустно улыбнулся. — Особенно жаль мне детей — знаете, младенцев, которые с этим рождаются.

— Да, ужасно, — согласилась Салли.

— Может быть, я немного старомоден, но, честно говоря, меня воспитали в убеждении, что до свадьбы секс просто недопустим.

— Именно так я и думаю! — согласился сэр Морис так яростно, словно Уани с ним спорил.

Ник, у которого чесался язык, осмелился возразить только:

— Но если понятно, что человек никогда не женится…

— По-моему, современный мир просто помешался на сексе, — заключила Салли.

— Так оно и есть, — ответил Уани.

(5)

На следующее утро Джеральд и Кэтрин о чем-то повздорили внизу, у бассейна. О чем шла речь, Ник не слышал. Он удивился, что сразу после

смерти Пэта, когда Джеральду следовало бы быть осторожнее, он позволяет себе кричать на дочь — но в то же время, подумалось ему, это естественная разрядка после напряжения, вызванного печальной вестью. Днем об этом никто больше не упоминал.

После обеда, когда Ник пошел к себе наверх, Кэтрин отправилась за ним — в нескольких шагах позади, так что оставалось непонятным, идет ли она с ним или сама по себе. Оглянувшись, Ник понял по ее лицу, что она что-то замышляет. Он оставил свою дверь открытой, и несколько секунд спустя она показалась на пороге.

— Привет, дорогая! — сказал Ник.

— Хм… еще раз здравствуй, дорогой. — И Кэтрин с загадочным видом скользнула глазами по комнате.

— Как ты?

— Нормально, вполне нормально… просто прекрасно.

Ник ласково улыбнулся. Сейчас на лице Кэтрин не было ни следа горя, казалось, ее даже рассердил его вопрос: видимо, подумал Ник, смерть Пэта уже осталась для нее в прошлом. Пожалуй, в этом есть смысл: выражаешь свои чувства бурно — и избавляешься от них раз и навсегда.

На Кэтрин были тугие белые шорты и свободная серая майка Джаспера, сквозь которую тревожно просвечивали маленькие груди. Никто еще не заходил к Нику в комнату, и в ее появлении было что-то интимное и приятно неловкое, словно в первом свидании. Она села на кровать, попрыгала, проверяя пружины.

— Бедняга Ник, вечно тебе достаются самые жалкие комнатушки.

— Мне моя комната нравится, — оглянувшись, возразил Ник.

— Раньше я здесь жила. Представляешь, сюда селили детей. Боже, ты только взгляни на эти картинки!

— В самом деле, акварели мрачноватые.

Речь шла о двух немецких акварелях на стенах: на одной, под названием «Осень», статная женщина наполняла передник маленькой девочки плодами земными, а на другой, называвшейся «Зима», люди в красных куртках катались на коньках и прицеливались из ружей, а высоко над ними, на голой ветке дерева, пела какая-то неопределимая птица. Трудно сказать почему, но в картинах и в самом деле чувствовалось что-то зловещее.

— Но зато ты здесь совсем рядом со своим дру-

гом.

— Да, по ночам слышу, как старина Уради храпит, — почти искренне ответил Ник и присел за стол.

— Кстати, твой старина Уради мне, пожалуй, нравится, — заметила Кэтрин.

— Он вообще славный парень.

— Мне всегда казалось, что он просто избалованный богатенький мальчишка, но, оказывается, нет. Он даже довольно забавный.

— М-да… — согласился Ник, в глубине души считавший, что сам он куда забавнее Уани.

— И какой странный! То ходит мрачный, ни на кого не смотрит, как будто витает где-то в облаках, а то вдруг оживляется, начинает веселиться и всех смешить.

— Понимаю, о чем ты, — с осторожным смешком ответил Ник. — К этому легко привыкнуть.

Кэтрин откинулась на диване и вытянула ноги.

— Во всяком случае, могу только порадоваться, что я не его невеста.

— Думаю, она к этому тоже привыкла.

— О да, время у нее было, это уж точно!

Ник принялся поправлять книги на столе: подровнял блокноты, поплотнее прикрыл гей-

путеводитель «Спартак» мемуарами Генри Джеймса. Он понимал, что Кэтрин зашла не просто так, поболтать. Она снова огляделась вокруг, а затем встала и закрыла дверь, показывая, что готова перейти к делу.

— Знаешь, старина Уани заставил меня задуматься, — сообщила она.

— О чем?

— Он же очень симпатичный, правда?

— Хм…

— Ну признайся, неужели он тебе ни капельки не нравится?

Ник с усилием улыбнулся.

— Есть немного, — признался он.

— Так вот, у моего Джаса есть теория, — объявила Кэтрин, возвращаясь на диван.

— Правда? Я бы не стал слепо доверять теориям твоего Джаса.

Кэтрин как будто и не заметила, что Ник говорит совсем как ее отец.

— Может быть, он и ошибается, но… знаешь, Джаспер очень наблюдателен… хотя ты, наверное, мне не поверишь… ладно, в общем, он думает, что Уани педик.

— А-а! — отозвался Ник. — Да, многие так говорят. А все из-за того, что он часто принимает

ванну и носит легкие полупрозрачные брюки.

Даже странно, подумал он про себя, что на самом деле окружающие ни в чем таком его не подозревают.

— Джаспер говорит, он за ним хвостом ходит и все старается взглянуть на его член.

— Хм… знаешь, милая, по-моему, он выдает желаемое за действительное. Я вот заметил, что Джаспер за мной хвостом ходит и все старается показать мне свой член. — Нет, пожалуй, этого говорить не стоило. — Согласись, он любит выставлять себя напоказ, — добавил Ник, сам удивленный собственным хладнокровием.

— А Уани тебе ничего не говорил? О Джасе? Видишь ли, если он педик и скрывается, то от тебя должен это скрывать особенно тщательно — а то вдруг ты сделаешь неправильные выводы! — продолжала Кэтрин.

Ник покраснел, но не отвел глаз.

— Я не знаю, милая, — ответил он и прикусил губу. — Кстати, где они сейчас? Кажется, вдвоем в бассейне. Вот и прекрасный случай проверить теорию Джаса.

— Сегодня Джас розовых плавок не надевал, — сообщила Кэтрин.

— Нет, но… — Ник решил спрятаться за грубой

шуткой. — Если они вдвоем отправятся переодеваться…

Кэтрин бросила на него быстрый взгляд и чуть покраснела. Она знала: Ник знает, что они с Джаспером трахаются в пляжном домике, но, разумеется, не могла знать, что сегодня ночью, после кошмарного ужина, Ник там же делал то же самое с Уани.

— Боже мой, — сказала она, — не говори мне об этом домике!

— Почему?

— Джеральд из-за него мне такой концерт устроил! Набросился на меня, как горилла!

— А-а… Да, я слышал, как вы ссорились. — Нику представился Джеральд, распекающий дочь: нахмуренный, с гневно поднятыми плечами — в самом деле, похож на гориллу.

— Видишь ли, ее милость леди Типпер обнаружила в унитазе использованную резинку. Представляешь, как она расстроилась! Утреннее омовение оказалось безнадежно испорчено!

— Ура! — проговорил Ник и широко улыбнулся ей, судорожно просчитывая в уме различные вероятности.

— Так что Джеральд был нами очень недоволен.

— Удивительно, как она догадалась, что это такое!

— Кошмар какой-то, — продолжала Кэтрин. — В самом деле, мы же все взрослые люди!

— Конечно…

— А в доме этим заниматься нельзя, там все слышно.

— Да, понимаю, это… гм… это проблема.

— И знаешь, что особенно странно?

Кэтрин устремила на него загадочный взгляд, и Ник заерзал, чувствуя, как тает и испаряется на глазах его маскировка. На губах его выдавилась жалкая улыбка — улыбка пойманного преступника.

— Мы ведь вчера этим занимались *без презерватива*.

— Презерватив нужно использовать всегда, — сказал Ник. — Какой в нем смысл, если иногда его надевать, а иногда нет? Ты же не можешь знать…

— О, Ник, Джаспер — совершенно невинный мальчик. У него никого нет и не было, кроме меня.

— Но если вдруг…

— Во всяком случае, это был не наш презерватив, — решительно вернулась к теме Кэтрин.

— Может быть, с прошлого раза остался… — пролепетал Ник; он видел, как Кэтрин, подобно героям Агаты Кристи, перебирает в уме всех возможных и невозможных подозреваемых — и не сомневался, что она, как Пуаро, уже входя в комнату, знала имя виновного. Однако, когда она повернулась к нему, он прочел на ее лице изумление, недоверие, почти отвращение.

— Боже, какая же я дура! — проговорила она.

Ник смотрел на нее, а она — на него. Стыд в нем боролся с гордостью — гордостью за искусный обман.

— Согласись, он и вправду классный парень, — сказал он.

Кэтрин снова села; вид у нее был возмущенный.

— Я больше так не думаю, — отрезала она.

— Он тебе нравился, пока ты считала, что он обманывает меня, — осторожно начал Ник, — но сразу разонравился, когда оказалось, что он обманывает тебя.

У него промелькнула мысль, что за хитроумным обманом непременно должно скрываться что-то очень простенькое, возможно, даже грязное, а нечто неожиданное, удивительное и прекрасное, напротив, должно маскироваться самыми про-

стыми средствами. К какому разряду относится их с Уани роман, он додумать не успел.

— Конечно, это все ради него, — пояснил он.

— Не понимаю, как он это выносит?

— Секретность? Или меня?

— Ха-ха.

— Ну, что касается секретности… — Как правило, Ник был не слишком хорош в спорах — не умел приводить логические доводы и аргументы даже в пользу своей позиции, не говоря уж о чужой; но доводы в пользу Уани он повторял себе неоднократно, пытаясь убедить самого себя, и поэтому теперь отчеканил без запинки: — Он — миллионер, он — ливанец, единственный ребенок в семье, у него есть невеста, а отец его — настоящий психопат.

— А как все это началось? — продолжала расспрашивать Кэтрин; от его ответа она отмахнулась, видимо сочтя доводы слишком очевидными или, напротив, чересчур сложными. — И сколько уже продолжается? Я хочу сказать… боже мой, Ник!..

— Э-э… около шести месяцев.

— Полгода! — Ник не понял, слишком много это или слишком мало. — А эта бедная француженка, она-то ждет… Надо ей написать!

— Ничего подобного ты не сделаешь. Пройдет год, и эта бедная француженка выйдет замуж за одного из самых завидных женихов в Англии.

— Ага, за ливанского гомика с отцом-психопатом…

— Нет, дорогая. За очень красивого и очень богатого молодого человека, который сделает ее очень счастливой и подарит ей много-много чудесных детей, — твердо ответил Ник.

— А ты?

— Что я?

— Когда он женится на своей бедной француженке, ты будешь трахать его в задницу, как раньше?

— Разумеется, нет, — раздвинув непослушные губы в улыбке, ответил Ник. — Я буду жить своей жизнью, а он своей.

Кэтрин покачала головой.

— Ох уж эти мужчины! — проговорила она.

Ник неловко рассмеялся, понимая, что его одновременно осуждают и жалеют.

— В самом деле, Кэтрин, обещай, что никому об этом не расскажешь.

Кэтрин задумалась, склонив голову набок — больше для того, чтобы подразнить Ника, но не только. Он понимал, что с ней сейчас происхо-

дит. Тайная, запретная любовь как нельзя лучше отвечает ее склонностям и убеждениям; однако она поражена обманом и обижена тем, что Ник ей не доверял. В наступившей тишине вдруг ясно послышался скрип ступенек и стук шлепанцев — шаги Ник узнал сразу. Он закусил губу, сморщился и наклонил голову, словно в молитве. Уани шел к себе — должно быть, переодеться; переодевался он необычайно часто, словно старался соблюдать этикет, на который все прочие здесь давно махнули рукой. А может быть, дело было не в этом — просто новые, тщательно отглаженные белые льняные брюки или яркая шелковая рубашка служили зримым извинением для его внезапного подъема сил, живости и энергии: он словно уходил со сцены и тут же возвращался под гром беззвучных аплодисментов. У двери Ника он остановился — они с Кэтрин видели тень на полу — поколебался, видимо удивляясь, почему дверь закрыта. Затем вошел к себе, закрыв за собой дверь, и несколько секунд спустя на двери звучно щелкнул запор. Засовы в этом доме гремели и грохотали так, что свежий человек от этих звуков испуганно вздрагивал.

Ник и Кэтрин замерли, напряженно глядя на закрытую дверь. Ник представил, как Уани вы-

сыпает на стол дорожку кокаина, подравнивает ее точными аккуратными движениями, приближает к ней лицо, закрывает глаза… В этом тоже был свой ритм, схожий с ритмом любовного свидания. Но, должно быть, Уани занимался этим в ванной: из его комнаты не доносилось ни звука.

Когда он наконец снова спустился вниз, Кэтрин сказала:

— Бисексуалы — это же просто кошмар. Это всем известно.

— Ну, я не думаю, что так уж всем… — сказал Ник.

— Ужас какой — знать, что твой парень никогда не будет любить тебя, и только тебя!

— Я не уверен, что это нам так необходимо, — проговорил Ник не вполне искренне: ему самому мечталось именно об этом, но он понимал, что это едва ли возможно. И не все ли равно, делить возлюбленного с женщиной или с наркотиком?

— Он говорит, что тебя любит, но у тебя еще больше, чем обычно, причин ему не доверять. — В сущности, Уани никогда не говорил, что любит его, и Ник тоже перестал говорить о любви, ибо после его признаний всякий раз наступало неловкое молчание. — Знаешь, я удивлена: мне казалось, он совершенно не твой тип.

Ник пробормотал что-то неопределенное.

— Я хочу сказать, он ведь белый и университет окончил.

Ник улыбнулся. Он был смущен — не разговором о сексе, а тем, что Кэтрин выпытывала у него нечто гораздо более глубинное и интимное.

— По-моему, — сказал он, — он — самый красивый человек из всех, кого я знал.

— Дорогой мой! — протянула Кэтрин с упреком, как будто он сказал что-то очень ребяческое и глупое. — Неужели ты серьезно?

Ник смотрел в стол, хмурился и молчал.

— Да, кажется, понимаю, о чем ты, — продолжала Кэтрин. — Он и вправду красавчик… точнее, если честно, пародия на красавчика. — Она улыбнулась: — Дайка мне карандаш. — И в блокноте Ника, на чистом листе, мгновенно набросала карикатуру — буйные, густо зачерненные кудри, высокие скулы, пухлые губы, влажные оленьи глаза с неправдоподобно длинными ресницами. — Вот! Нет, подожди, подпишу… — И нацарапала в углу: «Ванни от Котенка».

— Совсем не похож, — сказал Ник, с горечью сознавая, что карикатура очень похожа.

— М-м? — с сомнением откликнулась Кэтрин.

— Я могу сказать только одно: когда он входит

в комнату — как позавчера, помнишь, когда он опоздал к обеду, а мы в его отсутствие болтали о нем, ты его критиковала, я делал вид, что соглашаюсь — так вот, стоило ему войти в комнату, и я подумал: вот все, что мне нужно. Он рядом со мной — и я счастлив. И что мне за дело до всего остального?

— Знаешь, Ник, — задумчиво проговорила Кэтрин, — это ведь очень опасно. Мне кажется, это просто безумие какое-то.

— Ты же художница, — сказал Ник, — неужели ты не понимаешь?

Много раз он пытался вообразить реакцию слушателей на свои откровения: воображал изумление, недоверие, ужас, негодование — но только не то, что с ним станут спорить.

— Что ж, — сказал он, — извини, но я — такой, какой есть, и другим быть не могу.

— И поэтому готов влюбиться в кого угодно только потому, что он, как ты говоришь, «прекрасен».

— Не в кого угодно, разумеется. Это в самом деле было бы безумие, — возразил Ник; вести этот разговор ему было тяжело и неловко. — Знаешь, тут не о чем спорить, это просто факт. Я — такой, как есть.

— Но ведь Дентона никак нельзя было назвать прекрасным? — не отставала Кэтрин.

— У Денни была прекрасная задница, — усмехнулся Ник. — Только это меня в нем и интересовало. Я его не любил.

— А этот, как его… Лео? Он же был вовсе не красавец, а ты по нему с ума сходил. — И с любопытством уставилась на него, гадая, не зашла ли она слишком далеко.

— Для меня он был прекрасен, — тихо, дрогнувшим голосом ответил Ник.

— Вот видишь! — с торжеством заключила Кэтрин. — Кого мы любим, того и считаем красивым, а не наоборот.

— М-м…

— Кстати, как он? Ты давно с ним виделся?

— Последний раз — прошлой весной, — ответил Ник и встал, чтобы выйти в туалет.

Окно в ванной комнате выходило во двор, на шоссе, и дальше — в необозримые французские поля, за которыми простирается Северная Франция, а дальше — Ла-Манш, а еще дальше — Англия, Лондон, купающийся в том же солнечном свете; и ворота в сад открыты, и бежит, извиваясь между деревьев, гравийная дорожка, и все так же стоит в укромном уголке сторожка са-

довника и преет возле нее компостная куча. Ник замер у окна, ожидая, пока острая тоска схлынет и сменится благодатным спокойствием человека, на минуту выбежавшего передохнуть из класса, из аудитории, из зала заседаний в прохладный, светлый и пустой коридор. Нет; он не станет рассказывать Кэтрин все. Не упомянет о линии красоты, ни словом не обмолвится о своей страсти к Тоби, о робких и смешных (как он теперь ясно понимал) попытках привлечь его внимание, о редких минутах близости, которые уделял ему порой Тоби по доброте душевной. Нет смысла об этом рассказывать. Для нее Тоби — всего лишь тупой, никчемный, надоедливый старший брат.

Вернувшись в комнату, он обнаружил, что Кэтрин, хихикая, листает гей-путеводитель.

— Убиться можно, — сообщила она.

— Да, веселая книга, — согласился Ник, смущенный, но и довольный тем, что она сменила тему.

— Подожди-ка… где у них Париж? Я хочу почитать про «Паракат»… По-моему, они тут все врут! — И она принялась с театральным интересом шуршать страницами.

— Там вряд ли много написано, — заметил Ник.

— Ага, «Паракат»! Дискотека, со среды по

субботу, с одиннадцати до трех. L'An de Roi, — произнесла она по-французски, с сильным акцентом. — Дорогой, давай туда съездим! Представляю, как там весело!

— Рад, что тебя это забавляет.

— А давай предложим Уради съездить с нами и посмотрим, что он ответит… Боже мой, сколько тут всего!

— Очень полезная книжка, — сказал Ник.

— Туристические маршруты, боже мой! Ой, смотри — улица Сен-Фрон, это же там, где мы с Типперами вчера были! Если бы только они знали… А что значит НССР?

— НССР? «На свой страх и риск».

— А, понятно… понятно… Господи, да тут весь мир!

— Найди Афганистан, — предложил Ник, вспомнив знаменитое предупреждение о грубости афганского секса. Но Кэтрин продолжала листать страницы дальше. Ник присел рядом с ней.

— Я ищу Ливан, — объяснила она.

— А-а… — сказал Ник.

— О, звучит очень заманчиво. Средиземноморский климат — ну, это мы и так знаем… и гомосексуализм считается наслаждением.

— Правда? — спросил Ник.

— Правда. «L'homosexualité est un délit», — продекламировала она голосом генерала де Голля.

— Увы, дорогая, délit — это «преступление».

— Вот как?

— Наслаждение по-французски будет «délice», а «délit» — это проступок.

— Надо же! А как похоже!

— Они и в жизни часто похожи, — ответил Ник и мысленно похвалил себя за находчивость.

Скоро Кэтрин наскучила книга. Она повернулась к Нику и спросила:

— И что же он предпочитает, наш старина Уради?

— Меня.

— Понятно, — протянула Кэтрин; такой ответ ее явно не удовлетворил.

— Ладно, ему нравится пассивная роль, — ответил Ник резко, чтобы она поняла: больше ей из него ничего не вытянуть.

— Мне всегда казалось, что он должен быть не простым геем, а каким-нибудь ужасным извращенцем.

— Десять минут назад ты вообще не знала, что он гей.

— Но в глубине души догадывалась.

Ник укоризненно улыбнулся. Они с Кэтрин не

раз вели разговоры о мужчинах, и теперь она с полным правом ждала, что он расскажет ей все. Втайне ожидая этого разговора, Ник подготовил несколько фраз о Уани, которые, как ему казалось, должны произвести на нее впечатление и закрыть тему. Ему нечего стыдиться. А о порнофильмах в отеле он, конечно, не расскажет.

— Ну, он любит заниматься сексом втроем, — сказал он.

— М-м, не мой стиль, — отозвалась Кэтрин.

— Договорились, тебя приглашать не будем.

— А с кем вы спите втроем? — с любопытством поинтересовалась она.

— Как правило, с незнакомцами. Партнеров нахожу я по его просьбе. Или снимаем парня-проститутку, Stricher.

— Что?

— Так их называют в Мюнхене.

— Понятно, — сказала Кэтрин. — Но это ведь довольно рискованно, тем более если он все держит в тайне?

— Мне кажется, риск его и привлекает, — ответил Ник. — Ему нравится опасность. Нравится подчиняться. Нравится, когда есть свидетели. Я сам не совсем понимаю, в чем тут дело… но мне кажется, ему нравится все, противоположное

тому, что он есть.

— Звучит довольно отвратно, — заметила Кэтрин.

Ник продолжал, уже не понимая, защищает Уани или присоединяется к обвинению:

— Еще он любит кричать.

— Когда кончает?

— Вообще во время секса. — Нет, о том утре в Мюнхене, пожалуй, лучше не рассказывать. — Однажды в Мюнхене вышло забавно, — продолжал он. — Он так вопил в номере, что потом все горничные глазели на нас во все глаза, толкали друг дружку локтями и пересмеивались. А он, кажется, так ничего и не заметил.

— Расселу тоже нравилось, когда я ору, — заметила Кэтрин.

Ник помолчал, криво усмехнулся и проговорил:

— А еще у него настоящая страсть к порнографии.

— М-м?

— Нет, в порнофильмах ничего плохого нет, но он слишком уж ими увлекается.

Кэтрин подняла брови и глубоко вздохнула.

— О боже мой! — проговорила она.

Ник оглянулся сперва на открытое окно, потом

на закрытую дверь.

— В Германии это даже начало меня немного пугать. Знаешь, у них в отелях по кабельным каналам беспрерывно крутят порнуху.

Кэтрин слушала, широко раскрыв глаза. «Порнуха» была для нее какой-то неразрешимой мужской загадкой.

— Он целыми вечерами валялся перед телевизором и ее смотрел. Фильмы были гетеросексуальные, разумеется, но это ему тоже нравится, может быть, даже больше. Однажды вечером мне пришлось даже ужинать одному. Он просто не мог оторваться от телевизора.

Кэтрин рассмеялась; рассмеялся и Ник, хотя это воспоминание пугало его до сих пор — Уани, со спущенными штанами и вялым от кокса членом, не отрывает глаз от экрана, на котором разворачивается оргия, а Ник у себя в комнате торопливо жует безвкусные бутерброды и стелет постель на диване. Сквозь дверь ему было слышно, как Уани разговаривает с персонажами фильма.

— Дорогой мой, — сказала Кэтрин, — это же просто кошмар!

— Нет, на самом деле нам очень хорошо вместе, просто…

— Я за тебя беспокоюсь. Ты его любишь, а он так

с тобой обращается!.. Слушай, а ты действительно так сильно его любишь?

— Конечно, — с принужденным смешком ответил Ник. Ему было стыдно и неловко — теперь и у него есть свидетель. — Знаешь, — со вздохом сказал он, поднимаясь, — наверное, напрасно я все это тебе рассказал.

(6)

Типперы уехали на следующий день. Облегчение остающихся было подавлено и смазано чувством вины. Джеральд заперся у себя в кабинете, а, когда выходил оттуда, смотрел на родных мрачно и раздражительно, словно прикидывая, на кого бы взвалить ответственность. Единственным, кто проявил искреннее сожаление и удивление, оказался Уани: Типперы относились к тому сорту людей, которых он с детства привык уважать, и он с ними прекрасно поладил. Труднее всего дипломатия давалась Рэйчел.

Сэр Морис открыто негодовал, но при этом выглядел странно довольным, словно происшествие у Федденов подтвердило его дурное мнение о человечестве.

— Честно говоря, нам здесь было не очень-то весело, — объявил он, и его жена энергично

закивала, звеня украшениями; она гордилась резкостью мужа, как накануне гордилась его больной печенью.

Тоби, старательно скрывая свою радость, с дежурной улыбкой отнес в машину их чемоданы.

После отъезда Федденов Уани очень вовремя предложил Джеральду поиграть в буле: они вышли и начали игру на пустой площадке, где прежде стояла машина Типперов. Ник засел с книгой в кабинете. Чувство облегчения и свободы развлекало его: он получал удовольствие от чтения, однако смысл книги от него ускользал, словно прятался за пеленой тумана. Вошла леди Партридж в платье без рукавов и тяжело опустилась в соседнее кресло. Типперы ее и раздражали, и завораживали своим богатством, и теперь, без них, она выглядела довольной и успокоенной. Она молчала, но Ник чувствовал, что она ревнует его к книге и хочет заговорить. Из открытого окна доносились удары по мячу и возгласы играющих.

— Что это вы читаете? — начала леди Партридж.

— О, — ответил Ник, откладывая книгу, — это монография, на которую мне нужно написать рецензию. О творчестве Джона Берримана.

— А-а! — понимающе протянула леди Партридж. — Это тот поэт… Забавный человек.

— Э-э… гм… Да, наверное, можно так сказать… забавный… в некотором смысле…

— Я всегда так думала.

Ник осторожно улыбнулся и продолжил, прощупывая почву:

— Жизнь у него была нелегкая. Страдал депрессиями.

Леди Партридж пожевала губами и закатила глаза, вряд ли подозревая, как при этом выглядит со стороны.

— Совсем как наша юная леди, — проговорила она.

— Да, пожалуй, — ответил Ник, — хотя, надеюсь, у Кэтрин жизнь будет намного счастливее. Он ведь еще и очень сильно пил.

— Я этому совершенно не удивляюсь, — заметила леди Партридж.

— И в результате, — печально заключил Ник, — однажды прыгнул с моста в Миссисипи.

Леди Партридж выслушала его задумчиво и, кажется, не вполне поверила.

— По телевизору он мне всегда нравился. Такой приятный человек. По нему ни за что не скажешь… И смеялся так, знаете ли, заразительно.

Я ни на минуту не сомневалась, что он станет поэтом-лауреатом.

— Да, — начал Ник, — но, видите ли…

— Твою мать! — донеслось вдруг со двора. Ник не сразу узнал голос Джеральда.

Леди Партридж смущенно отвела взгляд. Ник выдавил смешок и вышел в холл посмотреть, что случилось. Со двора влетел Джеральд с таким искаженным лицом, что трудно было понять, от чего он вне себя — от гнева или от радости. Он пронесся мимо Ника на кухню, где пили кофе Рэйчел и Тоби. Выглянув на улицу, Ник увидел, что Уани с мрачным и упрямым лицом собирает буле.

— Дорогой! — воскликнула Рэйчел с ноткой неодобрения в голосе, быстро оглядев Джеральда с ног до головы — не поранился ли он.

— Папа! — сказал Тоби и укоризненно покачал головой.

Несколько мгновений Джеральд молчал, затем растянул губы в улыбке и потряс головой.

— Черт побери, я же в отпуске! — проговорил он.

— Конечно, милый, — ответила Рэйчел. — А теперь успокойся.

Сама она — воплощенное спокойствие — была

ему живым укором. Ник застыл в дверях кухни, не сводя глаз с разворачивающейся перед ним сцены из семейной хроники.

— Какой-то проклятый араб меня обыграл! — взревел Джеральд — и тут же улыбнулся, словно стараясь перевести свой гнев в шутку.

— Папа, ради бога, — сказал Тоби.

— Что? — воскликнул Джеральд.

— Тогда уж и меня зови «проклятым жидом».

— Не говори глупостей, — отрезал Джеральд. — Ты прекрасно знаешь, что такого я никогда не скажу.

— Надеюсь, что не скажешь, — порозовев, ответил Тоби. — Уани — мой друг, — проговорил он коротко и просто, но с такой силой, что Джеральд, побагровев, вылетел из дома.

Со двора донеслись его крики:

— Уани! Уани, я прошу прощения! — И, почти сразу, с какой-то неестественной веселостью: — Что? Ну вот и отлично! Да-да, мне очень жаль…

Несколько минут спустя он вернулся на кухню, улыбаясь так лучезарно, словно ровно ничего не произошло, и полез в буфет за пыльной бутылкой кларета.

— Джеральд, почему бы тебе не пойти поплавать, — предложила Рэйчел. — Или найди

Джаспера и возьми его с собой на прогулку.

— Джаспер — не кокер-спаниэль, знаешь ли, — все еще раздражительно проворчал Джеральд.

— Да, конечно, — согласилась Рэйчел.

Джеральд хищно вонзил в пробку штопор с деревянной ручкой.

— За скорый приезд Лайонела! — объявил он, надеясь этим смягчить Рэйчел, и выдернул пробку.

— Джеральд, тебе не кажется, что сейчас рановато? — спросила Рэйчел.

— Папа, ради бога, — повторил Тоби.

— В самом деле, ведь Лайонел приезжает только в воскресенье, — с неловким смешком поддержал их Ник.

Джеральд обвел их всех суровым взглядом.

— Черт побери, я просто хочу выпить! — рявкнул он и удалился вместе с бутылкой к себе в угловую.

Перед обедом, в тени навеса, он, кажется, почти успокоился; однако пережитая сцена развязала ему язык и помогла открыто заговорить о своих неприятностях.

— Ну и ублюдки эти Типперы! — жаловался он (беззаботно полагаясь на глухоту матери). — Черт его знает, чем все это кончится — наш общий

проект, я имею в виду.

— Я думаю, ты и без них прекрасно справишься, — ответила Рэйчел. — Прежде ведь справлялся.

— Верно, — протянул Джеральд. — Верно… Они здесь были просто не на своем месте, правда?

— Да, они люди не нашего круга, — подтвердила Рэйчел.

— Кстати, а почему они уехали? — поинтересовался Джаспер.

— Бог их знает, — пожала плечами Рэйчел. — Джуди, попробуйте спаржу!

Джеральд подумал, пошевелил бровями… и промолчал.

К концу обеда, осушив полторы бутылки вина, он вновь погрузился в свои горести; почти не обращая внимания на другие застольные разговоры, каким-то ненатуральным, словно заранее отрепетированным тоном жаловался на обилие «важных бумаг», с которыми приходится работать.

— Вы все отдыхаете, — говорил он, — я тоже надеялся отдохнуть, но работа меня не отпускает. Сами видите, сколько приходит факсов. И я страшно выбился из графика.

Тут он замолчал, но громко вздыхал до тех пор,

пока Рэйчел не сказала:

— Почему бы тебе не нанять помощника?

Джеральд запыхтел, заерзал на стуле, словно ему предлагали что-то почти невозможное, и наконец ответил:

— Я вот что подумал: может быть, пригласим сюда Пенни?

— Только не эту белую мышь! — запротестовала Кэтрин. — Ей ведь даже загорать нельзя!

С этим Рэйчел не стала спорить, однако пожала плечами.

— Милый, если ты действительно не можешь обойтись без Пенни, конечно, надо попросить ее приехать сюда.

— Ты думаешь?

— Почему бы и нет? Она — очень приятный человек. Если, конечно, она не возражает…

— Не вижу в ней ничего приятного, — объявила Кэтрин. — Чувства юмора ни на грош.

— А как насчет Айлин? — предложил Тоби. — Вот кто наверняка согласится приехать — она ведь обожает папу!

Джеральд коротко рассмеялся, ясно давая понять, как нелепо это предложение. Ник напряженно улыбался и не сводил с него глаз: он так никому ничего и не сказал, он скрывался стара-

тельнее, чем сам Джеральд, и теперь именно себя чувствовал виновником возможной катастрофы, губителем семейного очага.

— Честно говоря, насчет Айлин я не уверена, — сказала Рэйчел.

— Ну что ж… — проговорил Джеральд, словно уступая общему желанию.

В его торжестве чувствовался привкус стыда — возможно, впрочем, что никто, кроме Ника, этого не замечал. Семья поднялась из-за стола, и Джеральд отправился в комнату с телефоном — так медленно, с такой видимой неохотой, словно должен был сообщить кому-то дурную весть.

12

На серебряную свадьбу Лайонел Кесслер преподнес Джеральду и Рэйчел два подарка. Первый приехал утром, на заднем сиденье автомобиля; шофер внес на кухню массивный деревянный ящик.

— Старина Лайонел! — нежно сказал Тоби, хотя ящик еще не открыли и, что там было, никто не знал.

— Серебро, должно быть, — проговорил Джеральд с нетерпеливым и одновременно скучающим видом, доставая гвоздодер.

Внутри, в уютном пенопластовом гнезде, покоился серебряный кувшин для умывания в стиле рококо. Он был выполнен в форме раковины, а горлышко его поддерживал бородатый тритон.

— Боже мой! — проговорил Джеральд. — Ник!

И Ник начал выступление в привычной роли истолкователя: кувшин, сообщил он, относится к середине XVIII столетия, изготовлен, скорее всего, кем-либо из французских мастеров-гугенотов, эмигрировавших в Англию, возможно, Полем де Ламери (никаких других имен он не припоминал).

— Чудесно, — сказал Джеральд, — просто чудесно. Редкостная работа.

И снова заглянул в коробку, словно надеялся увидеть там инструкцию. Ник тем временем объяснял, что рельеф на выпуклой стороне раковины — маленький Эрот, играющий мечом Правосудия — иллюстрирует девиз: «Omnia vincit amor»[17].

— Очень к месту, очень к месту, — сказал Джеральд и с улыбкой приобнял Рэйчел.

Нику вспомнились визиты с отцом в Манксбери, тамошнее серебро, потускневшее из-за небрежения слуг, и представилось, как отец

---

[17] Примечания: 17
«Все побеждает любовь» (лат.).

ходил бы вокруг этого умывальника, опускался перед ним на корточки и осторожно протирал фланелью.

— Непременно надо будет его застраховать, — сказал Джеральд.

Тоби и Кэтрин тоже преподнесли родителям серебро — георгианский поднос с зубчатыми краями и гравировкой затейливым шрифтом: «Джеральд и Рэйчел, 5 ноября 1986». Рядом с умывальником Лайонела поднос смотрелся жалко, почти как насмешка, и Джеральд принял его со смиренным видом, как принимают на состязаниях второй или третий приз.

— Очаровательно, — сказала Рэйчел.

Чуть позже, когда уже открыли шампанское, Ник увидел из окна кабинета, как к дверям снова подъезжает «Бентли». На этот раз из него вышел сам Лайонел с плоским свертком в руках. Поднял глаза, посмотрел на окна и, заметив Ника, как-то странно пожевал губами, словно собирался послать ему воздушный поцелуй. Ник (подогретый не только шампанским, но и дозой кокаина) радостно заулыбался ему в ответ. При мысли о том, что этот смешной, одинокий лысый старик видит в нем друга, на глаза у него навернулись слезы; но тут же Ник сообразил, как смешно в

его положении воображать себя членом семьи Федденов и в особенности — родственником сэра Лайонела. Минуту спустя Лайонел появился в гостиной: выслушал слова благодарности, поцеловал сестру и ее детей, пожал руки Джеральду и Нику, уже устыдившемуся своей развязности. Кувшин стоял на каминной полке, в нем сияли белизной лилии и пышные хризантемы.

— Очень рад, что серебро вам понравилось, — проговорил Лайонел, — но я приготовил для вас кое-что еще. На прошлой неделе я был в Париже, а поскольку сейчас такое время, что просто грех немного не побезумствовать…

Он говорил о том, что называли «большим взрывом»: Ник не очень понимал, что именно произошло, видел только радостное возбуждение всех, у кого были хоть какие-то деньги, и предполагал, что и сам может получить от этого какую-то выгоду. Замечание лорда Кесслера окончательно убедило его, что в деловом мире в самом деле происходит что-то необыкновенное и очень радостное.

Сверток развязала и развернула Рэйчел; Ник нависал над ней, словно это был его подарок — трудно сказать, получал он его или дарил, ибо его обуревал двойной восторг щедрости и обладания.

Когда Рэйчел извлекла из свертка небольшую картину, Ник закусил губу, чтобы не вскрикнуть. Он твердо решил молчать.

— Боже мой… — проговорила Рэйчел восхищенно, но без удивления — демонстрировать удивление она считала вульгарным. — Очаровательно! — И подняла картину, чтобы все на нее посмотрели.

— М-м… — промычал Лайонел, улыбаясь мудрой улыбкой человека, сделавшего хороший выбор.

— В самом деле, вы слишком добры… — пробормотал Джеральд и уставился на картину, надеясь, что кто-нибудь ему объяснит, что это такое.

Это был пейзаж, примерно девять дюймов в ширину и двенадцать в вышину, написанный одними лишь вертикальными мазками тонкой кисти, так что казалось, что трава и деревья чуть колышутся в легком ветерке весеннего утра. На переднем плане лежала на траве черно-белая корова, чуть поодаль разговаривали женщина в белой шали и мужчина в широкополой коричневой шляпе. Рама была простая, без всяких украшений, блестящая тусклой позолотой.

— Здорово! — сказал Тоби.

Кэтрин, разглядывавшая картину так, словно

пыталась обнаружить какой-то подвох, сказала:

— Это ведь Гоген, правильно?

И в тот же миг Ник, не в силах больше молчать, сказал:

— Это Гоген.

— Очень хорош, правда? — сказал Лайонел. — Это «Le Matin aux Champs»[18], миниатюрная версия полотна в Брюсселе. Увел ее, можно сказать, из-под носа у владельца «Сони». Мне показалось, для него она маловата. Не та картина, на которую стоит тратить деньги. — И Ник рассмеялся вместе с ним, словно был не меньше осведомлен о вкусах владельца «Сони».

— Нет, Лайонел, в самом деле… — Джеральд моргал и встряхивал головой, давая всем понять, что производит подсчет в уме. — Это да еще серебро…

Кэтрин тоже потрясла головой и сказала:

— Ничего себе!

Ее реплика прозвучала скорее обвиняюще, как будто она стыдилась, что на подарки потрачено столько денег.

Картина переходила из рук в руки; каждый улыбался, вздыхал, поворачивал ее к свету и

---

[18] Примечания: 18
«Утро в полях» (фр.).

передавал дальше с неохотой, словно зачарованный чувством обладания.

— А куда же мы ее повесим? — поинтересовался Джеральд, и Ник поспешно засмеялся, чтобы заглушить эти слова — они прозвучали грубовато и без особой благодарности.

В это время внизу хлопнула дверь, и Рэйчел вышла взглянуть, кто пришел.

— Поднимайся наверх, дорогая, — окликнула она и, вернувшись в гостиную, объяснила: — Это Пенни.

— Вот, пусть она нам скажет, что об этом думает! — произнес Джеральд, словно обрадовавшись, что Пенни может быть хоть чем-то полезна, и поставил картину на рояль, лицом к Листу.

— Пенни? — переспросила Кэтрин. — А что она может сказать? Она же ничего не понимает в живописи! — И покорно рассмеялась, понимая, что сегодня — не ее день.

— Ну… — протянул Джеральд, — ну, она же как-никак дочь художника!

И потянулся за шампанским. Когда появилась Пенни, он уже ждал ее с полным бокалом.

— Добрый день, Пенни, — поздоровалась Рэйчел своим обычным тоном — ласково, покровительственно и чуть холодновато.

— Мои поздравления вам обоим, — проговорила Пенни.

Держалась она, как всегда, по-деловому, мягко, но решительно отвергая любые попытки отнестись к ней как к юной и несмышленой девушке — напротив, благодаря деловому стилю она казалась старше беззаботного и забывчивого Джеральда.

— Честно говоря, я хотела сегодня заняться дневником.

— Дневник подождет, — торжественно объявил Джеральд и протянул ей бокал. — Посмотрите-ка, что подарил нам лорд Кесслер!

Нику бросилось в глаза, что Джеральд сознательно избегает поводов ее поцеловать.

— Это Гоген, — пояснил Джеральд, и, переврав название, добавил: — «Le Rencontre aux Champs»[19].

Все снова вежливо уставились на картину.

— Она мне напоминает наши чудные прогулки во Франции, — заметил Джеральд.

— Да, в самом деле, — сказала Рэйчел.

— Совсем не похоже, — сказала Кэтрин.

— Ну, не знаю, — сказал Джеральд. — По-моему,

---

[19] Примечания: 19
«Встреча в полях» (фр.).

очень похоже. Представь себе, что это твоя мать идет, например, в Подьё, и встречается… ну, хотя бы с Ником.

— Похоже, я одолжил шляпу у Салли Типпер, — вставил Ник, польщенный тем, что его поместили на картину.

— Может быть, — неприятно улыбнувшись, сказала Кэтрин, — но дело в том, что эти люди — крестьяне, правда, дядя Лайонел? Вы же знаете, эта картина написана в Бретани, куда он уехал, как сам говорил, прочь от развращенности и порочности буржуазной жизни большого города. Эта картина говорит о лишениях и нищете.

— Совершенно верно, милая, — согласился Лайонел, которого подобные ламентации не трогали. — А закончив картину, он отослал ее на продажу в развращенный буржуазный Париж.

— Вот именно, — подтвердил Джеральд.

— Странно, — заметил Тоби, — корова очень похожа на хирфордскую. Но вряд ли это хирфордская, верно?

— Может быть, шаролезская, — ответил Джеральд.

— У шаролезских цвет совсем другой, — возразил Тоби.

— Во всяком случае, картина очень милая, —

подытожила Пенни, от отца-художника получившая прививку против всех видов искусства.

— Мы как раз думали, куда бы ее повесить, — сказала Рэйчел.

Минут пять прошли в выборе места: Тоби прикладывал картину то туда, то сюда, а остальные поджимали губы и говорили: «Знаете, мне кажется, лучше всего будет вон там…» Тоби веселился, как ребенок, — строил рожи и спрашивал с простонародным выговором, который ему самому казался очень смешным: «Так куды вешать-то, хозяин, туды или сюды?» Он даже снял одну или две кар тины и попробовал пристроить Гогена на их место. Проблема была в том, что маленький Гоген явно не сочетался по размеру с прочими картинами в гостиной; Рэйчел, кажется, это не смущало, но Джеральд твердил:

— Нет-нет, нельзя, чтобы это увидела леди!

— А-а… — с легкой досадой отозвалась Рэйчел.

— Нет, я серьезно, — возразил Джеральд. — Она наконец-то удостаивает нас своим визитом, и все в доме должно быть безупречно!

— Буду весьма удивлен, если леди это заметит, — проговорил Лайонел.

— Поверьте мне, — отчеканил Джеральд, — она замечает все!

— Хорошо, решим позже, — сказала Рэйчел. — Может быть, стоит проявить эгоизм и повесить ее в спальне.

— Совершенно не удивлюсь, если он Тэтчер и туда поведет, — проворчала сквозь зубы Кэтрин.

После обеда прибыли двое из спецслужб — проверить дом с точки зрения безопасности для визита премьер-министра. Они обошли весь дом, словно пара приставов, описывающих имущество. Ник с натянутой улыбкой сидел у себя за столом, слушая, как скрипят ступеньки под их ботинками: сердце у него сильно билось, в верхнем ящике стола покоились десять граммов кокаина. Однако охранники больше интересовались задними воротами: они объявили, что в саду всю ночь будет дежурить полицейский. Все это придавало предстоящему вечеру привкус опасности, и, когда охранники ушли, Ник вдохнул еще дорожку — просто чтобы успокоить нервы.

Позже, спустившись вниз, он увидел в окно, как Джеральд у крыльца разговаривает с Джеффри Титчфилдом. Оба едва сдерживали волнение, словно два маршала перед торжественным парадом. Когда кто-то проходил мимо, Джеральд улыбался и кивал — все равно, знакомым и незнакомым. Эту манеру он усвоил около месяца назад,

после очень удачной речи на заседании Палаты.

Джеффри указывал на входную дверь, вечно-зеленую дверь, которую Джеральд только что перекрасил в торийский голубой колер. Началось все с того, что Кэтрин — то ли желая пошутить, то ли по какой-то странной фантазии — заметила, что, мол, премьер-министра наверняка удивит зеленая дверь и что она будто бы читала в какой-то газете, что у всех министров в Кабинете двери голубые. Да вон, даже у Джеффри Титчфилда дверь голубая — а ведь он всего лишь председатель местной ассоциации! Джеральд нахмурился и промолчал, однако некоторое время спустя отправился в «Торговый зал Майра» за печеньем и вернулся озабоченный.

— Ник, а ты что думаешь? — спросил он. — Посмотри-ка, ведь у Титчфилдов и в самом деле дверь голубая.

Ник ответил, что, на его взгляд, это не имеет никакого значения. Но на следующий день Джеральд вернулся к этой теме.

— Я вот все думаю о том, что сказал наш котенок насчет двери, — сказал он. — В самом деле, что подумает об этом леди? Пожалуй, решит еще, что мы боремся против уничтожения тропических лесов или что-нибудь в этом роде! — И нервно

рассмеялся.

Тут Ник понял, что зеленая дверь обречена; и действительно, и часа не прошло, как мистер Дюк вышел на крыльцо с банкой верноподданнической голубой краски.

Появилась Пенни с туго набитым портфелем, подошла к мужчинам у крыльца, о чем-то с ними заговорила. Видимо, она закончила распечатывать дневник, который Джеральд каждый день наговаривал на пленку: семья этот дневник ненавидела, особенно после недели во Франции, когда выяснилось, что ни жена, ни дети в этом дневнике не значатся — это запись только политических событий, «нечто вроде архива, — пояснила Пенни, — в будущем ценный исторический источник». Особенно раздражала всех серьезность, с которой Пенни относилась к этому занятию.

В гостиную вошла Кэтрин, села рядом с Ником за полузадернутой занавеской. В этом сидении за занавеской было что-то детское и несерьезное, словно они, прячась, подглядывают за взрослыми.

— Осточертели эти многолюдные приемы, — призналась она.

— Да, просто кошмар, — рассеянно согласился Ник.

— Ты посмотри, как Джеральд красуется!

— По-моему, просто болтает со стариной Титчем. В конце концов, сегодня его праздник.

— У него каждый день праздники. А сегодня праздник не только его, но и мамин. И ей придется провести этот день с целой кучей парламентариев. — В устах Кэтрин это наименование звучало как страшнейшее из оскорблений. — Мало того — в этот день в своем собственном доме она должна принимать другую женщину! Осталось только вывеску повесить: «Сегодня! Спешите видеть!»

— «Только одно представление!..»

— Будем надеяться. Этот парень, Титч, Джеральда просто боготворит. Ты замечал — всякий раз, проходя мимо нашего дома, он оглядывается на окна и улыбается, на случай, если оттуда кто-то смотрит.

— Правда? — спросил Ник, вспомнив, как сам один раз делал то же самое. Потом сказал: — Мне казалось, прием будет в Хоксвуде.

— Ага, была такая идея. Джеральд придумал, разумеется. Но ты плохо знаешь дядю Лайонела, если думаешь, что в такой день он пустил бы в дом другую женщину.

— Ага…

— Просто смешно, — холодно продолжала

Кэтрин. — Он много лет мечтал принять Тэтчер в Хоксвуде — но именно в Хоксвуде-то это и невозможно.

— Но я не понимаю, почему Лайонел…

— Он ненавидит ее политику, считает ее варварством. И потом, в замке сейчас ремонт, там не принимают гостей.

Ник рассмеялся, недоверчиво, но не вполне искренне — у него уже были случаи убедиться в проницательности Кэтрин.

— Так оно и есть. Зачем, как ты думаешь, он подарил им эту картину?

— Не знаю. Хочешь сказать, чтобы загладить? — спросил Ник и задумался. Это объясняло его ощущение, что Джеральду подарок не пришелся по вкусу.

— Боже мой, как мне надоела эта Пенни-шменни! — раздражительно проговорила Кэтрин, снова выглядывая в окно. Там, у крыльца, Джеральд что-то диктовал, а Пенни торопливо записывала, зажав портфель между коленей. — Тебе не кажется, что она в него влюблена?

— Разве что платонически, — ответил Ник.

— Точно, она по нему с ума сходит. Иначе и дня не продержалась бы на такой работе.

— Может быть, ей это просто нравится? Знаешь,

многие любят свою работу. О некоторых людях говорят даже, что они женаты на работе.

Кэтрин фыркнула.

— Кстати, это мысль…

— М-м?

— А что, если Джеральд и Пенни…

Ник покраснел и пробормотал что-то нечленораздельное.

— Ну вот, я тебя шокировала, — вздохнула Кэтрин.

— Вовсе нет, — ответил Ник.

— Да шучу, шучу. У нее есть приятель.

— Правда? — спросил Ник, преисполняясь предательской жалости к обманутому Джеральду. — Ты его видела?

— Нет, но она мне все про него рассказала.

— А, понятно…

Джеффри Титчфилд пошел прочь. Джеральд крикнул ему вслед что-то дружески-повелительное, и Джеффри поднял руку, шутливо салютуя. Джеральд и Пенни остались вдвоем. Ник вдруг испугался, что они выдадут себя — поцелуются или как-нибудь красноречиво коснутся друг друга, и шутка Кэтрин обретет кошмарные очертания реальности. Когда Джеральд поднял глаза, Ник помахал ему из окна, чтобы дать понять, что

за ним наблюдают.

Назначенный час приближался, и в доме становилось все неуютнее. Кухню оккупировали повара и официанты, строящие друг другу рожи за несгибаемой спиной Елены; со двора раздавались механические хрипы и визги — там устанавливали музыкальную систему; стулья в столовой выстроились у стен в ожидании приказаний. Джеральд сверкал улыбкой и подшучивал над нервозностью остальных. Кэтрин заявила, что «не может видеть этот бардак», и отправилась вместе с Джаспером «смотреть недвижимость». Даже Рэйчел, элегантная и безмятежная Рэйчел, кусала губы, когда Джеральд принялся объяснять ей, где сядет госпожа премьер-министр, что будет пить и с кем говорить. Когда он намекнул, что кульминацией вечера станет его танец с леди, Рэйчел ответила:

— Но ведь откроем танцы мы с тобой, так, Джеральд?

— Разумеется, любовь моя! — поспешно ответил он, блеснул улыбкой, торопливо обнял ее и полетел прочь.

Около шести Ник вышел прогуляться. Вечер был сырой, пасмурный, и мокрые листья покрывали тротуар. Ник нервничал, как и все, плохо

представляя, как вести себя с главой правительства и что ей говорить — и в то же время уносился мыслями в завтрашнее утро, когда все останется позади и можно будет спокойно припомнить и проанализировать все происшедшее. В соседних садах слышались глухие удары, словно раскаты грома, там запускали фейерверк. Время от времени над соседним домом взлетала ракета и рассыпалась в прах, осыпая мрак сверкающими искрами. Визжали и хлопали в ладоши дети в спортивных куртках. Ник шел куда глаза глядят, петляя и выделывая странные зигзаги; никто не догадался бы, куда он держит путь, да и сам он, оказавшись на ступеньках общественного мужского туалета, с хмурым удивлением огляделся вокруг, словно не понимая, как здесь очутился.

Некоторое время спустя, возвращаясь домой по Кенсингтон-Парк-роуд, он снова хмурился, недовольный своим вульгарным и небезопасным поведением, и прежде всего тем, что так много времени потратил на ожидание, и присматривание, и, наконец, на судорожные бессловесные движения в тесной кабинке… Ничего «небезопасного» в нынешнем смысле, разумеется, не произошло, однако это было незаконно и безрассудно. Хорош он был бы, если бы за несколько

часов до приема угодил в полицию! Саймон из офиса уверял, что именно в этот туалет захаживал порой Руди Нуриев: конечно, это было бог знает когда, и все же Ник время от времени сюда заглядывал, словно надеялся пересечься со знаменитостью. Холодный ноябрьский ветер быстро сорвал с его приключения романтический флер, оставив лишь кислый привкус стыда. Дом, уже подготовленный к приему гостей, встретил его чистотой и тишиной; Ник быстро взбежал наверх, своей торопливостью словно извиняясь за опоздание.

Когда он спустился, гости уже могли появиться в любую минуту. Он вышел во двор, где, в огромном шатре, был устроен импровизированный танцзал: здесь стоял холод, который не могли разогнать даже мощные обогреватели. Вернулся в дом по переходу, затянутому коврами и увешанному фонариками и гирляндами, побродил по пустым комнатам, в свете свечей и запахе лилий напоминающим церковь или какое-то языческое святилище. Постоял у зеркала, вглядываясь в свое отражение: в новом вечернем костюме и сияющих ботинках и все равно — тень среди теней. В кабинете обнаружил Рэйчел и Кэтрин: они сидели друг напротив друга и мило болтали, ни дать

ни взять гостьи, совершенно преображенные шелками и бархатом, украшениями и косметикой, и вздрагивали от каждого отдаленного грома фейерверка. Внизу послышались хлопки — официанты открывали шампанское.

— Принести вам выпить? — предложил Ник.

— Да, пожалуйста. И не мог бы ты найти моего мужа? — ответила Рэйчел.

В столовой, заставленной столами, словно ресторанный зал, Ник обнаружил Тоби: тот стоял с карточкой в руке и, шевеля губами, репетировал свою речь. Лицо у него было отчаянное.

— Главное, дорогой, не затягивай, — посоветовал ему Ник.

Тоби едва не подскочил от неожиданности.

— Ник, чтоб тебя!.. Знаешь, выступать перед дядюшками, тетушками и университетскими товарищами — одно дело, а перед премьер-министром — черт побери, совсем другое!

— Не паникуй, — посоветовал Ник. — Мы все тебя поддержим.

Тоби мрачно усмехнулся.

— Как ты думаешь, нет надежды, что ее в последний момент вызовут на какой-нибудь саммит?

— Боюсь, все саммиты сегодня состоятся здесь.

По крайней мере, для твоего отца.

Ник прошелся между столов. Напротив каждой тарелки — сложенная в виде митры салфетка и карточка с именем гостя. Разумеется, никаких титулов. Просто «Шерон Флинтшир».

— Мне очень нравятся эти фотографии.

— Ага, — сказал Тоби. — Это Кэт придумала.

На стене в столовой Кэтрин соорудила нечто вроде стенгазеты: наклеила на картонку фотографии Джеральда и Рэйчел: в середину — торжественное свадебное фото, слева — фотографии до свадьбы, справа — снимки счастливой семейной пары.

— Твоя мама здесь очень красивая, — сказал Ник.

— Ага. И папа тоже.

— И такие молодые!

— Точно. Знаешь, папе эта идея не слишком понравилась. Он не хочет выставлять напоказ перед леди хипповский период своей жизни. — Судя по фотографиям, «хипповский период» в жизни Джеральда ограничивался парой великолепных курчавых бакенбардов и галстуком в цветочек.

— Слушай, а сколько им здесь лет?

— Ну, папе в следующем году будет пятьдесят, так что… двадцать четыре, а мама, соответствен-

но, на пару лет старше.

— Наши ровесники, — сказал Ник.

— Да, времени они зря не теряли, — грустно улыбнувшись, сказал Тоби.

— Особенно когда зачинали тебя, дорогой, — мысленно подсчитав сроки, заметил Ник. — Ты ведь был зачат в медовый месяц.

— Точно, — смущенно и гордо ответил Тоби. — Где-то в Южной Африке. Мама была девственницей, когда вышла замуж, это я знаю, и забеременела она через три недели после свадьбы. Все как по нотам.

— В самом деле, — сказал Ник: сам он был в семье поздним и долгожданным ребенком.

Тоби закусил губу и снова уставился в свой текст. Ник смотрел на него с нежностью: в расстегнутом пиджаке над малиновым поясом-камербандом, в тяжелых черных ботинках, с короткой стрижкой, от которой лицо казалось круглым, Тоби очень напоминал отца — только не молодого, а нынешнего, пятидесятилетнего.

— Знаешь что? — медленно заговорил Ник. — Я, кажется, знаю, что тебе нужно. Может быть… э-э… чуточку химии?

— А у тебя есть? — с удивлением и интересом отозвался Тоби.

Ник наклонился к нему и сообщил вполголоса, что у него немного завалялось.

— Бог ты мой! Спасибо тебе огромное! — виновато улыбаясь, проговорил Тоби.

В кабинет с шампанским они отправили официанта, а сами поднялись наверх, на ходу громко и оживленно болтая что-то о «репетиции». Вошли в прежнюю спальню Тоби, заперли за собой дверь.

— А что ты собираешься сказать? — поинтересовался Ник, высыпав на стол немного порошка.

В комнате стоял затхлый, нежилой дух — дух не терпеливого ожидания, свойственного гостевым спальням, а полной и окончательной заброшенности. Когда-то здесь жил маленький мальчик, но теперь он вырос, и комната умерла. Нет больше жизни ни в гардеробе красного дерева, ни в зеркале с позолоченной рамой, ни в школьных фотографиях, ни в старой одежде, которую Ник когда-то осмеливался мерить, а теперь об этом даже не вспоминал.

— Я хочу как-нибудь связать это с политикой, — ответил Тоби. — Ну, знаешь, безоблачное счастье и в семейной жизни, и в стране… что-нибудь такое.

— Хм… — Ник нахмурился, подравнивая до-

рожку кредитной карточкой. — Мне кажется, дорогой, лучше всего тебе говорить так, как будто леди здесь нет. И говорить нужно только о… о твоем отце и матери. Это их праздник, а не ее, и даже не только Джеральда.

— Думаешь? — сказал Тоби.

— На твоем месте я бы даже о Рэйчел сказал немного больше.

— Понятно… Эх, если бы ты мне это написал! — проговорил Тоби, беспокойно бродя взад-вперед по комнате. Внизу послышался звонок: прибыли первые гости. — А что мне о ней говорить?

— Например, о том, какая сила духа требуется, чтобы все эти годы выносить Джеральда, — ответил Ник. При этих словах что-то царапнуло его по сердцу: он чувствовал, что это, может быть, и не совсем шутка. — Нет-нет, этого лучше не говори, — благоразумно добавил он, — и вообще будь покороче. Главное, помни: мы все тебя любим.

Тоби присел, одним махом вдохнул дорожку и выпрямился; Ник молча наблюдал за ним, еще не зная, какую окраску примет его наслаждение.

— Сто лет не нюхал… — невнятно произнес Тоби, то ли извиняясь, то ли протестуя. Затем: — М-м, неплохо, очень неплохо… — И, минуту спустя, просияв: — Ник, отличная штука! Где

достал?

— От Уради, — объяснил Ник, подушечкой пальца собирая остатки со стола.

— А-а, — сказал Тоби. — Да, Уради всегда достает самый лучший.

— Ты ведь и сам вместе с ним нюхал в Оксфорде.

— Да, раз или два. Я и не знал, что ты тоже подсел!

В радостном возбуждении Тоби закружил вокруг него, и Ник едва удерживался, чтобы не поцеловать его или не схватить за член, как сделал бы с самим Уани. Вместо этого он сказал:

— Хочешь, возьми себе, что осталось. — Оставалось еще около трети грамма.

— Ну что ты, я не могу… — слабо сопротивлялся Тоби.

— Бери-бери, — сказал Ник. — Я на сегодня закончил, а тебе может пригодиться.

И протянул Тоби крошечный сверток. Как все свертки Ронни, это была страница, вырванная из порножурнала, с красной сургучной печатью увеличенного девичьего соска. Мгновение поколебавшись, Тоби сунул его глубоко в нагрудный карман.

— Черт, просто фантастика! — проговорил

он. — Ну что ж, теперь все будет как надо! Главное — не затягивать!

И вприпрыжку бросился вниз. Уже на нижней площадке он обернулся и сказал:

— Дорогой, я все не употреблю, так что, если тебе еще понадобится — только скажи!

— Не надо, не надо, — отмахнулся Ник.

Они вошли в кабинет, где леди Партридж беседовала с чиновником из казначейства о росте уличной преступности, а Бэджер Броган осторожно флиртовал с беременной седьмым ребенком Гретой Тиммс. Ник кружил по комнате с улыбкой, неуязвимый для всеобщей нервозности — ему хотелось выпить. Щекотка кокаина в горле увеличивала жажду. И тут же, словно по заказу, перед ним выросли два официанта с подносами. «Двое — для утоления двойной жажды», — сказал себе Ник и едва не захихикал вслух. Из двух официантов он выбрал того, что покрасивее, смуглого, с полными губами.

— Спасибо… о, привет, — сказал Ник, взяв бокал; он сообразил, что где-то видел этого человека, хотя не сразу припомнил, где и как его зовут.

На миг время остановилось: все вокруг сверкало и пенилось, рвались к свету пузырьки в дюжине бокалов, а Ник и смуглый официант не

сводили друг с друга глаз.

— Я тебя помню, — сказал наконец Ник — и сам поразился сухости своего голоса.

— А… вечер добрый, — с улыбкой ответил официант, и Ник почувствовал, что прощен. А потом официант сказал: — А где мы виделись? — И Ник понял, что не только прощен, но и забыт.

У окна возникло какое-то движение, и послышалось восклицание Джеффри Титчфилда:

— Госпожа премьер-министр приехала!

Трепеща от восторга, Титчфилд первым бросился к дверям. Гости переглядывались, ища другу друга ободрения: мужчины подталкивали друг друга локтями, некоторые, кажется, готовы были все бросить и попрятаться по углам. Ник двинулся вниз вместе с прочими, полагая, что госпожу премьер-министра следует встречать толпой, она может оскорбиться, если не получит многолюдной встречи. Между этажами его прижали к перилам; он свесился вниз, думая, что выглядит сейчас, должно быть, точь-в-точь как безымянный слуга на каком-нибудь историческом полотне. Внизу растворилась дверь, и гостей обдало сырым холодным воздухом. Дамы заахали и поежились: казалось, вместе с холодом в дом ворвалось напоминание о побежденном,

но все еще мощном враге. Бочком, спотыкаясь, под смешки и неодобрительный шепот вбежал в дом Свирепый Аналитик. Джеральд, вместе с охранниками, встречал премьер-министра на улице. Рэйчел, в золотистом сиянии электрического света и серебристом блеске вечернего платья, стояла у дверей. Вот послышался хорошо знакомый голос, и все прочие голоса стихли — а секунду спустя появилась и она сама.

Она вошла стремительной, мощной, совсем не женской походкой, ясно и твердо глядя перед собой — и все, что она видела, приветствовало ее: и высокое зеркало в холле, и лица гостей, на многих из которых отражалась даже не гордость, и не робость, и не верноподданнические чувства, а какой-то безумный восторг. Этот восторг она встречала весело и привычно, словно венценосная особа наших дней. На цвет входной двери она, кажется, не обратила внимания.

На втором этаже восстановилось спокойствие, но спокойствие особого рода — как на сцене, когда увертюра уже отыграна и вот-вот поднимется занавес. Гости выстроились в неровный ряд у дверей гостиной. Когда госпожа премьер-министр вошла (муж ее скромно шел чуть позади), первым пожал ей руку Барри Грум: при этом он

низко склонил голову и даже, как рассказывали впоследствии, поздоровался. Уани она приветствовала шутливо, как человека, с которым совсем недавно виделась — это было и хорошо, и плохо, поскольку понятно, что в ближайшее время она вряд ли с ним заговорит. Уани сжал ее руку обеими руками и несколько секунд держал так, словно раздумывал, не поцеловать ли. Джеральд ревниво протиснулся вперед и принялся представлять гостей. Ник смотрел на нее с жадным интересом, ловя все детали: и прическу, такую искусную и совершенную, что хотелось представить ее намокшей и растрепанной, и длинную черную юбку, и бело-золотой жакет с обильной вышивкой, широкими подкладными плечами и низким вырезом, открывающим великолепное жемчужное ожерелье. Ник не сводил глаз с этого ожерелья, и широкой груди, и мощной шеи — шеи пожилой, не раз рожавшей женщины.

— Какая же она красавица! — замирая от восторга, прошептала у него над ухом Труди Титчфилд.

А Джеральд уже представлял самого Ника:

— Ник Гест… лучший друг наших детей… молодой преподаватель… — Тут Ник одновременно возгордился и смутился, заподозрив, что госпожа

премьер-министр не слишком-то любит молодых преподавателей.

Он кивнул и улыбнулся; пронзительно-голубые глаза на миг задержались на его лице, а затем она взяла инициативу на себя и, приветливо кивнув стоящему рядом Джону Тиммсу, сказала:

— Здравствуйте, Джон!

— Госпожа премьер-министр! — выдохнул Тиммс и не пожал ей руку, а как-то вцепился в нее.

В конце ряда стояли сами дети Джеральда — странная, неподходящая друг другу пара. Тоби сиял; Кэтрин, которую родители опасались — ей ничего не стоило надуться или задать какой-нибудь неуместный вопрос, — смотрела на госпожу премьер-министра с восторгом, словно ребенок на фокусника.

— Здравствуйте! — радостно выпалила она, пожимая ей руку. — А это мой друг, — и подтолкнула Джаспера вперед, но имени его не назвала.

— Добрый вечер, — откликнулась госпожа премьер-министр суховатым тоном, ясно показывающим, что она устала и хотела бы чего-нибудь выпить; и тут же, словно по волшебству, рядом возник Триштан со спокойной улыбкой, непроницаемыми темными глазами и подносом в руках.

Спускаясь вниз освежиться, Ник увидел, что из спальни Джеральда и Рэйчел выходит Уани.

— Боже мой, милый, осторожнее! — сказал он.

— Да я просто в туалет зашел, — ответил Уани.

— Если тебе нужно, заходи лучше ко мне в туалет, — отозвался Ник. Выпивка и порошок притупили его осторожность, и опасность казалась ему несерьезной.

— Неохота по лестнице подниматься, — ответил Уани.

Действие кокаина после выпивки особенно нравилось Нику: он обострял чувства, прояснял мысли, в сущности, отрезвлял — но при этом не уничтожал удовольствие, а выводил его на новый уровень. И сейчас Ник был совершенно счастлив. Он обнял Уани за плечи и спросил, хорошо ли ему.

— Мы ведь почти не виделись сегодня вечером, — добавил он.

Они начали спускаться вниз, и уже на третьей или четвертой ступеньке Ник заметил какое-то движение сбоку, в этой огромной белоснежной спальне. Инстинкт непризнанного хранителя дома заставил его резко обернуться — и увидеть, как из спальни с самым деловым видом, словно из какой-нибудь «недвижимости», которую пока-

зывал покупателю, выходит Джаспер. Он кивнул Нику и сказал:

— Я иду наверх, к Кэт, — и подмигнул.

— Так-так, — сказал Ник, пока они с Уани медленно и осторожно спускались по лестнице. — И что же вы там делали?

— Ловили кайф, старик, всего лишь ловили кайф.

— Ясно, — кисло сказал Ник и вгляделся в неестественно розовое лицо Уани, пытаясь уловить в его выражении чувство вины. Он представил себе, чем еще они могли заниматься под кайфом в чужой ванной, и от этого ему стало нехорошо. — Значит, теперь об этом знаем не только мы с тобой.

Уани ответил ему хмурым, но не злым взглядом. Нику кокаин прочистил мозги, но Уани явно ушел далеко вперед и находился в той фазе, когда человек с трудом узнает знакомых. Может быть, он и прав, думал Ник, отдаваясь действию наркотика, может быть, это и не важно. Все не так уж важно — особенно сейчас, когда во дворе уже грохочет музыка… Что толку сейчас об этом думать?

Кэтрин он нашел в углу кабинета: ее обихаживал престарелый и зубастый Джонти Стаффорд, посол в отставке — этакий дружелюбный Бар-

маглот.

— Нет-нет, я вас уверяю, Дубровник вам бы понравился! — ораторствовал он, вращая глазами. — Отель «Диоклетиан» — это такое очаровательное место!

— Правда? — отвечала Кэтрин.

— Нам, знаете ли, всегда давали номер для новобрачных… такая огромная кровать! Там можно было оргии устраивать!

— Но, наверное, не в брачную ночь.

— Здравствуйте, сэр Джонти.

— Ах, вот и ваш прекрасный кавалер! Я уничтожен, я раздавлен, я исчезаю! — проговорил сэр Джонти и хотел было бежать за следующей промелькнувшей в коридоре юбкой, но вовремя осознал, что это юбка премьер-министра. — Боже мой, боже мой… — проговорил он, остановившись в коридоре и тряся головой, — как она хороша, как хороша!

— Ну как, этот пьяный старикан не совсем тебя достал? — спросил Ник.

— Знаешь, приятно, когда хоть кто-то обращает на тебя внимание, — проговорила Кэтрин, вытягиваясь на диване. — Садись. Не знаешь, где Джас?

— Я его не видел, — ответил Ник.

По кабинету бродил фотограф в вечернем костюме и при галстуке, с осторожной улыбкой проскальзывал между гостей, стараясь быть как можно более незаметным. Это, разумеется, не удавалось: при его приближении одни замирали в картинных позах, другие, напротив, принимались как-то особенно беззаботно болтать и жестикулировать. Ник устроился на диване возле Кэтрин, подогнув под себя ногу и улыбаясь при мысли о собственной элегантности. Он чувствовал, что сможет веселиться до утра, что вечер сказочный, что все вокруг прекрасно и, даже если этот вечер не закончится сексом, его это ни капли не огорчит — в конце концов, не в сексе счастье!

— Как от тебя приятно пахнет, — сказала Кэтрин.

— Это мой старый «Je Promets», — объяснил Ник. — А ты уже отобщалась свои двенадцать секунд с премьер-министром?

— Пыталась, но Джеральд меня пресек.

— Я ее немного послушал за ужином. Держится, как и положено Великой Женщине — очень мило и совсем по-домашнему.

— Замечательно, — сказала Кэтрин.

— Все расслабились, вздохнули с облегчением, начали обсуждать театр и наряды, а она вдруг

раз — и завела разговор о сельскохозяйственной программе.

— Надеюсь, ты ей не выложил все, что думаешь о нашем сельском хозяйстве?

— Случая не было, — ответил Ник. — А ты заметила, как за ней присматривают? Эти охранники глаз с нее не спускают, а она, хоть и первый человек в стране, идет, куда ей скажут.

— Ну, в нашем доме она не первый человек, — возразила Кэтрин и повернулась к Триштану. — Чего хочешь выпить?

— Чего я хочу? — задумчиво повторил Ник, кривой усмешкой отвечая на дежурную улыбку Триштана и скользя взглядом по фигуре официанта. — А в самом деле, чего же я хочу?

— Шампанского, сэр? Или чего-нибудь покрепче?

— Для начала — шампанского, — протянул Ник, — а чего-нибудь покрепче еще успеется…

Чувство риска, как ни странно, придавало ему уверенности, а выпивка и наркотик обостряли наслаждение, даря убежденность, что наконец-то, три года спустя, он сможет сделать с официантом по имени Триштан все, что захочет. Триштан едва улыбнулся краем губ в ответ на его заказ, однако, наклоняясь за пустым бокалом, быстро

и сильно сжал колено Ника. Ник смотрел, как он пробирается через толпу гостей: на секунду ему показалось, что он снова в Хоксвуде. Когда Триштан вернулся с шампанским на двоих, Ник поднял бокал и провозгласил:

— За нас!

— За нас, — повторила Кэтрин. — И прекрати строить глазки официанту.

Минуту спустя она сказала:

— Федден сегодня что-то очень веселится. Я бы сказала, совсем на себя не похож.

Оба посмотрели в другой угол, где Тоби, устроившись на софе рядом с премьер-министром, рассказывал какой-то, судя по его лицу, невероятно смешной анекдот. Софа премьер-министра превратилась во что-то вроде зала для аудиенций: люди подходили, присаживались, разговаривали с леди минуту или две, а затем исчезали, уступая свое место новым посетителям — но Тоби, должно быть, ободренный успехом своей речи, задержался здесь явно дольше других.

— Я бы не удивился, — заметил Ник, — если бы узнал, что Уани угостил его порошком для успокоения нервов.

— Боже ты мой! — проговорила Кэтрин, а затем улыбнулась. — Он такой: мне кажется, он и гос-

пожу премьера готов угостить понюшкой — или как это там называется?

— Она, кстати, довольно много выпила. Но это совершенно незаметно.

— Забавно смотреть, как ведут себя с ней мужчины. Особенно те, что пришли с женами. Посмотри на того, что сейчас пожимает ей руку: «Да, госпожа премьер-министр, да, да…» — интересно, свою жену он так и не представит? Подозреваю, больше всего ему хочется, чтобы жена вместе с прочими гостями куда-нибудь провалилась, а они с госпожой премьером остались бы наедине… ой, смотри, смотри, сейчас на колени встанет! По-моему, сейчас начнут целоваться…

— Да нет, дорогая, она же замужем!

— В самом деле. Посмотри, кстати, какое огромное кольцо!

— А правда, есть в ней что-то царственное?

— Царственное? По-моему, она похожа на певицу кантри!

Кэтрин даже взвизгнула от смеха, и кое-кто начал оборачиваться в их сторону: одни — с улыбками, другие — хмурясь.

— Какие огромные эти бокалы для шампанского! — проговорила она, нетвердой рукой ставя

бокал на стол.

— В самом деле, не бокал, а целая туба, — ответил Ник.

За окном один за другим прогремели несколько особенно громких фейерверков — таких, что задрожали стекла и по дому разнеслось звучное эхо. Одни поморщились, другие закричали и захлопали в ладоши; госпожа премьер-министр словно ничего не заметила — только повысила голос и продолжала говорить.

— Больше всего меня поражают, — сказал Ник, — натуралы, которые ведут себя как голубые.

— Понимаю, — ответила Кэтрин. — Взять хотя бы Джеральда…

— Дорогая, Джеральд среди этих людей — шахтер в забое. Посмотри вон на того старика, министра… чего бишь он министр?

— Не помню, просто министр. Или монстр. Монстр чего-то там. Я эту рожу по телевизору видела.

Этот человек стоял позади госпожи премьер-министра, словно шоумен, оберегающий и одновременно выставляющий напоказ какое-нибудь чудо природы. Время от времени он бросал сальные взгляды на ее прическу. Его собствен-

ные седоватые кудри были уложены волнами и обильно политы гелем; время от времени он легко касался их рукой. Он, один из немногих, явился на прием в белом смокинге, и во всем его облике читалась абсолютная убежденность в правильности такого решения. Между кремовыми шелковыми лацканами виднелся ярко-пурпурный бархатный галстук с сияющей небесно-голубой булавкой. Высокий воротничок не давал ему опустить голову, а пояс-камер-банд, туго перетянувший талию, заставлял держаться прямо и придавал физиономии нездоровую красноту.

— По-моему, ни один уважающий себя гомосексуалист так одеваться не станет, — сказала Кэтрин.

— Ну, я бы не сказал, — возразил Ник, стараясь перещеголять ее в саркастичности, — в наших рядах подобные экземпляры тоже встречаются.

Ему захотелось еще нюхнуть, и, решив, что для этого вовсе не обязательно подниматься наверх, он спустился в туалет на первом этаже. Вдыхая кокаин с пальца поочередно правой и левой ноздрей, Ник улыбался, вспоминая, как Джеральд пожимал руку Рональду Рейгану. Судя по лицу Рейгана, он понятия не имел, кто такой Джеральд.

Снаружи гремела музыка: классический биг-бэнд сменился ранним рок-н-роллом — таким, под который, должно быть, танцевали Джеральд и Рэйчел двадцать пять лет назад. Вдалеке ухали и взрывались ракеты. За запертой дверью слышался ровный гул голосов: там ждали Ника неиспользованные возможности, там остались двое мужчин, которых он желал. Кто-то подергал дверь: Ник вдохнул остатки кокса, спустил воду, включил и выключил кран, поправил галстук и вышел, не сразу заметив, что своей очереди снаружи дожидался не кто-нибудь, а полицейский из сада.

Пока он ходил в туалет, место возле Кэтрин заняла герцогиня, так что Ник остановился в дверях, прикидывая, куда бы сесть. И вдруг почувствовал, что ноги сами несут его к софе премьер-министра. Тоби как раз поднимался с улыбкой, готовый упорхнуть, словно актер за кулисы; госпожа премьер-министр тоже улыбалась и что-то говорила ему, что — Ник не расслышал. Подошла леди Партридж и судорожно сжала руку госпожи премьера. Она, похоже, потеряла дар речи — точь-в-точь как могло бы случиться с самим Ником при встрече с каким-нибудь почитаемым автором; едва ли он смог бы выдавить что-то,

кроме: «Я обожаю ваши книги». Однако леди Партридж была старухой, и в ее взгляде на миссис Тэтчер чувствовался не только ребяческий восторг, но и что-то вроде материнской гордости. Ник не слышал, что она говорила премьер-министру, и не сомневался, что она не слушает и не слышит ответов — это было и не важно, главное, что они держались за руки: жест верности и, возможно, исцеления, для Джуди — потрясающий и новый, для госпожи премьера — повседневный и давно превратившийся в рутину. Обе женщины были под хмельком, и сторонний наблюдатель, глядя, как они сжимают друг другу руки и возвышают голоса, легко мог предположить, что они спорят. Возможно, госпожа премьер в самом деле предпочла бы поспорить — Ник догадывался, что в этом деле она хороша как ни в каком другом.

Наконец Джуди отошла, и в тот же миг — это вдруг оказалось ужасно просто — Ник двинулся вперед и присел, согнув колени, на краешек софы, словно предлагая новую игру. Он не отрывал восторженных глаз от лица премьер-министра, от ее безупречной высокой прически в стиле, среднем между вортицизмом и барокко. Она улыбнулась ему открыто и искренне, блеснув голубыми глазами; от этой улыбки сердце у Ника

забилось еще быстрее, и вдруг, сам не понимая как, он услышал собственный голос:

— Госпожа премьер-министр, не хотите ли потанцевать?

— С величайшим удовольствием, — прозвучало в ответ глубокое и чистое контральто премьер-министра.

Мужчины вокруг в молчаливом изумлении взирали на дерзкого юнца, совершившего то, на что сами они никогда бы не осмелились. Ник знал, что эта сцена войдет в историю, обрастет баснословными подробностями; он чувствовал, что все взгляды устремлены на него, но сам не смотрел ни на кого — лишь на госпожу премьер-министра, не слышал ничего, кроме ее слов и собственных ответов, блестящих и остроумных. Прочие последовали за ними по каменным ступеням крыльца, по крытому, освещенному фонарями переходу, в танцзал, где им предстояло стать зрителями или исполнителями второстепенных ролей.

— Не так уж часто меня приглашают на танец молодые преподаватели, — сказала госпожа премьер-министр.

И Ник понял, что Джеральд был не совсем прав: она вовсе не «на все» обращает внимание (во

всяком случае, цвет входной двери вряд ли ее интересует) — она все запоминает.

Танцующие пары зашевелились и брызнули в разные стороны, когда они ступили на танцпол под ритмичный грохот «Get Off Of My Cloud». Джеральд прыгал здесь с Дженни Грум (она даже танцевать ухитрялась с поджатыми губами), Барри откровенно лапал Пенни Кент, усталая Рэйчел еле передвигала ноги в паре с Джонти Стаффордом. И вот Джеральд увидел, как его кумир, его госпожа премьер-министр, уже предупредившая, что танцевать не будет, выходит в середину зала и начинает выделывать самые рискованные коленца в объятиях малыша Ника! А Ник припомнил все уроки мисс Эйвисон — положение верхней руки, постановка ног, ничто не пропало даром, все ожило и заиграло красками жизни; и в эти две или три минуты, танцуя с главой правительства под залихватский рок-н-ролл, он чувствовал себя бессмертным и всемогущим.

Они, все трое, собрались в ванной комнате Ника. Уани сопел, хлюпал носом, дрожал, словно от озноба, и вид у него был как у привидения; он, впрочем, уверял, что ему хорошо, как никогда. Сейчас он сосредоточенно разворачивал кулек из страницы журнала «Форум» с изображением

пушистого женского лобка. Ник сидел на краю ванны, скрестив ноги, и смотрел, как отливает Триштан.

— Ширинку не застегивай! — потребовал Уани; это была одна из его любимых шуток.

Триштан рассмеялся и сказал:

— Смотри-ка, ему нравится.

— Знаю, — ответил Ник.

— А я вспомнил, где тебя видел, — сказал Триштан. Ширинку он все же застегнул и воду спустил, а потом добавил, глядя в зеркало: — На дне рождения у мистера Тоби. В большом-пребольшом доме. Давным-давно.

— Верно, — ответил Ник, снимая пиджак.

Триштан тоже скинул свой официантский фрак — молча, не тратя времени на слова.

— Ты тогда пришел ко мне на кухню. Грустный такой, одинокий.

— Правда? — рассеянно спросил Ник.

— Мне потом стыдно было. Я тебе велел прийти позже, а сам не пошел.

— И мы знаем почему, — добавил Уани.

— Не беспокойся, — ответил Ник. — Я тоже об этом забыл.

Триштан положил руку ему на плечо, и Ник, поняв, что от него требуется, достал бумажник и

протянул ему двадцать фунтов. Триштан наклонился к Нику, просунул ему в рот свой длинный и толстый язык и усердно целовался с ним секунд десять, а затем отстранился и отвернулся. Уани ничего не заметил — он возился с холмиком кокаина. Триштан заглянул ему через плечо.

— Знаешь, у меня могут быть неприятности, — сказал он.

— Никаких неприятностей, — ответил Уани. — Все совершенно безопасно. Дом под охраной полиции.

— Нет, я имею в виду, с боссом. Он не любит, когда мы надолго отлучаемся.

— А как тебе вот это? — поинтересовался Уани и, не оглядываясь, нащупал рукой его ширинку.

— Хочешь еще денег? — прямо спросил Ник.

— Я ему только что пятьдесят отсчитал, — протянул Уани.

Триштан снова повернулся к зеркалу.

— Значит, жену ты с собой на вечеринку не взял?

— Она мне не жена, — усмехнулся Уани.

Триштан широко улыбнулся Нику.

— Я видел, как ты отплясывал с большой леди, — сказал он. — Ну вы и скакали! По-моему, ты ей понравился.

Курчавая голова Уани мелко затряслась от смеха.

— В следующий раз, когда ее увижу, обязательно спрошу, как ей понравился Ник.

— А ты что, дружишь с ней, что ли? — спросил Триштан и снова улыбнулся Нику.

— Ага, мы с ней лучшие друзья, — сообщил Уани, критически оглядывая плоды своих трудов. — Самые что ни на есть… Ну вот… — Он обернулся. — А ты? Неужели она тебе не нравится? Она же красавица!

Триштан пожал плечами:

— Нормальная тетка. По мне — нормальная. Чем больше у людей денег, тем больше вечеринок, правильно? И чаевых. Мне, бывает, по сто фунтов отваливают за вечер. А то и по двести.

— Да ты просто шлюха продажная, — сказал Уани.

Ник подошел к раковине и выпил один за другим два стакана воды.

— Ну где там мой порошо-очек? — поинтересовался он капризным детским тоном.

Стояла ночь, наслаждение давно растаяло, сменившись усталостью и иррациональной тягой к допингу — будь то кокаин или секс. Об удовольствии речь не шла — просто нужно было

продолжать.

Триштан присел, чтобы вдохнуть свою дорожку. Уани положил руку ему на член, Ник — на задницу.

— Как порошок-то, хороший? Откуда берешь? — поинтересовался Триштан и, глубоко вдохнув, откинулся назад.

— У Ронни, — ответил Уани. — Его так зовут. Ага, вот так… — пощипывая себя за нос. — Обожаю Ронни. Он мой лучший друг. Правда, правда. Мой единственный настоящий друг.

— Не считая госпожи премьер-министра, — вставил Ник.

Триштан в первый раз по-настоящему улыбнулся — широко и открыто.

— А мне-то показалось, — сказал он, — что твой лучший друг — это он. Вот он, Ник. Разве нет?

— Ник? Да он просто шлюха, — ответил Уани. — Деньги у меня берет.

Ник вдохнул половину своей дорожки и оглянулся.

— Он хочет сказать, что я на него работаю, — педантично уточнил он.

— Работаешь? И что же ты делаешь, хотел бы я знать?

— Кое-что делаю, — отрезал Ник.

— Ясно, ясно, что ты делаешь! — проговорил Триштан и заржал.

— Во всяком случае, — упрямо продолжал Ник, — он миллионер, так что…

— Я мультимиллионер, — с легким негодованием уточнил Уани. — А теперь давай, покажи свой коронный трюк.

— Что за трюк? — спросил Ник.

— Сейчас увидишь, — ответил Уани.

— Надеюсь, от этого порошка у меня нестоячки не случится, — пробормотал Триштан.

— Не будет стояка — не будет денег, — ответил Уани.

Триштан спустил брюки и трусы и присел на край унитаза. Тяжелый смуглый член его клонился книзу. Он запустил руки себе под рубашку, задрал ее до шеи и принялся пощипывать себя за соски.

— Не хотите мне помочь? — спросил он.

Уани, пробормотав что-то недовольное, подошел к нему сзади и, протянув руки, принялся щипать и выкручивать двумя пальцами соски официанта. Триштан вздохнул, улыбнулся, закусил растрескавшиеся губы. Он смотрел вниз, не отрываясь, словно происходящее всякий раз становилось для него чудом. Вот его член вздрогнул,

закачался, начал толстеть и наливаться кровью, вот медленно поднялся вровень с бедрами; крайняя плоть на нем скользнула назад, и почти обнажившаяся головка, казалось, улыбалась собственной розовой улыбкой.

— Вот и все, — сказал Уани.

— И все? — спросил Ник.

— Нравится? — спросил Триштан.

Лицо его вдруг показалось Нику алчным лицом незнакомца, и, глядя на его огромный подрагивающий пенис, он понял, что не так, совсем не так хотел завершить эту ночь. Да, ему хотелось секса — но как идеи, а не… не как грубого и глупого факта.

— Значит, ты это уже видел? — спросил он.

— Он от этого всегда жутко возбуждается, — ответил Триштан.

Уани уже стоял на коленях, неуклюже пытаясь пристроиться к Триштану и заняться любимым делом. Штаны он тоже спустил, но пенис его, подавленный кокаином, болтался немощно и жалко. Он лизал и сосал, громко хлюпая чудным орлиным носом, и из ноздрей его капала на колени официанту густая слизь, смешанная с кровью и нерастворившимся порошком. Официант обернулся к Нику и сказал тоном светской беседы,

кивнув в сторону Уани:

— Там я с ним в первый раз и встретился. На вечеринке у мистера Тоби. Он дал мне нюхнуть, а я его отделал в задницу.

— Понятно, — сказал Ник и улыбнулся. Ему было и больно, и забавно, что его так ловко провели, а по большому счету — все равно.

Официант по имени Триштан запустил руки в черные кудри его любовника, ласково и небрежно, словно Уани и не сосал ему член, словно он — балованный маленький ребенок — забежал на вечеринку к взрослым, выпрашивая внимания и похвалы. И Триштан погладил его по голове, улыбнулся и похвалил:

— Денег он не жалеет, а это для меня главное, — сказал он.

— Еще бы! — сказал Ник и достал из кармана презерватив.

— Ну что ж, поехали, — сказал Триштан.

Внизу Джеральд прощался с премьер-министром. Прощание длилось минут десять: Джеральд лично усадил госпожу премьера в машину, не обращая внимания на дождь, и вид у него при этом был торжествующий и счастливый. За оградой все еще гремели и вспыхивали запоздалые фейерверки. Рэйчел и Пенни, стоявшие в дверях,

смотрели, как Джеральд, оттеснив полисмена в штатском, сам захлопывает дверцу машины, согнувшись при этом в счастливом невольном поклоне. «Даймлер» с рычанием двинулся вперед, а дождь все лил, и лил, и тонкие водяные нити сверкали в свете уличных фонарей.

Конец улицы (1987 год)

13

Ник отправился на избирательный участок рано утром, на машине, взяв с собой Кэтрин. Она встала в шесть, чтобы посмотреть на Джеральда в программе «Доброе утро, Англия». Весь долгий месяц избирательной кампании Кэтрин отказывалась смотреть телевизор, но теперь, когда Джеральд и Рэйчел уехали в Барвик, не отходила от экрана.

— Ну как он? — спросил Ник.

— Да показали всего минуту или две. Сказал, тори победили безработицу.

— Чересчур сильно сказано, по-моему.

— Я сразу вспомнила леди Типпер. Помнишь, она говорила, что восьмидесятые — прекрасное десятилетие для служащих?

— Что ж, скоро все закончится.

— Что? А, да, выборы. — Кэтрин смотрела в окно, где моросил мелкий дождь. — А восьмидесятые, мне кажется, будут длиться вечно.

Они ехали по Холланд-Парк-авеню: слабый свет пасмурного утра почти не проникал под

шатер древесных ветвей, и летнее утро казалось осенним вечером.

Такой вот хмурой погоды в день выборов больше всего опасаются организаторы.

— Джеральд ведь не может не пройти, правда? — спросил Ник. За весь месяц никто на Кенсингтон-Парк-Гарденс не осмеливался задать вслух этот простой вопрос.

Кэтрин перевела на него мрачный взгляд.

— Знаешь, если он не пройдет, это будет просто чудо.

На избирательном участке им вручили бюллетени: женщина за стойкой покраснела и заулыбалась, увидев фамилию «Федден» и адрес. Нику ее реакция показалась назойливой и излишней. В восемьдесят третьем Кэтрин свой бюллетень испортила, а на этот раз пообещала проголосовать за партию вегетарианцев-визионеров. Стоя в оклеенной фанерой кабинке, Ник вертел в руках толстый восьмигранный карандаш. При голосовании он всегда испытывал пьянящее чувство безответственности, словно школьник, прогуливающий уроки (хоть сегодня и был выходной). Пусть голосование обставлено сотней разных законов и правил — в кабинке он предоставлен самому себе, и то, что он здесь

сделает, навсегда останется тайной. Он занес карандаш над кандидатом от лейбористов и Альянса, затем нахмурился и решительно поставил крестик напротив кандидата от «зеленых». В конце концов, консерваторы все равно пройдут.

Конечно, в некоторых районах имелись сомнения — кампания лейбористов прошла весьма успешно. Нику и самому казалось, что реклама у них куда остроумнее, чем у тори. «В Британии бедные становятся все беднее, а богатые… богатые становятся консерваторами!» — над этим рассмеялся даже Джеральд. В общем, Джеральд полагал, что организаторы перегнули палку: чересчур утомительная и надоедливая, кампания способна скорее отпугнуть избирателей, чем их привлечь.

— Знаешь, лучшее, что мне следовало бы сделать одиннадцатого мая, — говорил он Кэтрин, — это свалить куда-нибудь в отпуск этак на месяц. Лучше всего — на сафари.

Кэтрин называла нынешние выборы «голосованием за рожи в ящике», и Джеральда это раздражало.

— Не понимаю, почему ты придаешь этому такое значение, киска, — говорил он, прихорашиваясь перед зеркалом в ожидании фотосессии

для местных новостей. — Выборы без участия телевидения вообще невозможны. Да оно и к лучшему. Это значит, что не нужно мотаться и встречаться с избирателями самому. В сущности, если начнешь выступать перед ними лично, они просто со скуки умрут, потому что все это уже слышали по телевизору.

— Может быть, не только поэтому? — добавила Кэтрин.

К некоторому удивлению Джеральда, его не приглашали в ток-шоу и на телеконференции, где неустанно блистала сама леди. Сам же он появился лишь во «Времени вопросов» на Би-би-си-1, где должен был заменять внезапно заболевшего министра внутренних дел, но в основном гнул свою линию. Там он обменивался тонкими остротами с Робином Дэем, которого встречал в обществе, и с раздражительным лейбористом, требовавшим ядерного разоружения. Ник и Рэйчел смотрели эту передачу дома. Джеральд в собственном кабинете на экране телевизора казался каким-то чужим: камера сделала его толще и одновременно заострила черты лица. Пока выступали его оппоненты, он мрачно вертел в руках перьевую ручку, и платок в его нагрудном кармане пылал, словно пламя факела. Защищая Европу,

он упомянул, что владеет домом во Франции и отдыхает там каждое лето. Еще сказал, что в стране существуют десятки тысяч рабочих мест — безработным надо только встать с дивана и оглядеться вокруг (тут в зрительном зале раздался свист и крики: «Позор!») Вообще программа была довольно примитивна, рассчитана «на простых людей» — сложных вопросов и долгих споров ведущий явно старался избегать. Рэйчел раз или два качала головой и неодобрительно посмеивалась. Обаяние Джеральда камера тоже огрубила: легкость и непринужденность исчезли, остался лишь грубый напор. Какой-то человек из зала, очень похожий на Сесила, барвикского зануду-социалиста, поднялся и сказал, что такой богатый человек, как Джеральд, едва ли способен позаботиться о нуждах бедняков: Джеральд начал яростно отбиваться, однако по лицу его и слепой мог бы заметить, что бедняки в самом деле очень мало его интересуют.

В Барвик Джеральд в эту кампанию не ездил. Вместо этого запросил результаты опросов, и выяснилось, что позиции тори очень сильны во всем Нортхэмптоншире, даже в Корби, где недавно закрыли сталелитейный завод.

— Даже безработные понимают, что с нами

лучше, — говорил Джеральд. — Теперь на биржах труда есть компьютеры, и если эти ребята разберутся, как ими пользоваться, то смогут забрасывать нерешительных работодателей спамом.

— Каким? — спросила Кэтрин.

— Ну, например, моими фотографиями! — ответил Джеральд.

Ник спрашивал себя, что означает этот шутливый тон — может ли быть, что Джеральд готовится к возможному поражению? В последнюю неделю перед выборами произошло то, чему потом дали название «страшного четверга», — опросы показали, что лейбористы резко вырвались вперед, и все в Центральном комитете запаниковали. Тоби заметил, что и его отец выглядит неуверенно.

— Нужно, — ответил Джеральд, — развивать в себе качество, которое господин Миттеран назвал величайшей добродетелью политика, добавив при этом, что у нашего премьер-министра эта добродетель есть.

— И что же это за качество? — спросил Тоби.

— Безразличие, — помолчав, негромко ответил Джеральд.

— Хм… — сказал Тоби и, подумав, добавил: — Я

думал, она стремится к победе.

— Разумеется, стремится! Что за ерунда, почему бы ей не стремиться к победе?

— Похоже на игру в слова, — заметила Кэтрин. — Что делать? «Стремиться к победе». Как? «Безразлично».

Джеральд снисходительно улыбнулся дочери и отправился диктовать свой дневник.

На работе Ник просмотрел почту и принялся диктовать Мелани письма. В отсутствие Уани он пристрастился к диктовке: с наслаждением импровизировал длинные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, мысленно сравнивая себя с пожилым Генри Джеймсом, который вот так же, расхаживая по кабинету, диктовал машинистке последние и самые сложные свои романы. Мелани, привыкшая к скупым запискам Уани и уже вполне способная составить деловое письмо своими словами, язык высовывала от усердия, занося в блокнот старомодные периоды Ника. Сегодня надо было ответить на письмо двоих гомосексуалов из США, владельцев кинокомпании — судя по всему, такой же виртуальной, как и «Линия S», — проявивших интерес к проекту «Трофеи Пойнтона», однако считавших нужным сильно изменить сюжет.

Они полагали, что в сценарии не хватает эротики — «девок и стрельбы», как говаривал лорд Уради. Сами они носили имена, вполне подходящие для порнозвезд — Трит Раш и Брэд Крафт.

— Уважаемые Трит и Брэд, — начал Ник. — С немалым интересом мы ознакомились с вашими последними предложениями, запятая, в которых встретились со столь неожиданным, скобки открываются, и, запятая, стоит заметить, запятая, поразительным для нас, скобки закрываются, взглядом на, кавычки, сексуальную сторону, кавычки закрываются, «Трофеев» — трофеи в кавычках и с большой буквы Т…

За дверью послышался какой-то шорох, она приотворилась, и в щели показалась голова Саймона. Мелани опустила блокнот и устремилась к дверям. Дверь приотворилась шире, и за спиной Саймона Ник увидел двух женщин: одна — негритянка с короткой стрижкой, и рядом с ней — белая с крашеными волосами и в футболке… должно быть, какая-то ошибка. Что они здесь делают? В офисе «Линии S» не продаются ни компакт-диски, ни дешевые плееры.

Вернулась Мелани.

— Ник, прошу прощения, там… э-э… Розмари Чарльз хочет вас видеть, — сообщила она, гордо

расправив плечи, полусоболезнующим, полуобвиняющим тоном — Мелани на свой лад была страшной снобкой.

Розмари Чарльз! Эти два слова словно преобразили женщину в приемной — теперь Ник не понимал, как мог ее не узнать. Смущенный и подавленный дурным предчувствием, он встал и вышел ей навстречу, остро сознавая, что другая, незнакомая женщина стала свидетельницей его растерянности. Улыбнулся им обеим, как надеялся дружелюбно и гостеприимно, в глубине души уже догадываясь, зачем они пришли, и чувствуя стыд за то, что притворяется ничего не подозревающим. Пожал Розмари руку, с любопытством вглядываясь в ее лицо: четыре года назад она была юной девушкой с пушистыми кудряшками и лукавыми блестящими глазами — теперь стала зрелой женщиной, статной и красивой; на пышных волосах ее блестели седые капельки дождя, а плотно сжатые губы чуть кривились в той же невольной и неохотной улыбке, с которой однажды вошел в жизнь Ника Лео.

— Добрый день, — сказала она. Нику показалось, что голос ее звучит враждебно, но, возможно, никакой враждебности не было — лишь решимость исполнить намеченное дело. Она

тоже смотрела на него с любопытством — должно быть, как и он, припоминала первую встречу и оценивала, сильно ли он изменился. — Это Джемма.

— Привет, — дружелюбно сказал Ник. — Ник.

— Надеюсь, вы не возражаете, — сказала Розмари. — Мы были у вас дома. Там нам сказали, что вас надо искать здесь.

— Очень рад вас видеть! — с излишним, пожалуй, энтузиазмом сообщил Ник. Две женщины, стоящие плечом к плечу, словно солдаты в строю, наводили на него страх: он все яснее понимал, что его ждет. — Входите, входите!

Джемма огляделась.

— Может быть, мы можем где-нибудь поговорить наедине? — спросила она. Она была постарше Розмари, с голубыми глазами и йоркширским выговором, в черной футболке, черных джинсах и тяжелых ботинках «Доктор Мартенс», и волосы ее были выкрашены в чернильно-черный цвет.

— Конечно, — сказал Ник. — Пойдемте наверх.

Он снова вывел их на улицу и повел по лестнице в квартиру. Внутри ему пришлось закусить губы, чтобы дружелюбная улыбка не превратилась в дурацкую ухмылку — Ник до сих пор

гордился своими китчевыми апартаментами и всякий раз, когда здесь бывали гости, словно смотрел на них новыми глазами.

Они сели за стол в «неогеоргианской» библиотеке.

— Сколько книг… — сказала Джемма.

На низком столе, словно в читальном зале, были разложены газеты. «ВРЕМЯ КОНСЕРВАТОРОВ ПРОШЛО!» — вопила «Миррор». «ПОБЕДА КОНСЕРВАТОРОВ ОБЕСПЕЧЕНА!» — возражала «Сан».

— Мы пришли из-за Лео, — сказала Розмари.

— Да, я так и подумал…

Она опустила глаза — похоже, в этой квартире ей было неуютно; затем устремила на него прямой жесткий взгляд.

— Знаете, — сказала она, — мой брат умер три недели назад.

Ник вслушался в ее слова, сказанные с мягким вест-индским акцентом. Этот акцент был ему знаком по голосу Лео; смущаясь или злясь, Лео разговаривал как лондонский кокни, но иногда, в минуты восторга и наслаждения, возвращался к ямайскому выговору, редкому и прекрасному, как румянец на его темных щеках.

— Уже почти четыре недели, малыш, — тихо по-

правила Джемма. — Да, шестнадцатого мая. — И поглядела на Ника так, словно эти четыре недели вместо трех — на его совести.

— Мне очень жаль, — сказал Ник.

— Теперь мы хотим сообщить всем его друзьям.

— Да, потому что, знаете… — начала Джемма.

— Всем его любовникам, — твердо сказала Розмари. Ник вспомнил, что она работала (а может, и сейчас работает) в приемной у врача — значит, привыкла иметь дело с фактами.

Она расстегнула сумочку и принялась там рыться; Нику показалось, что ее слова тяжким грузом упали не только на него, но и на нее саму, и теперь ей нужно чем-то себя занять, чтобы справиться со своими чувствами. Вспомнив о хороших манерах, он спросил:

— Как ваша мама?

— Нормально, — ответила Розмари. — Нормально.

— Она ведь верующая, — сказала Джемма.

— Да, у нее есть вера, — сказал Ник. — И вы.

— Да… — ответила Розмари, задумалась, поколебалась, словно желая сказать что-то еще, но просто повторила: — Да.

Сперва она передала ему небольшой кремовый

конвертик, на которой зелеными заглавными буквами значилось имя и адрес Лео. Конверт показался Нику смутно знакомым, словно письмо, найденное в старой книге. На нем стояла дата: 2 августа 1983 года. Розмари кивнула, и под пристальными взглядами обеих женщин Ник открыл конверт: чувствовал он себя так, словно учится играть в какую-то новую игру и очень боится осрамиться. На колени ему выпало письмо, старательно написанное от руки его собственным почерком, и фотография.

— Вот так мы узнали, где вас искать, — объяснила Розмари.

Это письмо вместе с пустым конвертом он отправил в «Гей таймс», почти не надеясь на успех; но какой-то человек с зеленой ручкой переадресовал его Лео. Этот неведомый журнальный клерк стал свидетелем — нет, творцом — их любви. Ник поднял фотографию, вглядываясь в нее с тем осторожным любопытством, с каким относился к любым свидетельствам о себе прежнем. Фотография размером с паспортную была вырезана из групповой, кажется, с какого-то оксфордского сборища: юный белокурый мальчик робко улыбался в объектив, словно сообщая камере какой-то стыдный секрет. На письмо Ник взглянул мель-

ком: оно было написано на миниатюрном листке, из тех, что Феддены использовали для поздравлений и приглашений на вечер, да много места там и не требовалось. Текст теперь казался Нику неумелым и неестественным, хоть он и помнил, что Лео понравился его стиль. Начиналось письмо со слова: «Здравствуй!» — естественно, он ведь тогда не знал имени Лео. Нижний хвостик буквы «З» загибался причудливой завитушкой, словно поросячий хвост. В списке своих интересов Ник безыскусно перечислил в столбик Брукнера, Генри Джеймса, что-то еще — зачем? — встречаясь, они никогда не разговаривали об «интересах». Наверху он прочел карандашную пометку Лео: «Ничего. Богатый? Слишком молодой?» Пометка была густо перечеркнута красными чернилами.

Ник отложил письмо и поднял глаза на женщин. Больше всего его нервировало присутствие Джеммы — незнакомки, знающей все о его письме, об их с Лео романе, о том, неуклюжем и застенчивом Нике четырехлетней давности. Перед ней Ник чувствовал себя словно рядом с самой смертью: как будто он в больнице, где нет смысла юлить или о чем-то умалчивать, где все страхи уже подтверждены и превратились в диагнозы.

— Хотел бы я снова с ним встретиться, — сказал он.

— Он не хотел, чтобы его видели таким, — ответила Розмари.

— Понимаю, — сказал Ник.

— Вы ведь знаете, каким он был тщеславным! — В голосе ее послышался добродушный упрек, словно Лео и после смерти продолжал доставлять родным неприятности.

— Да, — ответил Ник. Ему вспомнилось, что на первое свидание Лео пришел в блузке сестры. А теперь на Розмари мужская рубашка — должно быть, рубашка Лео.

— Вечно беспокоился о том, как он выглядит.

— Он всегда прекрасно выглядел, — тихо ответил Ник. Это преувеличение словно распахнуло дверь к его чувствам: Ник попытался улыбнуться, но уголки губ его дрогнули и поползли вниз. Глубоко вздохнув, чтобы овладеть собой, он сказал:

— Я, конечно, пару лет его не видел.

— Да… — задумчиво сказала Розмари. — Знаете, мы ведь не знали, с кем он встречается.

— Не знали, — подтвердила Джемма.

— В дом он приводил только вас и еще старину Пита. Ну и, конечно, Брэдли.

— Я ничего не знаю о Брэдли, — сказал Ник.

— Они с братом вместе снимали квартиру, — объяснила Розмари. — Вы ведь, наверно, знаете, что он переехал.

— Да, помню, он хотел переехать. Как раз в то время, когда мы… Знаете, я до сих пор толком не понимаю, что произошло, просто… мы перестали встречаться.

Он не мог заставить себя произнести простую фразу: «Лео меня бросил», — перед лицом смерти она казалась слишком мелочной.

— Да, я подозревал, что у него появился кто-то еще. Это была правда, но не вся: мыслью об измене Лео он заслонялся от другой, более страшной мысли — о его болезни. Но Брэдли действительно был: наверняка широкоплечий, практичный, совсем не похожий на «цыпленка» Ника.

— Брэдли сейчас тоже болен, — сказала Джемма.

— А старина Пит умер, — добавила Розмари.

— Да… да, я знаю, — сказал Ник и откашлялся; у него вдруг пересохло в горле.

— Ну, с вами-то, кажется, все в порядке, — сказала Джемма.

— Да, со мной все хорошо, — сказал Ник. — Я здоров.

Они молчали и смотрели на него, словно поли-

цейские, ожидающие от преступника признания или раскаяния.

— Мне повезло. И потом… я соблюдал осторожность. — Он положил письмо на стол и встал. — Может быть, хотите кофе? Или чего-нибудь еще?

Джемма и Розмари переглянулись и, кажется, согласились с неохотой, лишь из вежливости.

На кухне, пока закипал чайник, Ник подошел к окну и вгляделся в тонкую серебристую пелену дождя. Под окнами смутно маячили темные силуэты кустов, а на другой стороне улицы ярко сияли сквозь дождь освещенные окна соседнего дома, населенного людьми, которых Ник знал только в лицо. В одном окне горничная пылесосила ковер в кабинете. Где-то вдалеке траурно завывала сирена «скорой помощи». Чайник на плите тонко засвистел — пора было возвращаться.

— Как все это печально, — сказал Ник, внося поднос с кофе в библиотеку.

Прежде ему казалось, что слово «печально» применительно к смерти — блеклое, невыразительное преуменьшение. Но теперь он понял, что оно действует иначе: охватывает свершившееся, с одной стороны, предчувствием беды, и с другой — приятием и примирением.

Розмари подняла брови и поджала губы. В ней чувствовалось упрямое недоброжелательство, возможно вызванное застенчивостью; у самого Ника застенчивость проявлялась по-другому — он становился многословен, любезен и уклончив.

— Значит, вы с Лео познакомились по объявлению? — спросила она.

— Да, верно, — ответил Ник, хотя она, конечно, и так это знала.

Сам он никогда не понимал, следует ли этим гордиться или этого стыдиться, и не знал, что думают об этом женщины (Джемма со вздохом улыбнулась ему).

— Мне посчастливилось, что он выбрал меня, — добавил он.

— М-да… — ответила Розмари с некоторым сарказмом, и Ник сообразил, что разговоры о «счастье» сейчас, пожалуй, неуместны.

— Я хочу сказать, ему ведь отвечали сотни людей.

— Да, ответов было много.

Она снова полезла в сумочку и достала пачку писем, перехваченных толстой резинкой.

— О-о, — сказал Ник.

Розмари стянула резинку и надела себе на руку, чтобы не потерять. Действовала она быстро и

уверенно, точь-в-точь как следует секретарше врача. И снова Ника поразило ее сходство с Лео.

— Я подумала, возможно, кто-то из этих людей вам знаком?

— Ну, не знаю…

— Мы хотим им всем сообщить.

— Ты думаешь, он с ними со всеми… — начала Джемма и не договорила.

Розмари аккуратно разложила письма в две стопки.

— Не хотелось бы беспокоить родственников тех, кто уже умер, — объяснила она.

Джемма кивнула.

— Вряд ли я кого-то узнаю, — признался Ник. — Очень маловероятно… — Он еще не освоился с вестью о смерти Лео, и меньше всего ему сейчас хотелось возиться с письмами.

Все конверты были надписаны одной рукой, теми же зелеными, иногда — красными чернилами, словно Лео засыпал письмами какой-то безумный воздыхатель. Снова и снова Нику бросалось в глаза имя: Лео, Лео, Лео. На некоторых конвертах он заметил армейские штампы.

— Вы не удивлялись, что ему приходит столько писем? — спросил он.

— Он говорил, это как-то связано с мотоциклом,

с мотоциклетным клубом, — объяснила Розмари.

— Да, в свой мотоцикл он был просто влюблен, — подтвердил Ник, с горечью подумав, что это не просто фигура речи. — Неплохо придумано.

— Вот с этими, перечеркнутыми, он, насколько я понимаю, не встречался.

— Ему даже одна женщина написала, — заметила Джемма.

И Ник принялся просматривать письма — зная, что это бесполезно, лишь из уважения к Розмари, словно подчиняясь какой-то неприятной, но необходимой медицинской процедуре. Читать их было необязательно, однако первые два или три он прочел внимательно и со странным интересом — послания из прошлого от неведомых соперников, пытавшихся отнять у него Лео. Он вглядывался в рукописные строки, хмурясь и покачивая головой, чтобы скрыть свой интерес. Объявление Лео он до сих пор помнил наизусть, в том числе и широкие возрастные рамки: «от 18 до 40». «Привет! — писал Сэнди из Энфилда. — Мне немного за сорок, но я тут увидал твое объявление и подумал: а почему бы не попытать счастья старой канцелярской крысе вроде меня?» Розовой пластмассовой скрепкой к письму была

прикреплена фотография плотного мужчины лет пятидесяти. Лео написал на полях: «Дом/машина. Старый?» И позже, видимо, после свидания: «Совсем неумелый». Гленн, «немного за двадцать», из Бэронс-Корта, турагент, сфотографировал себя «полароидом» в собственной квартире и в облегающих плавках. Он писал: «Обожаю развлекаться, особенно в постели! (Или на полу! Или на лестнице! Или… где угодно!)» «Не слишком ли?» — изумился Лео, а, встретившись с Гленном, сделал неутешительный вывод: «Члена под микроскопом не видать». «Дорогой друг, — писал темнокожий, с серьезным лицом, Эмброуз из Форест-Хилла, — мне понравилось твое объявление. Быть может, ты и есть тот, с кем я хотел бы разделить свою любовь». Восклицательные знаки, которыми щедро усеивали свои послания прочие кандидаты, Эмброуз приберег на конечное: «Мира и счастья тебе!» На полях Лео черкнул: «Полная жопа. Зануда страшный» — однако Нику Эмброуз понравился, и он постарался украдкой запомнить адрес.

Ник просматривал письма и передавал их Розмари, а та складывала их в стопку, лицевой стороной вниз, возле кофейной чашки. Чувство новой игры быстро сменилось неприятным ощу-

щением, что в этой игре он проигрывает. Однако от мысли, что всем этим мужчинам Лео предпочел его, Нику становилось чуть легче. Многие письма были нагловаты и развязны, но во всех чувствовалась уязвимость: эти люди умоляли незнакомца проникнуться к ним симпатией, возжелать их, не разочароваться в них при личной встрече. Одного человека он узнал по фотографии и пробормотал: «А-а!», но тут же пожал плечами и сделал вид, что просто прочищает горло. Это был испанец, красивой темной нитью вплетенный в гобелен ранних опытов Ника в гимнастических клубах и ночных барах, ставший для него почти символом лондонского гей-сообщества. Теперь он, должно быть, уже в могиле — Ник видел его на Прудах около года назад, он исходил молчаливым страхом и внушал страх всем окружающим. Теперь Ник узнал, что его звали Хавьер. Тридцати четырех лет. Работал в строительной компании, жил в Уэст-Хэмпшире. Скупые строчки любовного письма превратились в некролог.

Ник отложил письмо и поднес к губам чашку кофе.

— Долго он болел? — спросил он.

— В прошлом ноябре подхватил воспаление легких и едва не умер, но выкарабкался. А нынеш-

ней весной все стало… ну, стало совсем плохо. В конце концов он попал в больницу. Десять дней там пролежал, а потом…

— Знаете, он ведь под конец ослеп, — проговорила Джемма как-то неловко, словно из чувства долга напоминая Розмари о том, с чем та так и не смогла свыкнуться.

— Бедный Лео, — пробормотал Ник, радуясь, что этого не видел, и жалея о том, что Лео не захотел повидаться с ним перед смертью.

— Ты принесла снимки? — спросила Джемма.

— Если вы хотите посмотреть… — помолчав, сказала Розмари.

— Не знаю, — смутившись, ответил Ник. Он не знал, стоит ли принимать этот вызов, и в то же время понимал, что отказаться не сможет.

Розмари достала из сумочки фотоальбом «Кодак». Ник взял его, взглянул на пару фотографий и отдал обратно.

— Если хотите, могу одну отдать вам, — сказала Розмари.

— Нет, — сказал Ник, — спасибо.

И, с окаменевшим лицом, снова потянулся к своему кофе.

Некоторое время все молчали. Потом Джемма сказала:

— Кофе у вас замечательный.

— Вам нравится? — торопливо подхватил Ник. — Да, отличный кофе, кенийский, средней прожарки… Это из магазина Майерса на Кенсингтон-Черч-стрит. У них собственный импорт. Дорого, конечно, но он того стоит.

— Отличный кофе, такой чудный вкус! — сказала Джемма.

— Думаю, не стоит мне сейчас смотреть остальные письма, — сказал Ник.

Розмари кивнула.

— Ладно, — сказала она, словно радуясь, что с этим делом покончено, и готовясь перейти к следующему пункту программы. — Если хотите, могу их вам оставить…

— Нет, пожалуйста, не надо, — ответил Ник. Ему казалось, что кто-то ставит жестокий эксперимент над его чувствами.

Джемма отправилась в туалет: не сразу его нашла, наконец пробормотала что-то радостное, словно встретилась со старым другом, и исчезла за дверью. Ник и Розмари молчали, не глядя друг на друга. Трагический повод извинял любую невежливость, однако Нику больно было сознавать, что Розмари, кажется, относится к нему неприязненно. Сам он смотрел на сестру своего

возлюбленного как на близкого человека, почти как на родственницу, с симпатией и готовностью к дружбе — однако сама Розмари, по-видимому, это воспринимала иначе. И до чего же она похожа на Лео! Легко представить, что это на самого Лео Ник бросает украдкой робкие взгляды, молчаливо моля о примирении.

— Значит, вы с ним год или два не виделись? — спросила она наконец.

— Да, где-то так…

Она взглянула на него с некоторой опаской, словно готовясь пуститься в плавание по неизвестным водам.

— И вы по нему скучали?

— Да… да, конечно, очень скучал.

— Помните вашу последнюю встречу?

— Помню, — ответил Ник и уставился в пол. Его смущала сухая, почти деловая манера, с какой Розмари задавала эти сентиментальные вопросы. — Это было… очень тяжело.

— Знаете, — сказала Розмари, — он ведь не оставил завещания.

— Да… конечно, он ведь был так молод! — ответил Ник и нахмурился: при мысли о том, что Лео мог оставить ему что-нибудь на память, глаза его снова наполнились слезами.

— Мы его кремировали, — сказала Розмари. — Мне кажется, он именно этого хотел. Хотя мы никогда его не спрашивали. Понимаете, просто не могли.

— Понимаю, — сказал Ник и почувствовал, что все-таки плачет.

Вернулась Джемма с восклицанием:

— Сходи в туалет, посмотри, там такое!..

Розмари слабо улыбнулась в ответ.

— Или это фотомонтаж? — продолжала Джемма.

— А-а! — сказал Ник, обрадованный неожиданной сменой темы. — Нет… нет, все по-настоящему.

— Там, на фотографии, он танцует с Мэгги!

Снимок с Серебряной Свадьбы: Ник — потный, раскрасневшийся и совершенно счастливый, а госпожа премьер-министр смотрит на него с явной опаской, которой он «вживую» не замечал. Едва ли Джемма уловила само-иронию, заставившую его повесить этот снимок в туалете.

— Так вы с ней знакомы? — поинтересовалась она.

— Да нет, нет, просто тогда, на приеме, я много выпил… — пробормотал Ник, словно такое могло случиться с каждым.

— И, держу пари, вы сегодня за нее голосовали? — не унималась Джемма.

— Нет, — угрюмо ответил Ник. На Розмари это, кажется, не произвело никакого впечатления, и он добавил: — Помните, я обещал вашей маме, что, если познакомлюсь с леди, непременно потом расскажу; что она за человек?

— Не помню.

Он неуверенно улыбнулся.

— Как она… это пережила?

— Вы же знаете, какая она, — ответила Розмари.

— Я ей напишу, — пообещал Ник. — Или съезжу ее навестить. — Ему представилась миссис Чарльз среди своих брошюрок, со шляпкой на спинке стула, вспомнилось, что в прошлый раз ему не удалось ее «очаровать» — и он почувствовал, что действительно хочет с ней увидеться. — Я ее помню, она замечательная.

Розмари бросила на него быстрый острый взгляд и молча поднялась со стула. Уже собирая вещи, она решилась сказать:

— Вы ведь и раньше так говорили, верно? После того, как у нас были.

— Что?

— Лео нам рассказывал, вы ему сказали, что мы

«замечательные».

— Правда? — переспросил Ник, сразу остро и болезненно это вспомнивший. — Ну что ж, надеюсь, вы на меня не в обиде. — Он чувствовал, что Розмари пришла сюда с подсознательным желанием возложить на него вину за смерть брата, и теперь, когда он оказался ни в чем не повинен, невзлюбила его еще сильнее. — Она ведь не знала, что Лео гей, верно? Помню, она говорила, что хочет увидеть его у алтаря…

— Ну что ж, он почти пришел к алтарю, — с жесткой усмешкой ответила Розмари, словно найдя наконец, на кого свалить вину — на мать. — По крайней мере, создал семью. Только с мужчиной.

— Ужасно, должно быть, узнать таким образом…

— Она так и не может в это поверить.

— Что он умер?

— Что он был геем. Это же смертный грех. — Эти два слова она произнесла с резким, почти карикатурным ямайским акцентом. — А ее сын не мог быть грешником.

— Никогда не понимал, почему это грех, — тихо проговорил Ник.

— Смертные грехи — самые страшные, — пояс-

нила Джемма.

— Что ж, по крайней мере она не считает, что СПИД — это кара Господня.

— Для грешников — кара, — уточнила Розмари.

А Лео просто сел на сиденье в туалете, на котором до этого посидел какой-нибудь безбожник-социалист.

— Или попил с безбожным социалистом из одного стакана, — добавила Джемма.

«Зачем они над ней насмехаются?» — подумал Ник. Он попытался представить себе опустевший дом, подавленный скорбью, чувством вины и невысказанными обвинениями… и не смог.

— Она принесла его обратно домой, — сказала Розмари.

— В каком смысле?

— Принесла урну домой и поставила на каминную полку.

— А-а… — Ник был так потрясен, что залепетал — Да, помню эту полку, над камином, у вас там стояли Иисус, и Мария, и кто-то еще…

— Иисус, Дева Мария и святой Антоний Падуанский… а теперь и Лео.

— Что ж, он оказался в хорошей компании, — выдавил Ник.

— Точно, — усмехнувшись, подтвердила Джемма. — Кошмар какой-то. Я там больше не бываю, не могу этого выносить.

— Говорит, ей нравится думать, что он все еще здесь.

Ник вздрогнул, но сказал:

— Мне кажется, стоит с пониманием отнестись к таким фантазиям, она все-таки потеряла сына.

— Эти фантазии ей не помогают, — отрезала Розмари.

— А нам не помогают тем более, верно, малыш? — добавила Джемма и погладила Розмари по спине.

Розмари на миг прикрыла глаза — совсем как мать, и с тем же упрямым материнским выражением. А потом сказала:

— Она не признает правды о нем и не признает правды о нас. — И вскинула сумочку на плечо, готовая уйти.

Ник покраснел, устыдившись собственной непонятливости, а в следующий миг едва не сгорел от стыда, сообразив, что румянец на его щеках две женщины могли принять на свой счет.

Когда женщины ушли, он поднялся наверх. В безжалостном свете дурной вести квартира, которую он делил с Уани, казалась еще безвкуснее

и претенциознее, чем обычно, и Ник с трудом верил, что столько времени провел здесь в ничем не омраченном счастье. Зеркала, люстры, ламбрекены и жалюзи — все вокруг, казалось, смотрело на него с укором. Так всегда бывает, когда деньги есть, а вкуса нет: квартира становится похожей на номер в шикарном отеле, который, в свою очередь — лишь жалкая пародия на действительно аристократические дома. Год назад в этой квартире была, по крайней мере, прелесть новизны. Теперь же повсюду виднелись следы обитания богатого и распущенного мальчишки. Мягкие подушки дивана продавлены и протерты посредине — Уани валяется здесь целыми днями и смотрит видео. Алая парча пропиталась потом и спермой. Можно только надеяться, что Джемма в черных ботинках, сидевшая на диване, этого не заметила! Сейчас Ник готов был убить Уани за изгаженный диван. Георгианский стол покрыт круговыми разводами и царапинами — даже Дон Гест, вечный оптимист, едва ли взялся бы привести его в порядок. «Нет, старина, косметический ремонт здесь бессилен», — сказал бы Дон. Ник провел пальцем по грязному, изрытому вмятинами столу и снова ощутил, что содрогается от рыданий.

Он сел на диван и, чтобы успокоиться, развернул «Телеграф». Выборы ему смертельно надоели, и все же любопытно было знать, чем они кончатся. Было в них что-то возбуждающее, что-то от народного праздника. В ритме сердцебиения звучал в ушах голос Розмари: «Знаете, он умер… Он умер, знаете…» С ужасом и отвращением Ник представил себе урну на каминной полке — почему-то роскошную, мраморную, в стиле рококо. Последнее фото было ужаснее всех: Лео на пороге смерти, в сущности, уже мертвец. Нику вспомнилось, как тогда, в начале, они строили шутливые планы о том, что будут делать в старости: Лео станет шестидесятилетним старикашкой, а Ник будет еще в расцвете сил. Так оно и случилось: за неделю до смерти Лео выглядел на шестьдесят лет. Он лежал на кровати в синей больничной пижаме: выражение страшно изможденного, высохшего лица было уже почти неразличимо, словно СПИД отнял у Лео душу и занял его место, словно сама болезнь смотрела из этих слепых мертвых глаз; и только на губах еще дрожала и никла знакомая кривая полуулыбка, слабая и полная само-иронии, словно Лео понимал, что сейчас она способна не привлечь, а лишь напугать. Никогда Ник не видел более страшного

лица.

Он вспомнил, что надо написать письмо, и сел за стол, чувствуя острую необходимость утешить мать Лео или, быть может, оправдаться перед ней. Миссис Чарльз в его сознании странно сливалась с его собственной матерью — единственной, кто по-настоящему страдал от его гомосексуальности. «Дорогая миссис Чарльз, — начал он, — с глубоким потрясением я узнал о смерти Лео…» — и сразу подумал, что так нельзя, это нетактично, о смерти впрямую говорить не стоит. «Узнал горестную весть…», «о последних печальных событиях…»…только не «о смерти Лео» — это жестоко. Да и «глубокое потрясение» может ей показаться красивой и пустой фразой, вроде слова «замечательный». Ник замер в нерешительности, пытаясь представить, как должна воспринять его письмо убитая горем женщина. В прошлый раз он так и не нашел с ней общего языка: она все понимала как-то по-своему.

Он представил, как она любуется красивым почерком и недоверчиво вчитывается в содержание. Наверняка недоверчиво — Ник не раз уже сталкивался с тем, что его искренность посторонние принимают за цветистую ложь. Он над этим работал, старался выражаться проще, суше,

грубее, и все же… Он задумался, глядя в окно, и секунду спустя на память ему пришли слова Генри Джеймса о смерти По: «Меня поразила глубина его отсутствия». Прежде эта фраза казалась Нику несерьезной, какой-то игрой слов — но сейчас он понял, сколько в ней заключено ужаса, мудрости и печали. В первый раз он понял, что эти слова написаны человеком, в жизнь которого снова и снова входила смерть. И представил себе, как, где-то через полгода, садится за стол и пишет такое же письмо обитателям дома на Лаундс-сквер.

14

Дома, на Кенсингтон-Парк-Гарденс, Ник все никак не мог решиться рассказать Кэтрин о Лео. Сам себе он казался вестником из иного мира, гонцом, согбенным под бременем недоброй вести, и ловил себя на том, что слишком громко вздыхает и слишком подолгу мрачно смотрит в стену, надеясь услышать вопрос. Минут через десять стало ясно, что это занятие бесполезное: Кэтрин ничего не замечает. Она полулежала в кресле, обложенная со всех сторон газетами, обставленная недопитыми стаканами воды и чашками чаю, и с порога казалась совсем маленькой и слабой, как больной ребенок. Когда вошел Ник, она подняла

глаза и сказала с натужной бодростью:

— Представляешь, после новостей будет репортаж о выборах в прямом эфире! — как будто это само по себе было хорошей новостью.

— Хорошо, дорогая, — сказал Ник. — Отлично, посмотрим. Э-э… гм… да! — И обвел комнату нерешительным взглядом, прикидывая, когда будет лучше сообщить новость и в какие слова ее лучше облечь. У каждой новости, думал он, есть свой жизненный ритм: выложишь ее слишком рано — она прозвучит тяжело и неловко, будешь тянуть — пропадет впустую, так и оставшись непроизнесенной.

Он поднялся к себе в комнату, по дороге снова, уже не в первый раз, задумавшись о состоянии Кэтрин. Тяжко жить в одном доме с человеком пассивным, беспомощным, постоянно подавленным и погруженным в себя — особенно если помнишь, сколько жизни и энергии он излучал прежде. Рядом с Кэтрин собственные проблемы казались Нику не такими уж страшными — но только иногда; в другие дни она заражала его своей мрачностью. Он взял из библиотеки Рэйчел монографию доктора Эдельмана, лечащего врача Кэтрин, под названием: «Трудный путь через горы: преодоление маниакально-депрессивно-

го синдрома». Стиль у доктора Эдельмана был ужасный, и Ник цеплялся за его стилистические ошибки и тяжеловесный синтаксис, стараясь спрятаться за ними от страха, который наводила на него эта книга, и от болезненного желания примерить изученные симптомы на себя — тем более соблазнительного, что в изложении доктора и легкомыслие, и раздражительность, и флегматичность, и вообще едва ли не любое свойство человеческого темперамента могли оказаться предвестниками болезни.

Были в книге и полезные факты, однако Ника она оставила в тревожной растерянности; такую же растерянность и тревогу он испытывал всякий раз, когда заговаривал с Кэтрин, теперь пребывающей уже не в сверкающих и черных полях своих прежних депрессий, а в ка-ком-то ином, неописуемом месте, охраняемом прописанными доктором Эдельманом мощными дозами лития. Объяснять, что она чувствует, у нее не было ни сил, ни желания. Она говорила, что не может ни на чем сосредоточиться, не способна дочитать до конца ни книгу, ни даже статью. Порой как будто забывалась и начинала вести себя как прежде — энергично двигалась, ядовито острила, быстро раздражалась; но это скоро прекращалось, и сама

она в такие минуты смотрела на себя с каким-то тоскливым недоумением. По большей же части просто сидела и ждала неизвестно чего. Ник не раз ловил себя на том, что разговаривает с ней чересчур громко и чересчур бодро, словно с глухой старухой; и страшнее всего было, что Кэтрин на это не обижалась.

Весь вечер звонил телефон. Сначала позвонила мать Ника и долго говорила о выборах, должно быть увидев в них единственный шанс причаститься лондонской жизни сына. С матерью Ник был холоден и сух, почти готовый, как это бывало и раньше, винить ее в том, что о самом главном ей рассказать не может. Она никогда не слышала о Лео, и рассказывать было бесполезно — это он знал. Мать подробно пересказала выступление Джеральда по местному радио. «И еще сказал: не нужны нам никакие общества этих… э-э… лесбиянок!» — говорила она, едва ли понимая, какое отчаяние звучит в ее словах под тонким слоем напускной отваги. Потом позвонил по другой линии сам Джеральд, и Дот поспешно распрощалась, словно пойманная на месте преступления.

— Ну как у вас там, все хорошо? — поинтересовался Джеральд; его явно распирало от желания поговорить о себе. Голосование уже закончилось,

начался подсчет результатов — самые волнующие часы, когда даже самоуверенный Джеральд не находил себе места и метался в поисках ободрения.

— Как ваша речь? — спросил Ник.

— Прошла гладко, как тост за ужином, — ответил Джеральд. — А вот о самом ужине я этого сказать не могу. Ох уж эти мне провинциальные гостиницы!

Ник ощутил мимолетное злорадное желание поведать о своем горе Джеральду — тот ведь знал Лео и даже, кажется, ему симпатизировал; однако он понимал, что Джеральд просто не обратит на его слова никакого внимания — не те сейчас обстоятельства, не тот день, да и смерть, пожалуй, не та.

Елена приготовила каннелони, и Ник с Кэтрин поели на кухне, под семейной галереей фотоснимков и шаржей: за прошедшие четыре года галерея заняла всю стену и уже переползала на соседнюю, над дверью в буфетную. Почетное место по-прежнему занимала карикатура на Джеральда работы Марка. Марионетки с лицом Джеральда пока не существовало, но после нынешних выборов он надеялся появиться в «Куклах». Кэтрин вяло ковыряла вилкой еду, уставившись в тарелку так,

словно есть ее заставили в наказание; Ник поймал себя на том, что сравнивает ее с шестилетней Кэтрин на фотографии — милой девчушкой с щербатой улыбкой, такой счастливой, что больно смотреть, и с другой Кэтрин, десять лет спустя, на фотографии из «Харпер», с фотосессии, где дети богатых и известных родителей демонстрировали вечерние наряды, и первые шрамы у Кэтрин на руках были скрыты под белыми перчатками. Но прежде всего, конечно, это была галерея Джеральда: жена и дети присутствовали здесь как второстепенные декоративные персонажи жизни героя, состоящей, если верить снимкам, в основном из рукопожатий со знаменитостями. Последним трофеем Джеральда стал Горбачев: ему Джеральд не пожимал руку, с ним он просто беседовал, широко улыбаясь и сыпля каламбурами, и по любезной улыбке советского лидера нетрудно было понять, что ему скучно.

— Ты не помнишь, когда сняли вот эту твою фотографию? — спросил Ник.

Кэтрин оглянулась как-то опасливо, втянув голову в плечи, словно боясь, что стена обрушится и задавит ее, и ответила:

— Нет. Только саму фотографию помню.

— Мама говорит, — сказал Ник, — что в «Норт-

хэндс стандарт» напечатали карикатуру на Джеральда, и она уже выслала ее нам для коллекции.

— А-а… — сказала Кэтрин. Помолчала, подняла на него глаза: — Зачем нам карикатуры?

— Ты же любишь сатиру, дорогая. Особенно сатиру на Джеральда.

— Да, знаю. Но представь, что люди и в жизни выглядели бы так же. Огромные головы… гидроцефалия, вот как это называется. И огромные страшные зубы… — И рука ее, сжимающая вилку, мелко затряслась.

Когда после ужина они поднялись в кабинет, Ник обнаружил, что и сам дрожит, и налил себе большой бокал скотча. Они сидели рядом на диване, в тяжелом и неловком молчании; Ник вспоминал, как Лео вошел в этот кабинет, подошел прямо к роялю и, к большому его изумлению, начал играть Моцарта. Тогда они выпили по рюмке виски — первый и последний раз на его памяти, когда Лео пил. Ник снова окунулся в те дни, прекрасные и грубые, когда перед ним разворачивалась жизнь инстинкта, и сам Лондон, во всем многообразии своих улиц, переулков, парков и тупиков, снедаемый пронзительной осенней дрожью, покорно и влюбленно расстилался перед

ним; ему вспоминались новизна, риск и восторг простой мысли: «Это все на самом деле!» Чувство неловкости оттого, что он занимается любовью с мужчиной, скоро растаяло и сменилось иным, куда более светлым и общепринятым чувством — счастьем разделенной любви. Снова и снова он видел, как Лео входит в кабинет, как исполняется самая тайная и заветная его мечта — принимать любовника у себя в доме.

Дождь прекратился, и небо немного просветлело: в окна осторожно, словно ощупью, просачивался бледный тусклый свет. Ник составил в уме фразу: «Я сегодня узнал кое-что ужасное: умер Лео — ты помнишь Лео?» — но произнести ее вслух почему-то никак не решался.

В саду пели птицы: сегодня обостренный слух Ника различал в их щебете и тревогу, и протест, и неохотное подчинение. Бледный свет пасмурного неба пробирался по комнате: вот он вспыхнул на позолоте рамы полотна, погладил беломраморные лозы, обвивающие камин, вот добрался до пузатых ножек старого деревянного кресла и заиграл на них сотней оттенков бледно-золотистого, превратив их в пузатых гномов в высоких колпачках, неказистых с виду, но древних и мудрых.

В девятичасовых новостях заговорили об «обвальной победе» тори. Ник налил себе новый бокал виски, чувствуя, как отпускает его напряжение сегодняшнего безрадостного дня. Очень кстати, если учесть, что единственного утешения скорбящих — соболезнований — он оказался лишен. Он подумал даже о щепотке порошка, но решил, что кокаин поднимает настроение, а это сейчас не к месту. Выпивка больше соответствует скорби: она не радует — просто дает силы прожить еще три-четыре часа.

А сюжетная линия выборов развивалась обычным черепашьим темпом. Уже целую вечность сидели в телестудии политологи и аналитики, дожидаясь результатов. В их рассуждениях и предсказаниях сконцентрировалась вся тоска и скука четырех долгих недель избирательной кампании. Регулярно появлялись репортеры из разных городов, но рапортовать им, увы, было пока не о чем. Позади них виднелись длинные столы, за которыми счетчики торопливо подсчитывали результаты, словно за спинами у соревнующихся играли в какую-то дополнительную игру. Вот объявили, что покажут объявление результатов в Барвике, и на пять секунд на экране мелькнул зал городского совета в ратуше и счет-

чики, из которых Ник никого не узнал, а затем один за другим появились кандидаты от барвикского округа. Джеральд шел по площади, бросая в разные стороны: «Доброе утро! Доброе утро!» — словно начальник в офисе в начале рабочего дня; того, что ему отвечали, он явно не слышал и не слушал. Кандидатку от Альянса показали в доброжелательном споре с Трейси Уиксом, и Ник слегка огорчился, что представлять перед страной барвикский электорат выпало старине Трейси. За телевизионным изображением своего родного города он наблюдал с любопытством, скрывая волнение за осторожными смешками, и ему казалось, что на экране Барвик выглядит каким-то не таким, незнакомым.

Чуть позже Ник пошел вниз, но Кэтрин позвала его: «Эй, тут Полли!» — и он поспешил назад и стал смотреть, опершись о спинку дивана, как произносит свой монолог уполномоченный по выборам. Полли Томпкинс выдвигался от Першора, традиционно торийского местечка, в восемьдесят третьем, однако, отдавшего большой процент голосов за либералов: поэтому Полли не был уверен в успехе, и Джеральд, весьма ему симпатизировавший, предупреждал, что возраст может сыграть против него. Ник и сам читал

недавно статью о молодых кандидатах — у автора статьи выходило, что из ста пятидесяти кандидатов моложе тридцати прорвется в парламент, самое большее, дюжина. Впрочем, Полли посреди сцены, красный, жирный, в массивном двубортном пиджаке, тянул на все сорок пять, как будто загримировался под себя-будущего. Ник не знал, желает ему победы или нет: все это была игра, и он наблюдал за выборами с холодным и беззаботным азартом, как за боксерским матчем. Пожалуй, даже хорошо будет, если старину Полли побьют. Ник подозревал, что кандидаты уже знают результаты — или, по крайней мере, о них догадываются: ведь все подсчеты происходили у них на глазах. Уполномоченный громко объявил результаты лейбористов — очень жалкие, и Полли с насмешливым состраданием скривил губы и покачал головой. А вот послышалось и его имя:

— Томпкинс, Пол Фредерик Джервез (и, тоном ниже, как бы в скобках: «от консервативной партии») — семнадцать тысяч двести тридцать восемь голосов!

Слово «голосов» потонуло в воплях торжества. Все произошло так быстро, что Полли, кажется, не сразу сообразил, что случилось, — долю секунды на лице его отражалось непонимание, а затем

он просиял, как мальчишка, и вскинул в воздух сжатые кулаки.

— Боже мой! — простонала Кэтрин.

И в самом деле, на торжествующего Полли было страшно смотреть. Однако Ник почувствовал, что невольно улыбается от удовольствия, когда снова раздался голос уполномоченного:

— Итак, я объявляю, что названный Пол Фредерик Джервез Томпкинс законным путем избран…

— Пол Томпкинс, — быстро заговорил репортер, деловым тоном ясно давая понять, что ничегошеньки не ведает о бурной личной жизни Полли в стенах Вустерского колледжа, — всего двадцати восьми лет от роду…

Тем временем Полли давил руки проигравших в своей железной хватке, а затем, оглянувшись, поманил к себе женщину, стоявшую в глубине сцены. Она подбежала, прижалась к нему, они сплели руки и вместе выбросили их в воздух.

— Это победа не только Пола Томпкинса, но и его жены, — пояснил репортер, — Морган Стивенс, одной из восходящих звезд Центрального комитета Консервативной партии. Пол Томпкинс и Морган Стивенс поженились в прошлом месяце. Насколько мне известно, именно ее неустанным

трудам он обязан успехом своей избирательной кампании…

А Полли все потрясал кулаками над головой, и лацканы его прыгали на груди, и на круглом жирном лице читалось безумие. Пора было уже начинать речь, но он все никак не мог опомниться от радости: наконец шагнул вперед, рассеянно потянув за собой Морган, но тут же попятился и поцеловал ее — не в губы, а в щечку, как целуют престарелых тетушек. Затем он начал говорить, но тут камера оборвала его и вернулась в студию.

— Эта Морган действительно женщина? — спросила Кэтрин.

— Хороший вопрос, — сказал Ник. — Но думаю, что да.

— Имя у нее мужское.

— Почему же? Есть Морган Ле Фей, знаменитая колдунья.

— Правда?

— Во всяком случае, она вышла замуж за мужчину по имени Полли, так что все в порядке.

По экрану бежали строчки цифр, разворачивались диаграммы, и все чаще звучали слова «обвальная победа».

— Я думала, обвальная победа была в прошлый

раз, — сказала Кэтрин. — У нас даже книга об этом есть.

— Да, так и было, — сказал Ник.

Кэтрин молчала, непонимающе глядя на экран.

— Но ведь ничего не меняется, — сказала она наконец. — Какой же это обвал?

— О чем ты, дорогая?

— Обвал — это ведь катастрофа, он все изменяет.

— Дорогая, это просто стершаяся метафора, — терпеливо объяснил Ник. — «Обвальная победа» означает сокрушительная, неоспоримая.

— О боже мой, — со слезами в голосе сказала Кэтрин.

Полчаса спустя на экране появился Барвик. В студии послышались голоса, словно и там многие ожидали чего-то интересного. Ник и Кэтрин выпрямились и придвинулись поближе к экрану.

— Добро пожаловать в Барвик, — заговорил молодой бородатый репортер. — Мы находимся в великолепном здании городской ратуши, возведенном сэром Кристофером Реном. («Врешь», — подумал Ник.) Объявление результатов ожидается с минуты на минуту. На прошлых выборах в Барвике победил Джеральд Федден,

депутат от консервативной партии: он получил перевес более чем в восемь тысяч голосов. В тот раз его победа была несомненной, однако в этот раз прогнозируется рост популярности депутата от Альянса — молодого местного политика Мюриел Дэй…

Камера нацелилась на двоих соперников. Оба разговаривали со своей свитой: Джеральд громогласно шутил, делая вид, что ничего особенного не происходит, Мюриел репетировала храбрую улыбку проигравшей. Неподалеку депутат от лейбористов, пребывавший, очевидно, в глубоком заблуждении насчет своих шансов, шелестел трехстраничной речью.

Ник откинулся назад, стараясь замаскировать неуверенность смехом. Его охватило волнение, тяжелое и неприятное, как будто родной город, тот самый зал, который он измерял и зарисовывал в младших классах, готовится вынести приговор комнате, в которой он сидит сейчас. Но Ник ничего не мог сделать — лишь от души желал, чтобы все скорее закончилось. Вот утих шум в зале, все должностные лица заняли свои места, кто-то откашливался, кто-то поправлял галстук. Маленькая толпа городских должностных лиц гурьбой поднялась на сцену, и старый

Артур Стейт заговорил — медленно, растягивая и взвешивая каждое свое слово:

— Я, Артур Генри Стейт, уполномоченный по выборам депутата парламента от Барвика, графство Нортхэмптоншир… — и так далее, медленно и размеренно, с паузами после каждой запятой.

Кэтрин не сводила глаз с отца. Ник взглянул на ее профиль. Лицо ее выглядело изможденным и страшно усталым, однако на нем читалось волнение; пусть сама она была бессильна — сейчас здесь сталкивались иные силы.

Первым в списке шел лейборист по фамилии Браун — он получил восемь тысяч триста двадцать один голос («на три тысячи больше, чем в прошлый раз»), мужественно улыбнулся в камеру и исчез. Следующая, Мюриел Дэй, также сильно — на две с половиной тысячи — обогнала своего предшественника: она получила одиннадцать тысяч пятьсот семь. Аплодисменты она приняла с благожелательной, но рассеянной улыбкой и торопливо закивала своим сторонникам, призывая их к тишине — хотя Артур всегда дожидался полного молчания, а затем начинал сначала ту фразу, на которой его прервали. Цифра была серьезная, и Ник не сомневался, что снисходительно улыбающийся Джеральд сейчас погружен в судорожные

мысленные подсчеты. Однако действие не обошлось без новой отсрочки: следующим появился на сцене городской сумасшедший Этельред Эгг, набравший тридцать один голос (хотя, судя по воплям, в его сторонниках состоял едва ли не весь зал). Он раскланялся во все стороны и приветственно помахал зеленым цилиндром; Ник невольно подумал, что у Этельреда в клоунском зеленом наряде и Джеральда, с его безупречно белым воротничком, розовым галстуком и платком в нагрудном кармане, определенно есть что-то общее.

— Ну проиграй же, проиграй… — пробормотала Кэтрин.

— Федден, — заговорил Артур, — Джеральд Джон (от Консервативной партии)… — тут кто-то засвистел, и Артур, дождавшись тишины, еще раз повторил то же самое, сделав странное ударение на «Джоне», — одиннадцать тысяч восемьсот девяносто три голоса.

При слове «одиннадцать» Джеральд побагровел и торопливо заулыбался, видимо решив, что проиграл. Но в следующий же миг все разъяснилось, и сторонники консерваторов завопили особенно радостно, словно приветствуя удачу утопающего, который едва не потонул, но сумел-таки из по-

следних сил выбраться на мелководье.

Ник взял свой бокал и вышел на балкон. На улице было на удивление холодно. Вымученная победа Джеральда стала для Ника неожиданностью: он не очень понимал, как себя теперь вести. Выигравшим в полном смысле слова Джеральда назвать нельзя, и в поздравлениях по этому поводу даже он неминуемо заподозрит издевку или бесстыдную лесть. И все же он прошел в парламент — значит, в конечном счете, все идет как надо. Сияющая улыбка Джеральда еще несколько секунд маячила у Ника перед глазами, затем растаяла среди темных ветвей, как тают и забываются все последние новости. Внизу расстилался сад, и будь погода поприличнее, Ник, быть может, вышел бы прогуляться — но в такую хмарь о прогулках и думать не хотелось. Ничего, впереди у него целое лето.

Он вспомнил, как привел в этот сад Лео, в первое же их свидание, как, трепеща от волнения и надежды, крался по тропе тенью среди предзакатных теней; а потом, в последующие годы, приводил сюда других мужчин — по этой же усыпанной песком тропке, на ту же лужайку за сторожкой садовника. Он больше не робел и не боялся неудачи, это был его коронный трюк, ис-

полняемый уверенно и с блеском: и его любовникам это нравилось — нравилась острая щекотка риска, холодок примитивности, нравилось, что он оригинален — не угощает их выпивкой и не предлагает принять душ. И всякий раз, приходя сюда для очередного торопливого и беззаботного свидания, Ник вспоминал Лео. Лео, так и не узнавшего, как Ник о нем мечтал. Так и не узнавшего, что он для него сделал — подарил мальчику, до той поры жившему лишь фантазиями, реальную жизнь. А если бы и узнал, едва ли бы понял — он ведь совсем не умел фантазировать и мечтать, он обеими ногами стоял на земле, и в этом для Ника заключалась часть его красоты.

Ник взболтнул виски в бокале и вздрогнул. Сейчас он чувствовал, что все прощает Лео: как можно сердиться на мертвого? Но было и другое чувство — смутная жажда прощения; от этого чувства Ник и вздрогнул и, нахмурившись, постарался отогнать его от себя. Когда Розмари спросила, помнит ли он последнюю встречу с ее братом, перед глазами у Ника встало расставание на Оксфорд-стрит. Густая слепая толпа, прежде бывшая союзницей Ника — она помогала скрыть любое интимное прикосновение, — сделалась его противницей: он не мог остановить Лео, не мог

крикнуть: «Подожди, я люблю тебя!» Лео вскочил в седло и умчался на красный свет, исчез за поворотом, даже не оглянувшись. Уже несколько раз они расставались вот так, в ссоре, и Ник даже не понял, что это было их последнее свидание. И еще много дней спустя ему казалось, что это все понарошку, что Лео еще вернется.

Но был еще один случай, три или четыре месяца назад, поздним февральским вечером; о том, что случилось тогда, Ник весь сегодняшний день старался не вспоминать. Уани, должно быть, был уже в Париже, и Ник, ощутив беспокойство в груди и ноющую боль в чреслах, отправился в «Шефтсбери» на ночную охоту. Прошел через большой зал в маленький боковой бар, освещенный газовыми лампами, где атмосфера дружелюбнее и обслуживают быстрее. Протолкался через толпу, кивнул паре знакомых, сел и в ожидании заказа обратил внимание на невысокого чернокожего парня в смешной фетровой шляпе: он, стоя к нему спиной, разговаривал с каким-то немолодым белым. Джинсы у парня были без ремня и низко сидели на бедрах, чуть отставая от тела, и в просвете виднелась голубая полоска трусов. Эти-то джинсы вдруг остро напомнили Нику Лео, двойной изгиб его спины и мускулистого зада, и от этого воспо-

минания он ощутил тихую и сладкую грусть. Бар был полон возможностей, и чернокожий парень Ника не привлекал: слишком уж он был тощим, к тому же носил густую бороду, заметную даже со спины, и в этой бороде явственно серебрились седые волоски. И все же Ник на миг встретился глазами с его спутником, слегка усмехнулся и, вместо обычной практичной пинты, заказал себе ром с колой.

Потом, прохаживаясь по залу с бокалом в руках, перекидываясь приветствиями со знакомыми, поглядывая на свое отражение в многочисленных зеркалах, он увидел чернокожего парня в профиль; и вдруг, на долю секунды, парень повернулся к нему лицом, а в следующий миг снова отвернулся к своему другу. И секунду или две Ник еще ностальгически размышлял о том, как этот парень похож на Лео, а потом его вдруг ударило: господи, это же Лео и есть! Лео со страшно изможденным лицом, полускрытым седеющей бородой, в надвинутой на глаза шляпе. Оглянуться еще раз Ник не решался: вместо этого посмотрел в зеркало, надеясь и страшась, что поймает там его взгляд, полный ответного узнавания, и снова отвернулся, отчаянно убеждая себя, что его не узнал. Он позволил толпе вытеснить себя в

соседний зал. Там бурно веселилась большая компания (одного Ник узнал — на этого мужика он не раз заглядывался в «Y»); он пробирался по стенке с извиняющейся улыбкой, словно запоздалый и трезвый гость на отвязной вечеринке. Сердце у него колотилось, приятное волнение в груди, словно скисшее вино, обернулось сожалением и чувством вины. Чистый инстинкт, рефлекс гнал его прочь. Если бы Ник позволил себе остановиться, подумать — он стремглав бросился бы к Лео: но он повел себя как трус. Он испугался Лео: испугался снова стать отвергнутым, испугался насмешек, но более всего испугался того неназываемого, что до неузнаваемости изменило его лицо и тело. И все же надо вернуться, проверить — может быть, это и не он? При мысли, что мог обознаться, Ник едва не зашатался от облегчения. Он начал протискиваться обратно, ловя на себе неодобрительные взгляды — окружающие не могли взять в толк, чего этот парень мечется туда-сюда: и вдруг, у самых дверей бокового бара, сам не понимая, как и почему, остановился и заговорил с мужчиной из «Y». Он знал, что на левой ягодице у этого мужика вытатуирована птичка, не раз видел в душевых его эрегированный член, но сейчас эти воспоминания совершенно его не

возбуждали. Он болтал какую-то чушь, рассеянно глотая ром с колой. Потом отправился вниз, в туалет, и, оглянувшись, увидел, что этот мужик идет за ним следом: они постояли там немного, люди проходили мимо них взад и вперед, а потом мужик из «Y» кивнул в сторону пустой кабинки. Ник сказал, что это слишком рискованно: он чувствовал облегчение, смешанное со стыдом. Парень сказал, что живет в Сохо, можно пойти к нему, это в пяти минутах ходьбы, и Ник ответил: ладно. Успех был мгновенный и блестящий, исполнение его давнишней мечты, — но Ник не чувствовал себя победителем. В сущности, он вообще ничего не чувствовал.

— Выйдем через боковой вход, — сказал мужик; звали его Джо.

— Ладно, — сказал Ник.

И они прошли через боковой бар: Ник прижимался к Джо, положив руку на его широкое плечо, и смотрел прямо перед собой, чтобы не наткнуться взглядом на парня в смешной шляпе, которого когда-то любил.

15

— Ух ты! — сказал Трит. — Салат «Анютины глазки»?

— Очень вкусный, — сказал Ник.

Трит уставился на него из-за края бокала, пытаясь понять, не шутит ли он.

— И что, он весь из анютиных глазок?

— Это вы о чем? — спросил Брэд.

— Да нет, — сказал Ник. — Обычный салат-латук, просто украшенный сверху одним-двумя цветками.

— А-а, а я-то думал… — кокетливо протянул Трит[20].

— Это символ, — пояснил Ник.

— Пожалуй, стоит попробовать, — сказал Трит.

— Непременно попробуйте! — посоветовал Ник.

— Да вы о чем? — недоумевал Брэд.

— Трит хочет попробовать салат «Анютины глазки», — объяснил Ник.

— А-а… подождите-ка… салат «Анютины глазки»… ага, понял, прикольно!

— Вот и я говорю, — с легким нетерпением отозвался Трит.

Ник с улыбкой обвел взглядом ресторан, с некоторым облегчением обнаружив за одним столиком двоих знаменитых писателей, а за

---

[20] Примечания: 20

«Анютины глазки» (pansy) — по-английски жаргонное название гомосексуалиста.

другим — известную актрису. Брэд Крафт и Трит Раш, владельцы американской кинокомпании, оказались удивительно жадны до новых знакомств. Брэд Крафт вполне соответствовал своему имени — высокий, мускулистый, красивый, с обаятельной ленивой улыбкой, однако соображал он, как видно, туго. Трит Раш — невысокий, с Ника ростом, — говорил не умолкая и постоянно поправлял маленькой ручкой с изящными наманикюренными пальцами пушистую белокурую челку. Они приехали на свадьбу Ната Хэн-мера, но собирались остаться в Британии на весь октябрь («Все, что угодно, лишь бы избежать осени в Новой Англии!» — объяснил Трит). Сегодня им предстояло вести переговоры о фильме, однако американцы не отрывались от своего излюбленного занятия — оглядывали местность в поисках знаменитостей и засыпали Ника вопросами о том, кто кому кем приходится, чем занимается и какой титул носит. Видно было, что их увлекает сам процесс расспрашивания, ответы они слушали невнимательно. Ник чувствовал, что американцы готовы заскучать, и надеялся, что поход в «Гасто» их развлечет. Он уже заметил, что Трит бросает долгие заинтересованные взгляды на кухню, отгороженную от зала голубоватой

стеклянной стеной: цветное стекло превращало неустанную работу повара и его поварят в какую-то эротическую пантомиму.

— А Джулиуса Фунта вы знаете? — спросил Брэд.

— Да, встречался с ним, — ответил Ник.

— И что, это человек известный? И кажется, богатый, верно?

— Да, — ответил Ник. — Его семье принадлежит огромный старинный дом в Норфолке и знаменитая коллекция живописи. Честно говоря, я всегда думал…

— А Помона Бринкли? — перебил его Трит. — Мы с ней встречались. Она кто такая?

— Я ее не знаю, — ответил Ник.

— Потрясающая женщина, — сказал Трит.

— И еще, мы познакомились недавно с одним лордом, Джоном… Фэншо, кажется? — продолжал Брэд. — Так вот, он о вас очень лестно отзывался! Говорил, вы самый обаятельный человек в Лондоне!

— Точно, — подтвердил Трит и выжидательно уставился на Ника.

— Должно быть, он меня с кем-то перепутал, — скромно ответил Ник, счастливо избежав признания в том, что никогда даже не слышал

имени лорда Фэншо.

— А Ната вы хорошо знаете, верно? — не отставал Трит.

— Да, конечно, — с облегчением переходя на более твердую почву, ответил Ник. — Мы с ним вместе учились в Оксфорде. Хотя в последнее время я чаще вижусь с его матерью, чем с ним. Видите ли, его мать — лучшая подруга моей хорошей и близкой знакомой, Рэйчел Федден.

Американцы задумались, видимо припоминая, знакомы ли с Рэйчел Федден.

— Он очень милый.

— Просто очаровательный. Но, знаете, у него сейчас много проблем.

— Да? — сказал Трит. — Как жаль, что он не из наших!

— Хм… — сказал Ник. — А вы где с ним познакомились?

— Прошлой осенью у Розенгеймов — это Ист-Хэмптон, кажется? Там же мы впервые встретились и с… э-э… Антуаном.

— И с Мартой, — добавил Брэд.

— Мартиной, — поправил Ник.

— Брэда Антуан просто очаровал, — сообщил Трит и, приложив к губам соломинку, принялся с чмокающим звуком всасывать в себя остатки

красно-коричневого напитка.

— Да, он просто чудо, — сказал Брэд.

— И с тех пор вы с ним не виделись? — Ник понял, что должен их предупредить, но не знал, с чего начать.

— А этот Нат — он ведь кто-то вроде лорда, верно? — поинтересовался Брэд.

— Да, — ответил Ник. — Он маркиз.

— Боже ты мой! — выдохнул Трит.

— Ага, значит, он маркиз… маркиз Чирк?

— Нет, Чирк — это фамилия. А титул — маркиз Хэнмер.

— Ой, Брэд, смотри! Узнаешь?

— А как нам называть его старика? — поинтересовался Брэд, поворачиваясь вместе со стулом туда, куда указывал Трит.

— Его отец — герцог Флинтшир. Думаю, лучше всего называть его просто сэром.

— Трит, боже мой, точно… это же Бетси!

— Вот кто должен сниматься в нашем фильме, — объявил Трит. — Великая английская актриса!

— Я, впрочем, не думаю, что вы вообще встретитесь с герцогом, — добавил Ник, не совсем уверенный, с какой степенью торжественности лучше произнести слово «герцог». Он еще

помнил, с каким благоговением отзывался его отец о провинциальных баронетах, и потому сам старался говорить об аристократии как можно небрежнее. — Я сам только один раз его видел. Он никуда не выезжает из замка. Дело в том, что он калека.

— Вы, англичане… — протянул Трит, не сводя восторженных глаз с Бетси Тилден. Ник задумался, на какую роль прочит ее Трит: для миссис Джерет она явно слишком молода, для Флиды Ветч — совсем не подходит. — Вы, англичане, такие жестокие!

— Почему? — спросил Ник.

— Ну, как можно так говорить: «Он калека»!

— А-а… — сказал Ник и покраснел, словно его обвинили в снобизме. — Прошу прощения, дело в том, что так говорит о себе сам герцог. Он с детства не может ходить. — Ему показалось, что это подходящий момент для перехода к неприятной теме, и, прочистив горло, он начал: —Знаете, я должен кое о чем вас предупредить… Ах, вот и он!

В дверях появился Уани, и Ник замахал ему рукой.

— О господи! — в один голос выдохнули у него за спиной американцы.

Уани вошел, уверенно улыбаясь, окруженный, словно ядовитым облаком, противоречивыми эмоциями зрителей — ужасом, жалостью, отвращением. Девушка в гардеробной протянула ему трость и помогла снять пальто.

— Добрый день, — сказал Уани; Ник понял, что спешить навстречу и целовать его сейчас не стоит.

Уани двинулся к ним, стуча по мраморному полу своей тростью — элегантной, черной, с серебряным набалдашником. Он еще не вполне с ней освоился и выглядел, словно неумелый актер, играющий старика. Трость и притягивала, и отталкивала внимание окружающих: все, кто был в зале, оглянулись — с тем, чтобы вздрогнуть, поспешно отвести взгляд и больше не смотреть в его сторону.

Американцы встали.

— Антуан, как мы рады тебя видеть! — прижав салфетку к груди, воскликнул Трит.

— Как поживаешь? — с излишней экспрессией подхватил Брэд.

Он осторожно похлопал Уани по спине, и Ник с другой стороны сделал то же самое. Со стороны должно было казаться, что они поздравляют его с победой. Под шерстяной тканью пиджа-

ка Ник ощутил костистые выступы и провалы страшной худобы. Уани сел, улыбаясь вежливо и рассеянно, словно на еженедельном заседании правления, ход и результаты которого известны заранее. Наступило короткое потрясенное молчание. Ник улыбался Уани, страшась заговорить; присутствие посторонних вернуло его ужасу первоначальную остроту, и он чувствовал, как что-то клокочет у него в горле.

— О чем речь? — поинтересовался Уани. Голос его звучал, как обычно, негромко и расслабленно, и лишь какие-то неуловимые нотки в нем подсказывали, что теперь Уани просто не способен говорить громче.

— Я объяснял Брэду и Триту, что Чирк — это фамилия, а Хэнмер — титул, — сказал Ник.

— Понятно, — снисходительно улыбнулся Уани. — Титул у них совсем новый, получен в девятнадцатом веке.

— А-а… — понимающе протянул Брэд, безуспешно пытаясь сделать вид, что для него это и в самом деле слишком поздно.

Трит рассмеялся и сказал:

— Что ж, по мне, и это неплохо.

— Собственно говоря, этот род спасла Шерон, нынешняя герцогиня… — и Ник обернулся к Уа-

ни, чтобы тот досказал историю.

— Да, сделала Флинтширам спасительную инъекцию своего капитала, — сказал Уани.

Все рассмеялись торопливо и чересчур весело, словно в ответ на жестокую шутку тирана; в остроте Уани в самом деле чувствовалась жестокость — прежде всего по отношению к себе.

— Может быть, закажем что-нибудь? — предложил Ник.

Уани повернулся и жестом подозвал Фабио; пока он не смотрел, Трит и Брэд обменялись понимающими взглядами. Фабио тут же возник у стола, энергичный, веселый, готовый принять, повторить вслух и запомнить их заказы: должно быть, никто, кроме Ника, не заметил, что он слишком уж энергичен и басовитый смех его звучит немного натужно. Брэд попросил салат «Анютины глазки», и Фабио отпустил какую-то обычную остроту и выпрямился, прижимая к груди раскрытые меню. Ник заметил, что ресторан процветает, и с улыбкой добавил, что, возможно, он отчасти обязан своим успехом им с Уани: они были на открытии и после этого обедали здесь едва ли не каждый день.

— Да, пожаловаться не можем… — сказал Фабио… — точно, Ник, жаловаться нам не на

что! — и при слове «жаловаться» бросил быстрый взгляд на Уани, и в глазах его промелькнуло что-то холодное и жестокое.

А в следующий миг в дверях появились новые посетители — разумеется, Сталларды. Ник видел, как Фабио спешит к ним навстречу, приветствует их и усаживает за стол — все как обычно, без всякого неестественного смеха и косых взглядов. Наверное, он боится, что присутствие Уани отпугнет посетителей, подумал Ник.

Софи и Джейми подошли к их столику. Джейми осторожно похлопал Уани по спине; Софи, кажется, хотела его поцеловать, но передумала. Джейми недавно сыграл главную роль — наивного английского студента — в низкобюджетной голливудской романтической комедии и теперь наслаждался славой. Софи была беременна и потому нигде не играла, хотя у нее в корзинке, сделанной в виде колыбели, лежали какие-то бумаги, которые вполне могли оказаться сценариями. Трит и Брэд поздоровались с энтузиазмом, видно было, что они уже прикидывают, каков будет Джейми в роли Оуэна Джерета; стороны обменялись визитными карточками и пообещали друг другу «непременно как-нибудь заглянуть». О здоровье Уани не было сказано ни слова; только

Софи, возвращаясь к своему столику, оглянулась и одарила его грустной, соболезнующей улыбкой.

— Просто чудо, что за парень, — сказал Брэд.

— Это вы про старину Джейми? — спросил Ник.

— А вы его хорошо знаете?

— Да, мы все вместе учились в Оксфорде. Правда, он тогда больше дружил с Уани.

Но Уани не желал погружаться в воспоминания. Он сидел неподвижно, сложив на столе исхудалые руки. Пиджак с прямыми плечами, застегнутый на все пуговицы, висел на нем, как на вешалке. Он по-прежнему привлекал к себе внимание — но не восхищенное, как раньше, а испуганное и жалостливое — и, казалось, жаждал внимания еще больше, чем прежде. Ник не мог не признать, что Уани и сейчас по-своему выглядит неплохо — хотя, конечно, с тем, что было раньше, сравнивать невозможно. Сейчас ему было двадцать пять лет.

— Сталлард всегда был ничтожеством, — сказал он, — и в прелестной мисс Типпер он нашел себе пару под стать.

— А-а… — сказал Брэд. — А она… э-э…

— Прекрасная пара для него. Она — дочь девя-

того в списке самых богатых людей Англии, а он — сын епископа.

— Епископы, наверное, не слишком-то много зарабатывают, — проговорил Трит и снова припал к своему коктейлю.

— Епископы вообще ничего не зарабатывают, — ответил Уани и, секунду помедлив, широко улыбнулся, очевидно приглашая собеседников посмеяться над никчемностью епископов. Все нервно заулыбались в ответ.

Лицо Уани, изможденное и покрытое воспаленными угрями, приобрело способность к новым выражениям — не просто зрительно прибавлявшим возраст, но превращавшим Уани в другого человека, постороннего, которого можно не узнать, встретив на улице. Должно быть, думал Ник, всякий раз, глядя в зеркало, Уани видит там незнакомца. Это чужое лицо жило своей жизнью, по нему бродили какие-то тени, оно и хмурилось, и улыбалось не так, как прежде; Уани, похоже, этого не сознавал, хотя иногда Нику казалось, что он все понимает и этим пользуется. На этом исхудалом лице особенно выделялись скулы и массивный лоб: теперь Уани не только при свечах, но и при дневном свете был очень схож со своим отцом.

— Знаете, — торопливо заговорил Ник, не вполне понимая, кому пытается угодить, — отец Уани недавно получил титул лорда.

— Ух ты! — сказал Брэд. — Значит, ты тоже когда-нибудь лордом станешь?

Наступило неловкое молчание; наконец Уани сказал:

— Это не передается по наследству. Кстати, Трит, что это ты пьешь?

— Ох, не спрашивай! — торопливо вмешался Брэд.

— Это… как его зовут — Хамфри? Последнее изобретение Хамфри. Называется «Черный понедельник».

Уани снова улыбнулся широкой саркастической улыбкой.

— Быстро же он приспосабливается к духу времени, — заметил он. Хамфри был главным барменом в «Гасто», местной знаменитостью. — Да, Хамфри — настоящий умелец. О коктейлях знает все.

— Сейчас я тебе расскажу, что здесь: темный ром, шерри-бренди и самбука. И много-много лимонного сока. Вкус потрясающий! — радостно продолжал Трит.

— Я теперь не пью, — сказал Уани, — но пого-

ворить о выпивке не возражаю.

Наступила заминка. Трит снова начал поправлять шевелюру, а Брэд вздохнул и сказал:

— Да… я вот как раз хотел спросить… — Оба они, кажется, почувствовали облегчение от того, что табу снято и разговор подошел к сути дела.

Уани вздернул подбородок.

— У нас все просто ужасно, — сообщил он, сурово оглядев обоих американцев. — Невероятно: одна из моих компаний за несколько часов потеряла две трети своей стоимости.

— А… а, да, конечно, — выдавил Брэд. — Да, нам сейчас тоже несладко приходится.

— В один день лондонская фондовая биржа потеряла пятьдесят миллиардов.

Трит взглянул ему в лицо, давая понять, что понимает его маневр, но спорить не станет, и сказал:

— У нас индекс Доу-Джонса упал на пятьсот пунктов.

— Да, верно, — сказал Уани. — Ну, тут уж вы сами виноваты.

Брэд спорить не стал, однако заметил, что ужас, сколько народу на Уолл-стрит оказалось без работы.

— И черт с ними, — сказал Уани. — Все вернется

на круги своя. Так всегда бывает. Все возвращается. Все всегда возвращается.

— Сейчас для всех нас трудные времена, — поспешно проговорил Ник.

Уани бросил на него насмешливый взгляд и сказал:

— Ничего, выживем.

После этого заговаривать о смертельной болезни было уже невозможно. Ник заметил, что американцы украдкой обмениваются недоумевающими взглядами, и догадался, о чем они думают. Когда они встречались с Уани в последний раз, он собирался жениться.

За обедом Брэд, как и Уани, пил только воду, а Ник и Трит заказали на двоих бутылку шабли. Трит часто касался руки Ника и пытался вовлечь его в тихую приватную беседу; Ник, по возможности, следил за тем, чтобы разговор оставался общим. Всем было тяжело и неловко из-за поведения Уани. Казалось, он понимает, что им неуютно с ним рядом, и наслаждается этим. Брэд и Трит задавали вопросы и сияли натужно-благодарными улыбками, когда Уани расщедривался на ответ. Если отвечал Ник, Уани выслушивал его, а затем безразличным тоном выдавал какое-нибудь дополнение или поправку. Он подхватывал

разговор, занимал в нем ведущую роль — и тут же умолкал, презрительно улыбаясь в ответ на вопросительные и заинтересованные взгляды слушателей, словно поражаясь, что они могут придавать значение таким глупостям. Ел он очень мало: чувствовалось, что ему отвратительны и дорогие блюда, и собственная неспособность ими наслаждаться. Должно быть, кусочки цыпленка и полупрозрачные ломтики кабачков казались ему символами мира наслаждений, куда вход ему отныне был закрыт. Ник заметил, что несколько раз за вечер он хватался за край стола и судорожно сжимал его, словно борясь с желанием сдернуть на пол скатерть вместе со всем этим великолепием.

Наконец зашла речь о фильме; сам Ник стеснялся об этом заговаривать, поскольку проект принадлежал ему. Несколько месяцев он сочинял сценарий, чувствуя себя при этом так, словно пишет во второй раз саму книгу, и теперь страстно желал и страстно боялся похвалы. Часто он пытался представить, что за фильм у них получится: воображал, как смотрит его в переполненном зале кинотеатра «Керзон», как публика согласно и благодарно ахает в знак признания его таланта; честно сказать, он предпочел бы и съемками за-

няться сам. Лежа по ночам без сна, он выдумывал рецензию Филиппа Френча.

Не так давно вышел еще один фильм по Джеймсу, «Бостонцы», и главную роль в нем сыграл тот же актер, что играл Супермена.

— Нетрудно представить, — говорил Ник, — иронию, не говоря уж об изумлении, самого Мастера, если бы он об этом узнал…

Однако его слушатели едва ли представляли возможную реакцию Джеймса так же хорошо, как он сам.

— Кстати, нам очень понравились ваши письма, — сказал Трит и снова сжал его руку. — Они такие английские!

— Да, наверное, стоит поговорить о… о нашем фильме, — сказал Брэд.

Принесли десерт — множество разнообразных сладостей на широких бледно-розовых блюдах. Уани смотрел на эти блюда так, словно и десерт, и фильм были для него равно недостижимы.

— Или, может быть, лучше на следующей неделе…

— Думаю, лучше сейчас, — с сильно бьющимся сердцем проговорил Ник.

Ему вдруг показалось невероятным, что исполнение его заветной мечты, воплощение лучшего

плода его страсти к Генри Джеймсу, зависит от сотрудничества с этими двумя идиотами. Мелькнула мысль: может быть, еще не поздно отступить?

— Знаете, Ник, ваша работа нам необыкновенно понравилась.

— Да, это что-то потрясающее, — подтвердил Трит.

Брэд поколебался, задумчиво уставившись на стаканчик со слоеным мороженым.

— Видите ли, мы уже обсуждали это в переписке. Нас немного смущает, что история плохо кончается: девушку парень так и не получил, и вся эта меблировка, над которой он так трясся, «трофеи» эти самые, сгорели. Хреновый конец, если честно.

— Правда? — тупо переспросил Ник и, торопливо улыбнувшись, заговорил самым медоточивым голосом: — Да, совсем как в жизни — может быть, даже слишком жизнеподобно для… для традиционного кино. Это история о человеке, который любит вещи больше, чем людей. И в конце концов терпит крах. Это довольно мрачно — но ведь и роман, по сути, весьма мрачен, хотя его обычно и определяют как сатирический.

— Я романа не читал, — признался Трит.

— А… — сказал Ник и покраснел от стыда за него. Мысль провести с ним некоторое время наедине растаяла без следа.

— А ты читал, Антуан? — спросил Трит.

Уани ел мороженое: набирал понемногу на ложечку, всасывал в себя и глотал — медленно, с усилием, словно ребенок с больным горлом. Он ответил:

— Нет, не читал. Читатель у нас Ник, я ему за это плачу.

— А что ты думаешь, — начал Брэд, — о том, чтобы включить в сценарий небольшую любовную сцену между Оуэном и… прости, как ее…

— Флида, — сказал Ник. — Флида Ветч.

— Флида Ветч! — с возмущением повторил Трит. — Да что это за имя? Так могут звать только уродину какую-нибудь!

— По-моему, имя очень красивое, — тихо и твердо ответил Ник.

Брэд покосился на Трита с немым укором, и тот пробормотал:

— Ветч — да это же звучит как «ветошь»! — словно показывая, что согласен заткнуться. Но не заткнулся. — Только представьте, звоню я Мерил Стрип и говорю: «Мисс Стрип, у нас для вас есть отличная роль, пожалуйста, будьте так добры, не

хотите ли вы сыграть в нашем фильме прелестную Флиду Ветч?» Да она решит, что я спятил!

Рассмеялись все, кроме Уани; он сказал негромко и надменно, словно речь шла о ком-нибудь из гостей на свадьбе у Ната:

— Ее зовут Флида Ветч.

— Ладно, в конце концов, не важно, как ее зовут, — сказал Брэд. — Но… Оуэн и Флида — у них должна быть страсть! Настоящая страсть!

— Надо, чтобы между ними искра проскакивала, — подтвердил Трит, бросив взгляд на Джейми Сталларда за соседним столом. Затем он подмигнул Нику. — Слушайте, а он… ну, знаете… — понизив голос и смущенно отведя взгляд, — в Оксфорде… говорят, там все этим грешат…

— Он натурал, — сказал Уани.

— Ну да, ну да, конечно, — сразу согласился Трит, кивая так энергично, словно ничего иного и не предполагал.

Однако в тоне Уани слышалось не только нетерпение. Бледный, неподвижный, он устремил остекленевший взгляд на край тарелки, словно настигнутый каким-то внутренним зовом. Он отодвинул стул, и прислоненная к спинке трость клацнула серебряной рукоятью по мраморному полу; Брэд поспешил поднять ее и протянуть

Уани. Тот на миг замер, крепко сжав губы; обреченная покорность в его глазах на миг напомнила Нику о постели. Затем встал и торопливой шаткой походкой двинулся прочь.

Несколько секунд спустя Ник последовал за ним: он не поднимал глаз и только кивнул в ответ на холодное: «Синьор?..», донесшееся от Фабио. В черной мраморной уборной было две кабинки: в одной из них, с распахнутой дверью, стоял на коленях, прильнув к унитазу, Уани — его рвало. Ник подошел ближе, мгновение просто стоял рядом, затем положил руку ему на плечо.

— О черт! — прошептал Уани, содрогнулся и снова уронил голову в унитаз.

Рвало его необыкновенно обильно, учитывая, что съел-то он за обедом всего ничего. Ник ласково погладил его по спине, не зная, чем еще может помочь. Закусив губу, заглянул через его плечо в унитаз и увидел там кусочки цыпленка и зелень, плавающую в полупереваренном мороженом. Он оторвал туалетной бумаги, подумал, не протереть ли Уани лицо, но затем решил подождать. Мелькнула полная грустной иронии мысль: за последние несколько месяцев это самая интимная сцена в их совместной жизни. Равнодушно блестели вокруг мраморные стены — свидетели

и соучастники того, что творилось в обеих запертых кабинках всего какой-то год назад; Ник уже не помнил подробностей, все тогдашние ночи слились для него в какую-то единую повесть о потерянном рае.

— Ну вот, — проговорил Уани, вцепившись в свою трость и улыбаясь дрожащими губами, — не есть больше Антуану мороженого.

До «Гасто» Уани доехал сам, но обратно, на Лаундс-сквер, его вез Ник.

— Спасибо тебе большое, — задыхающимся шепотом проговорил Уани.

— Не за что, старина, — ответил Ник.

Они припарковались напротив дома, но выходить не спешили. Уани дышал глубоко и часто, словно готовился прыгнуть в воду или бежать кросс. Он никогда ничего не объяснял Нику — ни прежде, ни сейчас; он сам был себе законом или, точнее, беззаконием. Когда Ник спрашивал, как он себя чувствует, Уани отвечал сухо и нетерпеливо, недовольный тем, что Ник пристает к нему с вопросами, а не догадывается сам. Протянув руку, Ник смахнул с черного кожаного покрытия приборной доски тонкий слой пыли. Автомобили, подумалось ему, меняются со временем, как и люди: только что купленные, они кажутся

колесницами из страны грез, но проходит год-другой, и сказочная колесница обнаруживает свою хрупкость и неуклюжесть, да к тому же и выходит из моды.

— Пора покупать новую машину, — сказал Уани.

— Да, эта уже устарела.

— Гребаный антиквариат.

Ник оглянулся через плечо на потрепанное заднее сиденье, где много лет назад (а точнее, прошлым летом) сидел, широко расставив ноги, невозмутимый и прекрасный в своей титанической глупости Рики.

— Номерную табличку, думаю, тебе надо сохранить.

— Конечно. Она тысячу фунтов стоит.

— Добрая старая «КТО 6».

— Ага, — сказал Уани; он никогда не любил сантиментов.

Взглянув вверх, Ник увидел в окне кабинета леди Уради, полускрытую белой кружевной занавеской. Ник помахал ей рукой, но она не ответила — просто стояла, устремив взор на рыжеющие листья деревьев под окнами. Должно быть, не заметила их — или, быть может, заметила, но уже унеслась мыслями куда-то далеко в прошлое

или в будущее. На ней было строгое шерстяное платье и одинокая нить жемчуга на шее. Ник вдруг понял, что не может представить себе ее на улице: казалось, она, как привидение, навеки прикована к этому дому, и белая занавеска обрамляет ее так же естественно, как рама — картину.

— У тебя с деньгами как? — спросил Уани.

— Милый, у меня все отлично. — Ник повернулся к нему и улыбнулся нежно и игриво — совсем как год назад. — Ты же знаешь, твой подарок принес мне удачу.

Он как бы невзначай положил ладонь на руку Уани, лежащую на колене; мгновение спустя Уани убрал руку и полез в карман за носовым платком.

— Пора тебе съехать от Федденов, — сказал он. — И жить в собственной квартире.

— Знаю, — сказал Ник, — в общем, давно пора. Но мы так сжились друг с другом… Не знаю, что они будут делать без меня.

— Никогда не знаешь… — начал Уани и не договорил. Отвернувшись, он долго смотрел на тротуар, на уродливую бетонную ограду сада, на чей-то пристегнутый к забору велосипед. — Я тут подумал: наверное, оставлю тебе тот дом в Клеркенуэлле.

— О-о… — Ник быстро взглянул на него и отвернулся, не зная, что сказать.

— Конечно, не для того, чтобы ты там жил.

— Нет-нет, не в этом дело…

— Да и странно было бы вселяться в недоделанный дом.

Ник пару раз судорожно вздохнул и сказал:

— Вот что: давай не будем о том, что и кому ты оставишь. — И добавил, сам цепенея от собственной деликатности: — В любом случае, к тому времени он будет давно доделан.

Уани улыбнулся ему холодно и сухо. Пока Ник только слышал о его болезни от других, ему было легче — можно было говорить: «Боюсь, он умирает» или «Он на пороге смерти», не особенно вдумываясь в смысл этих слов, и вместе с ужасом и жалостью испытывать смутное и приятное сознание собственной значительности. Но сейчас, сидя рядом с Уани и разговаривая о завещании, он чувствовал себя униженным и от этого злился.

— Ладно, посмотрим, — сказал Уани. — Я думал, он тебе нравится.

— Мне просто трудно об этом думать, — сказал Ник.

— Ник, мне нужно разобраться со своими делами. В пятницу я встречаюсь с адвокатами.

— И что мне делать с этим домом в Клеркенуэлле? — угрюмо спросил Ник.

— Ты станешь домовладельцем, — объяснил Уани. — Там тридцать тысяч квадратных футов офисной площади. Наймешь управляющего, будешь сдавать дом в аренду и на эти доходы безбедно проживешь остаток жизни.

Ник не представлял, где ищут управляющих, но у Уани спрашивать не стал. Лучше спросит потом у Сэма Зимана. Слова «остаток жизни» больно поразили его сознанием, что Уани говорит о будущем, которого — он это знает точно — уже не увидит. И странно, что это одинокое будущее оказалось связано для Ника с офисным зданием вблизи Смитфилдского рынка. Ник терпеть не мог этот дом, его безвкусную и претенциозную архитектуру, и Уани об этом знал.

— А что будет с Мартиной? — спросил Ник.

— То же самое. Будет получать свое содержание, пока не выйдет замуж. А после замужества — большую сумму единовременно.

— А-а… — Ник с горечью подумал, что это мудро и справедливо, однако не мог не сказать: — Я не знал, что ты платишь ей содержание.

Уани одарил его улыбкой: когда-то — лукавая и чарующая, теперь она выглядела порочной.

— Не я, — ответил он. — Я думал, ты давно догадался. Мартине платит мама. Она ее наняла.

— Понятно… — проговорил Ник секунду спустя и снова взглянул на дом. Мать Уани уже исчезла из окна, кружевная занавеска была плотно задернута, блестящие черные двери заперты: этот дом не впускает в себя чужаков. — Неплохо придумано — нанять сыну подружку!

— Ради бога, — проговорил Уани, глядя в сторону, — она никогда не была моей подружкой.

— Нет, конечно нет, я понимаю…. — пробормотал Ник, мучительно краснея от собственной глупости и в то же время чувствуя странное и нелепое облегчение.

— Не вздумай проболтаться папе. Не стоит отнимать у него последнюю иллюзию.

Нику подумалось, что в «остатке жизни» он едва ли будет часто видеться с Бертраном. В это время черная дверь отворилась, на крыльце показались Моник и старая служанка, одетая в черное. Они стояли, не трогаясь с места.

— Тебя ждут, — тихо сказал Ник.

Уани бросил взгляд через улицу и устало прикрыл глаза, взмахнув длинными ресницами. Ресницы у него остались те же, и Ник на миг окунулся в воспоминания, но тут же выругал себя

за эгоизм. Уани неловко завозился на сиденье в поисках трости.

— Как ты доберешься домой?

— Пешком дойду, — пожав плечами, ответил Ник. — Мне не помешает прогуляться.

Уани нашел свою трость и отворил дверь в холодный осенний день.

— Знаешь, я тебя очень люблю, — сказал Ник.

Он сам не знал, зачем это сказал — может быть, для того, чтобы загладить свою неблагодарность насчет дома, — но, едва эти слова слетели с его губ, понял, что говорит правду. Уани промолчал и не оглянулся — он никогда на это не отвечал, но Ник надеялся, что Уани тоже любит его и лишь из гордости или из стыдливости не хочет об этом говорить.

— Кстати, — сказал Уани, — должен тебя предупредить: у Джеральда неприятности.

— Что за неприятности? — спросил Ник.

— Я сам толком не знаю, но это как-то связано с продажей контрольного пакета «Федрэя» в прошлом году. Вроде бы при этом был какой-то мухлеж.

— Вот как? Это, наверное, Морис Типпер…

— Морис свою задницу прикрыл, не сомневайся. Да и с Джеральдом, я думаю, ничего не будет.

Пошумят и успокоятся.

— Боже мой… — Ник сразу подумал о Рэйчел, затем о Кэтрин, необыкновенно веселой и беззаботной в последние несколько месяцев. — Откуда ты знаешь?

— Сэм Зиман рассказал.

— Понятно, — чувствуя легкий укол ревности, сказал Ник. — Надо ему позвонить.

Они вышли из машины, и Ник без особой охоты перешел вместе с Уани через дорогу. Он поцеловал руку Моник и объяснил, что Уани недавно вырвало; она выслушала, поджав губы, сумрачно кивая. Лицо у нее было бесстрастное и полное достоинства, но, когда она взяла сына под руку, оно вдруг озарилось неяркой улыбкой, словно, несмотря ни на что, Моник была счастлива, что сын с ней, что ей позволено охранять его и любить. Служанка подхватила Уани под другую руку, и вместе они поднялись на крыльцо. Тяжелая черная дверь захлопнулась за ними; с Ником никто не попрощался — о хороших манерах в этом доме уже не вспоминали.

16

Ник пересек Найтсбридж и через Элберт-гейт вошел в парк. Ему хотелось подумать, а осен-

ний парк, с ковром палых листьев под ногами и запоздалыми рыжезолотыми коронами редких платанов, как нельзя более подходил для этой цели. Вниз по Роттен-роу ехала компания девушек верхом на лошадях, и он, подождав, пока они проедут, перешел аллею по хрусткому сырому песку. Дул легкий северо-восточный ветер. Стояло время, когда в воздухе витают намеки, воспоминания и вместе с тем — парадоксальное чувство обновления. Такой же вот осенью, примерно в это же время, он ходил встречать после работы Лео. Пройдя мимо монумента Физической Энергии (или в честь Физической Энергии — он точно не знал) работы Уаттса — всадника с удивительно массивными бедрами, поднявшего на дыбы такого же жирного коня, — Ник бросил на нее критический взгляд, говоривший, что как искусствовед он видит в этой скульптуре множество недостатков, но как лондонец принимает ее такой, как она есть.

Ему вспомнился дом в Клеркенуэлле. Раньше там было три дома — три высоких и узких викторианских здания: третье, позади, возвышалось над двумя другими, и сверкающая шиферная крыша его виднелась издалека. Дома были построены прочно, на века, из почерневшего от

времени кирпича — потом, когда их ломали, кирпичи раскалывались и обнажали свое ярко-красное нутро. Были там и дверные звонки, и заколоченные досками высокие окна. Уани взял Ника с собой взглянуть на дома, и, едва Ник оказался внутри, ему до боли в сердце захотелось отодрать доски, переехать и начать здесь жить. Он лазил по подвалам и чердакам, взбирался по черным лестницам, открывал кладовые, выглядывал во двор через окно мансарды, пока Уани в своем прекрасном костюме нетерпеливо расхаживал по гостиной, бренча ключами от машины. Ник смотрел на него с молчаливой мольбой, как ребенок, отчаянно надеющийся, что родители все же купят ему желанный подарок. Но дома снесли, и на месяц или два вышли на свет божий задние стены соседних домов, сотню лет не видавшие солнечных лучей; а потом на этом месте начал строиться дом, названный Уани словно стихотворение — «Баальбек». Более претенциозного и уродливого здания Ник в жизни не видывал. Он пытался что-то объяснить, но Уани со смехом отмахивался. И вот теперь этот чудовищный дом, словно собранный из детского конструктора, будет принадлежать ему «весь остаток жизни».

Свернув на Кенсингтон-Парк-Гарденс, Ник

вспомнил, что говорил Уани о Джеральде, и пошел медленнее, сопротивляясь тревоге, понуждающей его ускорить шаг. Он страшился встречи с Джеральдом — при неудачах тот становился язвителен и вспыльчив. Как часто с ним бывало, Ник не совсем понимал, что ему полагается знать и что он знает на самом деле: слова «какой-то мухлеж» ему ровно ничего не объясняли. За «Рейнджровером», опершись на крышу припаркованной машины, стоял человек в рыжеватой кожаной куртке и разговаривал с водителем. Не прекращая разговор, он поднял глаза на Ника, окинул его оценивающим взглядом и снова отвернулся, решив, видимо, что Ник не представляет для него никакого интереса. Ник повернул к дому номер 48, оглянулся, шаря в карманах в поисках ключей, — незнакомец в рыжей куртке снова смотрел на него. Даже рот открыл, словно собирался его окликнуть, но промолчал — лишь как-то нехорошо усмехнулся. Тот, что сидел за рулем, передал ему в окно фотокамеру, парень в рыжей куртке приставил ее к глазу и за две секунды сделал три снимка. Ник застыл, завороженный неторопливыми щелчками камеры и изумленный собственными чувствами. Он чувствовал себя жертвой, в жизнь которой грубо

вторглись, — и в то же время был польщен, хоть и понимал, что радоваться совершенно нечему: помимо всего прочего, репортеры понятия не имеют, кто он такой. Про себя он уже решил, что не ответит ни на один вопрос, однако, к его смущению, никаких вопросов ему не задали. Казалось, несколько веков прошло, прежде чем он открыл голубую дверь и вошел в дом.

В холле все было спокойно. Елена возилась на кухне, готовила обычный «полуторный ужин» — с отдельной порцией для Джеральда, словно для ребенка или больного: так бывало всегда, когда он задерживался на заседании.

— Вы не знаете, что происходит? — спросил Ник.

Елена, ожесточенно мявшая тесто, коротко ответила:

— Не знаю.

— Джеральд здесь?

— Ушел на работу.

— А, хорошо…

— А миз Фед наверху с лордом.

Елена прямо излучала негодование, и Ник не рискнул выяснять, негодует ли она на Джеральда, на его врагов или просто на всех, кто так или иначе замешан в этой истории.

— Возьмете поднос? — спросила она.

Чайник на плите закипал, и на подносе уже стояли две чайные чашки и lebkuchen, сладкие пирожки, любимые Рэйчел. Малые Трианоны на чашках и блюдцах побледнели и выцвели, неоднократно побывав в посудомоечной машине. Ник налил в чашки воды, хорошенько размешал, накрыл чайник крышкой и взял поднос. Елена смотрела на него уже не так враждебно.

— Это Улица Позора, Ник, — сказала она, качая головой. — Настоящая Улица Позора.

Так в передаче «Частное расследование» называли Флит-стрит; но Нику показалось, что Елена имеет в виду Кенсингтон-Парк-Гарденс.

Дверь в гостиную была открыта, и Ник остановился у порога.

— Если он в самом деле оказался таким чертовым дураком, — говорил за дверью Лайонел, — пусть отвечает за последствия. Если же нет — нам нужно просто стиснуть зубы и перетерпеть все это.

Говорил он негромко и спокойно, но без обычной сердечности; видно было, что он склоняется к первому варианту и опасается тени, готовой упасть на всю семью. Ник звякнул чашками и вошел. Рэйчел стояла у камина, Лайонел сидел в

кресле, и на секунду Нику вспомнился эпизод из «Женского портрета», где Изабель видит, как ее муж сидя разговаривает со стоящей мадам Мерль, и догадывается, что отношения между ними куда более близкие, чем кажется.

— А, это ты, дорогой, — сказала Рэйчел.

Ник вошел в комнату и с легким услужливым поклоном — сейчас этот поклон уже не воспринимался как шутка — поставил поднос на стол. Лайонел улыбнулся ему одними глазами и продолжал:

— Когда он возвращается?

— Поздно, сегодня заседание комитета, — пробормотала Рэйчел. — Большое спасибо, Ник.

— Вас тоже щелкнули? — поинтересовался Лайонел.

— Да, — ответил Ник и зачем-то добавил: — Боюсь, на снимке я выйду не слишком удачно.

— Подретушируют, если надо будет, они на это мастера. — Лайонел улыбнулся и сел в кресле поудобнее, показывая своим видом, что беспокоиться не о чем. — Меня предупредили, так что я прошел через парк.

— Благодарение господу за парк, — сказала Рэйчел. — В нем четыре выхода, за всеми они не уследят.

Ник нерешительно улыбнулся. Ясно было, что он здесь лишний, но уходить ему не хотелось. Помолчав, он тактично спросил:

— Я могу быть чем-нибудь полезен?

Лайонел и Рэйчел переглянулись, словно взвешивая собственные предположения и тревоги. Ник почувствовал, что Рэйчел очень стыдно — должно быть, оттого, что у дома караулят репортеры.

— О Джеральде говорят ужасные вещи, — произнесла она наконец знакомым Нику светски-безличным тоном.

Ник прикусил губу и сказал:

— Уани… Уради мне кое-что об этом рассказал.

— Значит, все вышло наружу, — сказала Рэйчел.

— И не могло не выйти, милая, — сказал Лайонел.

Рэйчел машинально помешивала чай, погруженная в мрачные размышления.

— А как же Морис Типпер? — спросила она вдруг.

Лайонел — он как раз подносил пирожок ко рту, держа его двумя пальцами, и в движениях его было что-то беличье — слизнул с губ сахар и ответил:

— Морис Типпер — бессовестный ублюдок.

— Что правда, то правда, — согласилась Рэйчел.

— Помогать Джеральду он станет в одном случае — если это будет выгодно ему самому.

— М-м… я сегодня за обедом видел Софи, — осмелился встрять Ник. — Мне показалось, она не хотела со мной разговаривать.

— Слава богу, Тобиас не женился на этой фальшивой кукле! — с запоздалым облегчением воскликнула Рэйчел и тут же горько рассмеялась над собой.

— Согласен, — сказал Ник.

— Сейчас нужно сделать две вещи, — заговорил Лайонел. — Во-первых: разумеется, ни с кем не разговаривать. И во-вторых, вы не могли бы сходить купить «Стандард»?

— Конечно, схожу, — ответил Ник, со страхом вспомнив о фотографах.

— И третье, — добавила Рэйчел. — Как ты думаешь, где сейчас может быть моя дочь?

— Попробую ее найти, — сказал Ник.

— А что, она не принимает таблетки? — как бы между прочим поинтересовался Лайонел.

— Похоже, они больше не помогают, — ответила Рэйчел. — Два месяца назад из нее было слова

не вытянуть, а теперь говорит без умолку. Как это все тяжело.

И оба перевели взгляд на Ника.

— Я… я постараюсь, — сказал Ник и вышел, чувствуя, что для него настало наконец время доказать свою полезность семье.

Кэтрин вернулась около шести — болтала с Брентфордом о том, как хорошо было бы купить дом на Барбадосе. И по ее поведению, и по запаху волос, когда она поцеловала Ника, ясно было, что она курила траву. На вспышки фотокамер она почти не обратила внимания, словно это было какое-то природное явление, метеоры ее собственной атмосферы.

— Что стряслось? — спросила она и, не дожидаясь ответа, добавила: — Опять приезжает премьер-министр?

— Не совсем, — ответил Ник, подумав, что после случившегося — чем бы это ни кончилось — госпожа премьер-министр вряд ли здесь появится. — Мы тебя искали, — добавил он.

Рэйчел в гостиной говорила по телефону с Джеральдом: судя по всему, он ее утешал и успокаивал, и Рэйчел с необычной податливостью принимала его утешения. Грустно улыбаясь портрету Тоби, она говорила:

— Конечно, милый, просто веди себя как обычно. Да, постараемся… Скоро увидимся… Да, да…

Ник подошел к окну: в ранних сумерках оно казалось удивительно большим и светлым. Неприятно было думать, что те люди все ждут внизу. Шторы здесь не закрывались и, не перехваченные лентами, как сейчас, безжизненно свисали по бокам оконной рамы. Ник наклонился, чтобы закрыть ставни: это делалось редко, и дерево тревожно заскрипело у него под руками.

Рэйчел объяснила, что произошло.

— Ну и ну… — протянула Кэтрин; она, похоже, отнеслась к этому как к забавному приключению.

— Знаешь, это может быть очень серьезно, — сказал Ник.

— Что, думаешь, его посадят? — Ее лицо озарилось улыбкой радостного предвкушения. Это трава так действует, подумал Ник.

— Нет, — резко ответила Рэйчел. — Он абсолютно ничего дурного не сделал. Во всем виноват этот негодяй Типпер.

— Значит, Типпер и отправится за решетку, — сказала Кэтрин. — Хорошо бы его посадили вместе с женой.

Рэйчел бледно улыбнулась, давая понять, что

шутки на тюремную тему сейчас неуместны.

— Пока что ведется расследование. Никто не арестован, даже обвинение никому не предъявлено.

— Ага.

— Здесь дядя Лайонел, он мне очень помог.

Ник кашлянул и сказал:

— Может быть, кто-нибудь хочет выпить?

— В любом случае, милая, ты прекрасно знаешь, что твой отец никогда ничего подобного не сделает. Он — разумный и опытный человек, не говоря уж о его абсолютной честности! — На последних словах щеки Рэйчел слегка порозовели.

— А в газетах что пишут?

— В сегодняшней «Стандард» — ничего. Тоби говорил с Гордоном, он говорит, в «Телеграф» тоже ничего не будет. Но «Гардиан», конечно, постарается раздуть из мухи слона.

— Я бы выпила… — протянула Кэтрин, подходя к столику с напитками. Долго, с зачарованной улыбкой, выбирала, но в конце концов остановилась на обыкновенном джине с тоником.

Ник сам смешал ей коктейль, совершенно утопив можжевеловый сок в океане тоника — Кэтрин в ее нынешнем состоянии выпивка была противопоказана, как и шутки, и споры, и все,

что может усилить возбуждение. Они подняли бокалы и выпили, не чокаясь.

— Главное, милая, — заговорила Рэйчел, — запомни, нам сейчас ни с кем нельзя разговаривать. Папа говорит, мы все должны дать обет молчания.

— Не волнуйся, в акциях и ценных бумагах я все равно ничего не понимаю.

— Милая, они вызовут тебя на откровенность, потом исказят твои слова… Это беспринципные люди.

— Они не на нашей стороне, — пояснил Ник, подумав, что именно так сказал бы Лайонел.

— У них совести не больше, чем у гадюк, — заключила Рэйчел.

Кэтрин присела на диван, переводя взгляд с Рэйчел на Ника и обратно. На губах ее заиграла улыбка, и оба поморщились, подумав, что она смеется над семейной бедой; но улыбка расплывалась все шире, и стало ясно, что Кэтрин улыбается чему-то другому, своему, и соображает, стоит ли делиться с ними своим счастьем.

— А у меня, — сказала она наконец, — день сегодня прошел отлично.

Поужинали они на кухне. Обычно Нику нравились вечера, когда Джеральд задерживался в

Вестминстере: в них чувствовался смутный дух свободы, а если в доме были гости или Джеральд уходил куда-нибудь вместе с Рэйчел — даже приключения. Но сегодня все было совсем по-другому. Шло время, а Джеральд не появлялся, и это было странно: должно быть, он очень уж старался «вести себя как обычно».

— За что он там голосует? — спросила Кэтрин.

— Не знаю, милая… наверное, что-то важное.

— А позвонить ему нельзя?

— У него в кабинете никто не отвечает. Значит, он в палате или где-то еще во дворце, и мы до него добраться не можем.

— После голосования он сразу поедет сюда, — добавил Ник. Он знал, что у Пенни есть мобильный телефон, по которому можно найти Джеральда; но Рэйчел, должно быть, хотела избавить его от беспрерывной болтовни Кэтрин.

— А что такое «поглощение»?

— Это когда одна компания покупает другую.

— Приобретает большинство акций, — добавил Ник. — И получает контроль над ней.

— А почему они говорят, что Джеральд не имел права продавать эти акции?

— Дело в том, — ответила Рэйчел осторожно и вкрадчиво, словно объясняла маленькому ребен-

ку, откуда берутся дети, — что люди иногда не вполне честно сообщают о цене акций.

— Продают дороже, чем они стоят на самом деле?

— Именно.

— Или, наоборот, дешевле, — добавил Ник.

— Хм… — сказала Рэйчел.

— А как?

— Ну, я думаю, они… э-э…

— М-м… — подумав, сказал Ник.

И оба неуверенно заулыбались собственному невежеству.

— Это не то же самое, что «скупка по дешевке»? — спросила Кэтрин.

— Нет, — поколебавшись, твердо ответила Рэйчел.

— Потому что Морис Типпер этим занимается. Мне Тоби рассказывал. Покупают они, например, за бесценок старый дом, обдирают мраморную облицовку с каминов, а дом сносят.

— И все, кто там жил, оказываются на улице, — добавил Ник.

— Ага, — подтвердила Кэтрин.

— Говорят, Бэджер такое делал по всей Африке, — виновато поморщившись, сказала Рэйчел. — Не знаю, правда ли.

— А, Бэджер, — рассеянно проговорила Кэтрин. — Кстати, а где сейчас старина Бэджер?

— Он почти не бывает в Лондоне, — ответила Рэйчел, явно стараясь избежать вопроса о том, когда в последний раз с ним разговаривала.

— Я бы хотела с ним пообщаться.

— Пожалуйста.

— Вообще столько людей, с которыми я общалась раньше, вдруг куда-то пропали! Надо бы со всеми восстановить связь, — живо продолжала Кэтрин, презрительно морщась при воспоминании о себе прежней, легко теряющей связь с людьми.

— Я не уверена, что он ждет звонка… — начала Рэйчел.

— Кстати, я сегодня встретила Рассела.

— Правда? — напряженно спросила Рэйчел.

— Ты помнишь Рассела?

— Помню.

— И я помню, — сказал Ник.

— Он обо всех вас спрашивал.

— На твоем месте я бы с Расселом был поосторожнее, — заметил Ник и получил за это благодарный взгляд Рэйчел.

— Да ведь та история была раньше! — отмахнулась Кэтрин.

Немного погодя она сказала:

— Если Джеральд выйдет в отставку, вы сможете поехать со мной на Барбадос. И все у нас будет классно, как раньше, до того, как началась вся эта бодяга с парламентом.

— Очень мило с твоей стороны, — проговорила Рэйчел. — Только тебе не кажется, что в этом предложении больше одного «если»?

— Ах, мама, бассейн там огромный, размером с целое море! Если бы ты только видела!

— Нет, я уверена, что там очень хорошо.

— Может быть, именно это ему и нужно? Смена обстановки?

— Странные у тебя представления о том, что людям нужно, — сказала Рэйчел.

— Мама, ну давай посмотрим правде в глаза! Зачем ему эта несчастная зарплата парламентария?

— Ты, должно быть, забыла, что… твой отец стремится служить стране.

— Ладно, когда вернемся, пусть займется благотворительностью. Мне кажется, это куда полезнее, чем сокращать пособия и отнимать у людей социальные службы. Да мало ли что можно придумать! Основать, например, доверительный Фонд Джеральда Феддена. Знаешь,

так часто бывает: когда что-то такое происходит, человек вдруг совершенно меняется. Осознает, что раньше жил неправильно, понимаешь?

— Что ж, посмотрим, — проговорила Рэйчел, складывая салфетку и поднимаясь из-за стола.

Ник и Кэтрин пошли в гостиную.

— Дорогой, поставь что-нибудь, — попросила Кэтрин.

— Я не уверен, что твоя мама…

— Ну, тогда что-нибудь тихое. Я ведь не прошу Штрауса. Ладно, сама выберу.

Она подошла к шкафу с грампластинками, присела, склонила голову набок, рассматривая надписи на конвертах. Наконец достала одну пластинку; игла опустилась, и Ник услышал шорох и потрескивание, словно горели дрова в камине.

— Сделай потише, милая.

— Ах ты… дядюшка Ник! — проворчала Кэтрин, но подчинилась.

Из динамиков послышались первые такты «Симфонических танцев» Рахманинова.

— Это тебе понравится! — сказала Кэтрин.

— Да, пожалуй, — сказал Ник, остро сознавая, что именно это ему сейчас слушать совсем не хочется.

— Чудесная музыка, правда? — спросила

Кэтрин и, подняв руки, закружилась по комнате, словно по сцене.

Эту пьесу он обожал в старших классах и без конца слушал в свой первый оксфордский год, утверждая и углубляя неопределимую тоску — тоску; с которой, как теперь понимал, ему суждено как-то уживаться до конца жизни. Но теперь музыка казалась ему темной и зловещей, от нее что-то больно сжималось в груди. А Кэтрин, ничего не замечая, кружилась в бессознательном танце — совсем как сам Ник, тайком, в одиночку, в те дни, когда жизнь его висела на волоске улыбки Тоби.

— Знаешь, все-таки что-то от Штрауса в этом есть, — сказал он, когда мелодию подхватил хор.

Кэтрин возмущенно замахала на него руками.

— Чем-то напоминает секс в церкви, — добавил он, надеясь прогнать неловкость и тревогу плоской шуткой.

Кэтрин улыбнулась, протянула ему руку — и нахмурилась, когда он ее не принял. Ник вспомнил, какой она была четыре месяца назад — вялая, подавленная, бродила из комнаты в комнату, словно брошенный ребенок; а теперь не замечает вокруг себя — даже в музыке — ни тревоги, ни тоски, ни скорби; ей достаточно того, что есть

движение и, следовательно, жизнь.

— Послушай, дорогая, — сказал он, — у нас серьезные неприятности, и странно смотреть, как ты прыгаешь и скачешь, когда твоя мама… гм, да и все мы очень расстроены.

Он говорил рассудительно, словно член семьи, скрывая за этими словами собственную растерянность, желание быть полезным в минуту кризиса, но уклониться от его последствий. Кэтрин не обратила на него никакого внимания: она кружилась, упрямо и безмятежно напевая что-то себе под нос, затем вдруг прервала танец, подошла к окну и замерла там, вглядываясь в свое отражение в черном стекле, на фоне деревьев. Возможно, эти деревья — черные, причудливых очертаний — напоминали ей элементы головоломки, и Кэтрин мысленно пыталась правильно их сложить, чтобы извлечь из них какие-то указания. Наконец она повернулась к нему, и Ник заметил, что по лицу ее блуждает загадочная улыбка.

— Знаешь что? — проговорила она, присев на массивный подлокотник кресла. — Нам надо проветриться. Твоя машина здесь?

— Э-э, да, — ответил Ник. — За углом. Но… послушай, Джеральд скоро вернется.

— Джеральд может застрять на целую вечность. Ты же знаешь, они там иной раз до полуночи валандаются. А мы ненадолго. Просто у меня появилась одна мысль.

Мысль убраться из дома и вернуться попозже, когда улягутся страсти, была очень соблазнительна, тем более что в этот миг вошла Рэйчел и сказала:

— Только что позвонил Джеральд. Говорит, вернется поздно. Принимают какой-то важный законопроект, и он должен за ним… м-м… присмотреть.

— Как он? — заботливо поинтересовалась Кэтрин.

— Судя по голосу, отлично. Просит нас не переживать.

Рэйчел, похоже, вновь обрела уверенность и сейчас казалась почти счастливой; должно быть, подумал Ник, Джеральд сказал, что очень ее любит. Она прошлась по комнате, подыскивая себе какое-нибудь занятие, заметила на столе опавшие лепестки хризантемы, стряхнула их в ладонь и выбросила в мусорную корзину.

— Что за чудесная музыка, — сказала она. — Это Рахманинов?

В динамиках разгорался минорный вальс

второй части. Рэйчел взглянула поверх головы Кэтрин на «каприччо» Гуарди, словно на какое-то давнее воспоминание. На миг Нику показалось, что она сейчас тоже закружится по комнате — в этот миг она очень походила на свою дочь. Но Рэйчел позволяла себе говорить и делать глупости лишь при игре в шарады.

— Мам, мы с Ником выйдем на полчасика, — сказала Кэтрин.

— О, милая… это обязательно?

— Нам надо кое-что сделать. Извини, я не хочу тебе говорить… но мы вернемся!

— Неужели это не может подождать?

— В самом деле, — пробормотал Ник.

— Не беспокойся, мамочка, я никому не скажу ни слова!

— Хорошо, — поколебавшись, согласилась Рэйчел, — но Ник, разумеется, пойдет с тобой.

— Мы просто съездим на машине в одно место, — заверила Кэтрин. — И Ник все время будет со мной. — И со смехом обняла его и притянула к себе.

Рэйчел многозначительно взглянула на Ника, словно говоря, что надеется на его рассудительность и преданность. Он смущенно отвел взгляд, понимая, что должен был активнее со-

противляться Кэтрин. Наконец Рэйчел кивнула, улыбнулась и устало прикрыла глаза.

— Только, пожалуйста, недолго, — сказала она. — Выходите через заднюю дверь. И возьмите фонарь.

Спускаясь с заднего крыльца, Ник услышал, как вальс прерывается возгласами фанфар; Рэйчел все еще слушала Рахманинова в опустевшей темной гостиной.

Куда ехать, Кэтрин не объяснила — только говорила, где поворачивать. Ник вздыхал с добродушным укором, стараясь не выказывать беспокойства: с каждым поворотом они отдалялись от дома, где Рэйчел осталась совсем одна. Когда они объехали Мраморную арку и свернули на Парк-лейн, он сказал:

— Мы что, в Вестминстер едем?

— В каком-то смысле, — ответила Кэтрин. — Сам увидишь. — И снова улыбнулась беззаботно и безжалостно.

— Зачем нам в Палату общин? Бессмыслица какая-то!

— Увидишь, — отрезала она.

Они проехали по Гровнор-плейс, свернули на Викторию и помчались прямиком к Вестминстеру. Впереди вырос залитый огнями фасад

аббатства; затем они свернули на Парламент-сквер, к Биг-Бену, всегда вызывавшему у Ника странное волнение — именно Биг-Бен на картинке в книжке с детских лет ассоциировался у него с Лондоном. На часах было 9.30; послышался гулкий бой часов, свинцовые круги побежали сквозь рев автомобилей.

— Ты же знаешь, меня туда просто не пустят, — с облегчением сказал Ник.

Но Кэтрин велела ему свернуть налево, к Уайтхоллу, по Даунинг-стрит, мимо Банкетинг-хауса, затем вдруг к реке, а от набережной — в узкую боковую улочку, круто взбирающуюся наверх и оканчивающуюся тупиком перед огромным викторианским зданием. Ник сообразил, что не раз видел вдалеке крышу этого дома, видел и не замечал. Он припарковался у противоположного тротуара, словно перед вратами какого-то темного святилища. Фонари почему-то не горели, и площадка перед домом освещалась только тусклым светом из застекленных подъездов: пожалуй, здесь не хватало газовых рожков и кеба с темным силуэтом возницы в остроконечной шляпе. На миг Ника охватило ощущение, легко теряющееся в шуме и гаме улиц — ощущение Лондона как живого существа, воплощения

порядка и власти, бесконечно уверенного, что никто не может выйти из подчинения его ритму. А потом он вспомнил:

— Здесь живет Бэджер, верно?

— Я сообразила сразу, как только мама о нем заговорила, — объяснила Кэтрин так, словно ход ее мыслей был понятен и младенцу.

Ник все яснее понимал, что Кэтрин безумна, что ее таинственная «мысль» — не вдохновение, а бред. Он покачал головой и заговорил ласково, пытаясь найти в ее безумии какой-то смысл:

— Ты думаешь, Бэджер сможет пролить свет на это дело? Но, дорогая, его же здесь нет, он, кажется, сейчас в Южной Африке…

Она молча распахнула дверь, должно быть не слыша его лепета — или просто не считая нужным обращать на него внимание, — и двинулась вперед, решительно, с блестящими от возбуждения глазами, словно жрица какой-то новой религии. Главное возражение Ника было в том, что Бэджер ему не нравится, что это взаимно и что вряд ли Бэджер будет счастлив, когда Ник заявится к нему в квартиру рука об руку с явно ненормальной крестной. Это та самая квартирка, о которой говорил Барри Грум, вспомнилось ему — и представилась маленькая комнатка, вроде

номера в мотеле, кричащие плакаты на стенах, чиппендейловская мебель и тайные интрижки с молоденькими девушками.

Они вошли в один из застекленных подъездов и оказались в грязно-коричневом мраморном холле; консьерж кивнул им из своей клетушки, словно видел их здесь каждый день. Кэтрин, в черном плаще с развевающимися полами, решительно двинулась вперед. У лифта им пришлось остановиться. Кэтрин сунула руки в карманы распахнутого плаща.

— Ты уверена, что стоит?.. — начал Ник, цепляясь за последний шанс увести ее отсюда.

Он чувствовал, что должен ее урезонить, и в то же время испытывал ребяческий страх оказаться в ее глазах трусом. Даже в безумии Кэтрин бывала удивительно проницательна, и, возможно, думал он, в нынешнем ее поведении все же есть какой-то смысл. Хотелось бы знать, что она сейчас чувствует? Похоже ли это на кайф от кокаина? Послышался предупреждающий звонок, двери лифта растворились, и навстречу им вышла Пенни.

— Пенни! — воскликнул Ник, расплываясь в дурацкой, бессмысленной улыбке.

Кэтрин мгновенно нырнула в лифт. Ник, чув-

ствуя себя полным ослом и в то же время ощущая, что стоит на пороге какого-то непонятного открытия, улыбнулся еще шире и вежливо сказал:

— Здравствуй, Пенни.

Пенни остановилась и оглянулась: вид у нее был раздраженный и испуганный. Вдруг она побледнела — мгновенно и очень сильно, как белая стена, а в следующий миг залилась густым румянцем. Кэтрин топала ногой и кричала: «Ну давай же, Ник!» — но он не мог сдвинуться с места, завороженный тем, как густо-розовая краска заливает ее пухлые щеки, и шею, и уши.

— Ник, — с усилием проговорила она, — видишь ли, я…

Ник смутился, понимая, что не стоит так на нее глазеть, и в то же время радуясь, что краснеет не он; он все-таки вошел в лифт, но, желая проявить вежливость, обернулся, заблокировал дверь ногой и спросил:

— Как Джеральд?

— Ник, давай же! — крикнула Кэтрин.

Ник убрал ногу и отступил. Пенни шагнула к лифту, отчаянно затрясла головой.

— Его здесь нет, Ник, его здесь нет!.. — И двери закрылись.

— Ну и ну! — пробормотал Ник. Покосился на

Кэтрин, затем на зеркало, где отражались двое незнакомцев. На стальной двери было нацарапано слово «Х…Й» — как видно, даже викторианские здания не избегают этой участи. Нику вспомнилось, как много лет назад, при первом его знакомстве с Пенни, Бэджер настойчиво с ней заигрывал. Выходит, это было серьезно… И все-таки Ник не понимал, как это можно — отнять девушку у друга… Снова взглянув в зеркало, он обнаружил, что все еще глупо улыбается, и сказал:

— Боже мой, дорогая, Бэджер страшно разозлится. Они ведь явно не хотят, чтобы мы знали.

Лифт остановился. Кэтрин смерила Ника уничтожающим взглядом — словно не могла поверить, что все эти годы дружила с таким неправдоподобным кретином, — и решительно вышла.

Он последовал за ней в холл с красным ковром на полу, мимо тускло-коричневых дверей со звонками и табличками. За одной из дверей громко работал телевизор; другие квартиры притихли, словно чего-то ждали. Снова Ник подумал, что здесь недостает газовых рожков: это место и подавляло его, и странно привлекало, и на миг он задумался о том, что происходит за этими закрытыми дверями. Последняя дверь слева была

приоткрыта — должно быть, здесь дожидались возвращения Пенни. Латунная табличка над звонком гласила: «Д. С. Броган, эсквайр». Кэтрин тронула звонок, и сочный, хорошо знакомый бас отозвался из-за двери:

— Открыто!

Кэтрин бросила на Ника торжествующий взгляд, словно говоря: «Теперь понимаешь?!» — и крепко взяла его под руку. Все оказалось хуже, куда хуже, чем он думал. Он не хотел входить, он сбежал бы, если бы Кэтрин не вцепилась в него мертвой хваткой. За дверью послышался громкий вздох, мягкие шаги босых ног — и в дверях появился Джеральд в одних носках, без пиджака, без галстука, в расстегнутой рубашке с перекошенным воротничком. В левой руке он держал сигарету.

— Здравствуйте, Джеральд! — сказал Ник.

А Кэтрин возмущенно воскликнула:

— Папа, ты же говорил, что бросил!

17

(1)

Довольно быстро репортеры разузнали о существовании парка и рассредоточились по всем

четырем воротам. Они притащили стремянки и заглядывали через ограду и заросли подстриженных кустов в бинокли и в объективы своих камер. Поздняя осень играла им на руку: листва не закрывала обзор. Удачу приходилось терпеливо подстерегать в засаде, но репортеры никуда не спешили: они уверенно переговаривались по мобильным телефонам и угощали друг друга чаем из термосов, произнося тосты за здоровье Федденов. Равнодушие к жертвам объединяло этих соперников, встречавшихся так часто, что они стали почти друзьями. Наконец двери дома отворились, на пороге показался Тоби, которого кое-кто из репортеров знал по работе; толпа колыхнулась к нему, но он всех надул — сперва двинулся к одному выходу, а затем вдруг развернулся и рысью рванул к другому. Репортеры, ругаясь и толкая друг друга, бросились за ним, один или двое даже прыгнули за руль, но догнать Тоби им не удалось.

Скоро Джеффри Титчфилду пришлось вызвать полицию и попросить патрулировать парк — после того, как несколько «наглых скотов», как он их назвал, попросту перелезли через ограду.

— Это частный парк, — кричал он, — прошу вас немедленно уйти!

Сэра Джеффри все это очень расстроило. Падение его идола повлекло за собой новое, еще более страшное крушение — вторжение в частный парк; и бог знает, что могло произойти дальше.

Все окна в передней части дома были плотно задернуты или закрыты ставнями, и электрический свет, смешиваясь с рассеянными лучами дневного, резал глаза, словно с похмелья. Как обычно, приходили газеты и долго лежали на коврике у двери, пока наконец кто-нибудь из домашних не решался их поднять. И во всех газетах было одно и то же: Парламентарий-Миллионер, его Элегантная Жена и Блондинка (в одной даже — «блондинка с нежным румянцем») Секретарша. «О любовных загулах отца-министра рассказывает отчаявшаяся дочь». Видимо, она все разболтала Расселу, Рассел — приятелю из «Миррор», а дальше новости распространились, как лесной пожар. Как ни странно, на всех фотографиях «отчаявшаяся дочь» победно улыбалась в камеру. Так прошел первый день.

На второй день Джеральд, устав любоваться сквозь занавеску на прочих владельцев парка, что гуляли вокруг с собаками, стучали теннисными мячами и то и дело как бы невзначай поглядывали в сторону его дома, надел самую

широкополую свою шляпу и темное пальто с подкладной грудью и вышел из парадных дверей на сцену. Припаркованные автомобили, вспышки, телекамеры, микрофоны, толпа репортеров — все ожило и пришло в движение. Казалось, всеобщее внимание, как обычно, придало Джеральду сил. Что бы он ни делал — он оставался главным героем. Ник, наблюдавший из-за занавесок, видел, как он решительно вышел на тротуар, слышал его громкий голос, как всегда звучный и сердечный:

— Благодарю вас, джентльмены. Боюсь, мне нечего вам сказать.

Пресса образовала полукруг вокруг центральной точки — его шляпы. Его называли «сэром», «Джеральдом», «мистером Федденом» и «министром».

— Вы подаете на развод?

— Сюда, пожалуйста, Джеральд!

— Мистер Федден, признаете ли вы свою вину?

— Где ваша дочь?

— Министр, вы подаете в отставку?

Ник видел, что они бросают ему издевательские вопросы с наслаждением, упиваясь своей кратковременной властью: это было мерзко и страшно. Сам он, наверное, такого бы не выдержал. Джеральд шел к своему «Рейнджроверу»

медленно, почти печатая шаг, преисполненный упрямой решимости сохранять достоинство до конца: наконец он сел в машину и, с репортерами на хвосте, уехал в Палату общин подавать заявление об отставке.

Ник отпустил занавеску и, обойдя сдвинутые гостевые кровати, двинулся в гостиную, где было посветлее. Из спальни навстречу ему вышла Рэйчел.

— Очень жаль, что и ты оказался втянут в эту нелепую историю, — сказала она таким тоном, что Нику стало ясно: соболезнования сейчас неуместны.

На ней был черно-красный шерстяной костюм, ожерелье, четыре или пять колец на руках: с минуты на минуту должен был приехать фотограф. Ник взглянул через ее плечо в пустынную белую комнату. Дверь вела в крошечный предбанник, из которого можно было выйти в ванную или в спальню; вторая дверь, всегда скрывавшая супружескою жизнь Джеральда и Рэйчел от посторонних глаз, сейчас была приоткрыта. Ник разглядел изножье кровати и круглый стол с фотографиями детей в серебряных рамках. Он был там лишь раз, в самое первое свое лето: тогда он вошел бесшумно, сцепив руки за спиной, чтобы

ничего не испачкать и не сломать, чувствуя себя непрошеным гостем в храме супружеской любви — и потом не раз воображал в завистливых фантазиях, что, словно захватчик, занимается сексом на этой запретной территории.

— Что за времена настали, — проговорила Рэйчел все тем же тоном, словно обращалась к малознакомому и не слишком приятному человеку, с которым свела ее беда.

Ник вслушивался в ее голос, стараясь различить легкую, добродушную иронию, прежде неизменно окрашивавшую ее слова, — и не различал. Может быть, она поняла, что он все это время знал о Джеральде и Пенни, и сухость в ее голосе — от горечи стыда?

— Да… — проговорил Ник и растерянно умолк.

Ему было жаль ее, жаль до боли, но как выразить свою жалость, он не знал — поэтому молчал, готовый броситься на помощь, как только она его позовет.

Рэйчел взглянула на него, шевельнула губами, словно хотела что-то сказать, но не сказала ни слова. Рассеянно скользнула глазами по портрету Кэтрин работы Нормана Кента (Нику показалось странным, что она не задержала на нем взгляд).

— Я хочу, чтобы ты нашел Кэтрин и привез

сюда, — сказала она и, повернувшись к нему спиной, начала спускаться по лестнице.

— А-а… — сказал Ник с нервным смешком, о котором тут же пожалел, и пошел за ней.

— Она должна быть здесь, с семьей, — не оборачиваясь, сказала Рэйчел. — Ей нужна наша забота. Не могу описать, как я за нее беспокоюсь, пока она с этим человеком.

— Разумеется, — поддакнул Ник и повторил тоном ниже, каким, по его представлениям, следовало утешать женщину вдвое старше себя: — Разумеется. Я уверен, она в безопасности, но, если хотите, я немедленно поеду и привезу ее.

Он страшно боялся репортеров и фотографов, не понимал, как вести себя с ними — да и со всеми, кто не проявлял сочувствия и понимания. И больше всего боялся Рассела, который сейчас «присматривал за Кэт» у себя в Брикстоне и никому не позволял с ней видеться.

Рэйчел остановилась на площадке первого этажа:

— Я не могу никуда выходить. Репортеры тут же за мной увяжутся.

Ника не оставляло чувство, что, спустившись на первый этаж, она уже подвергается опасности. Мир за дверью внезапно оказался не только

чужим, но и враждебным, а маленький мирок меж четырех стен лишился главного своего достоинства — уюта. Рэйчел повернулась. На каменно-неподвижном лице ее дрожали только губы. Ник подумал, что она сейчас заплачет, и втайне обрадовался: плач — самое естественное, что тут можно сделать, это знак доверия; если она заплачет, он сможет в первый раз в жизни ее обнять. Он уже чувствовал, как утыкается подбородком в плечо ее шерстяного пиджака, как ее черные с сединой волосы щекочут ему губы, она прижмется к нему, дрожа от облегчения, а потом он отведет ее в кабинет, они сядут и обсудят, что же делать с Джеральдом.

— Нет, конечно… — сказал он. — Я понимаю…

Рэйчел быстро заморгала, но не заплакала, и сказала вдруг совсем не то, чего он ждал:

— Убежище Джеральда ты сумел найти, значит, и ее без труда разыщешь.

Сначала Ник не понял, о чем она — таким неожиданным был для него этот упрек, первый упрек от Рэйчел за все эти годы. Он опустил голову, и перед глазами у него оказался начищенный паркет, ножки стола, полированный порог кабинета. Ему было стыдно, — как никогда в жизни, — а Рэйчел продолжала:

— Знаешь, мы на тебя полагались. Думали, ты способен за ней присмотреть.

— Да, конечно… — жалко пробормотал Ник; он никак не мог собраться с мыслями. — Я старался… вы же знаете… — Рэйчел молчала. — Но, понимаете, она же взрослый человек, у нее своя жизнь!

И беспомощно пожал плечами, отчаянно надеясь, что сейчас этому странному и страшному недоразумению придет конец, что Рэйчел с ним согласится — не может не согласиться!

— Ты так думаешь? — Она коротко рассмеялась — странным жестким смехом, совсем не похожим на ее обычный смех.

Ник нащупал спиной полированные перила и заговорил, тщательно подбирая слова:

— Мне кажется, я всегда был для Кэтрин верным другом — настолько, насколько она мне позволяла. Вы знаете, она легко сходится с людьми и так же легко расходится, все друзья скоро ее разочаровывают. И мне кажется, если мне она до сих пор доверяет, значит, я чем-то заслужил ее доверие.

— Не сомневаюсь, она к тебе привязана, как и все мы, — ответила Рэйчел таким тоном, словно это не имело никакого значения. — Но, видишь ли, мы полагали, что ты будешь действовать так,

как лучше для нее, а не… не потакать ей во всем, что она задумает. Она очень серьезно больна.

— Да, конечно, — пробормотал Ник, чувствуя, что лицо у него застыло, как маска.

Рэйчел молчала, стараясь совладать со своими чувствами: украдкой взглянув на нее, Ник заметил, что она снова часто моргает и набирает воздуху в грудь — однако дело ограничилось глубоким, тяжелым вздохом.

— Вчера ночью… — сказал Ник. — Я оставил ее с Джеральдом. Думал, это вполне безопасно.

— «Безопасно», — повторила она, — ну да. Начнем с того, что ей вообще не следовало там появляться.

— Клянусь вам, я не знал, куда она меня везет…

— Она никуда тебя не везла. Если помнишь, это ты ее вез. На этой своей кошмарной машине.

— Я…

— Извини, — сказала она так, что Ник не понял, сожалеет ли она о сказанном или просто ставит точку в конце фразы. — Ты же знаешь, в каком она состоянии. Кто знает, что с ней может случиться, если у нее нет с собой либрия.

— Лития… — пробормотал Ник.

— Это вопрос ответственности, понимаешь? Мы

всегда считали, что ты понимаешь свою ответственность перед ней — и перед нами, конечно.

— Да, да, разумеется! — растянув губы в жалкой улыбке, подтвердил Ник.

— Мы всегда считали, что ты, например, сразу сообщишь нам, если случится что-то серьезное. — По ее тону Ник все яснее понимал, что это не просто размолвка; что-то переменилось в их отношениях, и переменилось очень серьезно, так что едва ли возможно возвращение к старому. — Например, мы до сегодняшней ночи ничего не знали о том очень серьезном эпизоде, случившемся четыре года назад.

— Каком? — непонимающе спросил Ник. Больше всего его напугало слово «мы», означающее, что Джеральд солидарен с Рэйчел.

— Думаю, ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. — В ее взгляде Ник читал отвращение, трудно выразимое словами. — Мы понятия не имели, что она пыталась… причинить себе вред, пока нас не было.

— Я не знаю, что вам рассказали. Но она ничего с собой не сделала. Просто попросила, чтобы я побыл с ней, я так и сделал, разумеется, и все прошло, уже через полчаса все прошло!

— Но ты ничего нам не сказал, — повторила

бледная от гнева Рэйчел.

— Рэйчел, пожалуйста!.. Она не хотела вас расстраивать, не хотела портить вам праздник! — В памяти всплывали полузабытые отговорки и вместе с ними — мучительное ощущение собственной беспомощности и никчемности. — Мы погуляли вместе, хорошо поговорили… — Даже сейчас он слышал в собственном голосе блеющие нотки самодовольства.

— Да, она рассказала, как ты замечательно ее успокоил, — ответила Рэйчел. — Вчера ночью у Джеральда она такие дифирамбы тебе пела!

Ник смотрел в пол и на переплетение черно-золотых столбиков балюстрады. Внизу вдруг открылась дверь, послышался женский голос: «Пока, дорогой, увидимся!» — Дверь захлопнулась, и раздался дробный цокот каблучков.

Рэйчел не двигалась, и Ник на непослушных ногах сделал несколько шагов вниз по лестнице. Однако это была не Кэтрин. Перед ним стояла Айлин, «старая» секретарша Джеральда, в темном плаще и с черной сумкой в руках. Вид у нее был такой, словно она собиралась на вечеринку, но ошиблась адресом. Ник подумал: принарядилась для фотографов.

— Здравствуйте, Айлин, — сказал он.

— Я подумала, что мне стоит прийти, вдруг я смогу чем-нибудь помочь?

— Спасибо вам, — сказал Ник.

— Вы не беспокойтесь, я тут обо всем позабочусь!

— Отлично, отлично, — пробормотал Ник и вежливо улыбнулся.

Эту Айлин он видел всего несколько раз, но много о ней слышал: в семье постоянно подшучивали над ее безнадежной влюбленностью в Джеральда, и сам Джеральд иначе как со снисходительной усмешкой о ней не говорил. В то первое лето, память о котором теперь замарана и убита, эта Айлин казалась ему частью дома. А теперь, значит, она тут обо всем позаботится.

Она шагнула вперед и положила руку на тугой завиток перил.

— Я принесла «Стандард», — объявила она. Газету Айлин держала в другой руке, отведя ее за спину, словно прикрывая семью от новостей своим телом. — Боюсь, это вам не слишком понравится…

Она шагнула вперед, и Ник, словно марионетка на веревочках, начал спускаться ей навстречу. Он чувствовал, что должен принять на себя удар, направленный на Рэйчел. Айлин протянула

ему газету: на первой полосе Ник увидел свое лицо, подумал: «Нет, на это я взгляну позже» — и поднял глаза к заголовку. Прочитал его раз, другой, ничего не понял и снова перевел взгляд на свою фотографию рядом с фотографией Уани. Для самой статьи почти не оставалось места. Заголовок гласил: «Сын пэра болен СПИДом!» — и Ник вдруг ощутил острую жалость к Бертрану. Ниже шел подзаголовок: «Гомосексуальная связь ведет в дом министра!» Что же это такое? Зачем они так пишут, что ничего нельзя понять? Вдруг показалось, что перила куда-то исчезли и пол рвется ему навстречу — должно быть, так бывает, когда падаешь в обморок; вот только Ник никуда не падал и сознание его оставалось ясным — блаженство забытья было ему не дано. Он нащупал перила и принялся читать статью, чувствуя, как с каждым словом все глубже вонзается в грудь и проворачивается там тяжелый острый кол.

(2)

— Черт возьми, Ник! — говорил на следующее утро Тоби.

Ник закусил губу:

— Знаю…

— Мне и в голову не приходило! Да и никому из

нас… — Он отшвырнул на обеденный стол номер «Тудей» и откинулся на спинку кресла.

— Котенку — пришло, — ответил Ник, остро сознавая, что в последний раз использует свое право называть Кэтрин ласковым домашним прозвищем. — В прошлом году, во Франции, она обо всем догадалась.

Тоби бросил на него долгий тяжелый взгляд; Ник понял, что он вспоминает о том лете, о долгом дне у бассейна, о выпивке и совместной дреме на берегу.

— Уж мне-то мог бы сказать. Я думал, ты мне доверяешь! — Все верно: в тот день Тоби открыл Нику свой интимный секрет — и имел право ожидать взаимности. — Господи, двое моих лучших друзей!.. Я себя чувствую полным болваном!

— Дорогой, я с первого дня мечтал тебе рассказать… — Тоби только насупился в ответ. — Но Уани об этом и слышать не хотел. — Ник робко взглянул на старого друга. — Я знаю, люди очень обижаются, узнав, что от них что-то скрыли. Но это ведь не имеет никакого отношения к тому, нравится тебе человек или не нравится, доверяешь ему или нет. Раз есть секрет, его нельзя рассказывать. Не важно кому. Никому нельзя.

— Угу. А теперь это! — Тоби потянул к себе со

стола выпуск «Сан». — «Гомосексуальные оргии в загородном доме парламентария»! — И гневно отшвырнул газету.

— Забавное же у них представление об оргиях, — проговорил Ник, надеясь хоть немного разрядить атмосферу.

— По-твоему, это забавно? — вскинулся Тоби и тут же обреченно покачал головой, словно говоря: «Подумать только — и я ему доверял!»

Он встал и отошел к дальнему концу стола. В гостиной царила сумрачная атмосфера тягучего и нескончаемого дня: сквозь щели в ставнях било солнце, и позолота настенных ламп отливала в его лучах красноватым светом. Тоби стоял, повернувшись спиной к портрету работы Ленбаха — своему прадедушке, кажется? — плотному буржуа в застегнутом на все пуговицы черном пиджаке. Ник, всегда зорко подмечавший семейное сходство, видел, что с годами Тоби становится все больше похож на своих предков. Сегодня на нем были темный костюм, синяя рубашка и красный галстук. Он собирался на деловую встречу и с Ником разговаривал тоже по-деловому и, казалось, разделял с прадедом уважение к очевидной важности бизнеса и презрительное изумление перед скандалами последней недели.

— Боже мой, Тоби, мне так жаль! — сказал Ник.

— Еще бы! — ответил Тоби и глубоко, даже с какой-то угрозой, вздохнул. Чтобы скрыть неловкость, он оперся о стол и вновь принялся листать газету. — Сначала это мошенничество с акциями, потом папа и Пенни, теперь вы с Уради, да еще и эта чертова болезнь…

— Ты же знал, что у Уани СПИД.

— М-да… — неуверенно протянул Тоби. Затем, одновременно решительно и рассеянно, принялся складывать газеты в стопку. — И в довершение всего сестренка совсем с катушек съехала!

— Да, она все это и устроила.

— Такое впечатление, что она ненавидит папу.

— Трудно сказать…

— И тебя тоже. Не понимаю, как она могла?..

Давний разговор у озера, серьезное «взрослое» объяснение…

— Нет, не думаю, что она нас ненавидит, — ответил Ник. — Просто целые сутки не принимала лития, вот ей и захотелось сказать правду. По большому счету она ведь только этого всегда и хотела — говорить правду. Нет, она не желала нам зла. И не ее вина, что ее правду услышали враги Джеральда.

— Как бы там ни было, это конец, — упрямо подытожил Тоби. Он очень старался сохранять хмурую неприступность, но Ник заметил, как уголки его рта задергались и на секунду поползли вниз.

— Да, наверное, это конец, — согласился Ник.

Он понимал: для Тоби сейчас неприятнее всего то, что его, как выяснилось, все вокруг обманывали — или не доверяли ему, что, в сущности, одно и то же. Было очень жаль его, и все же Ник с трудом подавлял странное и неуместное желание улыбнуться над его простодушием.

— В «Индепендент», надо сказать, снимки очень хороши, — заметил Тоби. — Они молодцы.

— Да, «Телеграф» по сравнению с ними совершенно не смотрится.

— «Мейл» немного получше, но тоже не то.

Тоби снова зашуршал страницами. Свирепый Аналитик излагал свое видение ситуации на целом развороте, особенно упирая на «личное знакомство с семейством Федденов». Фотографию Тоби, вальсирующего с Софи, Ник узнал: это был снимок, сделанный Расселом в Хоксвуде.

— Не знаю, чем все это кончится, — проговорил Тоби, не поднимая глаз на Ника.

— Да, — сказал Ник. — Надо подождать.

— Знаешь, не понимаю, как ты после всего можешь здесь оставаться. — При этих словах он поднял глаза, и светло-карий взгляд его, всегда готовый смягчиться или смущенно метнуться в сторону, теперь не смягчился.

— Да, конечно, разумеется… — пробормотал Ник с каким-то негодованием, словно и в мыслях не допускал здесь остаться и Тоби этим предположением его оскорбил.

Тоби выпрямился и застегнул пиджак, возвращаясь к деловому облику и деловому самочувствию.

— Извини, — сказал он, — мне надо еще к маме зайти.

Он вышел, а Ник остался сидеть, потрясенный гневом Тоби: этого он никак не ожидал и это оказалось всего страшнее. Наконец потянул к себе газету и стал рассматривать свои фотографии. На одной он был снят у дверей дома; на другой, четырехлетней давности, красовался перед объективом в галстуке и пиджаке дяди Арчи, очень молодой и явно очень пьяный. Просто удивительно, подумал он, что фотографию с госпожой премьер-министром не поместили. Но всего остального в статье было в избытке: секс, деньги, власть — все, что привлекает читателей. Все, что

так привлекало Джеральда. Ник понимал, что жизнь его надломилась и никогда уже не будет такой, как прежде; он страдал, ужасался, и все же какая-то глубинная часть его существа, маленькая и жесткая, смотрела на всю эту кутерьму с холодным презрением. Он тяжело морщился от мысли, что навлек позор на своих родителей — но ведь сам он ничего нового не узнал. Долгий телефонный разговор с отцом и матерью был тем тяжелее, что они почти ничему не удивились. Ник разговаривал с ними нарочито легкомысленно и непочтительно, остро сознавая, что ранит их еще сильнее — ведь их чувства и инстинкты оставались на его стороне, в желании утешить, обезопасить, защитить. Они все это восприняли страшно серьезно, но едва не довели его до бешенства бесконечными причитаниями: они, мол, с самого начала что-то предчувствовали, сердцем чуяли, что что-то с ним не так, и давно уже понимали, что ничего хорошего из этого не выйдет. Но то, что для них — и для широкой публики — стало откровением, для Ника откровением не было. Он знал о Джеральде и Пенни, знал об Уани и о себе. Единственным кошмаром для него стала сама пресса. «Где воцаряется Алчность, оттуда изгоняется Стыдливость», — провозглашал Питер

Краудер так, словно высказал эту мысль впервые в истории человечества. Все годы, что Ник прожил с Федденами одной семьей, все чувства, что он испытывал к ним и делил с ними, теперь были заключены в рамку из пошлых восклицаний и выставлены на позорище толпе.

Послышался звонок в дверь. Никто не спешил открывать, и Ник подошел к двери и выглянул в новенький глазок: за ним виднелась искаженная толстым выпуклым стеклом и от того еще более уродливая, чем обычно, физиономия Барри Грума. Снова нетерпеливо затрезвонил звонок. Ник открыл дверь и глянул через плечо парламентария на почти опустевшую улицу.

— З-здравствуйте, Барри, входите… Надо же, все разошлись.

— Не вашими молитвами, — проговорил Барри, проходя мимо него; нахмуренные брови и сжатые губы его лежали двумя параллельными линиями. — Я к Джеральду.

— Да, конечно, — пробормотал Ник, не совсем понимая, видит ли Барри в нем лакея или препятствие на пути. — Сюда, пожалуйста, — проговорил он и добавил: — Все это ужасно, мне, право, страшно жаль, — при этом ощутив смутное удовлетворение от того, что нашел верные

слова и верный тон.

В первую секунду, показалось ему, Барри был готов принять это как должное, но затем снова сдвинул брови.

— Заткнись, педик ублюдочный, — проговорил он негромко, и от этой негромкости его слова странным образом прозвучали более оскорбительно.

— Я… а… — Ник оглянулся на зеркало, словно призывая свое отражение в свидетели. — Послушайте, это…

— Заткнись, гондон вонючий! — рявкнул Барри и прошел мимо него в кабинет Джеральда.

— Да пошел ты… — сказал Ник — точнее, произнес беззвучно, одними губами, вовремя сообразив, что, услышав это, Барри может развернуться и свалить его с ног оплеухой.

Дверь открылась, и из кабинета показался Джеральд.

— А, Барри, как хорошо, что вы пришли! — проговорил он, бросив на Ника быстрый укоризненный взгляд.

И дверь за ними закрылась.

— Сам ты… грубый, грязный, жадный, невежественный, страшный гондон! — прошептал Ник. И ему вдруг стало смешно.

Он прошелся туда-сюда по холлу, не отрывая глаз от черно-белых мраморных квадратов пола, словно видел их впервые, потом побрел на кухню, к Елене. Трудно было сказать, слышала ли она крик Барри. К брани Елена относилась серьезно и выражала неодобрение всякий раз, когда из уст Джеральда случайно вырывалось что-нибудь крепче «черт побери».

— Здравствуйте, Елена, — сказал Ник.

— Так, мистер Барри Грум прийти, — сказала Елена. Она была невысокой и хрупкой, однако казалось, занимала собой всю кухню — свою территорию. — Он хотеть кофе?

— Знаете, я его как-то не спросил. Но, думаю, нет.

— Не хотеть?

— Нет… — Он осторожно взглянул на Елену, гадая, сможет ли найти хотя бы в ней союзницу. — Знаете, я сегодня ужинать не приду.

Елена подняла брови и поджала губы. Ник подумал, что известие о них с Уани должно было ее поразить; он ведь даже не знает, понимала ли она до сих пор, что Ник гей.

— Как все запуталось, правда? — сказал он. —

Un pasticcio… un imbroglio[21].

— Pasticcio, si, — с невеселой усмешкой ответила она. Все эти годы попытки Ника общаться с Еленой по-итальянски служили в семье неисчерпаемым поводом для шуток — и сами Ник и Елена веселились больше всех.

Она направилась в буфетную, говоря что-то на ходу. Нику пришлось пойти за ней.

— Простите?

— Сколько вы здесь жить? — повторила она, подняв голову и всматриваясь в ряды консервных банок на полках.

— На Кенсингтон-Парк-Гарденс? Этим летом исполнилось четыре года, значит… четыре года и три месяца.

— Четыре года. Хорошее время.

— Да, хорошее было время… — грустно улыбнулся он, понимая, что Елена имела в виду совсем другое.

Она встала на цыпочки, и Ник, всего на дюйм выше ее, поспешил ей помочь.

— Фасоль?

Он передал ей банку, вынудив кивнуть в знак благодарности, и снова последовал за ней, словно

---

[21] Примечания: 21
Оба слова означают: путаница, беспорядок (ит.).

надеясь, что сможет еще чем-нибудь ей помочь. Она поставила банку бобов на стол и, придерживая ее одной рукой, принялась вскрывать консервным ножом: уже тысячу раз она делала это на глазах у Ника, ловко и умело, с томатным пюре, с fagioli, со множеством других продуктов, которые предпочитала использовать не свежими, а консервированными… И вдруг он все понял.

— Елена, — сказал он, — я решил, что мне пора подать в отставку.

Елена бросила на него острый взгляд, желая удостовериться, правильно ли его поняла, затем кивнула. Ему даже показалось — хотя, возможно, только показалось, — что она улыбнулась в ответ на его удачную фразу. А затем повернулась к нему спиной и пошла с банкой к столу. Может быть, за ее хлопотами и занятым видом скрывается сожаление, думал Ник; не может же быть, чтобы она совсем обо мне не жалела! Он бросил на нее взгляд, полный отчаянной надежды. За спиной у Елены простиралась галерея фотографий, и чувствовалось, что она рядом с ними — человек не чужой; она даже была здесь, на одном снимке, держала коляску с Тоби, конечно, ведь она с Федденами давным-давно, еще с легендарных

хайгейтских времен… Она принялась резать лук, но вдруг обернулась к нему и спросила:

— Помните, как вы первый раз сюда прийти?

— Да, конечно, — сказал Ник.

— Как мы знакомиться…

— Да, помню. — И он покраснел и рассмеялся, поняв, что они оба никогда не забудут эту путаницу. Но то, что Елена об этом помнила, уже почти его не смущало, а скорее, радовало, ведь тогда он вел себя с ней не просто как с равной — как с высшей.

— Вы думать, я миз Фед.

— Да, так и подумал. Я ведь прежде не видел ни ее, ни вас. Вдруг входит красивая женщина…

Елена на миг зажмурилась — то ли от лука, то ли от чего-то другого — и сказала:

— А я в тот день думать: этот человек… scioccо[22], знаете, весь растеряться, такой милый, и леди очень нравиться, но я-то понимать, что он… — И постучала пальцем по лбу.

— Pazzo?[23] — хватаясь за соломинку, спросил Ник.

— Ненадежный человек, — ответила Елена.

---

[22] Примечания: 22
Глупый (ит.)

[23] Примечания: 23
Сумасшедший (ит.)

Ник поднялся к себе и долго стоял у окна. С небес лился блеклый и безрадостный свет холодного октябрьского утра. Он размышлял, но в мыслях его не было ни слов, ни образов — лишь светлая и горькая печаль. Потом явились слова, простые и четкие, как будто написанные на бумаге. Так было бы лучше всего, подумал Ник, — написать письмо. Холодно, логично, не боясь отклониться от намеченного плана, не опасаясь, что в самый неподходящий момент задрожит голос. Он пошел вниз, к Джеральду.

Дверь кабинета Джеральда была приоткрыта, и Ник услышал, что хозяин дома разговаривает с Барри Грумом. Он остановился в коридоре и прислушался. Так часто случалось и раньше: стоя за дверью, он прислушивался к обрывкам телефонных разговоров или личных деловых бесед, чаще всего не имеющих для него никакого смысла. Эти полуподслушанные разговоры успокаивали и ободряли его, как голоса отца и матери в дороге успокаивают сонного ребенка на заднем сиденье. Порой ему случалось разобрать какой-нибудь секрет, и потом, помалкивая о том, что слышал, Ник втайне гордился своей надежностью.

— Не понимаю, как вы это допустили, — говорил Барри.

Джеральд проворчал что-то нечленораздельное, гулко откашлялся, но промолчал.

— Я хочу сказать, что вообще здесь делает этот гомик? Какого черта вы поселили у себя в доме педераста?

Он говорил все громче и громче, и, когда умолк, четыре или пять секунд Ник, с сильно бьющимся сердцем, ждал гневной отповеди Джеральда. Он весь горел от ярости и восторженного предвкушения битвы. Да где же Барри Груму понять, как они жили в этом доме, что за отношения их связывали?!

— Думаю, приходится признать, — проговорил Джеральд, — что я совершил ошибку. Совершенно нетипично для меня, как правило, я хорошо разбираюсь в людях. Но… да, это была ошибка.

— Ошибка, за которую вы дорого заплатили, — непримиримо заключил Барри Грум.

— Видите ли, он был другом наших детей. По отношению к друзьям детей мы всегда придерживались политики открытых дверей.

— Хм… — промычал Барри, в свое время публично лишивший наследства своего сына Квентина — безо всякой вины, из принципа, «чтобы понял, какой ценой деньги достаются». — Что ж, я с самого начала понял, что ему доверять нельзя.

Теперь-то могу сказать вам без обиняков, таких людишек я наизусть знаю. Помалкивает, улыбается, а в душе считает себя умнее всех. Помню, как-то у вас за ужином, несколько лет назад, сижу я с ним рядом и думаю: а ты-то что здесь делаешь, членосос паршивый, ну разве здесь тебе место? И вот что я вам скажу: он сам это прекрасно понимал. Я на него смотрел и видел, как ему хочется сбежать наверх, к бабам!

— Ну… — протянул Джеральд, чувствуя, что обязан хоть что-то возразить, — знаете, все это время мы неплохо ладили.

— Сидит и воображает, что он лучше других! Всех нас презирает, х…сос гребаный!

Барри выругался грубо, жестко, без тени юмора, словно полагая, что матерщина удостоверит истинность его слов. Точно так же, вспомнил Ник, он матерился тогда, за ужином. И тогда, как и сейчас, Ник вздрогнул и с отвращением подумал: как это вульгарно!

— Они же все нас ненавидят, точно говорю. Сами размножаться не могут, вот и паразитируют на великодушных дурачках вроде вас. Сначала к вам вполз в доверие, потом к этим чертовым Уради. И я, знаете ли, совершенно не удивлен тем, что он сделал с вашей дочкой. Сбил с пути,

заманил, использовал и выбросил, вот как это называется. Дело известное, все они так поступают.

Джеральд пробормотал что-то неохотно-утвердительное. Ник стоял, словно приклеившись к двери, раздираемый новым смятением чувств — гневом на предателя-Джеральда и страстной, почти восторженной ненавистью к Барри Груму. Барри — известный мошенник, экс-банкрот и не пропускает ни одной юбки, его неприязнь — для порядочного человека все равно что медаль. Но Джеральд… боже, ведь Джеральд, несмотря ни на что, все-таки его друг!

— Должен вам сказать, Долли Кимболтон просто в ярости, — продолжал Барри. — Этот Уради только-только пожертвовал партии еще полмиллиона.

Ник на цыпочках отошел от двери и сел на свое прежнее место в столовой. Взгляд его упал на фотографию Джеральда в обнимку с Пенни Кент, заснятую с расстояния сто футов, а затем увеличенную так, что тела и лица любовников превратились в бессмысленную комбинацию точек.

Джеральд проводил Барри до дверей, а минуту спустя Ник подошел к двери кабинета, постучал и просунул голову внутрь. Огляделся, проверяя,

один ли Джеральд, и с облегчением убедился, что Барри действительно ушел. Джеральд в очках с полукруглыми стеклами стоял у стола и просматривал документы.

— Я вам не помешал? — спросил Ник.

Джеральд проворчал что-то невнятное, с равным успехом способное оказаться и: «Что?», и «Да», и «Нет», но ясно показывающее, что он сердится. Ник вошел и закрыл за собой дверь; ему не хотелось, чтобы кто-то услышал этот разговор. Комната, казалось, еще гудела от жестоких слов Барри. Сиденье низкого кожаного кресла хранило на себе отпечаток гостя. Пахло кожей, застоялым сигарным дымом и мебельным лаком, и эта смесь запахов ясно говорила, что в этом кабинете вершатся большие дела.

— Не помешал, — ответил наконец Джеральд, снимая очки и одаривая Ника быстрой и холодной улыбкой.

— Хорошо… — пробормотал Ник, чувствуя, что слова как-то растягиваются у него во рту. — Я только на минутку.

Джеральд хмыкнул так, словно хотел сказать: «Ну нет, друг дорогой, минуткой ты не отделаешься!» Он положил очки на стол и подошел к окну. На нем были саржевые брюки для верховой

езды и желто-коричневый свитер с вырезом, как у матроски: то и другое вместе производило впечатление походной простоты и воинственной решимости. Возможно, Джеральд уже обдумывал пути возвращения наверх. Как это ни глупо, Ник чувствовал себя польщенным от того, что ему позволено видеть Джеральда в домашнем наряде — и в то же время почти с ужасом понимал, что знает Джеральда наизусть и что ему с ним скучно. Джеральд молчал, невидящим взором глядя в сад. Ник тоже молчал, вцепившись в высокую спинку кресла: все оказалось именно так трудно, как он думал, он страшился того, что может сказать Джеральд, но не решался заговорить первым.

— Как Уани? — спросил Джеральд.

— О… — Ему показалось, что в вопросе таится какая-то ловушка. — Вы ведь знаете, он ужасно болен. Говорят, нет никакой надежды.

Джеральд задумчиво кивнул, словно подтверждая, что это вполне естественно.

— Бедные его родители. — Он повернулся к Нику, как будто проверяя, способен ли тот на сострадание к родителям Уани. — Бедняги Бертран и Моник!

— Да…

— Сначала одного сына потеряли… — Оба

услышали в этой фразе голос уайльдовской леди Брэкнелл, и Джеральд, испугавшись каламбура, поспешно сменил курс. — Да, такое даже вообразить себе трудно.

Он медленно покачал головой и снова сел за стол. Лицо у него было натужно-серьезное, словно у человека, который изо всех сил пытается сдержать смех; так Джеральд обычно выражал сострадание.

— И для девушки тоже просто ужасно.

Ник не сразу понял, о ком он говорит.

— Вы хотите сказать, для Мартины?

— Для его невесты.

— А… да, но дело в том, что она никогда не была его девушкой.

— Естественно, они собирались пожениться.

— Может быть, и поженились бы, Джеральд, но это все был обман. Она ему никто. Платная компаньонка.

Джеральд задумчиво пошевелил бровями, переваривая эту информацию. Ник вдруг сообразил, что никогда прежде Джеральд не расспрашивал его о подробностях гомосексуального житья-бытья, предпочитая обходить эту тему молчанием. И пожалуй, сейчас не лучшее время начинать такой разговор.

— Конечно, мне будет его очень не хватать, — с нервным смешком добавил Ник.

Джеральд придвинул к себе стопку документов, уложил их в портфель и застегнул молнию. Затем поднял взгляд на фотографии Рэйчел и премьер-министра, словно прося их о поддержке.

— Напомни-ка мне, — сказал он, — откуда ты здесь появился.

Ник не совсем понимал, как отвечать на такой вопрос. Пожав плечами, он сказал:

— Ну, как вы знаете, мы с Тоби подружились, и он привел меня сюда.

— Ага, — протянул Джеральд, по-прежнему не глядя на него. — И ты действительно был другом Тоби?

— Конечно, — ответил Ник.

— Странная у вас дружба, тебе не кажется? — И он бросил на Ника быстрый взгляд.

— Нет, не кажется.

— Он, оказывается, ничегошеньки о тебе не знал.

— Но, Джеральд… это же я! Я же не какой-нибудь пришелец из космоса! Мы с ним три года проучились вместе!

С этим Джеральд спорить не стал — он развернулся вместе с креслом и снова уставился в окно.

— И тебе у нас всегда было уютно, верно?

— Конечно… — с трудом выдавил Ник.

— Мы к тебе были очень добры, по крайней мере, мне так кажется. Так? Ты вошел в нашу жизнь — в самом широком смысле слова. Благодаря нам познакомился со множеством интересных людей. Поднялся, можно сказать, на высочайший уровень.

— Да, разумеется. — Ник судорожно вздохнул. — Отчасти поэтому я страшно сожалею о том, что произошло, — и добавил робко и серьезно, — ну, понимаете, об этом последнем эпизоде с Кэтрин.

Джеральд сдвинул брови; он явно не ожидал и не желал извинений, тем более переплетенных с соболезнованиями по поводу его дочери. Однако сдержался и сказал только:

— Боюсь, ты никогда не понимал мою дочь.

— Мне кажется, — отвечал Ник, — человеку, который сам не страдает от чего-то подобного, вообще трудно понять природу ее болезни, я имею в виду, не в какой-то отдельный момент, а вообще, день за днем. Я знаю только одно: она по-прежнему любит и вас, и Рэйчел, несмотря на то что нанесла вам… такой удар. В период маниакального возбуждения она живет в мире,

где возможно все. И в сущности, что она такого сделала? Просто сказала правду.

Кажется, его слова заставили Джеральда задуматься — он нахмурился и немного помолчал; но затем, совсем как в телеинтервью, продолжил гнуть свою линию, не обращая внимания на возражения и неудобные вопросы.

— Скажи мне, пожалуйста, тебе не казалось странным, что ты, гомосексуалист, сблизился с такой семьей, как наша?

Ник подумал: да, это было необычно, в этом-то и заключалась красота. Но вслух сказал:

— Я только сторожил дом. Это Тоби предложил, чтобы я к вам переехал. — И, решившись на дерзость, добавил: — С тем же успехом можно сказать, что вы сами приблизили меня к себе.

— Я все обдумал, — сказал Джеральд, — и, как мне представляется, понял, что произошло. Это обычная история, об этом везде пишут. Своей семьи у тебя быть не может, поэтому ты сближаешься с чужой семьей. А через некоторое время начинаешь завидовать, потому что у нас есть то, чего у тебя никогда не будет, плюс еще твое происхождение… в общем, настал момент, когда ты не мог больше этого выносить — и в результате вот так нам отомстил. А ведь ты знаешь, — он

развел руками, — мы от тебя ждали только одного — верности.

Слова Джеральда поразили Ника своей несообразностью; ничего, решительно ничего похожего он не думал, не чувствовал и не делал. А в следующий миг он сообразил, что Джеральд и сам не верит ни единому своему слову — просто делает свое дело, превращает домашнего ягненка в козла отпущения. Для него это самый естественный выход. Спорить не было смысла, и молодой человек, отчаянно вцепившийся в спинку кресла, раздираемый ужасом, изумлением и горем, вовсе не собирался спорить — но какой-то другой Ник открыл его рот и сказал его голосом:

— Я даже отдаленно не представляю, о чем вы говорите, Джеральд. Но, должен заметить, рассуждения о верности в ваших устах мне кажутся странными и неуместными.

Никогда прежде он не решался критиковать Джеральда. Сам Джеральд, как видно, тоже это сознавал, и неожиданная атака Ника изумила его до полной потери самообладания.

— Это уж точно, ты, мать твою, не представляешь, о чем говоришь! — Он вскочил, но взял себя в руки, сел и продолжал с усмешкой: — Да как ты смеешь равнять себя со мной? Мои дела — со

своей грязью? Кто ты вообще такой, твою мать? Какого х… ты здесь делаешь?

Лицо его побагровело и исказилось, словно смятое судорогой. Дрожа от соприкосновения с безумием, Ник произнес заготовленную с самого начала фразу:

— Что ж, думаю, вы не станете особенно огорчаться, если узнаете, что я сегодня же покидаю ваш дом.

И в тот же миг Джеральд, притворившись, что его не слышал, гневно произнес:

— Вон! Вон из моего дома, сегодня же!

18

Герцогиня настояла на том, чтобы Джеральд и Рэйчел приехали на свадьбу. Джеральд счел нужным позвонить и сделать попытку отказаться:

— В самом деле, Шерон, — говорил он громко и оживленно, — я никогда себе не прощу, если мое появление испортит вам этот счастливый день…

Но прежде, чем она успела, по своему обыкновению, безапелляционно потребовать, чтобы он не молол чепуху, торопливо проговорил:

— Ну, хорошо, хорошо! Я просто подумал, что должен спросить, — таким тоном, что стало ясно: он и не собирался отказываться, просто выпол-

нял необходимый, хоть и не слишком приятный, социальный ритуал. Джеральд не верил, что его присутствие может кому-то что-то испортить.

В пятницу утром они отбыли в Йоркшир.

Для Уани были пошиты новые костюмы — утренний и вечерний; необыкновенной элегантности, с узкими брюками и широкими лацканами, маскирующими истощение, похожие на праздничные наряды маленького принца, которые мальчик наденет всего раз — а затем навсегда из них вырастет. Они лежали на кровати с балдахином в форме переплетенных линий красоты, и издали казалось, что на постели покоятся бок о бок два человека, еще более исхудалые, чем сам Уани. Рядом, на полу, стояли две пары новеньких ботинок и домашние шлепанцы. Ник, помогавший Уани собираться, заглянув по привычке в коробку для запонок, обнаружил там телесно-розовый бумажный сверток в дюйм длиной. Ник достал его и спрятал — в эти дни он отрекся от прежнего кодекса чести.

Уани лежал на диване перед включенным видеомагнитофоном: он спал, закрыв глаза и приоткрыв странно искривленный рот. Как всегда, секунда или две понадобились Нику, чтобы загнать в подсознание ужас и оставить на виду

только сострадание. Уже дважды сегодня он подходил к Уани, присматривался и прислушивался — не для того, чтобы полюбоваться, как бывало, а чтобы понять, жив ли он. Он со вздохом присел рядом, ощущая странную нежность к себе: уход за больным помогает осознать собственную слабость и смертность. Может быть, подумалось ему, нечто подобное испытывают родители с младенцем на руках. Он не говорил Уани, что сегодня прошел очередной ВИЧ-тест: страшная процедура — тем более страшная, что об этом нельзя рассказывать. Уголком глаза он видел, как на экране разворачивается оргия — ни лиц, ни тел, одни лишь органы и отверстия, розовые, пурпурные, пульсирующие, совокупляющиеся в абстрактном и бессмысленном танце. Ник, нахмурившись, повернулся к экрану и пригляделся. Это было то, что уже получило имя «классики» — в память о временах, когда в порнопалитру не добавлялся безжизненный блеск резины. Уани ненавидел порно с презервативами, хотя бы в этом он был эстетом. Из динамиков приглушенно доносились возгласы в двоичном коде: «Да… о да, о да… да… о… да, да… о да…»

— Машина уже приехала? — спросил, приподнявшись на кровати, Уани. Вид у него был

испуганный, словно он надеялся, что в последний момент что-то переменится и поездку отменят.

Шофер отца должен был отвезти его на бордовом лимузине в Харрогит. С ними ехал медбрат, темноволосый и синеглазый шотландец по имени Рой, к которому Ник уже чувствовал легкую и приятную ревность.

— Рой сейчас придет, — ответил Ник и добавил, чтобы ободрить Уани: — Знаешь, он очень ничего.

Уани медленно сел и спустил ноги с дивана.

— Был бы ничего, если не говорил все, что думает.

— А что он такое говорит?

— Хамит.

— Что ж, медперсоналу иногда приходится проявлять твердость.

Уани надул губы:

— Даже тем, кому я плачу по тысяче фунтов в минуту?

— Я-то думал, тебе нравятся грубые мужчины, — проговорил Ник и сам услышал в своем голосе натужную игривость, словно в разговоре с больным ребенком. Он помог Уани встать. — Во всяком случае, четыре часа в «Роллсройсе» наверняка его успокоят.

— Он просто хам, — упрямо повторил Уани. — И социалист к тому же. — И лицо его на миг озарилось странной призрачной усмешкой.

Зазвонил дверной звонок, Ник спустился вниз и обнаружил там Роя и шофера. Рой, парень примерно его возраста, был в синих брюках и рубашке с открытым воротом: мистер Деймас — в темно-сером костюме, траурном галстуке и сером кепи. Они разговаривали, стоя лицом друг к другу: Рой — целеустремленный, практичный, востребованный профессионал в безнадежной борьбе со СПИДом; мистер Деймас — старый слуга, знавший Уани еще ребенком, — к его болезни относился уважительно, но с глубоким неодобрением, он как-никак был верным слугой Бертрана. Последние газетные новости глубоко его поразили, и теперь и в его квадратном лице, и даже в руках, обтянутых серыми перчатками, чувствовалось упрямое желание сохранять лояльность, несмотря ни на что. При появлении Ника он приподнял кепи и принял у него из рук два чемодана.

— Так вы не едете, Ник? — с кокетливым упреком проговорил Рой.

— Нет, у меня дела в городе.

— Кто же меня защитит от всех этих герцогов

и герцогинь?

От такого явного заигрывания на душе у Ника чуть потеплело; однако он понимал, что должен соблюдать осторожность. Он еще не привык к интересу окружающих — интересу не к нему самому, а к фигуранту газетной хроники, выражавшемуся главным образом в том, что множество малознакомых и совсем незнакомых людей начали обращаться к нему фамильярно, словно к приятелю.

— Кто бы меня самого от них защитил, — сказал он.

Рой очаровательно улыбнулся:

— Знаете, кто там будет?

— Все будут, — послышался сзади сиплый голос.

Рой бросил взгляд на заднее сиденье, где беспокойно возился со своим одеялом и подушками Уани.

— Устраивайтесь поудобнее, — бросил он небрежно и скучливо, словно учительница, приказывающая озорному ученику успокоиться и сесть наместо. Было что то умиротворяющее в его холодной деловитости: чувствовалось, что этот человек свое дело знает. Он не внушал надежду, но оставался полезен там, где надежды уже не

осталось.

Мистер Деймас обошел машину и со звонким щелчком захлопнул дверь — словно отрезал Ника от мира несбывшихся надежд. Уани сидел, глядя вперед, теряясь и тая за дымчатым стеклом. Нику вдруг показалось, что он никогда больше его не увидит. В последнее время у него часто бывали такие предчувствия. Он постучал по стеклу, и Уани опустил окно на пару дюймов.

— Передавай привет Нату, — сказал Ник.

Уани ничего не ответил, даже не кивнул — просто молчал и смотрел куда-то в пустоту за спиной Ника, а несколько секунд спустя закрыл окно.

Вернувшись в опустевший офис на первом этаже, Ник сел за свой стол и начал разбирать бумаги. Переезжать с Эбингдон-роуд пока не требовалось, он мог остаться здесь, пока не подыщет себе квартиру, но ему хотелось привести все в порядок и избавиться от лишнего. Было ясно, хотя Уани об этом не заговаривал, что кинокомпания «Линия S» закрывается. Ник был рад, что не поехал на свадьбу Ната, однако понимал: те, кто заметит его отсутствие, скорее всего, расценят это как признание вины. Перед мысленным взором его, словно на киноэкране, заскользили лица бывших друзей… Впрочем, нет, скорее всего,

о нем просто никто не вспомнит.

Снова затрезвонил звонок. Ник выглянул в окно и увидел на том месте, где только был припаркован «Роллсройс», грузовичок с какой-то фирменной эмблемой на боку. Из кабины орала музыка, а у крыльца нетерпеливо переминался с ноги на ногу костлявый паренек в бейсболке.

— «Линия S»? — Он повысил голос, перекрикивая музыку. — Доставка!

«I Want To Be Your Drill Instructor» группы «Full Metal Jacket» гремела, эхом отражаясь от стен домов. Паренек вытащил из кузова первую порцию пухлых прямоугольных свертков, сложил их на тележку и ввез в здание. Это пришел журнал.

— Большое вам спасибо, — сказал Ник и замер над свертками, неуверенно улыбаясь и нетерпеливо желая скорее остаться наедине со своим творением.

Парень торопливо гонял свою тележку взад и вперед, спеша поскорее разделаться с заданием и отправиться по следующему адресу, и скоро на полу в холле выросла дюжина высоких стопок. Каждый сверток был аккуратно перетянут клейкой лентой: попытавшись отодрать ленту, Ник сломал ноготь.

— Распишитесь, пожалуйста, — попросил

парень и извлек из кармана джинсов мятую квитанцию и ручку.

Ник торопливо изобразил на квитанции какую-то не внятную закорючку, отдал бумагу обратно — и тут заметил, что доставщик, склонив голову набок и прищурившись, пожирает его глазами. Ник покраснел и плотно сжал губы: должно быть, подумал он, парень читает «Миррор», в прошлом номере было много фотографий.

— Хотите посмотреть? — спросил парень — и прежде, чем Ник сообразил, о чем это он, достал из другого кармана канцелярский нож, выдвинул лезвие и принялся резать ленту на ближайшем свертке. Распотрошив сверток, вытащил верхний, сверкающий глянцем журнал и протянул его Нику: — Вуаля!

Ник взял журнал, словно победитель — приз, сияя и не в силах скрыть своего счастья. Парень пристроился рядом и заглянул ему через плечо, и Ник великодушно развернул журнал так, чтобы и ему было видно. Он только надеялся, что доставщик не станет задавать вопросов.

— Ух ты! Красота! — сказал парень. — Это ангел, да?

— Да, ангел, — ответил Ник.

Обложку делал Саймон, и сделал ее на славу:

на черном глянце фона распростер двойной изгиб крыльев белоснежный херувим Борромини; кончиками перьев он касался крыльев второго такого же херувима на задней стороне обложки, и два крыла вместе образовывали совершенную линию красоты. И больше ничего — только надпись внизу, простым романским шрифтом: «ЛИНИЯ S, № 1».

Ник колебался, не желая открывать журнал: его бросало то в жар, то в холод, и хотелось остаться одному. Доставщик восхищенно покачал головой.

— Охренеть, до чего красиво, — сказал он. — Пардон за мой французский. — Он протянул руку, и Ник ее пожал. — Ладно, друг, увидимся.

— Да… и спасибо тебе большое!

— Нет проблем.

Ник с улыбкой смотрел, как выходит из офиса его первый критик.

— Ну вот… — проговорил он, оставшись один и чувствуя, как расплывается по лицу широчайшая счастливая улыбка.

Он сел за пустой стол Мелани, положил журнал перед собой и не без трепета перевернул первую страницу. Как и предполагалось, перед ним развернулась ослепительная панорама роскоши:

на первых трех страницах в сверкании и блеске глянца рекламировались «Булгари», Диор, БМВ — крестные родители капризного и нежного дитяти Ника и Уани. Он быстро перелистнул страницы до восьмой, нашел в конце редакционного списка их имена: «Выпускающий редактор: Антуан Уради, редактор-консультант: Николас Гест» — и покраснел от удовольствия и непонятного смущения, чувствуя себя самую малость самозванцем. Представил, как обрадовались бы родители, увидев его имя здесь, а не на страницах вечерних газет. Он листал журнал, задерживаясь взглядом на каждой странице — каждое слово здесь он прочел по десять раз, прежде чем отправлять в печать, но ему казалось, что, обретя плоть и кровь на журнальных страницах, статьи претерпели какое-то неуловимое изменение, и он вглядывался в глянцевые строки и тер глаза, страшась заметить какую-нибудь ошибку.

Его собственная статья, помещенная довольно далеко от начала — после статей Энтони Берджесса о публичных домах и Марко Кассани о готическом возрождении в Италии, — рассказывала о Линии красоты и была иллюстрирована роскошными снимками: броши, зеркала, пруды, фигуры святых, гнутые ножки диванов. Он читал

себя с бьющимся сердцем, раз или два возвращался назад, чтобы еще раз насладиться изяществом той или этой фразы. За его спиной, казалось ему, стоят другие люди — и профессор Эттрик, так веривший в своего ученика, и Энтони Берджесс, великодушно согласившийся прислать им из Монако статью для первого номера, и Лайонел Кесслер в своем замке, со всех сторон окруженный линиями красоты. Ник долистал журнал до конца, до наборов для игры в маджонг и игрушечных солдатиков «Радж». На внутренней стороне задней обложки, к его удовлетворению, была размещена реклама «Je Promets». А за ним — второй, ответный ангел с простертым крылом. Ник смотрел на него с восторгом: первоначальная робость его растаяла, сменившись убеждением, что он создал шедевр.

Но скоро к восторгу начали примешиваться горькие нотки. Пятью минутами позже Нику уже хотелось начать сначала — снова открыть журнал, просмотреть его свежими глазами, во второй раз испытать такое же блаженство: но это было невозможно. Он отнес один номер к себе в квартиру и по дороге открывал его несколько раз, чтобы убедиться, что глянцевый блеск и буйство красок не поблекли и не исчезли. Нет, все-таки

очень хороший журнал получился. Яркий, роскошный, безупречный. Блеск мрамора и лака. Блеск того, что ушло и никогда не вернется.

Как он хотел, чтобы этот журнал увидел Уани! Ведь разминулись-то они всего на пять минут! Он бы взял пачку номеров с собой в Йоркшир, раздарил бы друзьям — и Тоби, и Софи, и герцогине, и Брэду с Тритом. Ник представил себе, как толстый Родди Шептон во фраке и в цилиндре листает журнал, дожидаясь выпивки. Представил и самого Уани: он вручал бы свой дар с холодной гордостью, словно доказывая, что из него все-таки кое-что вышло, что на отцовские миллионы он смог создать нечто по-настоящему прекрасное. Конечно, журнал принимали бы с благодарностью и листали бы с интересом: однако болезнь Уани, не говоря уж о его сомнительном происхождении, умеряла бы их восторг. А потом журналы валялись бы в спальнях и в туалетах. Ник вздохнул над их воображаемой судьбой и тут же упрекнул себя за ребячество: надо же, вздумал переживать из-за журналов, как будто нет у него сейчас других, куда более серьезных забот. Он вдруг испугался, что недостаточно тщательно проверил багаж Уани — у него могли быть и другие запасы кокса в карманах или в свернутых

носках. После майского кризиса он как будто бросил; но возвращение в Лондон, к скоротечным и хрупким удовольствиям, обострило в нем жажду наркотика. Сам Ник больше не употреблял, но среди их общих друзей не меньше полудюжины нюхали постоянно, и каждый из них мог от чистого сердца предложить щепотку Уани. А ведь у него очень слабое сердце. Самоубийство, настоящее самоубийство. Ник остановился у кухонного окна, невидящим взором глядя на задние стены соседних домов. Не сейчас, так ночью, не сегодня, так завтра раздастся звонок — от Шерон или даже от самого Джеральда. Острый сердечный приступ. Мы ничего не смогли сделать.

Он вернулся в гостиную. Забытый журнал лежал на столе — первый номер, за которым никогда не последует второй. Что ж, он хорош и в одиночку. Не первый из серии, не «товарная марка», которую надо развивать и раскручивать — просто «ЛИНИЯ S», завершенная в своей безупречной целостности. Пусть покоится здесь, в тумане блеклого осеннего полдня, как надгробный памятник Уани, пусть ангел овевает его имя своим белоснежным крылом.

На следующее утро Ник отправился на Кенсингтон-Парк-Гарденс забрать вещи. Моросил мелкий

дождь: интересно было, как они там, в Йоркшире, веселятся в такую погоду. Широкая улица была пуста: такое порой случается в Лондоне — вдруг на минуту или две прекращается движение, и тротуары, и стены домов, и промытые дождем окна приобретают атмосферу déjà vu. Ник вошел в дом номер 48 и громко захлопнул за собой дверь, словно желая кому-то доказать — или кого-то предупредить, — что он действительно здесь.

Дверь закрылась, почти отрезав звуки Лондона: гул автомашин, свистки регулировщиков, людские голоса превратились в невнятное, почти неслышное жужжание. Казалось, это жужжание издает сам серый дневной свет. Дом же хранил величественную, ничем не нарушаемую тишину. Тускло блестели вдоль лестницы позолоченные канделябры; тени в столовой сгустились и клубами дыма висели под потолком. Равнодушно и упорно тикали большие часы. Ник поднялся по лестнице в гостиную. Собрать вещи было не так уж просто: его CD-диски давно по-семейному перепутались с дисками хозяев, книги, которые он давал Федденам почитать, постепенно перекочевывали на их полки, так и оставаясь непрочитанными. Перед роялем ему захотелось сыграть финал анданте Моцарта, но Ник отверг

эту мысль: слезливо, смешно, глупо. С рояля смотрел на него портрет Тоби — символ юности в расцвете силы и красоты, когда еще неизвестно значение слова «невозможность». И этот портрет тоже говорил Нику, что здесь ему больше делать нечего. Он остановился перед камином, прижимая к груди свои небогатые пожитки. Мимо дома прогрохотал грузовик, оконные стекла вздрогнули и звякнули, словно в знак приветствия, — и снова воцарилась густая тишина. И что-то еще — что же это? — запах дома, запах ковров, полированного дерева, лилий, нежный церковный запах, хранящий в себе тысячи воспоминаний.

Все здесь говорило о Джеральде и Рэйчел. Не лучше было и на кухне: там царил идеальный порядок, жестко утверждающий, что размеренная, налаженная жизнь дома продолжается, и галерея фотографий на стене вновь напомнила Нику, что он здесь — чужой.

Он пошел вниз, в подвал, чтобы взять оттуда пару коробок. В этом подвале под кухней доживали свой век позолоченные стулья из бальной залы, причудливые старинные столики и потускневшие зеркала; здесь мистер Дюк хранил свои кисти, стремянки и инструменты, вместе с чайником и календарем — это было его царство,

и Ник почти ожидал встретить его здесь, в подсознании дома. Он включил свет, и в глаза ему бросился рулон обоев, высовывающийся из-за прочего хлама — пурпурный, с рисунком в виде черной чугунной изгороди. Эти обои уже не в первый раз его поражали. Они, очевидно, остались от прежних хозяев дома — так непохожи были они на все, что окружало Джеральда и Рэйчел, на их представления об уюте и красоте. Как и его собственные родители, Джеральд и Рэйчел как будто пропустили шестидесятые годы, не познав новых возможностей и не сделав поучительных ошибок. Быть может, в хайгейтские времена они и ставили над камином пузатых китайских божков и сидели на подушках, брошенных на пол — но теперь бумажный пурпур гнил в подвале. Ник разыскал несколько ящиков из-под вина и, спотыкаясь, потащил их наверх. Интересно, думал он, кто жил здесь до Федденов. Должно быть, всего три или четыре владельца сменились с тех пор, как эта застройка выросла из трущоб и лужаек Ноттинг-Хилла. Должно быть, этот дом всем владельцам придавал самоуверенности. Нику вспомнилось тщеславие Джеральда, его приемы, жалкая кульминация его политического бытия — визит госпожи премьер-министра. Всего

лишь год назад, такой же серенькой дождливой осенью — и тоже была свадьба…

На площадке второго этажа он остановился, поставил ящики и зашел в спальню Джеральда и Рэйчел. Из окна виднелся парк в пелене дождя; мокрые платаны трясли и качали крупными бурыми листьями. Вид отсюда открывался другой, не такой, к какому он привык у себя на третьем этаже — вровень с верхушками деревьев, а на другие крыши и на дальний шпиль смотреть приходилось снизу вверх. В это время парк казался меньше: и дальний забор, и улица по ту сторону забора были видны из окна. Кто спит с этой стороны? — конечно, Рэйчел, здесь лежат ее книги и наушники. Напротив висит на стене маленький Гоген — подарок Лайонела. На круглом ореховом столике, рядом с вазой и китайскими шкатулками, стоят фотографии в серебряных, слоновой кости и красного бархата рамках.

Ник взял одну, на которой был снят Тоби в роли слуги царя — как его звали, Ник не помнил. Верный вельможа, надзирающий за всеми делами в отсутствие Перикла; появлялся он только в начале и в конце пьесы, а в середине тоскливо бродил вокруг крикетного павильона, в летнее время года использовавшегося для постановок

студенческого театра. Стоял июнь, на улице пахло озером и скошенной травой, в душном павильоне — креозотом и льняным маслом. Тоби снимал тяжелую тунику, брал бейсбольную биту и принимал воображаемые подачи в ожидании Софи — она играла Марину. В этот момент кто-то его и сфотографировал. На нем были тугие черные трусы и синие замшевые туфли — не театральные, его собственные. Лицо и шея загримированы, и ниже полосы грима обнаженный торс кажется неестественно белым. Лицо круглое, пухлое, девичье, лицо танцора, и сильное мускулистое тело. Сам Ник играл небольшую, но запоминающуюся роль Церимона, царя Эфесского, который оживляет царицу Таису, когда ее, заживо положенную в гроб, прибивает волнами к его берегам.

Он знал, что этого никогда не забудет: вот и теперь, стоило вспомнить:

Всегда ценил я ум и добродетель
Превыше знатности и состоянья:
Наследник беззаботный расточает
Богатство и свою позорит знатность.
А ум и добродетель человека
Богам бессмертным могут уподо-

бить[24]. —

и в горле что-то начинало дрожать, а на глаза наворачивались слезы. Роль окончилась, он удалился за кулисы, растерянно поморгал, заново привыкая к дневному свету после ярко освещенной сцены и темноты зрительного зала, снял седую бороду, сбросил плащ и ревниво прихлебывал «Гиннесс», пока Тоби, как бы невзначай, демонстрировал Софи свои бицепсы — в то время они были друг от друга без ума. Играл Тоби не слишком хорошо, но и роль была не такая уж благодарная — никакой психологии, одна риторика, — и справился он отлично, так, что всем понравилось. Он держался не слишком скромно и не слишком тщеславно — просто делал на совесть то, что от него требовалось, словно игра в театре ничем не отличалась от гребли или футбольного матча.

Ник знал, что никогда больше не увидит эту фотографию, и не сразу набрался духу поставить ее на место. Она сияла в пасмурном свете дня, словно напоминание о том, как он появился в этом доме. Фантазия не способна повернуть время вспять — в этом Ник убедился и с самим

---

[24] Примечания: 24
Перевод Т. Гнедич.

Тоби, и еще более — с Лео и Уани; ни сильные ноги спортсмена, ни восхитительная задница не возбуждают, когда знаешь, во что превратится этот юный бог пять лет спустя. И все же была в этом снимке красота, стоящая выше желания и неподвластная тлену. Ник поднес фотографию к губам и сделал кое-что торжественное и глупое — и, когда снимок вернулся на стол, на стекле остался отпечаток его губ и кончика носа.

Наверху, у себя, он снял с полок книги и разложил их по ящикам. Больше он не позволял себе предаваться ностальгии: прошлое осталось позади, будущее темно и непонятно. Будущая неделя пройдет в тревожном ожидании результатов анализа. Отвага, облегчение от выполненного дела и мужественная готовность смириться с худшим через несколько дней развеются; уже сейчас, вспоминая об анализе, Ник чувствовал себя невероятно одиноко. Это был третий анализ в его жизни, и особое значение числа «три» наполняло его недобрыми предчувствиями и почти убивало надежду на благополучный исход.

Упаковок хватило — пришлось ровно по полке на ящик. Ник взял один из них и понес вниз, в машину и, уже стоя посреди холла, вдруг услышал, как поворачивается ключ в замке задней

двери, как кто-то входит, стуча каблуками, и шумно стряхивает зонтик. Елена? Или Айлин? Так или иначе, не вовремя она здесь появилась. Смущенный уверенностью и целеустремленностью женских шагов, Ник принял скучающий вид и вошел на кухню.

— Ой, боже мой! — выдохнула Пенни, прижав розовый зонтик к груди. Затем, явно разозлившись на собственный страх, сказала: — Здравствуй, Ник, — и с таким же, как у него, напряженно-скучающим, лицом повернулась к раковине. — Я думала, ты уже ушел, — сказала она.

— Я немного задержался, — мягко ответил Ник.

Все эти годы они друг друга недолюбливали, но сейчас, подумалось ему, у них наконец нашлась общая почва. Возможно, Пенни подарит ему немного того, в чем все остальные отказали — сострадания. Что же до самого Ника, он всегда легко откликался на чужое горе.

Пенни поставила раскрытый зонтик на пол, словно огромный розовый цветок, и пошла к дверям.

— Я через пять минут уйду. Просто собираю вещи. — Он понимал, что загораживает ей дорогу,

но не мог заставить себя сдвинуться с места.

— Ты не поехал на свадьбу, — сказала она.

— Да, решил, лучше мне там не появляться.

— Понятно. Что ж, я ведь их совсем не знаю.

— Нат очень милый парень.

— Угу.

— А эту Беатрис никто не знает. Скорее всего, толком не знает и сам Нат.

— Она из Аргентины, верно?

— Да, богатая вдова. Первый муж сломал себе шею во время игры в поло. — И, поколебавшись, добавил: — Она беременна, на четвертом месяце.

— Что ж, хотя бы этого я избежала, — с горькой усмешкой проговорила Пенни и, протиснувшись мимо него, вышла из комнаты.

Он не видел ее с той ночи в квартире Бэджера и теперь не мог не признать, что в ней есть какое-то неброское очарование: такой девушкой можно заинтересоваться. Еще неделю назад ее имя было известно лишь родным, школьным друзьям, коллегам и деловым знакомым — а теперь репортажи о ее интимной жизни читала вся страна. И сам Ник вдруг понял: никакая она не «белая мышь», не исполнительная и недалекая секретарша без капли юмора и воображения, как ему всегда казалось. С минуту он постоял на

кухне, улыбаясь невесело и растерянно, а затем пошел вслед за ней в кабинет Джеральда. Она стояла, склонившись над факсом длиной в милю, затем неровно сложила этот факс и отложила в сторону.

— А ты куда едешь? — спросила она сухо и деловито, словно собиралась организовать ему отъезд.

— Я остаюсь у Уани. Пока. Теперь уже все равно… — Он грустно улыбнулся, намекая на скандал вокруг собственного имени, но Пенни не ответила. — И начинаю подыскивать собственную квартиру.

— У тебя есть деньги?

Ник пожал плечами:

— В этом году у меня дела шли неплохо. Может быть, друзья помогут… А ты?

— У меня денег немного.

— Нет, я хотел спросить, где ты сейчас живешь?

— Пока вернулась домой.

— Понятно… И как Норман все это воспринял?

— А ты как думаешь? Плохо. — Она принялась собирать со стола какие-то бумаги. — Джеральда он терпеть не может, всегда его ненавидел.

Ник медленно покачал головой: это было выше

его понимания.

— Никогда не думал, что такое возможно. Только потому, что он тори?

— Это предлог. Он увел Рэйчел — вот чего папа так и не смог ему простить.

— Но это же было бог знает когда! — проговорил Ник, отворачиваясь к окну, чтобы скрыть свое изумление.

— Да, но папа такой. Он был молод, мечтал стать богатым и счастливым — и тут явился Джеральд.

Ник выдавил из себя растерянный смешок.

— Да уж, Джеральд никогда не проигрывает.

Вместо ответа Пенни открыла ящик стола и начала что-то там искать. Ник все еще ошеломленно качал головой. Верно, Джеральд любое соперничество воспринимает как вопрос жизни и смерти; но сначала увести у соперника жену, а потом уложить в постель дочь — не слишком ли? Это ведь уже что-то патологическое…

— Ты слышала о его новом назначении? — проговорил он, тоже с оттенком недоверия в голосе.

— Да… да, слышала.

— Удивительно, правда? После всей этой истории…

— Он им нужен, — ответила Пенни.

— Да, — сказал Ник.

Ему вспомнилось, как она пришла сюда в первый раз — невинная, робкая, хорошо воспитанная девочка, краснеющая от любого пустяка, не имеющая за плечами ничего, кроме университетского диплома. А теперь глаза у нее покраснели и взгляд был усталый и тревожный. Она тоже стала взрослой.

— И все-таки удивительно: вчера его с позором отправили в отставку, а сегодня дают новое место с окладом восемьдесят тысяч в год.

При словах «с позором» она поморщилась.

— Ник, так жизнь устроена. Ты сам сказал: Джеральд никогда не проигрывает. Так и есть. Ты и сам это знаешь.

Она села за стол и огляделась вокруг. Нику показалось, что она собирает воедино и мысленно сжигает все свои воспоминания об этом доме.

— Ты, наверное, хочешь побыть одна, — сказал он.

Проходя мимо стола, он как бы ненароком взглянул на факс: он был написан невозможным почерком Джеральда, и в конце красовался причудливый значок, с равным успехом способный означать и «Люблю», и «Твой», и «Привет», и просто «Дж» — и набор бессмысленных черточек. А потом он заметил, что Пенни смотрит на него

упорно и пристально, явно собираясь с духом, чтобы что-то сказать.

— Ник, я его не брошу.

— А… — сказал Ник.

— Не брошу, понимаешь?

— Понимаю.

— И плевать мне на то, что скажет папа, или госпожа премьер-министр, или редактор «Сан».

Ник уважительно кивнул, но заметил:

— Я думал, это он тебя бросил.

— Что? Ну да, для публики — да. Пусть думают, что мы расстались. Так будет лучше.

— Ты сказала «мы»?

— Мы любим друг друга.

Ник смущенно опустил глаза. Значит, эта история не окончена. Сперва Рэйчел не захотела бросать Джеральда, теперь вот Пенни… Что в нем такое есть, в этом Джеральде, чего Ник не способен не только усвоить, но даже понять? Ему представились новые репортажи в газетах и бесчисленные статьи Свирепого Аналитика.

— Как же вы выдержите секретность? — спросил он, с искренним любопытством ожидая, как на этот вопрос ответит кто-то другой.

— Может быть, мы и не станем держать это в секрете.

— Хм-м… — Ник поднял брови и усмехнулся; Пенни покраснела, но не опустила глаз.

— Мне не важно, что о нас скажут, — повторила она.

— Но…

— Кэтрин вечно над ним смеялась, — сердито проговорила Пенни, явно желая перевести разговор на другое.

— Я бы сказал, это у них было взаимно, — нерешительно заметил Ник. Он понял, что Пенни тоже жаждет найти виноватого.

— Я знаю, она всегда меня ненавидела, — мрачно усмехнувшись, проговорила Пенни.

Ник не мог промолчать; он знал, что возражать бесполезно, и все же должен был возразить.

— Ты же знаешь, это неправда, — упрямо и безнадежно сказал он. — И мне думается, сейчас она больше всего ненавидит самое себя.

Пенни вздернула подбородок и смерила его уничтожающим взглядом.

— Да она просто наслаждалась всей этой историей!

— Нет, Пенни. Поначалу, может быть, ей это казалось увлекательным приключением — но скоро стало мукой. Так всегда бывает в маниакальной стадии.

Он сообразил, что основным источником взглядов на Кэтрин для нее был Джеральд, так же как для него самого — дубоватая проза доктора Эдельмана.

— Ее «мучения» ничего не стоят по сравнению с теми, что она принесла нам, — непримиримо ответила Пенни.

Ник покачал головой, но решил больше не возражать.

— Я правильно понимаю, что это ты ей сказал? — глядя в сторону, поинтересовалась Пенни.

— Конечно нет! — воскликнул Ник.

— А Джеральд считает, что ты.

— Как характерно для Джеральда, — сказал Ник, — думать, что сама она ни о чем догадаться не могла. А ведь она умнее нас всех.

— Я поняла, что ты что-то заподозрил, когда была с вами во Франции, — сказала Пенни.

— Я очень беспокоился за Рэйчел, — объяснил Ник. — Она… она мне очень дорога.

— Хотелось бы знать, чувствует ли она то же самое к тебе. — Пенни коротко улыбнулась и села, поставив локти на стол. — А теперь, — сказала она, — если ты не возражаешь, у меня тут еще есть дела.

Ник вздрогнул от ее делового тона и побрел прочь.

Он закрыл за собой голубую дверь, запер на оба йельских замка и еще на один, нижний, и задержался на крыльце, снимая с кольца ключи. Открыв щель для писем, бросил их внутрь и услышал, как они звякнули о мраморный пол. Заглянул в щель: ключи лежали на полу, их было уже не вернуть. Оставался еще ключ от черного хода, так что Ник еще имел возможность попасть в дом; секунду помедлив, он и этот ключ швырнул туда же. Больше всего не хотелось ему расставаться с вытянутым бронзово-желтым ключом от парка. Может быть, стоит его сохранить? О нем никто не вспомнит, а Ник останется — на деле, хоть и не по праву — «одним из владельцев». Он задержался в нерешительности, представив себе, как бродит по парку, не сводит глаз с дома Фелденов, гадает, как они там, без него… Бесцельно, больно и глупо. Он толкнул створку щели, просунул туда руку и, разжав пальцы, уронил ключ на коврик у дверей.

Маленький автомобиль, нагруженный ящиками и кучами мятой одежды на вешалках, осел, словно под тяжестью пассажиров. Ник задумчиво остановился возле него и вдруг, сам того

не ожидая, медленно двинулся вниз по улице. Дождь прекратился, и мокрый асфальт уже начал подсыхать; над головой быстро бежали тяжелые, угрожающие тучи. Высокие, промытые дождем белые фасады домов блестели важно и молчаливо, как будто хранили какую-то тайну. И вдруг Ник понял: на этот раз анализ будет положительным. Тот приговор, что каждый день произносится над сотнями других, прозвучит и над ним — в тихом кабинете с безликой современной мебелью и вытертым ковром на полу; и стол, и ковер, и угловатые современные стулья, и фотографический пейзаж в рамке на стене, и больничная крыша с трубой за окном задрожат и расплывутся у него перед глазами, чтобы никогда больше не стать такими, как прежде. Он молод и не приучен к стоицизму. Что станет он делать потом, когда выйдет из кабинета? У него перехватило дыхание, словно от удара в грудь; пришлось остановиться. Он попытался объяснить и заговорить свой страх — но страх был слишком силен и глубинен, он не поддавался ни разъяснениям, ни уговорам. Что-то непоправимо надломилось внутри него, и мир вокруг — припаркованные машины, снующие по своим делам такси, церковный шпиль далеко над кронами деревьев — тоже

изменился разительно и непоправимо. Как будто слетели покровы и все вещи стали такими, какие они есть. Похоже на то, что бывает от кокаина; но наркотик — игра, а сейчас все было по-настоящему. Мотоциклист, живший через дорогу, вышел из дому, затянутый в черную кожу, и двинулся к своему мотоциклу. Ник взглянул на него — и, содрогнувшись, отвел взгляд: он отрезан от этого человека, отрезан навеки. Этот мотоциклист ничем ему не поможет. И друзья его не спасут. Для каждого из них придет время, и в один из обычных, размеренных, распланированных дней он услышит в тихом кабинете свой приговор. Проснется на следующее утро — и вспомнит. Ник представлял себе их лица, их голоса: ему казалось, что он уже умирает, и вдруг остро захотелось узнать об этих людях все: их дела, их успехи и неудачи, их планы, мысли и мечты. Все, о чем потом они — те немногие, кто о нем вспомнит, — скажут: «Как жаль, он так и не успел узнать…» А жизнь будет бежать дальше, как эта утренняя улица — дни, годы, десятилетия в неумолчном слитном шуме собственных забот. Ник задыхался от ужаса, в котором, казалось, соединились все тяжелые переживания, испытанные им за недолгую жизнь: отлучение от груди, тоска по дому,

зависть к другим счастливцам и жалость к себе. Однако теперь он жалел не только себя — это была отчаянная, нерассуждающая любовь к миру, такому огромному, жестокому и равнодушному к его существованию.

Ник в последний раз оглянулся на дом и двинулся вперед. Путь его лежал к дому номер 24, что возвышался на углу, сияя парадной побелкой. Угол. Перекресток. Поворот. Не тот угол и перекресток, что ему нужен, — но какая разница? Он шел вперед, к повороту в неизвестность, и это было прекрасно.